

ЛУИС
ДЕ
КАМОЭНС

ЛУЗИАДЫ
СОНЕТЫ

ЛУИС
ДЕ КАМОЭНС

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. БАЛАШОВ

Ю. ВИППЕР

М. КЛИМОВА

А. МИХАЙЛОВ

Б. ПУРИШЕВ

Б. СТАХЕЕВ

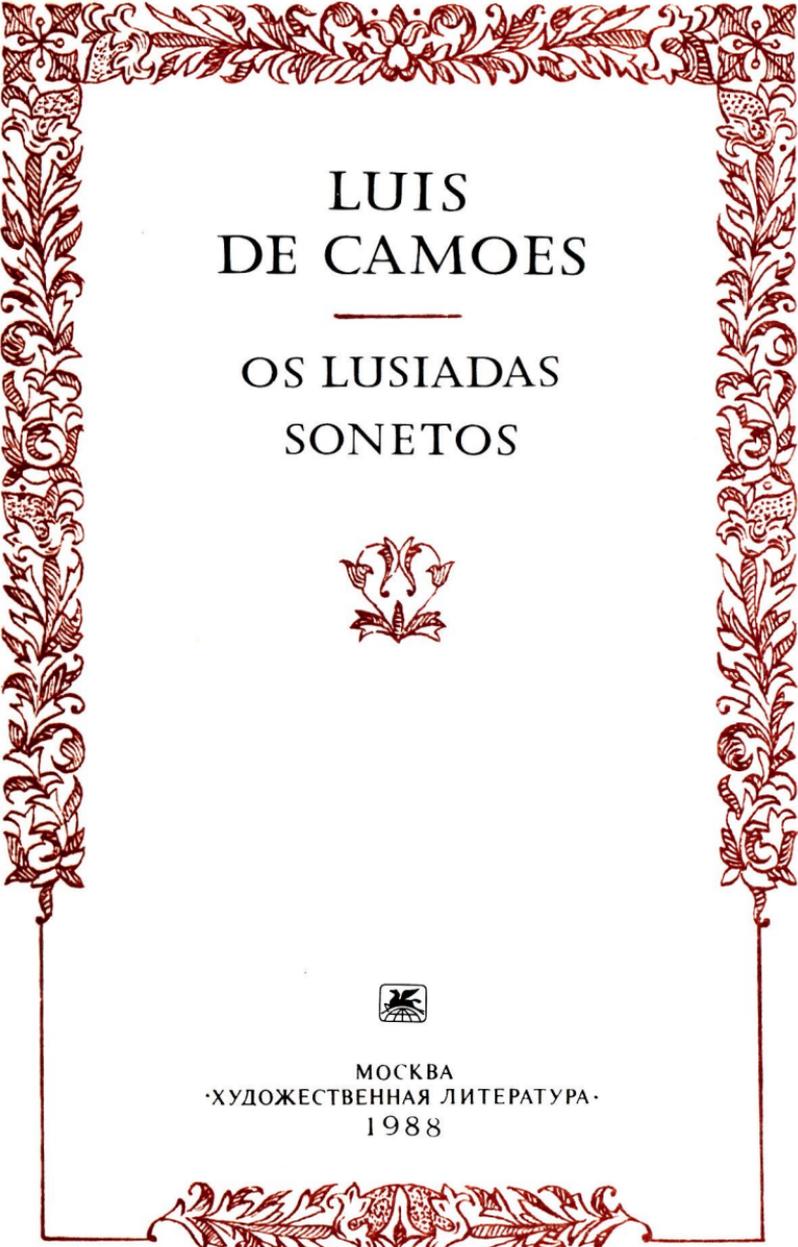
Г. СТЕПАНОВ

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Д. УРНОВ

LUIS DE CAMOES

A decorative border in a reddish-brown color frames the entire page. It features intricate floral and leaf patterns, with a central floral motif at the top and bottom, and vertical scrollwork on the sides.

LUIS
DE CAMOES

OS LUSIADAS
SONETOS

МОСКВА
·ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1988

ЛУИС
ДЕ КАМОЭНС

ЛУЗИАДЫ
СОНЕТЫ

ПЕРЕВОДЫ
С ПОРТУГАЛЬСКОГО

МОСКВА
·ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1988

ББК 84. 4Пр
К18

Вступительная статья и комментарии
О. ОВЧАРЕНКО

Составление раздела «Сонеты»:
Е. ГОЛУБЕВОЙ,
И. ХОХЛОВОЙ

Рецензент
Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Художник
Л. ИЛЬИНА

Художественное оформление
Д. ШИМИЛИСА

К 4703000000-369 196-87
028(01)-88

© Вступительная статья, составление, переводы, кроме отмеченных знаком*, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1987 г.

ЛУИС ВАЖ ДЕ КАМОЭНС — ПОЭТ ПОРТУГАЛЬСКОГО НАРОДА

Луис Важ де Камознс — великий поэт Португалии, ставший символом этой страны и ее народа, создатель португальского литературного языка, писатель, чье творчество, по словам Августа Вильгельма Шлегеля, «стоит целой литературы».

Поэма Камознса «Лузиады» — национальная эпопея Португалии — оказала существенное воздействие на литературу многих стран Европы и пережила свое время. Лучшие умы человечества: Пушкин, Вольтер, Монтескье, Гюго, Сервантес, Байрон, Гумбольдт — отдавали дань уважения португальскому гению. Голос Камознса стал голосом его Родины, его успехи прославили Португалию и донесли эту славу до самых отдаленных уголков мира.

Более четырехсот лет Камознс считается непревзойденным классиком португальской литературы; как классика чтут его также народы других стран португальского языка. День памяти поэта — 10 июня — является национальным праздником его страны.

Камознс — великий представитель литературы Возрождения, имевшего в Португалии ряд особенностей. Португалия — морская держава, и главная отличительная черта португальского Ренессанса — связь его с географическими открытиями, стимулировавшими быстрое развитие науки и техники.

Португальское Возрождение выдвинуло таких выдающихся деятелей, как мореплаватель Васко да Гама, географ, мореплаватель и полководец Дуарте Пашеку Перейра, названный Камознсом «лузитанским Ахиллом»; астроном, математик и географ Педру Нунеш; географ, литератор и государственный деятель Жуан де Каштру, медик Гарсия де Орта.

Один из новейших исследователей португальского Возрождения пишет, что знаменитого инфанта Генриха (Энрике) Мореплавателя (1394—1460), организатора блистательных португальских экспедиций вдоль побережья Африки, можно считать «более чем предшественником — истинным лидером Ренессанса»¹ в Португалии, наметившим перспективы дальнейших географических открытий.

Эти открытия во многом обусловили идейное, тематическое и жанровое своеобразие португальской литературы эпохи Возрождения. Неотъемлемой частью этой литературы стали произведения, не заключающие в себе, строго говоря, установки на художественное начало: «Подлинные сведения о Пресвитере Иоанне из Индии» Франсишку Алвареша, представителя португальского короля в Абиссинии, письмо королю секретаря экспедиции Кабрала Перу Важ де Каминьи об открытии Бразилии; «История открытия и завоевания Индии португальцами» Фернана Лопеша де Каштаньеды, «Легенды Индии» Гашпара Куррейи.

В 1614 г. была издана книга, которой долгое время зачитывалась вся Европа — «Странствия»² Фернана Мендеша Пинту, произведение, повествующее о приключениях автора в Индии, Эфиопии, Аравии, Китае, «Татарии», Японии.

Характерной чертой Возрождения в Португалии является также его сравнительная непродолжительность, что связано с трагическими событиями в истории страны и наступлением политической реакции. Считается, что португальский Ренессанс охватывает XVI в., но если в первой его половине развитие гуманизма пользуется поддержкой королевского двора, то в дальнейшем Португалия активно включается в движение контрреформации. В 1547 г. в стране прочно обосновывается инквизиция, регулярно составляющая списки запрещенных книг. Если раньше португальские короли уделяли большое внимание гуманистической перестройке университетского образования и отправляли стипендиатов в лучшие университеты Европы, то в 1555 г. король передал иезуитам знаменитый Коллегиум искусств в Коимбре, центр гуманистического образования и культуры. После смерти короля Жуана Третьего главной фигурой в Португа-

---

¹ De Pina Martins J. V. O. Renascimento em Portugal. — Em: Verbo. Enciclopédia Luso-Brasileira de Cultura, vol. 16. Lisboa, Verbo, 1974, p. 279.

² Мендес Пинто Фернан. Странствия. Худож. лит., 1972.

лии становится его брат Генрих, великий инквизитор, кардинал-инфант. Инквизиция обрушивает репрессии на крупнейших представителей Возрождения. В 1547 г. гибнет замученный бесконечным процессом друг Эразма, писатель Дамиан де Гойш. Инквизиция провела посмертный процесс над доктором Гарсией де Ортой (1505—1570), другом Камонса и автором европейски знаменитого труда по фармакологии, и, обвинив ученого в тайной приверженности иудаизму, сожгла его кости.

Из университетов были изгнаны лучшие преподаватели-гуманисты. Цензура запрещала и урезывала произведения многих видных писателей португальского Возрождения, в том числе и крупнейшего португальского драматурга Жила Висенте.

Поэтому в произведениях португальских гуманистов появляется трагическое ощущение мира, осознание неосуществимости идеалов Ренессанса, неудовлетворенность только начавшимися складываться буржуазными отношениями.

Трагизм в отношении к миру и человеку еще более углубился после событий 1578 г., когда на марокканской земле в битве при Алкасер-Кибире погиб молодой португальский король Себастиан, одержимый идеей завоевания мавританских владений в Африке. Наследника король не оставил, и Португалия на долгие годы перешла под власть Испании, утратив национальную независимость в 1580 г. и восстановив ее лишь в 1640 г.

Контрреформация, исчезновение лиссабонского двора, вокруг которого в течение долгого времени группировались португальские гуманисты, переход в руки иезуитов важнейших очагов просвещения, безрадостное положение угнетенной страны вызвали глубокий кризис ренессансной культуры в Португалии.

Не случайно исследователи пишут о том, что в Португалии второй половины XVI в. происходит поворот от Ренессанса к «готическим тенденциям»¹, и сравнивают настроения Камонса и его современников с настроениями многих деятелей культуры эпохи кризиса Ренессанса — Тассо, Кальдерона, Эль-Греко².

---

¹ Lopes Óscar e Saraiva António José. História da Literatura Portuguesa, Porto Editora, 1976, p. 188.

² Левик В. В. Поэт, солдат и мореплаватель. — В кн.: Камонс Луис. Сопеты. М., Худож. лит., 1964, с. 17.

Во второй половине XVI в. португальское Возрождение постепенно уступает свои позиции маньеризму; в первой половине XVII в. в Португалии наблюдается расцвет культуры барокко.

Поэзия Камозенса — целая эпоха в развитии португальской литературы. Она связана с лучшими традициями средневековья: с галисийско-португальской лирикой и народной португальской поэзией, хрониками Фернана Лопеша, рыцарскими романами. Вместе с тем в поэзии Камозенса воплотились все сильные и слабые стороны португальского Возрождения, отразились различные его этапы.

В мировой науке о литературе можно встретить разные концепции творчества Камозенса.

Ряд исследователей связывает поэта исключительно с рыцарским средневековьем и представляет его выразителем интересов португальской аристократии. Другие считают Камозенса певцом нарождающейся буржуазии и апологетом колониальной экспансии. Отголоски вульгарно-социологической трактовки, существовавшей и в советском литературоведении, когда «Лузиады» были названы «настоящей поэтической экономгеографией эпохи, весьма ценной для торговой буржуазии»¹, встречаются и в португальской критике наших дней².

Ф. Шлегель причислял Камозенса к тем классикам Возрождения, у которых «дух и жизнь рыцарства и средневековья были еще слишком сильными и живыми»³. Действительно, образцами для подражания в поэме Камозенса «Лузиады» предстают португальские короли и рыцари; в качестве исторической перспективы для Португалии поэт выдвигает идею войны с неверными. Но этим не исчерпывается творчество Камозенса. Сложность и масштабность поэмы «Лузиады» делают это произведение одним из значительнейших памятников мировой литературы. Связь Камозенса с традициями литературы средневековья не помешала ему создать произведение, в котором воплотился расцвет португальского Возрождения.

---

¹ Дробинский Ал. Камозенс. — В кн.: Литературная энциклопедия, т. 5. М., изд-во Комкадемии, 1931, с. 88.

² Saraiva António Jose. Camões e a Burguesia. — Em: Estudos sobre Camões. Páginas do “Diário de Notícias” Dedicadas ao Poeta no 4º Centenário da Sua Morte. Lisboa, INCM/Editorial Notícias, 1981, p. 40—47.

³ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика, в 2-х т., т. 2. М., Искусство, 1983, с. 285.

Не будем забывать, что политическая ситуация португальского Ренессанса была весьма сложной. Воспеваемые Камознсом географические открытия проводились под эгидой королевской власти и при активном участии дворянства, и это не могло не отразиться в поэме. Но сама королевская власть еще с событий 1383—1385 гг., именуемых португальскими историками революцией, во многом опиралась на финансовое могущество буржуазии, и в этом отношении Португалия не отличалась от других развитых стран Западной Европы.

В 1383 г. в Португалии произошел династический кризис, и над страной нависла угроза кастильского порабощения. Мощное народное движение, охватившее всю Португалию, фактически отстояло национальную независимость. При его поддержке португальский претендент на престол магистр Ависский стал королем под именем Жуана Первого и одержал над кастильцами решающую победу при Алжубарроте (1385). Жуан Первый опирался на буржуазию в своей борьбе против феодальной аристократии, почти полностью перешедшей в 1383—1385 гг. на сторону Кастилии. Жуан и его наследники предоставили буржуазии некоторые политические права, и характерно, что Камознс в «Лузиадах» считает началом эпохи великих географических открытий взятие португальцами Сеуты в 1415 г. — то есть событие, происшедшее в царствование Жуана Первого. Этот король, кстати сказать, был отцом «лидера Ренессанса» Генриха Мореплывателя.

Конечно, географические открытия были на руку нарождавшейся буржуазии, искавшей новые рынки сбыта и желавшей отвоевать у арабских и турецких купцов их монопольное право на торговлю с Индией. Но экспедиции Васко да Гамы, Педру Алвареша Кабрала, Магеллана, португальца по национальности, продемонстрировали беспредельность душевных сил человека, величие его разума, мощь его знаний. Эти открытия имели значение не только для португальской буржуазии — они восхитили всю цивилизованную Европу. Фигуры многих португальских путешественников до сих пор поражают нас своим титанизмом.

«Португалия не только укротила мятежные океаны, — писал о подвиге Васко да Гамы итальянский гуманист Полициано. — Она укрепила ослабевшие узы единства обитаемого мира. Новые народы, новые моря, новые миры вышли

из тысячелетних сумерек. И сегодня Португалия — руководитель и бодрствующий часовой этой новой вселенной»¹.

Величие Камознса как писателя состоит в том, что он выражал интересы не какого-то обособленного класса или социальной группы, а всего португальского народа. Воспетые им географические открытия явились самым значительным вкладом Португалии в мировую историю. Поэт был полностью убежден в том, что они соответствуют интересам не только всего народа Португалии, но и всего цивилизованного мира. В «Лузиадах» проявилось восхищение поэта мужеством своих соотечественников-мореплавателей, преклонение перед бурным развитием науки, переключка с выдающимися представителями других литератур Европы.

В эпоху Ренессанса завершается формирование португальской нации, и это выдвигает на повестку дня вопрос о выработке и закреплении норм португальского литературного языка.

Известно, что португальская литература существует с конца XII в. Первые ее памятники — это различные поэтические произведения, созданные трубадурами на галисийско-португальском языке. Эти произведения сочетали в себе традиции народной поэзии с влиянием провансальских лириков.

С XV в. начинает развиваться литература на португальском языке. Но португальский двор сохраняет двуязычие и в эпоху Возрождения, и такие выдающиеся писатели, как Камознс, Жил Висенте, Са де Миранда, творят как на португальском, так и на испанском языках.

Однако в эпоху Возрождения по всей Европе идет борьба за утверждение национальных языков в правах языков литературы. Начало этой борьбы было положено исследованием Данте «О народной речи», призывающим к созданию литературы на итальянском языке. В 1549 г. дю Белле пишет трактат «Защита и прославление французского языка», доказывая, что французский язык имеет все качества, необходимые литературному языку.

Аналогичные концепции развития национального литературного языка распространились в эпоху Возрождения и в Португалии. В 1536 г. вышла в свет первая «Грамматика португальского языка» Фернана де Оливейры. В 1540 г. знаменитый португальский историк и философ Жуан де Барруш пишет «Диалог в похвалу нашему языку», где заявляет,

¹ Цит. по кн.: *Cidade Hernâni e Selvagem Castro. Cultura Portuguesa*, vol. 4. Lisboa, Editorial Notícias, 1970, p. 41—42.

что португальский язык ничуть не уступает испанскому, итальянскому и французскому, что этот язык наиболее близок к латыни (позднее и Камознс скажет, что Венера оказывала португальцам покровительство, потому что в их словах ей слышалась «подпорченная латынь»). Жуан де Барруш создаст и свою «Грамматику»; в ней, руководствуясь, подобно дю Белле, идеей обогащения родного языка путем заимствований из древних языков, он попытается приспособить португальский язык к правилам латинского.

Однако главное, что способствовало завершению формирования португальского языка, — это не научные трактаты, а выход в свет поэмы Камознса «Лузиады». Так же, как историю современного русского литературного языка мы отсчитываем от Пушкина, так и португальцы отсчитывают историю своего литературного языка от Камознса. Характерно, что его эпопея, в которой имеется обширная мифологическая линия, эпопея, в которой упоминаются далекие от нас исторические события и описываются малознакомые нам города и страны (многие из них давно уже успели поменять свои названия или вообще исчезнуть с лица земли), по языку звучит удивительно современно. Блестящий знаток античной литературы и философии, человек, стоящий на очень высоком для своего времени уровне знаний, Камознс употребляет такие слова, как «общественное благо», «субстанция», «кафры», «Перводвигатель», «архетип». Кажется, что поэт еще тогда, в XVI в., предусмотрел возможности родного языка и поднял его на такую высоту, превзойти которую оказалось пока не под силу португальским писателям более позднего времени.

Известный современный писатель Жозе Кардозу Пиреш сказал о «Лузиадах»: «Этот шедевр мировой поэзии был не только эпопеей конкистадоров, вместе с поэмой возник и сам язык португальцев, творчески закрепленный в своих границах и индивидуализированный в соответствии со взглядами гуманизма и современным состоянием страны»¹.

О жизни Камознса известно немного. Родился он в 1524 или в 1525 г., скорее всего в Лиссабоне, хотя некоторые биографы считают его родиной другие города. Дед его, Антан Важ де Камознс, был женат на доне Гиомар Важ да Гама, происходившей из рода Васко да Гамы. От этого брака родился Симан Важ де Камознс, отец поэта, умерший, когда

¹ Cardoso Pires José. Portugal. Um País em Viagem. — *Jornal de Letras, Artes e Ideias*. 4 a 10 de Fevereiro, 1986, p. 3.

мальчику было восемь лет. До сих пор точно не установлена фамилия матери Камознса. Крупнейший исследователь биографии поэта Вильгельм Шторк полагает, что ее звали Анна де Маседу и что она умерла во время родов¹, а некая Анна де Са, пережившая Камознса и получившая после его смерти пенсию, назначенную ранее королем за «Лузиады», была на самом деле мачехой поэта. Однако многие португалисты все-таки считают матерью Камознса Анну де Са, а в некоторых источниках можно встретить и компромиссный вариант ее имени — Анна де Са Маседу.

Глубокая эрудиция поэта, его прекрасные знания античной философии и литературы, истории родной страны и географии новых земель, энциклопедичность его образования, показывают, что поэт учился в университете. Мы не знаем, в каком именно и в какие годы, но, вероятно, Камознс получил образование в Коллегиуме Всех Святых университета в Коимбре, где изучал «курс искусств и гуманитарных наук»². Кроме того, из широкой осведомленности Камознса о природе, флоре и фауне, полезных ископаемых и этнографии новых континентов следует, что он всю жизнь занимался самообразованием.

В 1542 г. Камознс появился в столице. Он бывал при дворе, где встретил и полюбил даму, стоявшую много выше его по общественному положению. Большинство исследователей считают, что ее звали Катарина де Атаиде, была она фрейлиной королевы, и Камознс впервые увидел ее в 1544 г. в церкви. Можно предполагать, что и Натерсия, которую поэт воспевал в своих стихах, — это анаграмма имени Катарина. Но профессор Жозе Мария Родригеш думал, что поэт полюбил инфанту дону Марию, дочь короля Мануэла и сестру царствовавшего монарха Жуана Третьего. Дона Мария была широко образованной женщиной, а ее двор был одним из центров культурной жизни страны.

Возможно, что любовь послужила причиной опалы поэта; в 1546 г. он удаляется от двора, а в 1547 г. направляется в Марокко, где в одном из сражений в Сеуте теряет правый глаз.

---

¹ Storck Wilhelm. Vida e Obras de Luis de Camões. Primeira Parte. Versão do Original Alemão Anotada por Carolina Michaëlis de Vasconcelos. Lisboa, INCM, 1980, p. 11.

² Domingues Mário. Camões: A Sua Vida e a Sua Época. Lisboa, Livraria Romano Torres, 1980, p. 31. См. также: Белоусов Роман. Камознс — творец «Лузиад». — Восточный альманах, вып. 8. М., Худож. лит., 1980, с. 631—660.

В 1549 г. поэт возвращается в Лиссабон и в 1552 г. ввязывается в стычку с неким Гонсалу Боржешем, королевским стремянным, и попадает в тюрьму. После нескольких месяцев заключения Камознс получил от короля «Письмо о прощении». В нем, в частности, говорилось о том, что поэт «молод и беден и отправится в этом году служить мне в Индию».

Действительно, в 1553 г. Камознс прибыл на Малабарский берег Индии и сразу принял участие в экспедиции против одного из малабарских раджей. В дальнейшем поэт участвовал в рейде португальской эскадры против турецких кораблей, расположенных в Аденском заливе, служил в Макао, исполняя должность «попечителя имущества умерших и отсутствующих».

Судьба Камознса сложилась так, что он много путешествовал, и, как справедливо утверждает его английский биограф Обри Белл, «в самом деле, удивительно, что так же, как и творчество поэта охватывает всю историю Португалии, так и он лично посетил почти все без исключения уголки империи буквально от Сеуты до Китая»¹.

В Камбодже у берегов реки Меконг Камознс потерпел кораблекрушение, о чем он упоминает в «Лузиадах», потерял все свое небольшое имущество и не смог спасти свою возлюбленную, китаянку Динамену. В 1561 г. поэт возвратился в Гоа, столицу португальских владений в Индии, и на какое-то время попал в тюрьму по не выясненным до конца причинам. Позднее, по-видимому, Камознс побывал в Малакке и на Молуккских островах. В 1567 г. капитан Перу Баррету довез его до Мозамбика, где долго его задерживал, требуя от поэта крупную денежную сумму.

Только в 1569 г. Камознс отплыл на родину и в 1570 г., пробыв семнадцать лет в изгнании, вернулся наконец в Лиссабон. В 1571 г. он добился разрешения на публикацию «Лузиад», и в следующем году вышли в свет два издания поэмы.

Король Себастиан назначил Камознсу скромную пенсию: пятнадцать тысяч рейсов в год за его службу в Индии и за «талант, проявившийся в книге, посвященной событиям в Индии». Пенсия выплачивалась не регулярно, и сохранилось немало преданий о том, как нищенствовал поэт в последние

---

¹ Цит. по кн.: *Antologia de Poesia Portuguesa (Séc. XII — Séc. XX). Introdução, Selecção e Notas de Alexandre Pinheiro Torres, vol. I. Porto, Lello e Irmão, 1977, p. 1164.*

годы жизни. Умер он «вместе с Родиной» — точно неизвестно, в 1579 или в 1580 г.

Друг Камознса, историк Диогу ду Коуту, писал, что в Мозамбике поэт работал над «Парнасом» — сборником лирики. Но рукопись его была у автора украдена. При жизни Камознс опубликовал одну оду и два (по некоторым данным — три) сонета. Вследствие этого до сих пор ведутся споры о принадлежности ему тех или иных лирических произведений. Если в первое издание лирики Камознса, вышедшее в 1595 г., входило более трехсот сонетов, то Эрнани Сиададе считал доказанной принадлежность поэту всего ста шестидесяти шести сонетов. Видный бразильский португалист Леодегариу де Азеведу, готовящий новейшее издание лирики великого португальского поэта, признает Камознса автором шестидесяти пяти сонетов, десяти канцон, шести терцетов, шести од, одной секстины, трех октав, пяти эклог и тридцати семи редондилей¹.

Наибольшие трудности связаны с проблемой авторства сонетов: часто невозможно провести разграничения между сонетами Камознса и его талантливого современника Диогу Бернардеша.

Принадлежность Камознсу большинства произведений, написанных в других жанрах лирики и включаемых в его издания, не вызывает особых сомнений.

Камознс выступил как продолжатель традиций галисийско-португальских трубадуров и народной поэзии. Редондилей, созданные им, часто развивают темы, намеченные его предшественниками. Таковы, например, стихи о красавице крестьянке Леонор, занятой повседневным трудом, наивной душе, не подозревающей о своей красоте.

С народной португальской традицией связаны и юмористические стихи Камознса, заставляющие вспомнить о галисийско-португальских песнях насмешки и хулы. Его шуточные стихотворения изобилуют игрой слов, остроумными созвучиями, элементами разговорной речи, парадоксами.

Широко известен цикл шуточных стихотворений, посвященных друзьям, которых поэт пригласил в гости и для

---

¹ Xavier Leonor. Leodegário de Azevedo Filho: Pacto de Vida e Morte com Camões. — *Jornal de Letras, Artes e Ideias*, 9 a 15 Junho de 1986, p. 7.

которых в силу своей крайней бедности был вынужден заменить лакомства стихами.

Камоэнс хорошо знал произведения классиков античности и гуманистов Ренессанса.

В португальских работах о Камоэнсе и, в частности, о его лирике большое внимание уделяется влиянию на Камоэнса поэтов и философов античности, а также современных ему европейских поэтов. Но увлеченность некоторых авторов темой влияния приводит к тому, что лишает Камоэнса самостоятельности и оригинальности.

Действительно, Камоэнс был хорошо знаком с поэзией Вергилия, Горация, Овидия и итальянских поэтов эпохи Возрождения — Петрарки, Бернардо Тассо, Саннадзаро.

Но уместно вспомнить эклогу Камоэнса «A Rústica Contenda», посвященную герцогу Авейру. В ней речь идет о «другом стиле, новом для нас, но звучащем у другого моря».

Относясь положительно к стихам «прямодушного рыбака» Саннадзаро, Камоэнс, однако, далек от стремления подражать ему. «Следуя его могучим звукам и вспоминая старого мантуанца, мы создадим новый стиль, новое чудо», — заявляет поэт.

В этом весь Камоэнс, неповторимый поэт своей страны, достигший уровня великих современников.

По-видимому, Камоэнс не мог не приобщиться к лирической и эпической поэзии Данте, к его духовному и художественному миру.

Трудно также назвать поэта-лирика того времени, жившего после Петрарки и не испытавшего его воздействия. Но если одни поэты так и остались эпитомами итальянского классика, то другие обогатили поэтическим опытом Петрарки свой художественный мир. К числу таких поэтов можно отнести и Камоэнса.

Само тяготение португальского поэта к сонету возникло не без влияния Петрарки, ибо этот жанр был для португальской поэзии заимствованным (считается, что сонет «вывез» из Италии португальский поэт Са де Миранда, увлеченный лирикой Данте и Петрарки).

Когда речь заходит о концепции любви в лирике Камоэнса, то обычно вспоминают о Платоне и Петрарке. Действительно, Камоэнс, подобно Петрарке, певец возвышенной, идеальной любви, создатель отвлеченного, идеализированного образа возлюбленной. В одном из сонетов он провозглашает, что в любви главное — проникновение в идею совершенной красоты, истинный «влюбленный перевоплощается

в предмет своей любви», а если «моя душа в него перевоплотилась, чего же еще желать телу?».

И все же многое отличает Камознса от Петрарки и в разработке любовной тематики. Он не избегает любви земной, отсюда некоторое снижение образа идеальной возлюбленной, элементы индивидуализации портретных и психологических зарисовок. Мы узнаем из его стихов, что любимые женщины отвечали ему взаимностью, но суровые жизненные обстоятельства — от королевской немилости до кораблекрушения на реке Меконг — делали его счастье непродолжительным.

Подобно Петрарке, Камознс прежде всего уделяет внимание духовному миру поэта, но, в отличие от мира Петрарки, мир Камознса более тревожен, наполнен предчувствием надвигающейся катастрофы, ощущением трагизма жизни. «Скорбная мысль», выделенная Пушкиным как центральная в лирике Камознса, объемлет собой и любовные стихотворения поэта. Темы кризиса мироздания, мучительной несправедливости судьбы, трагической страсти, кратковременного счастья в прошлом и неотступного страдания в настоящем постоянно присутствуют в любовной лирике Камознса.

Эти же темы характерны и для философской лирики поэта. Стремление к философскому осмыслению мира проявляется во всем наследии Камознса. Для того чтобы в полной мере осмыслить значение плавания Васко да Гамы, он вводит в свою эпопею картину «Машины мира» и как бы из космоса смотрит на деяния своего народа. Одна из главных тем его философской лирики — «несовершенство мира», отсутствие высшей справедливости, невозможность счастья и восходящее к Платону «воспоминание» о другой жизни, бывшей еще до «земного рождения» человека.

В связи с этим один из современных браزيلских исследователей считает, что «лирика Камознса выходит за пределы эстетики Ренессанса и обнаруживает глубокую связь с эстетикой маньеризма, продолжающего и выпрямляющего силовые линии Возрождения таким образом, что человек XVI столетия теряет веру в силы природы, в возможность переделать мир и возвращается к духовному сомнению. Поэтому эстетика маньеризма — эстетика сомнения. Маньеризм, пришедший к выводу, что все земные ценности являются шаткими и преходящими, представляет собой кризис Ренессанса и открывает простор для литературы, которая одновременно сохра-

няет и подвергает сомнению нормы и постулаты Возрождения»¹.

Интересное исследование философских взглядов Камознса провел лицензиат физико-химических наук Эдижиу Намураду², попытавшийся выявить, кто же именно из неоплатоников оказал наибольшее влияние на первого поэта Португалии. Э. Намураду пришел к выводу, что Камознс разделял неоплатонические идеи псевдо-Дионисия Ареопагита — греко-сирийского мыслителя приблизительно IV—V вв., чьи теории имели большое значение, в частности, и для творчества Данте³.

В одной из элегий Камознс говорит, что миром управляет «высочайшее существо, чистое и божественное», у которого «нет ни конца, ни начала», «бесконечное, непостижимое знание». Португальский поэт считает «ложными» и «темными» доктрины Демокрита, Эпикура и Фалеса, заявляет, что мир был создан «только из чистой и непорочной мысли», вспоминает о «божественном» Платоне и о «мудром» Дионисии.

Идеи из сочинения псевдо-Дионисия «О небесной иерархии» Камознс вслед за Данте использует и в «Лузиадах» при построении своей картины мироздания.

Наименее исследованной областью творчества Камознса является его театр. Поэт написал три комедии — «Амфитрионы», «Король Селевк» и «Филодему». Комедия «Амфитрионы», развивающая традиции Плавта, была, вероятно, создана поэтом еще в студенческие годы; «Король Селевк» — не ранее 40-х годов XVI в.; пьеса «Филодему» была поставлена в 1555 г. в Гоа.

В этих комедиях Камознс предстает как тонкий психолог, в последней и самой значительной из них — «Филодему», — так же как и в лирике поэта, проявляются уже тенденции маньеризма.

Крупнейшим произведением португальской литературы, самой значительной португальской эпопеей эпохи Возро-

---

¹ Xavier Leonor. Leodegário de Azevedo Filho: Pacto de Vida e Morte com Camões, p. 8.

² Namorado Edígio. Camões: Poeta-Filósofo. — Em: Camões e o Pensamento Filosófico do Seu Tempo. / E. Namorado, L. de Sousa Rebelo, Roger M. Walker, J. Mendes. Lisboa, Prelo, 1979, p. 24—25.

³ Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. М., Молодая гвардия, 1967, с. 271—272.

ждения, народной книгой португальцев является поэма Луиса Важа де Камозенса «Лузиады». Первый переводчик поэмы на русский язык А. Дмитриев назвал ее «Лузиядой», и эта традиция укоренилась на русской почве. Между тем слово «Лузиады» означает «португалыцы», ибо древние легенды считали родоначальником португальского народа некоего Луза, сына или друга Вакха. Уже само название отражает главную мысль поэмы — «мысль народную»; Камозенс ставит своей целью воспеть историю своей страны и возбудить чувство национальной гордости португальцев, как бы предчувствуя грозящую им смертельную опасность — потерю государственной независимости.

Известно, что в эпоху Возрождения было создано немало эпических поэм. На Камозенса, безусловно, оказала влияние «Божественная комедия» Данте; в «Лузиадах» есть явная переключка с картиной мироздания, встречающейся у Данте, с гражданственностью, пафосом любви к отечеству, преклонением перед величием человеческих деяний, свойственными великому итальянскому поэту. Камозенс также не мог не знать и о незаконченной эпической поэме Петрарки «Африка», характеризующейся патриотическими настроениями, пропагандой идеи национальной независимости Италии, постоянным присутствием лирического начала.

В Италии процветала и рыцарская поэма — вспомним «Влюбленного Роланда» Боярдо и «Неистового Роланда» Ариосто.

За творчеством Камозенса с неослабевающим интересом следил Торквато Тассо; он посвятил «доброму Луиджи» сонет и, если верить Вольтеру, опасался, что успех «Лузиады» может снизить читательский интерес к «Освобожденному Иерусалиму», законченному уже после выхода в свет португальской поэмы. «Васко да Гама, — восклицал Тассо, — ты обязан своей славой Камозенсу. Его голос достиг пределов, до которых не дошли твои корабли»¹.

Полициано предлагал португальскому королю Жуану Второму воспеть латинскими стихами его деяния.

Идея создания национальной эпопеи встретила поддержку и во Франции: Ронсар начал работать над поэмой «Франсиада», в которой собирался воспеть французских королей, но «Франсиада» так и осталась незаконченной.

---

¹ O Que Eles Disseram de Camões. — Em: O Centenário de Camões. Fundação Calouste Gulbenkian, Boletim Série V, № 3, 1980, p. 40.

В Португалии видный поэт и теоретик литературы Ренессанса Антониу Феррейра (1528—1569) постоянно призывал своих собратьев по перу к созданию эпической поэмы на португальском языке. Надо сказать, что концепции эпических поэм в Италии и Португалии весьма различались между собой. Если в трактате Торквато Тассо «Рассуждения о поэтическом искусстве и, в особенности, о героической поэме» проводилась мысль о сближении героической поэмы с рыцарским романом, то Камозэнс и его многочисленные последователи в Португалии старались класть в основу своих произведений памятные всем события недавнего прошлого. Так, в 1574 г. в Португалии была опубликована поэма Жерониму Корте Реала «Вторая осада Диу». В двух других поэмах Корте Реал воспел битву при Лепанто и кораблекрушение Мануэла де Соузы э Сепулведы — событие, упоминаемое и в «Лузиадах» Камозэнса.

Луиш Перейра Брандан в поэме «Элегиада» (1588) рассказал о битве при Алкасер-Кибире.

Однако из многочисленных португальских поэм свое время пережили только «Лузиады» Камозэнса. Поэту удалось приблизить произведение к жизни, сделать его интересным для каждого португальца, воззвать к национальным чувствам своего народа в тяжелейший для Родины момент. «Лузиады» отличает ориентация на демократического читателя, искренняя народность, яркий публицистический характер, и в этом Камозэнс идет по стопам Данте.

Уже во вступлении к «Лузиадам» поэт противопоставляет свое произведение поэмам Боярдо и Ариосто:

Мне ни к чему печалить ум заботой
И вымыслам бесплодным предаваться.
Историей великого народа
Я целый мир заставлю упиваться.
Затмили мы фантазии природы,
И боги могут нами восхищаться,
Мы превзошли Руджеро и Роланда,
Пред нами меркнет слава Родоманта.

Поэт заявляет, что герои борьбы за независимость Португалии: Нуну Алвареш Перейра, Фуаш Роупинью, Эгаш Мониж — и великий мореплаватель Васко да Гама не менее достойны занять место в эпической поэме, чем различные вымышленные персонажи. Истинным предметом его повествования является история Португалии со времен мифического Луза и знаменитого пастуха Вириату, возглавившего

борьбу лузитан за независимость от Рима, до дней Камознса. Многие герои поэта были знакомы его читателям с детства, что, конечно, способствовало популярности поэмы в Португалии. Все эти эпизоды повествования группируются вокруг центрального события в истории страны — открытия экспедицией Васко да Гамы морского пути в Индию (1497—1499 гг.). Но в композиции «Лузиада», конечно, многие элементы обусловлены временем создания поэмы.

В «Лузиадах» есть выдержанное в духе Вергилия вступление, в котором поэт кратко излагает свою тему, есть обращение к нимфам Тежу, есть, наконец, посвящение поэтического труда королю Себастиану.

Посвящения литературных трудов высоким покровителям были обычны для писателей Возрождения; в Португалии, где инквизиция взяла в свои руки функции цензуры, подобная акция должна была облегчить условия издания поэмы. А тематика «Лузиада», их высокий патриотический пафос обусловили посвящение поэмы именно главе Португальского государства. Однако надо сказать, что Камознс не впадает в подобострастие и не идеализирует короля. Хотя он называет его «отчизны гордостью» и «спасителем христианства от неверных», но в то же время немало строф в «Лузиадах» посвящает разоблачению пороков португальской жизни. Публицистический характер поэмы проявляется в том, что поэт не остается безучастным к описываемым событиям, напротив, он активно вмешивается в повествование и излагает свою точку зрения на наболевшие вопросы времени.

В третьей песни он рассказывает о том, как был свергнут с престола король Саншу Второй, и, сравнивая его правление с правлением его более достойных предков, заключает, что в Португалии «лишь тот мог на престоле находиться, кто доблестью мог с предками сравниться».

В финале пятой песни Камознс с горечью говорит о тяжелом положении португальского искусства, о презрении к нему со стороны власть имущих и о том, сколько пользы могла бы принести литература, если бы ее хоть в какой-то степени поддерживали сильные мира сего. В конце шестой песни поэт слагает гимн своим соотечественникам, защищающим Родину на суше и на море, в финале седьмой — рассказывает, сколько несправедливых ударов судьбы пришлось ему претерпеть, и, несмотря ни на что, выражает решимость закончить свой труд.

В некоторых лирических отступлениях поэмы ощущается трагический разлад между идеалом поэта и окружа-

ющей его действительностью. В восьмой песни Камознс с негодованием размышляет о власти золота, приток которого из колоний вызвал моральное разложение португальской верхушки. Поэт скорбит о том, что деньги легко находят путь к ученым, законникам, служителям бога и превращают королей в тиранов.

В девятой песни Камознс гневно разоблачает церковников, «обирающих народ убогий и прислужничающих тиранам без смущенья».

В соответствии с канонами эпического жанра эпохи Ренессанса последняя, то есть десятая, песнь поэмы завершается заключением. В нем Камознс снова обращается к королю Себастиану. Характерен тон обращения. Поэт сообщает, что заканчивает свое повествование, так как «отечество скорбит под властью скверны, стяжательством отравлено безмерным». Он предстает перед королем не как робкий проситель, а как первый поэт страны, увлекавшийся «чудесной наукой», почитавший «благих искусств законы» и имеющий за плечами «опыт жизни горестной и честной». Камознс гордо заявляет, что «не каждый под родными небесами отмечен столь высокими дарами». В десятой песни мы видим апофеоз ренессансной личности. Нищий поэт обращается к королю на равных, как личность всесторонне развитая, умудренная знаниями, наделенная талантами и безгранично преданная Родине. Поэт призывает Себастиана обратить внимание на тех из подданных, кто бескорыстно служит отчизне, и приблизить их к престолу. Он желает, чтобы король вел такую политику, которая бы вызвала уважение к Португалии со стороны прочих стран Европы. В самом конце поэмы Камознс обещает воспеть грядущие подвиги короля и прославить его так, как Гомер прославлял Ахилла.

По канонам Возрождения поэма имеет обширный мифологический план. Португальцам покровительствует Венера, видящая в них своих верных поклонников, а противодействует им Вакх. Порой мифологическая линия заметно отягощает повествование — современному читателю, вероятно, не всегда покажутся интересными обширные описания советов богов, речи Вакха, рассказы о его интригах против португальцев. Однако часто эта же самая линия украшает повествование и вносит в него живость и разнообразие.

Одно из самых прекрасных мест поэмы — описание Острова Любви, послужившее, по словам Вольтера, образцом для острова Армиды в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим». Вольтер, в целом восхищавшийся «Вергилием Порту-

гальским», упрекал его за то, что в «Лузиадах» описания персонажей античной мифологии соседствуют с пропагандой христианства. «Главное намерение португальцев по учреждению торговли состояло в распространении веры, — писал великий просветитель и борец против церкви, — и Венера берет на себя успех сего предприятия. Такой вздор обезображивает в глазах благоразумных читателей все сие творение»¹.

Но дело в том, что Камознс как художник и мыслитель Возрождения воспринимал мир многогранно. В «Лузиадах» Венера и ее окружение как бы дают читателю отдых после рассказов о «делах давно минувших дней», событиях португальской истории.

В мифологических описаниях Камознса постоянно чувствуется авторская ирония. В самом переплетении античной мифологии с христианской идеологией, справедливо подмеченном Вольтером, заключается своеобразное обаяние «Лузиад». Поэт вводит остроумную развязку мифологической линии в своей поэме: в конце повествования, когда Фетида показывает Васко да Гаме картину мироздания, она объясняет ему, что древние боги — «исчадье небылиц невероятных» — пребывают только на небесах в виде названий планет. Кроме того, античная мифология привлекалась поэтом еще и потому, что он все время исходил из сопоставления своих героев с героями «Одиссеи» и «Энеиды»; уже в первой песни «Лузиад» он заставил Юпитера провозгласить, что португальцы «превзойдут и греков, и троянцев», и в дальнейшем подчеркивал, что португальцы побывали в тех землях, что не довелось увидеть мореплавателям античности, и наблюдали на море такие явления — морской смерч, огни святого Эльма, поророку — о которых не имели представления древние философы.

Первые две песни повествуют о том, как флот Васко да Гамы столкнулся с недружественным отношением жителей Восточной Африки — острова Мозамбика и Момбасы — и как наконец португальцы прибыли в Малинди, где к ним отнеслись дружелюбно, дали им кормчего, знающего путь к Малабарскому побережью Индии, и снабдили флот всем необходимым. Камознс с негодованием описывает негостеприимных африканцев и оправдывает действия, предпринятые в отношении их Васко да Гамой. На этом основании реак-

---

¹ Опыт Вольтера на поэзию эпическую. Перевел Н. Остолопов. СПб., типография Вильковского, 1802, с. 76.

ционные круги Португалии пытались объявить Камозенса певцом колониализма, а день его памяти — 10 июня (условно датой смерти поэта принято считать 10 июня 1580 г.) — португальские фашисты провозгласили «днем расы». Однако Камозенс никогда не был расистом.

Нельзя забывать, что воспетый им Васко да Гама действительно был героической личностью, а участники его путешествия сознательно решились на бесчисленные трудности и лишения. Достаточно сказать, что в начале экспедиции у Гама, по разным подсчетам, было от 140 до 170 человек и 4 корабля, а вернулись из Индии 54 человека и 2 корабля.

В конце плавания умер брат Васко да Гама — Паулу, образ которого занимает видное место и в поэме «Лузиады». Многие участники плавания умерли от цинги.

Спору нет, вслед за Васко да Гамой в Африку и Индию явились вооруженные до зубов колонизаторы, принесшие рабство и горе местному населению. Но первооткрыватели морского пути в Индию были подвижниками, доказавшими безграничность человеческих возможностей. Кроме того, можно вести споры о поступках реального Васко да Гама. Но что касается образа, созданного Камозенсом, двух мнений быть не может: его Гама — человек, беззаветно и бескорыстно преданный Родине, герой, движимый высокой идеей, великий мореплаватель, стоящий на уровне передовых знаний своего времени. В беседе с королем Малинди Гама подчеркивает, что португальцы «не из тех, кто на града и веси огонь и меч бесстыдно налагает и, алчностью пороча поднебесье, последний хлеб у нищих отбирает».

Надо учесть, что португальцы с самого начала не ставили перед собой цель завоевания Индии — они прекрасно сознавали, что не смогут удержать за собой столь обширные территории. Португальцы желали нарушить монопольное право арабских и турецких купцов на торговлю традиционными восточными товарами — прежде всего пряно-стями.

Видный португальский историк-марксист Арманду Каштру утверждает, что отношения, установившиеся между португальцами и индийцами, нельзя считать «в полной мере колониальными отношениями, потому что здесь не было использования природных богатств страны путем эксплуатации местной рабочей силы. Было другое — существование центров торговли, которые поддерживались разветвленной сетью экономических центров и укрепленных военных пунктов... Фактически, португальцы на Востоке не занима-

лись прямой эксплуатацией производства пряностей и других колониальных товаров: они приобретали их путем обмена и получали значительные доходы, благодаря разнице между закупочными ценами и ценами продажи этих товаров в Европе»¹.

Камознс говорит, что изначально Васко да Гама относился с полным доверием к обитателям Африки и Индии, и показывает, что всегда причиной ссор португальцев с индийцами было подстрекательство мусульманских купцов, враждебно встретивших конкурентов из Европы.

У поэта не чувствуется никакой злобы или расовой ненависти к населению Африки или Индии. Он подробно описывает лодки и наряды мозамбикцев, облачение короля Малинди, с уважением и с явным желанием понять психологию индийцев рассказывает об их быте и нравах.

Очень серьезно и совсем не так, как человек, одержимый расистскими предрассудками, Камознс сообщает португальцам о новых землях. Не довольствуясь личными впечатлениями, он поставил свой труд на солидную научную основу, изучив прежде всего такие фундаментальные работы, как «Декады» Жуана де Барруша и Диогу ду Коуту, «История открытия и завоевания Индии» Каштаньеды, «Беседы о лекарственных травах и медикаментах» Гарсии де Орты. С симпатией и восхищением описывает поэт обитателей Малинди.

Более сложным является отношение Камознса к маврам. Он неоднократно наделяет их отрицательными эпитетами, призывает короля Себастиана обрушить на Марокко карающую десницу, так как многим португальцам казалось, что закрепление в Марокко спасло бы христианские земли от мавританских набегов.

Нельзя не видеть в этой неприязни настроений тех европейцев, которые получили государственную независимость в результате Реконкисты, тем более что в XV—XVI вв. усиление турецкой экспансии в Европе заставляло их опасаться новой агрессии с Востока. Однако есть в «Лузиадах» и благородный мавр Монсаид, и идеализированный образ просвещенного монарха — короля Малинди, которого поэт также называет мавром.

В десятой песни поэмы, в рассказе об Африке, у Камознса есть слова о не разращенных цивилизацией честных

---

¹ Castro Armando. *Cambes e a Sociedade do Seu Tempo*. Lisboa, Caminho, 1980, p. 159.

дикарях, которые «хижины возводят без дверей, соседям доверяя и закону». Нельзя не видеть здесь наметки образа «добротого дикаря», развитого впоследствии Руссо и восходящего к испанской и португальской литературе о географических открытиях.

В 1979 г., выступая на празднике газеты «Аванте!», Алвару Куньял сказал: «Камознс, товарищи, не является голосом реакции и колониализма. Камознс — это голос нашего народа, лузиад, голос духовной независимости, голос социального и научного прогресса, голос португальской нации в высоком гуманистическом смысле этого слова».

Мы уже говорили, что центральной темой поэмы является португальская история. Повествование Камознса охватывает около пяти столетий истории его страны. Многие исследователи «Лузиад» предполагали, что поэт вначале вообще хотел изложить в стихах историю Португалии, а потом уже решил сгруппировать элементы повествования вокруг плавания Васко да Гамы в Индию. Еще в прошлом веке Вильгельм Шторк и Каролина Михаэлис выдвинули гипотезу о том, что первыми были написаны третья и четвертая песни поэмы, посвященные истории Португалии; над ними поэт, по-видимому, работал еще на Родине, до отплытия в Индию в 1563 г.; а затем чисто историческая поэма стала приобретать, по выражению Гумбольдта, черты «поэмы моря», и Камознс, скитаясь в обширных пределах Португальской империи, приступил к написанию песней первой, второй, пятой и последующих, повествующих уже непосредственно о деяниях Васко да Гамы.

Рассказывая об истории Португалии, Камознс использует документальные источники — труды средневековых хронистов Фернана Лопеша, Гомеша Эанеша Зуары и Руя де Пины, а также и полуофициальные предания — например, легенду о подвигах двенадцати португальских рыцарей в Англии.

Однако поэт не во всем следует за источниками и избирает свой угол зрения на португальскую историю. Его интересуют прежде всего события, связанные с собиранием португальских земель первыми королями, с рождением и укреплением Португальского государства, с упрочением его авторитета в Европе и с географическими открытиями португальцев, рассматриваемыми поэтом как вклад его народа в историю всего человечества. О. Лопеш и А. Сарайва

справедливо полагают, что Камознс рассматривает историю родной страны как непрерывный крестовый поход¹.

Поэтому Камознс идеализирует многих португальских королей, руководствуясь в оценке их деятельности в первую очередь их воинскими качествами и вклядом их в дело освобождения страны от мавров, а впоследствии — в борьбу против угрозы кастильского порабощения. Из поэмы «Лузиады» можно узнать о мельчайших подробностях Реконкисты, но трудно вынести определенное впечатление о внутренней политике португальских королей. Примечательно, что когда поэт рассказывает о «народном гневе» 1383—1385 гг., вызванном сговором большей части португальской аристократии с королем Кастилии, он отступает от своего источника — хроник Ф. Лопеша — и не говорит о массовом героизме жителей Лиссабона, защищавших осажденный город от кастильцев.

Поэт не так уж часто позволяет себе критику в адрес венценосных владык Португалии. Исключение составляют его рассказы о короле Саншу Втором, свергнутом с престола в силу недовольства всех слоев населения его правлением, и о Фернанду Первом, доведшем страну до состояния глубокого кризиса.

Что касается, например, такого короля, как Афонсу Четвертый, «прославившегося» как вечный зачинщик междоусобных войн со своим отцом королем Динишем и как инициатор варварского убийства возлюбленной своего сына Инеш де Каштру, то Камознс не счел нужным вынести ему приговор. Он прежде всего отметил участие португальского короля в знаменитой битве при Саладо, когда войска Кастилии и Португалии разбили силы марокканских и гренадских мавров; а вину за трагический исход судьбы Инеш де Каштру, рассказ о которой представляет собой одно из самых поэтических мест поэмы, возложил не столько на короля, сколько на его советников.

Вообще надо сказать, что в поэме значительное место отводится обширным описаниям различных битв — при Орики, Саладо, Алжубарроте. Все столкновения с «неверными» — и освободительные сражения эпохи Реконкисты, и военные действия португальцев в Африке и Индии — поэт оправдывает необходимостью утверждения в мире христианства. Такая позиция была обусловлена особенностями

---

¹ Lopes Óscar e Saraiva António José. História da Literatura Portuguesa, p. 356.

борьбы Португалии за национальную независимость. Угроза португальской независимости со стороны Испании заставляла Камозэнса напоминать согражданам о подвигах их предков и воскрешать боевой дух португальского рыцарства. Кроме того, поэт провел немало лет на Востоке и воочию увидел и ограбление португальцами местного населения, и яркие картины власти денег, против которой он восставал в своей поэме. Не случайно, видимо, в «Лузиадах» поэт охарактеризовал всех португальских правителей Индии, от Франсишку де Алмейды до Жуана де Каштру — при этом он представлял их, в основном, как национальных героев Португалии, — но не нашел места для воспевания своих современников, распорядившихся в Индии именем португальского короля. Для оправдания владычества португальцев в чужих землях поэт должен был выдвинуть высокую идею, а такой идеей в свое время могло быть только христианство, связанное в сознании Камозэнса со всей европейской цивилизацией.

Когда во второй песни «Лузиад» Юпитер предрекает Венере грядущие победы португальцев, он, в частности, обещает, что в чужих землях они «жизнь везде по-новому направят, строительство градов и сел затеют, законы обветшалые исправят».

Камозэнс воспринимает португальских мореплавателей как носителей социального и культурного прогресса; Э. Намураду не без оснований утверждает, что Камозэнс «вынашивал план всемирной христианской республики, осуществившей бы на Земле гармонические отношения между народами и социальную справедливость; эта республика должна была возникнуть под эгидой Португалии и благодаря ее усилиям»¹. Идея всемирного государства возникла у Камозэнса, по видимому, под влиянием трактата Данте «Монархия»: в нем великий поэт Италии мечтал о единой мировой державе, «которая обеспечит всем людям на земле справедливость и прекратит войны и междоусобия»².

Именно поэтому, несмотря на прославление христианства, поэта нельзя считать религиозным фанатиком. Его сатира очень часто обрушивается на монахов и священников; в десятой песни он с негодованием говорит о том, что эти

---

¹ Namorado Edígio. "Os Lusíadas" e os Movimentos Culturais do Século XVI. — Em: Camoes e o Pensamento Filosófico de Seu Tempo, p. 56.

² См.: Голенищев - Кутузов И. Н. Данте, с. 172.

люди, которым, казалось бы, предназначено быть «солью земли», давно уже сделались «пресной солью», и предостерегает короля Себастиана от лицемерных пастырей, заботящихся только о собственном обогащении. Характерно, что, в отличие от знаменитого португальского писателя эпохи Возрождения Фернана Мендеша Пинту, уделившего в своих «Странствиях» большое место рассказу о деятельности на Востоке иезуитского миссионера Франциска Ксаверия, канонизированного католической церковью, Камознс демонстративно обходит молчанием деяния этого «святого»; он разносторонне характеризует видного португальского государственного деятеля Мартина Афонсу де Соузу и «забывает» упомянуть о том, что с Соузой в Индию прибыл испанский проповедник.

Широта взглядов Камознса проявилась и в знаменитом монологе старца из Рештелу. В конце четвертой песни поэт повествует о том, как весь Лиссабон собрался на пристани Рештелу, чтобы проводить в дальний путь участников экспедиции Васко да Гамы. И в этот торжественный момент умудренный годами старец обратил к мореплавателям гневную речь, осуждая их за то, что они собираются искать славу в чужих землях, оставляя на произвол судьбы Родину. Старец советует молодому поколению поехать с соседними арабскими государствами и проклинает того, кто первым соорудил корабль, а также «безумцев» Прометея, Фазтона и Икара, — в них он видит предшественников последующих искателей славы. Некоторые исследователи полагали, что в монологе старца выражен народный взгляд на географические открытия и что Камознс его во многом разделяет. Однако это не совсем верно. Известно, что в 1562 г. на заседании кортесов было внесено предложение отозвать португальцев из Индии, «в которой ничего нет, и направиться в Африку, расположенную у нашего порога»¹.

Безусловно, поэта не могла не тревожить судьба Родины, находившейся на грани катастрофы, и в настроениях старца из Рештелу, в его призывах к войне с маврами, в проклятиях географическим открытиям, отрицании прогресса и стремлении к патриархальности нетрудно услышать отзвуки более позднего, по сравнению с плаванием Гамы, времени, а именно периода кризиса Ренессанса.

Камознс-эпик не может разделять точку зрения старца.

---

¹ *Cidade Hernâni*. Luis de Camões. O Épico. Lisboa, 1950. p. 76.

Самим уподоблением португальских мореходов героям античных мифов он приветствует устремления храбрых. Злым проклятием старца противопоставлено в десятой песни пророчество Фетиды, показывающей продолжение дела Гамы грядущими поколениями.

Однако в словах старца проявляется и многогранность мировоззрения поэта, не побоявшегося наметить проблему сложности воздействия географических открытий на внутреннюю жизнь Португалии.

«Лузиады» — это героическая эпопея эпохи Ренессанса. Известно, что чудесное, сверхъестественное было непременным атрибутом эпических поэм Боярдо и Ариосто, обильно оснащенных заколдованными садами, волшебными гротами, таинственно исчезающим и неожиданно возвращающимся к герою рассудком, а также феями, карликами, чудовищами и прочими сказочными персонажами. Камознс тоже не отказывается от мифотворчества и от введения в поэму чудесного, но у него это начало носит иной характер, чем у итальянских поэтов Возрождения.

Источников таинственного в поэме несколько. С этим началом, безусловно, связана мифологическая линия, проявляющаяся в неожиданных вмешательствах богов в дела португальских мореходов.

Часто таинственное предстает как нечто до конца не познанное, но не скрывающее в себе ничего сверхъестественного, например, в знаменитых описаниях огня святого Эльма и морского смерча в пятой песни.

Характерно, что в этой связи Камознс с гордостью противопоставляет книжным знаниям античности реальный опыт португальских мореплавателей. Апелляция к чувственному опыту как источнику познания вообще характерна для Камознса; в десятой песни он говорит, что «самый светлый разум перед опытом смириться может сразу».

Есть в поэме и злобный гигант Адамастор. Имя для своего великана Камознс, по-видимому, почерпнул в книге Клаудиано «Гигантомахия», упоминает Адамастора и Рабле, перечисляя его в ряду предков Пантагрюэля. Но у Камознса Адамастор не является просто фантастическим великаном, свидетельством богатого воображения его создателя. Он выступает как олицетворение Мыса Доброй Надежды, изначально названного португальцами Мысом Бурь, как воплощение нечеловеческих трудностей, которые приходилось преодолевать мореплавателям, как признак могущества

природы и одновременно неизбежности победы над ней человека. Поэт говорит о том, что Мыс Бурь был неведом ни Плинию, ни Страбону, ни другим великим умам античности. В «предсказаниях» Адамастора Камознс вводит историю трагической судьбы Мануэла де Соузы э Сепулведы, очень популярную среди португальских писателей Возрождения, великан предрекает гибель знаменитых португальских мореплавателей Бартоломеу Диаша и Франсишку де Алмейды. Но все эти истории свидетельствуют не о бессилии, а о величии человека. Адамастор, представляющий злое начало, скрытое в природе, всю жизнь обречен страдать от несчастной любви к богине Фетиде, воплощающей морскую стихию. В конце поэмы мы узнаем, что Фетида даровала свою любовь Васко да Гаме, показала ему картину мироздания и продолжения последующими поколениями дела, которому он отдал большую часть жизни.

Таким образом, моря покоряются человеку, несущему в природу, по мысли поэта, добро, разум и счастье, а Адамастору остается только изрыгать бесплодные проклятия в адрес путешественников, не побоявшихся вступить в его заповедные воды.

Одной из самых загадочных частей поэмы является описание Острова Любви, то есть девятая и десятая песни «Лузиад».

Может показаться, что выдержанный в куртуазных традициях рассказ о воинстве Купидона, о прелестных nereиды, вздыхающих о мужественных мореходах, описания благоуханных роц, свидетельствующие о творческой переработке Камознсом многих элементов поэзии Гомера и Овидия, значительно легче для восприятия современного читателя, чем избилующее подробностями повествование о событиях португальской истории. К тому же, поэт в конце девятой песни сам вроде бы дает толкование образу Острова Любви: Фетида, nereиды и прочие божества — это выдумки смертных, а Остров Любви — это награда и признание, непременно ожидающие верных сынов отечества.

Безусловно, в стремлении «вознаградить» мореходов за их мужество и героизм проявилось преклонение самого Камознса перед португальскими первопроходцами. Но этим не исчерпывается значение образа Острова в поэме. Остров Любви — это образ-утопия, мечта о царстве счастья, гармонии и справедливости. Э. Сидаде сравнивает Остров с Телемским аббатством, говоря, что девиз его обитателей —

«Делай, что хочешь» — можно применить и к Острову Любви Камознса¹.

Еще одна важная проблема, неоднократно обсуждавшаяся исследователями «Лузиада»: можно ли считать поэму Камознса реалистическим произведением?

Надо сказать, что многие черты поэмы, безусловно, роднят ее с произведениями ренессансного реализма.

В «Лузиадах» наличествует стремление к рациональному, научному познанию жизни, проникновению в тайны природы. Камознс настолько широко охватил изображаемые им явления, что впоследствии выходили специально монографии, посвященные астрономии, флоре, фауне, медицине в «Лузиадах». Сама фантастика в поэме Камознса отражает не мистические умонастроения, а гиперболизирует явления реальной действительности. Фантастическим образам итальянских поэм Камознс противопоставляет рассказ о вполне объяснимых явлениях природы. И можно сказать, что посредством описания смерти, огня святого Эльма, цинги, внезапно обрушившейся на экипаж Гамы, в поэме расширяется реалистическое отражение действительности.

При знакомстве с поэмой бросается в глаза ее гуманистическая направленность, ориентация на демократического читателя, публицистичность, — подобно многим писателям Возрождения, Камознс смотрит на свое творчество как на средство преобразования жизни, обличения зла и надеется, что грядущее будет лучше, чем настоящее.

Как истинно великий писатель, Камознс избрал для своего произведения поистине титаническую тему — историю португальской нации. По энциклопедичности охвата действительности его можно сравнить с самыми великими писателями Возрождения.

Трудно переоценить роль поэта и в развитии португальского языка, справедливо именуемого многими языком Камознса.

Но жанр героической поэмы во многом определил своеобразие «Лузиада» Камознса, в чем-то ограничив возможности поэта. Нельзя забывать, что попытки поэтов Возрождения следовать традициям Гомера и Вергилия в этом жанре оказывались, в основном, мало успешными. Камознсу удалось создать эпопею, пережившую свое время, и это объясняется прежде всего лежащей в ее основе «мыслью народной». Но

---

¹ C i d a d e H e r n â n i. Luis de Camoes. Lisboa, Arcádia, 1961, p. 27.

поэт не мог не считаться с традициями жанра, сложившимися в эпоху Ренессанса.

Камознс, проявивший себя большим мастером психологического анализа в лирике, в эпосе не дает углубленной психологической характеристики героев, не стремится к их яркой индивидуализации. Психологическая мотивировка характеров Васко да Гамы, его брата Паулу, других героев поэмы подчас только намечена. Вместе с тем Камознс создал прекрасный коллективный портрет португальского народа, и общие черты португальского национального характера обозначены в поэме достаточно полно.

Нельзя не видеть в поэме перегруженности мифологией, что, возможно, затрудняло восприятие ее даже современниками поэта.

Создатель национального эпоса, Камознс избирает особую точку зрения на события истории. Поэт, как уже говорилось, стремится показать преимущественно героическую сторону деятельности португальских королей, выделяя те их деяния, которые способствовали увеличению международного престижа Португалии, крепили ее мощь, создавали ее величие. При этом поэт порой не видит того, как политика воспеваемых им монархов отражалась на жизни народа. Но если в отношении королей такое безоговорочное восхищение можно хоть как-то оправдать их участием в общенациональном деле — Реконкисте, а позднее — в борьбе за независимость Португалии от Кастилии, то прославление всех губернаторов португальских владений в Индии едва ли оправдано даже в рамках эпоса. Повествуя о плавании Васко да Гамы в Индию, поэт проходит мимо многих важных сторон реального хода событий. Он идеализирует всех мореходов, называет четыре небольших корабля могучей «армадой» или мощным «флотом», хотя раджа Каликута был весьма удивлен скромным видом португальцев и скудостью их подарков.

«Лузиады» — одна из наиболее самобытных поэм эпохи Возрождения; ее оптимизм, преклонение перед величием человека, воспевание географических открытий, стремление к парадности, любованию восточной экзотикой — все это делает возможным широко бытующее в литературоведении сопоставление стиля поэмы Камознса с португальским декоративным стилем «мануэлину». Этим словом (по имени короля Мануэла, при котором процветал этот стиль) принято обозначать орнаментику португальской пламенеющей готики, использующую в архитектурных украшениях флору и фауну океана (водоросли, кораллы, ракушки) и части кораб-

лей. Один из самых знаменитых памятников этого стиля — лиссабонский Монастырь иеронимитов, где ныне неподалеку от могилы Васко да Гамы находится могила Луиса Важа де Камознса.

Творчество Камознса имело колоссальное значение для последующего развития португальской литературы. Каждый более или менее крупный португальский поэт — Бокаж, Гаррет, Антеру де Кентал, Эужениу де Каштру, Фернанду Пессоа — говорил о том, как многим он обязан Камознсу. Творчество Камознса имело большое значение для развития многих литератур Европы.

Поэзия Камознса пользовалась большой известностью в Англии.

Когда в 1803 г. английский дипломат лорд Стрэнгфорд опубликовал свои переводы лирики Камознса, на это откликнулись ведущие поэты Англии. Томас Мур в стихотворении «Лорду виконту Стрэнгфорду» высоко оценил как поэзию великого португальца, так и ее переводы, сказав, что арфа Камознса «воскресила мадригалы, вдохновленные богом, и передала их нежную теплоту» Стрэнгфорду. Широко известно стихотворение Вордсворта «Не брани сонета, критик»; первая его строка послужила эпиграфом к «Сонету» Пушкина; перечисляя в ряду мастеров сонета Шекспира, Петрарку, Данте, Спенсера, Мильтона, он упоминает и Камознса, «утолявшего в сонетах печаль своего изгнания».

Байрон дважды говорит о Камознсе в «Английских бардах и шотландских обозревателях». Когда он иронически сравнивает Саути с воспарившим к небу орлом, то заявляет шутя, что тот затмил Камознса, Мильтона и Тассо. Затем Байрон обращается к Стрэнгфорду, вопрошая: «Уж не думаешь ли ты вознести свою поэзию еще выше, обряжая Камознса в кружева?» Байрон призывает переводчика более серьезно относиться к своему труду и не «учить лужитанского барда подражать Муру».

Видная английская поэтесса Элизабет Баррет Браунинг написала цикл «Сонетов с португальского», в которых обращалась к Камознсу от имени его возлюбленной Катарины де Атаиде. Лирику Камознса переводил и Саути.

Поэзия Камознса высоко ценилась и в Германии. Фридрих Шлегель говорил: «Лузиады» соединяют в себе все те черты португальского языка и португальской поэзии, которыми я до сих пор восхищался: изящество, глубину чувства, нежную и почти детскую свежесть, сладкую чувственность и самую волшебную меланхолию — и все это выражено

чистым, прозрачным и простым слогом, красота которого не могла бы быть более совершенной, а расцвет — более полным»¹.

Поэмой Камоэнса восхищался Александр Гумбольдт. «Я могу утверждать, по крайней мере, как наблюдатель природы, — говорил он, — что в описаниях «Лузиады» нигде энтузиазм поэта, прелесть его стихов и сладкие звуки его меланхолии не погрели ни в чем против правды изображаемых им явлений. Он неподражаем в описаниях постоянного обмена, происходящего между воздухом и морем, гармоничных форм облаков, их последующих превращений и различных состояний поверхности океана. Камоэнс, в полном смысле слова, великий художник моря»². Гумбольдт также высоко отзывается об описании Машины мира, «видении в стиле Данте», и о пейзаже Острова Любви, «самом грациозном из всех пейзажей»³.

Классики испанской литературы — и прежде всего Лопе де Вега и Сервантес, — несмотря на сложные отношения между двумя государствами, не устали восхищаться «Лузиадами». Когда Камоэнс создавал свою поэму, слово «Испания» употреблялось в значении «Пиренейский полуостров», одной из частей которого была Португалия; поэма очень скоро после своего выхода в свет была переведена на испанский язык и стала оказывать влияние на все литературы полуострова. Однако в обстановке национального гнета наиболее актуально для португальцев прозвучали строки поэмы, рассказывавшие о борьбе их Родины за независимость от Кастилии. Поэтому в XIX в. испанский писатель и дипломат Хуан Валера с горечью констатировал: «Лузиады» — это главное препятствие к единению всех частей нашего полуострова: Камоэнс воздвиг между Португалией и Испанией настолько мощную стену, что ее труднее взять штурмом, чем все укрепления и замки»⁴.

Тем не менее еще Лопе де Вега в романе «Аркадия» упомянул «превосходного португальца Камоэнса»⁵ в одном

¹ Цит. по кн.: Meier Harri. Literatura Portuguesa. — Em: Einsiedel Wolfgang. Historia das Literaturas Universais, vol. 2. Lisboa, 1973, p. 220—221.

² Humboldt Alexandre de. Cosmos, Essai d'une Description Physique du Monde, t. 2. Paris, 1866—1867, p. 65.

³ Ibid., p. 76.

⁴ Цит. по кн.: Cidade Hernâni. Luís de Camões. O Épico, p. 200.

⁵ Felix de Vega Garpio Lope. Obras Escogidas, t. 2, Madrid, 1953, p. 1178.

ряду с Гарсиласо, Босканом и другими выдающимися поэтами Пиренейского полуострова, а Балтасар Грасиан в трактате «Острота и мастерство таланта» неоднократно цитировал и восхвалял «бессмертного Камознса»¹. Сервантес называл поэму Камознса «сокровищем Луза»².

Хорошо были встречены «Лузиады» во Франции. Монтескьё писал, что «португальцы, плавая по Атлантическому океану, открыли самую южную оконечность Африки и увидели перед собой обширное море, которое привело их к Восточной Индии. Опасности, угрожавшие им на этом море, и сделанные ими открытия Мозамбика, Мелинды и Каликута были воспеты Камознсом в поэме, напоминающей прелесть «Одиссеи» и великолепие «Энеиды»³. Известны в высшей степени благожелательные отзывы о Камознсе Ламартина⁴ и В. Гюго⁵.

Большой популярностью творчество Камознса пользовалось в Италии. Объясняя успех «Лузиад» в своей стране, один из итальянских филологов писал, что в прошлом веке «в этом произведении нация, угнетенная иностранцами, занимавшими большую часть территории страны и расчленившими ее на части, с гордостью почувствовала импульс к восстанию, к борьбе за единство и свободу»⁶.

В Португалии значение творчества Камознса не исчерпывалось только литературой. В тяжкие годы утраты национальной независимости его поэзия напоминала португальцам о величии их прошлого, внушала уважение к родному языку и вдохновляла на борьбу за свою свободу. «Лузиадам», — пишет один из португальских исследователей, — мы обязаны возрождением Родины, потому что не может находиться в угнетенном состоянии народ,

---

¹ Gracian Baltasar. *Agudeza y Arte de Ingeniería*, t. I. Madrid, Clásicos Castalia, 1969, p. 69.

² Цит. по кн.: Michaëlis de Vasconcelos Carolina. *Os Lusíadas*. — Em: Camões. *Os Lusíadas*. Lisboa, Imprensa Nacional, 1931, p. XXXI.

³ Монтескьё. *О духе законов*. СПб., Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900, с. 375.

⁴ *O Que Eles Disseram de Camões*, p. 40.

⁵ Hugo Victor. *Littérature et Philosophie Mêlées*. — Dans: *Album Literário Comemorativo do 3º Centenário de Luis de Camões*. Porto, Tipografia Ocidental, 1880, p. 13.

⁶ Averini Ricardo. *Camões para os Italianos*. — Em: *Estudos sobre Camões*, p. 198.

создавший самую прекрасную эпопею всех исторических времен»¹.

Камознс всегда был символом португальской нации и вместе со своим народом переживал все перипетии его истории. Его сочинения поднимали на щит португальские романтики — в 1825 г. знаменитый поэт Алмейда Гаррет написал поэму «Камознс». В 1880 г. празднование трехсотлетия со дня смерти Камознса превратилось в грандиозную всенародную акцию и явилось признаком большого политического успеха республиканцев.

В 1980 г. сбросившая оковы фашизма Португалия праздновала четырехсотлетие со дня смерти создателя своего национального эпоса. Большую роль в этом сыграла Португальская Коммунистическая партия, распространившая ряд информационных бюллетеней, разъяснявших народу, в чем состоит истинное значение поэзии Камознса.

«Никакой другой класс, кроме класса трудящихся, и никакая другая политическая сила не имеет большего права, чем ПКП, чествовать Луиса де Камознса, гениального поэта, поэта народа и португальской Родины», — говорил по этому поводу Алвару Куньял².

Как упоминалось выше, впервые поэма Камознса вышла в свет в 1572 г., причем в один год была опубликована дважды. Титульные листы изданий различались изображением пеликана: на одном птица была изображена с головой, повернутой направо, на другом — налево. По разночтениям в одной из начальных строк первое из них условно называется «Е», а второе — «Ее». Большинство исследователей склоняются к мнению, что издание «Е» является более поздним, чем «Ее», поскольку в нем просматриваются следы корректорской правки. Впрочем, по мнению португальских специалистов, эта правка принадлежит не Камознсу, а какому-то португальскому грамматисту, не отличающемуся познаниями в метрике и мифологии. Предлагаемый вниманию читателя перевод сделан с издания «Ее».

В 1584 г. вышло в свет еще одно издание, над которым долго работала цензура инквизиции. Если цензор первых изданий Бартоломеу Феррейра отнесся к поэме очень благожелательно, то его коллеги в 1584 г. не оказались столь же уступчивыми. Они, во-первых, постарались убрать слово

---

¹ Brasil Reis. História da Literatura Portuguesa. Lisboa, 1958, p. 93.

² Cunhal Álvaro. Discurso na Festa do "Avante!" — "Avante!", 13 de Setembro de 1976, p. 76.

«бог» там, где оно применялось к богам античной мифологии. Кроме того, цензоры «подредактировали» упреки в неблагодарности в отношении Дуарте Пашеку Перейры, обращенные Камознсом к королю Мануэлу. Правке подверглись и строки, описывающие борьбу португальского народа, возглавляемого Нуну Алварешем Перейрой, против угрозы кастильского порабощения. Также святые отцы убрали строки, которые, как им показалось, носят излишне чувственный характер (в частности, в описании Острова Любви и т. п.).

В дальнейшем «Лузиады» переиздавались, в основном, без цензурных сокращений.

Классики русской литературы тоже издавна проявляли интерес к португальскому поэту. Еще до того, как появился первый прозаический перевод «Лузиад» на русский язык, о поэме высоко отзывались Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский¹. Последующие поколения русских писателей знакомились с поэмой Камознса по прозаическому переводу А. Дмитриева, изданному в 1788 г. и сделанному «с французского де ла Гарпова переводу». Естественно, что этот труд мог дать лишь самое общее представление о величии замысла «Лузиад» и силе таланта Камознса.

Уже в 1814 г. Пушкин дважды упоминает Камознса: в стихотворении «К другу-стихотворцу» он размышляет о трагической судьбе португальского поэта (этой теме в 1839 г. посвятит и Жуковский свою поэму «Камознс», являющуюся вольным переводом из Фридриха Хальма); в «Бове» Пушкин связывает эпическую традицию с именами Вергилия, Клопштока, Мильтона и Камознса. Можно сказать, что Пушкин числил португальского поэта среди классиков мировой литературы: в 1834 г. в статье «О ничтожестве литературы русской» он упоминает Камознса в одном ряду с Лопе де Вегой, Кальдероном, Сервантесом, Шекспиром.

Но, пожалуй, самый известный отзыв Пушкина о Камознсе дан в знаменитом «Сонете» 1830 года:

Суровый Дант не презирал сонета,
В нем жар любви Петрарка изливал,
Игру его любил творец Макбета,
Им скорбну мысль Камознс облакал...

---

¹ Kandel B. L. Camoens dans la Litterature Russe. — *Révue de Litterature Comparée*, Octobre—Decembre, 1970, p. 511—512. Kokhlova Irene A. Camões na Literatura Russa. — *Separata de Volume III d'os Lusíadas. Estudos sobre a Projecção de Camões em Culturas e Literaturas Estrangeiras*. Lisboa, 1984.

Пушкин, знавший лирику Камознса только по французским переводам, глубоко прочувствовал сущность ее притягательной силы и верно выделил философичность как характерную черту творчества португальского поэта.

Еще в 1822 г. П. А. Катенин в «Письме к издателю» поставил вопрос о стихотворном переводе поэм Ариосто, Тассо и Камознса¹. Он считал, что эти поэмы, написанные октавами, нужно октавами и переводить, и предлагал переводчику свою схему расположения цезуры и рифмовку, основанную на чередовании мужских и женских рифм.

Однако мечтам о поэтическом переводе поэмы Камознса на русский язык долго не суждено было осуществиться.

В 1870—1880-е годы в России в связи с празднованием трехсотлетия со дня смерти Камознса вновь оживляется интерес к творчеству поэта. Когда в 1880 г. в Португалии основывается Общество Камознса, в число его почетных членов избирается выдающийся русский критик В. В. Стасов².

В 1897 г. был издан прозаический перевод поэмы «Лузиады» А. Н. Чудинова, перевод, отличающийся более изящным и современным слогом, чем дмитриевский, но сделанный опять же с французского, а не с португальского текста. В различных изданиях время от времени появлялись стихотворные переводы отрывков из поэмы³.

Советские писатели тоже проявляли интерес к творчеству Камознса. В свое время Лев Лунц читал В. Каверину, Н. Тихонову и Вс. Рождественскому отрывки из «Лузиады» в переводе Чудинова⁴.

В 30-е годы над переводом «Лузиады» работал М. И. Травчетов. Отрывки из этого труда были опубликованы в «Хрестоматии по западноевропейской литературе», составленной Б. И. Пуришевым⁵.

---

¹ Катенин П. А. Письмо к издателю. — В кн.: Катенин П. А. Размышления и разборы. М., Искусство, 1981, с. 188—191.

² См.: Wolf Elena M. Alguns Episódios da Camoniana Russa. — Em: Camoes, 1980, № 2-3, p. 60.

³ См., напр.: Марков В. В. Луис Камознс. — Заграничный вестник, 1882, т. 6, декабрь, с. 279—297; Луис Камознс. Лузиады. Отрывки. Пер. И. Тыняновой. — В кн.: Европейские поэты Возрождения. М., Худож. лит., 1974, с. 623—641.

⁴ См.: Каверин В. А. Избранные произведения в 2-х т., т. 2. М., Худож. лит., 1977, с. 371, а также: Евстигнеева А. Л. «Серапионовы братья» и их младший брат Скоморох. — В кн.: Встречи с прошлым. М., Сов. Россия, 1982, с. 214.

⁵ Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения. Сост. Б. И. Пуришев. М., Учпедгиз, 1939, с. 670—678.

Полный стихотворный перевод поэмы Камознса печатается на русском языке впервые, хотя переводы лирических произведений поэта неоднократно издавались в Советском Союзе¹.

Относительно ритмической организации перевода «Лузиад» хотелось бы сказать следующее.

Камознс писал десятисложным силлабическим стихом со строгим соблюдением местоположения ударных слогов (ударными были обязательно шестой и десятый, реже восьмой и десятый слоги, это делало стих более упорядоченным, приближало его к силлаботонике). Поэтому в нашем переводе десятисложник Камознса передан пятистопным ямбом; этим размером рекомендовал переводить октаву и П. А. Катенин. Он же советовал чередовать в октаве мужские рифмы с женскими. Однако Камознс строил свою октаву, в основном, на женских рифмах. Чередование женских рифм с мужскими используется им только там, где нужно подчеркнуть особый эмоциональный накал повествования, противопоставить одни октавы другим, не несущим повышенной эмоциональной нагрузки. Подобной цели служат и изредка появляющиеся в тексте «Лузиад» дактилические рифмы. Этот принцип рифмовки сохранен в данном переводе.

Известны различные принципы передачи португальских имен собственных на русский язык. Некоторые переводчики считают себя сторонниками фонематической теории. Приверженцы другой точки зрения ориентируются на орфоэпические нормы литературного языка Португалии. Этот принцип представлен в переводах сочинений Эсы де Кейроша и А. Иркулану, изданных в 20-е годы в основанной А. М. Горьким серии «Всемирная литература», в Большой и Малой Советской энциклопедиях, в Советском энциклопедическом словаре, в различных изданиях Атласа мира. Такому же принципу мы следовали и при переводе сочинений Камознса, изобилующих топонимикой.

При передаче имени автора «Лузиад» был выбран вариант «Луис», утвердившийся в Советском Союзе, благодаря недавним переводам лирики Камознса. Что касается фамилии поэта, то была сохранена старая ее транслитерация (Камознс, а не Камойнш), прочно вошедшая в русский язык

---

¹ Камознс Луис. Сонеты. Пер. с португ. В. Левика и М. Талова. М., Худож. лит., 1964; Камознс Луис. Лирика. М., Худож. лит., 1980.

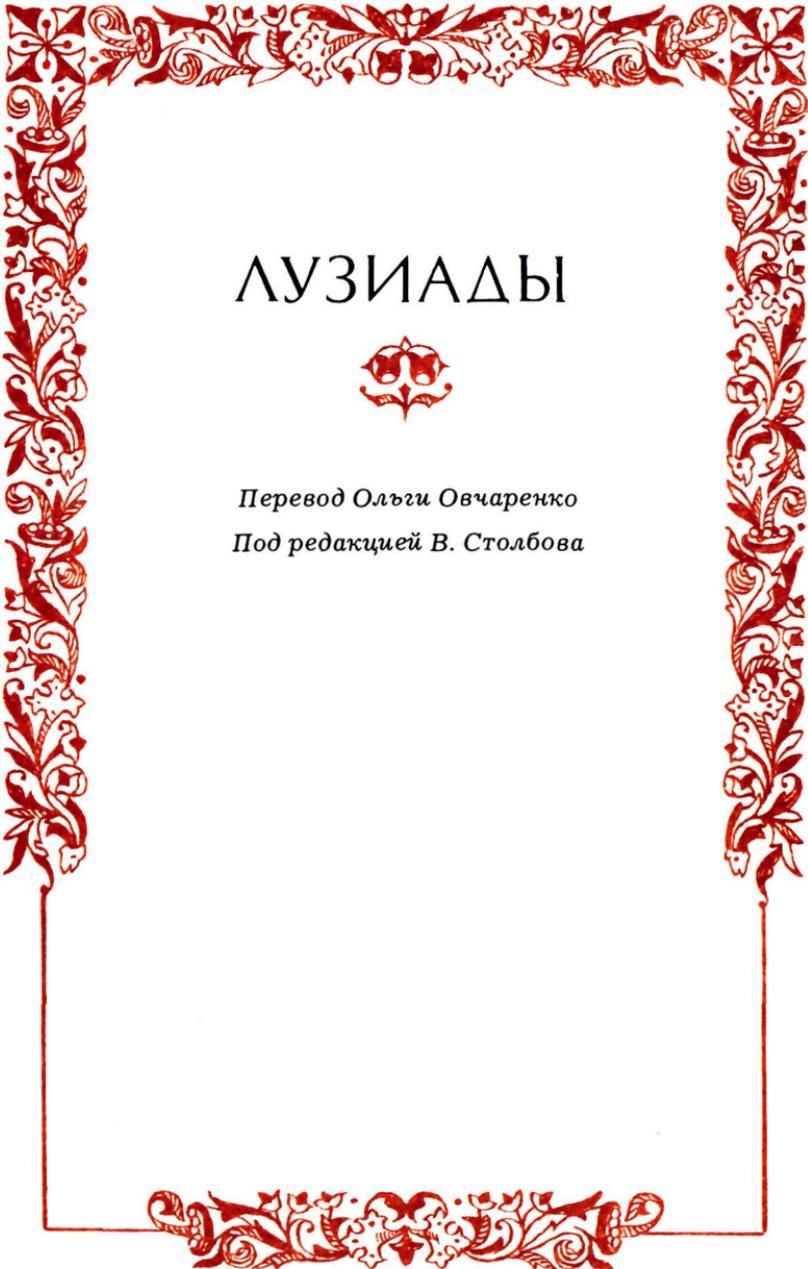
еще во времена Ломоносова и Пушкина. То же самое можно сказать и о передаче по-русски имени Васко да Гамы.

Хочется поблагодарить за сотрудничество коллег из Португалии профессоров филолога Элену Сидаде Моуру и историка Арманду Каштру, консультировавших перевод поэмы «Лузиады», предисловие и комментарий к данному изданию.

Надеемся, что перевод поэмы Луиса де Камозэнса «Лузиады» расширит представление советского читателя о Португалии, ее народе и культуре и будет способствовать укреплению дружбы, взаимопонимания и культурных связей между СССР и Португалией.

Ольга Овчаренко

ЛУЗИАДЫ

*Перевод Ольги Овчаренко
Под редакцией В. Столбова*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Оружие и рыцарей отважных,
Что, рассекая волны океана,
Отринув жизни суетной соблазны,
Проплыли морем дальше Тапробаны.
Цвет нации великой и бесстрашной,
Что средь племен неведомых и странных
Могучую державу основала
И тем себе бессмертие снискала,

2

И королей, достойных вечной славы,
Сражавшихся за истинную веру,
Отстаивавших честь родной державы,
Расширивших империи пределы,
Героями считавшихся по праву,
Явивших миру мужества примеры,
Я воспою, коль хватит мне уменья
И музы мне дадут благословенье.

3

Забудет мир великие деянья
Ахейцев и героев Илиона,
Забудет Александра и Траяна,
Забудет поступь римских легионов,
Когда начну о Гаме я сказанье,
Родное племя славя неуклонно.
Померкнут песнопенья древней музы
Пред подвигом святым дружины Луза.

О нимфы Тежу, нимфы древних вод,
 Мой робкий глас на подвиг укрепите,
 Чтоб я воспел любимый мной народ,
 Меня водою Тежу напоите.
 Пусть Феб к мольбам горячим снизойдет,
 И вы его, о девы, упросите,
 Чтоб он благословил мой труд смиренный
 И сделал Тежу новой Иппокреной.

И дайте слог мне пламенный и звучный,
 Чтоб стих звенел не как свирель лесная —
 Чтоб с подвигами был он неразлучен,
 Как трубный глас, ко всем сердцам взывая.
 Пусть, не в пример сказаниям докучным,
 Прошедших дней деянья воскрешая,
 Он донесет до всех концов вселенной
 Сиянье славы вечной и нетленной.

И вы, мой государь, отчизны гордость,
 Спаситель христианства от неверных,
 Вы, с маврами в борьбе явивший твердость,
 Границ родной земли защитник верный,
 В нас бог вселил уверенность и бодрость,
 Послав нам вас, герой благословенный,
 Чтоб вы ему всей жизнью отплатили
 И в мире христианство утвердили.

Вы, юный отпрыск доблестной породы,
 Возлюбленное детище Христово,
 Из всех монархов западных народов
 Обласканный им более другого.
 Победу он нам дал в былые годы,
 О чем наш герб напоминает снова:
 Господни раны путь нам озарили
 И племя Луза славою покрыли.

Вы, властелин империи огромной.
 Чью землю солнце первой освещает
 И, небо ночи уступая темной,
 Привет последний ей же посылает,
 Вы, Родины радетель неумный,
 Чье имя трепет варварам внушает,
 Вы, кто давно прослыл грозой неверных
 И туркам страх внушил неимоверный, —

Явите милость к моему созданию,
 К стихам бесчисленным свой взор склоните,
 Внемлите звукам сладостных преданий,
 С высот величья к смертным снизойдите
 И в повести о доблестных деяньях
 Любовь к сынам отечества узрите;
 Любовь к отечеству меня томила
 И звуки этих песен вдохновила.

Моя любовь не требует награды,
 Как родина моя, она бессмертна.
 Гнездо родное было мне услодой,
 И я его пою как отпрыск верный.
 Внемлите пенью моему с отрадой,
 Я славлю подвиг предков незабвенный,
 И что милей — моей скажите лире —
 Владеть таким народом иль всем миром?

Мне ни к чему тревожить ум заботой
 И вымыслам бесплодным предаваться.
 Историей великого народа
 Я целый мир заставлю упиваться.
 И долго славе наших мореходов
 Над миром изумленным раздаваться.
 Мы превзошли Руджеро и Роланда,
 Пред нами меркнет доблесть Родоманта.

Один бесстрашный Нуну стоит многих,
 Затмит любых героев Фуаш смелый,
 Когда б Гомера воскресили боги,
 Его б кифара Эгаша воспела.
 Воспела бы героев темнооких,
 Двенадцать португальских кавалеров.
 А славный Гама, мореход и воин,
 Энеев щит наследовать достоин.

Был Цезарем для нас Афонсу Первый,
 Державе основанье положивший,
 В жестокой битве с полчищем неверных
 Свободу Португалии добывший.
 Нам бог дарил властителей примерных,
 Себя бессмертной славою покрывших,
 Как наш король Жуан непобедимый,
 Что в трудный час край отстоял любимый.

Я не могу не вспомнить об отважных,
 Державших путь к сокровищам Востока,
 Ваш стяг вознесших дерзко и бесстрашно
 Над Индии просторами далекой.
 Льет Тежу слезы об Алмейдах властных,
 О грозном Каштру, Албукерке строгом.
 Скорбит отчизна о героях милых,
 Пред кем и смерть в бессилье отступила.

Мой государь, героев воспевая,
 Деяний ваших я не смел касаться,
 Я вам достойным предков быть желаю,
 Чтоб с новой силой гимн мой мог раздаться.
 Уже весь мир от края и до края
 Победам вашим начал изумляться.
 И Африка, и города Востока
 Внимают вам в волнении глубоком.

На вас со страхом устремляет взоры
 Лукавый мавр, погибель предвкусная.
 В приданое безбрежные просторы
 Готовит вам Фетида всеблагая.
 Она по морю сеет волн узоры,
 В лазурный край вас нежно завлекая,
 Надеясь с вами ныне обручиться
 И с Лузовым потомством породниться.

Великих дедов славу принимая,
 Вы две души в себе соединили.
 И набожность в вас видится святая,
 И ратные вас подвиги пленили.
 И ждет народ, с любовью уповая,
 Чтоб предков труд вы с честью возродили,
 Чтоб, гордый путь пройдя, изведав славу,
 В раю вы место заняли по праву.

Пока я пел о подвигах бывшего
 И славил предков дерзкие деянья,
 Подняли парус аргонавты снова,
 И должен я начать свое сказанье.
 Их встретил бурей океан суровый,
 Суливший им и радость и страданья.
 Теперь я с вами, государь, прощаюсь
 И к повести о Гаме обращаюсь.

Герои вышли в океан открытый
 И бороздят валов мятежных гривы.
 Корабль летит и, пеною омытый,
 Взрывает гладь жемчужную заливов.
 И белый парус, ветрами обвитый,
 Над океаном реет горделиво.
 И прочь несутся, в страхе цепenea,
 Стада детей бесчисленных Протея.

А в вышине Олимпа, в блеске звездном
 Совет богов великий созывался,
 Чтя слово громовержца непреложно,
 Ко всем богам Меркурий обращался.
 И каждый пред отцом явиться грозным
 В почтении великом обещался.
 По Млечному Пути чредою дружной
 Спускались боги на Олимп послушно.

С Седьмого Неба дружным хороводом
 Семейство небожителей спускалось,
 Им власть над непокорною природой
 От Разума Небесного досталась.
 Им покорялись страны и народы,
 Их волей море бурное смирялось.
 Им знойный юг земли повиновался,
 И север им суровый подчинялся.

На звездном троне, властный, величавый,
 В сиянии роскошных облачений,
 Исполненный достоинства и славы,
 Весь в молниях вулкановых свеченье,
 Сидел отец Юпитер седоглавый,
 Божественный во всех своих движениях.
 При скипетре, в короне драгоценной
 Он на престоле восседал степенно.

На золотом украшенных сиденьях,
 Как Разум и Обычай повелели,
 Держась родства святых установлений,
 Олимпа обитатели воссели.
 Близ трона разместили самых древних,
 А в отдаленье младшие сидели.
 Ко всем, кто на совет богов явился,
 Торжественно Юпитер обратился:

«Бессмертные! С высот небес лазурных
 Взгляните на отчаянных героев,
 Что гордо по волнам несутся бурным,
 В дерзаниях не ведая покоя,
 И позабыть заставят мир подлунный
 Великих римлян время золотое,
 Деянья ассирийцев, персов, греков
 Затмят они отныне и навеки.

Вы видели, что этому народу,
 Что мал числом, хотя велик душою,
 Пришлось в боях отстаивать свободу
 И сбросить мавров иго вековое.
 Пришлось преодолеть судьбы невзгоды,
 С Кастилией сражаясь молодою.
 В сраженьях Португалия рождалась
 И славою сынов своих держалась.

Не стану прах героев я тревожить,
 Что с Вириату храбрым в бой ходили,
 Смогли когорты римлян уничтожить
 И Родины свободу утвердили.
 Потом, чтоб славу предков приумножить,
 Сертория вождем провозгласили.
 И с ним атаки римлян отражали
 И Родину достойно защищали.

А в наши дни, скользя в ладьях проворных
 По лону вод капризных и коварных,
 Игру ветров изведав непокорных,
 Познав и южный зной, и хлад полярный,
 Они в тот край стремят свой путь упорно,
 Где солнца луч рождается янтарный,
 Они плывут к своей заветной цели,
 Чтоб день узреть в рассветной колыбели.

Всесильный Рок когда-то обещал им
 (А Рока непреложно обещанье),
 Что во владенье воинам бывалым
 Отдаст страну их давнего мечтанья,
 Тот край, где мир рассвет встречает алый,
 Там кончатся их долгие скитанья.
 Они всю зиму плыли беспрестанно.
 Пора увидеть берег им желанный.

Вы знаете: они преодолели
 Все беды, что таят морские дали,
 Прошли сквозь шквалы, бури, рифы, мели,
 Неистовство Борея испытали.
 И, видя близость их к заветной цели,
 Мы дать им краткий отдых пожелали.
 Пусть флот усталый оснастят исправно,
 Чтоб с новой силой путь продолжить славный».

Лишь только смолк отец седой и властный,
 Младые боги в ярый спор вступили,
 Одни героев защищали страстно,
 Другие их на гибель осудили.
 Клял Вакх потомков Луза громогласно:
 Невольно страх ему они внушили.
 Себя считал он Индии владыкой
 И опасался славы их великой.

Ему давно уж Парки предсказали,
 Что с Пиренейских гор придут народы,
 Что подчинят себе Востока дали
 И покорят морей полдневных воды.
 Настанет и для Вакха час печали,
 И под родным низейским небосклоном
 О нем забудут люди преспокойно,
 Найдя ему преемников достойных.

Как он скорбел, что в вышине Парнаса
 Ему поныне гимна не сложили!
 О португальцах доблестных рассказы
 Всегда на Вакха ужас наводили.
 Ему казалось: от людского глаза
 В реку забвенья бег свой устремили
 Его победы в Индии, померкнув
 Пред славой Луза, гордой и безмерной.

Но их взяла Венера под защиту,
 Наследниками римлян их считая,
 Любя их нрав, отважный и открытый,
 Победы их в Танжере вспоминая.
 Мечтою к временам полузабытым
 Влеклась богиня, с радостью внимая
 Их языку — подпорченной латыни,
 Будившей память в ней о днях старинных.

Открыли Парки радостной Цитере,
 Что там, где племя Луза воцарится,
 Ей будут фимиам курить без меры
 И власть любви великой утвердится.
 В слова провидиц не теряя веры,
 Два бога не могли договориться.
 Жестокий спор они не прекращали
 И прочих небожителей смущали.

Когда Астрей или Борей гневливый
 К земле деревьев кроны пригибают
 И в яростном, неистовом порыве
 Побег неокрепшие ломают,
 Дрожат листочки бедные пугливо,
 От страха горы грозные рыдают.
 Такой же шум и средь богов поднялся
 И в вышине Олимпа раздавался.

Великий Марс, воитель прирожденный,
 Пустился с жаром защищать Киприду,
 То ль давней страстью снова вдохновенный,
 То ль взять желая под свою эгиду
 Народ, умом и силой наделенный.
 И, преисполняясь за сестру обидой,
 Отбросив щит, Марс в полный рост поднялся
 И в спор богов стремительно ввязался.

Подняв с лица прекрасного забрало,
 Сияя лучезарною броней,
 Свой жезл алмазный с силой небывалой
 Он в твердь вонзил земную пред собою,
 Земля в немом испуге задрожала,
 И небо сотряслось голубое.
 Так испугался Феб, вблизи сидящий,
 Что потускнел венец его блестящий.

И Марс изрек: «Властитель наш державный,
 Которому покорно все в подлунной,
 Спаси народ бестрепетный и славный,
 Что путь к востоку пролагает бурно,
 И веры не давай наветам явным.
 Нельзя, чтоб здесь, вблизи небес лазурных,
 Безвинно португальцев бы чернили
 И путь бы им коварно преградили.

Вакх, одержимый умопомраченьем,
 На них проклятье в страхе призывает,
 Забыв, что это племя по рожденью
 К его родне любимой причисляют.
 Дни прежней дружбы он предал забвенью
 И Луза ныне помнить не желает.
 Но я уверен: гордый Вакх смирится —
 И снова справедливость воцарится.

А ты, властитель мира прирожденный,
 Благослови великое дерзанье,
 Удел бессильных, разума лишенных,
 Вдруг отступить от славных начинаний.
 Меркурий, твой глашатай искушенный,
 Подвижный, как Зефира колебанье,
 Пусть берег долгожданный им укажет,
 Где им дорогу в Индию подскажут».

Кивком главы Олимпа повелитель
 С воителем бесстрашным согласился.
 И, взором обведя свою обитель,
 С бессмертными он ласково простился.
 И как исчез божественный властитель,
 Так Млечный Путь сияньем озарился.
 Чредой согласной восходили боги,
 Спеша вернуться в горние чертоги.

Покуда шел богов совет высокий,
 На коем лузитан судьбу вершили,
 Они уже продвинулись далеко
 И к побережью Африки подплыли.
 И, обогнув ее с юго-востока,
 В пролив близ Мозамбика заходили.
 И жгучее их солнце опаляло,
 Под знаком Рыб в те дни оно сияло.

Так нежно ветры паруса вздымали,
 Как будто небо их о том молило,
 И воды безмятежны пребывали,
 Ничто ни шквал, ни бурю не сулило,
 Мыс Прассу лузитане миновали,
 И ласковое море им открыло
 Цепь островов, неведомых им ране,
 Разбросанных в бескрайнем океане.

Но Васко, многомудрый капитан,
 Обласканный Фортуной прихотливой,
 Боясь попасть к безлюдным берегам,
 Хотел промчаться мимо торопливо.
 И каравелл прекрасных караван
 Прочь по волнам стремился горделиво,
 Но вдруг помедлил капитан в сомненье
 И вскоре изменил свое решение.

Внезапно среди моря появились
 Челнов подвижных легкие ветрила
 И в сторону пришельцев устремились,
 Гонимые неведомою силой,
 Тут португальцы вмиг приободрились,
 Всех сразу любопытство охватило:
 Какие племена здесь обитают,
 Каким богам на верность присягают?

И вскоре португальцы увидали,
 Что паруса у лодок быстроходных,
 На диво чужестранцам, состояли
 Из листьев пальмы, мастерски сплетенных.
 А лодками искусно управляли
 Потомки Фаэтоном опаленных
 Народов, обожженных при паденье
 Возницы, потерпевшего крушение.

Из хлопка разноцветного хламиды
 Туземных мореходов украшали,
 У некоторых поясом обвиты,
 А у других свободно ниспадали.
 А третьи были в юбках, ладно сшитых,
 Тюрбаны их от солнца защищали.
 И доносился из челнов проворных
 Призыв трубы, и звучный и задорный.

С челнов туземцы знаки подавали,
 Прося помедлить мореходов славных,
 Те ж паруса поспешно зарифляли,
 Их ладя к реям дружно и исправно.
 И каравеллы якоря бросали,
 Качаясь на волнах легко и плавно,
 От раны, нанесенной якорями,
 Вздымалось море мощными валами.

И вот уже проворно по канатам
 На борт туземцы ловкие взобрались
 И за столом огромным и богатым
 По воле капитана оказались.
 И предложил хозяин тороватый,
 Чтоб гости дорогие не стеснялись,
 К дарам Лиэя дружно припадали
 И чаши терпкой влагой наполняли.

К наречию арабов прибегая,
 Хозяев пира гости расспросили,
 Куда влечет фортуна их лихая
 И из каких земель они приплыли.
 Туземцев любопытство утоляя,
 С охотой лузитане объяснили,
 Что край их Португалией зовется
 И на восток могучий флот несется.

«Мы обогнули африканский берег
 И близ земель неведомых проплыли,
 И путь нам преграждал противный ветер,
 Немало мы опасностей вкусили.
 Но не страшны нам шквалы, бури, беды,
 Мы королю присягу приносили,
 А если он отдаст нам приказанье,
 Мы в Ахерон войдем без колебанья.

По мановенью королевской длани
 Мы путь к Востоку пролагаем ныне,
 Скитаемся в суровом океане,
 Где страшные тюлени жмутся к льдинам.
 И просим вас поведать без обмана,
 Куда теперь нас привела судьбина,
 Чьи острова мы зрим среди морей
 И сколько плыть до Индии нам дней».

Один из африканцев объяснил:
 «Мы здесь осели средь чужих племен,
 Они живут во власти темных сил,
 Неведом им ни Разум, ни Закон.
 Нам отпрыск Авраама возвестил
 Начало новых и благих времен.
 (В брак иудейка с варваром вступила
 И миру Магомета подарила.)

Мы здесь свою торговлю основали.
 Здесь исстари встречаются дороги
 Из Килоа, и из Момбасских далей,
 И из Софалы — кладезя Востока.
 Мы варваров свирепых обуздали,
 С них взяв приязни веские залого,
 На острове обосновались диком,
 А остров наш зовется Мозамбиком.

Ища Гидаспа дальнего течение,
 Немало бед в пути вы претерпели,
 Мы кормчего дадим вам в услуженье,
 Он приведет ваш флот к заветной цели.
 И после долгих бурь отдохновенье
 Мы предложить вам искренне хотели.
 Наш повелитель примет вас с охотой
 И вам вручит все нужное для флота».

Гость кончил речь, и сразу распрощались
 Арабы с достославным капитаном.
 Был поздний час: светила поменялись,
 Феб лик хрустальный прятал в океане.
 К нему и волны робкие ласкались,
 А свод небесный он отдал Диане.
 Пока же Феб вкушал отдохновенье,
 Домой поплыли мавры в нетерпенье.

Ко сну потомки Луза отходили
 В спокойном и веселом настроенье,
 Ликуя, что в чужих морях открыли
 Желанную страну отдохновенья.
 Но все ж на память многим приходили
 Неверных разговор и поведенье,
 И долго лузитане удивлялись,
 Что всюду исламиты им встречались.

А светлые лучи луны далекой
 Гладь океана нежно серебрили,
 И звезд гирлянды небосвод высокий,
 Как маргаритки поле, оживили.
 И не было в тот час ветров жестоких,
 Они в своих пещерах опочили.
 Лишь часовые на посту стояли
 И спящих неусыпно охраняли

Но только розоперстая Аврора,
 Свои власа небрежно распустив,
 По небу пронеслась с младым задором,
 Гипериону путь освободив,
 Проснулись океанские просторы,
 И моряки, к работе приступив,
 На славу всю армаду разубрали,
 Поскольку в гости мавров ожидали.

Правитель островов, томясь тревогой,
 Боялся, что привел попутный ветер
 К его брегам кочевников жестоких,
 Не знавших поражения в целом свете.
 Он знал, что Константин в краю далеком
 Оставил туркам свой престол заветный,
 И устремился по рассветным водам
 Он в гости к незнакомым мореходам.

Достоин капитан высокочтимый
 Приветил мавра и его придворных.
 Как вечной дружбы знак неоспоримый,
 Подарок гостю он вручил проворно.
 И угостил цукатом несравнимым,
 Бокал наполнил влагой огнетворной.
 Пришлось по сердцу мавру угощенье,
 И с радостью он принял подношенье.

А моряки армады величавой
 Обсели снасти, глядя с удивленьем,
 Как мавр, отдавав сладких яств на славу,
 Разглядывал морское снаряженье.
 Вдруг с ласковой улыбкой гость лукавый
 Спросил, пытаясь тщетно скрыть смущенье,
 Не турок ли случайно горделивых
 К нему направил ветер прихотливый.

И пожелал страницы книг священных
 Воочию правитель лицезреть,
 Стремясь о мореходах дерзновенных
 Сужденье справедливое иметь.
 Затем спросил с улыбкой неизменной,
 Нельзя ли ради дружбы повелеть,
 Чтоб принесли оружие боевое,
 Что Луза сыновья везли с собою.

Ответил Гама, флотоводец славный,
 Через толмача к пришельцу обращаюсь:
 «Я расскажу тебе, мой гость державный,
 Во что я верю и за что сражаюсь.
 Противно племя турок мне злонравных,
 И не для них я по морям скитаюсь.
 Я горд, что здесь Европу представляю
 И в Индию дорогу пролагаю.

И верю я в того, кому подвластно
 Все зримое и скрытое от взора,
 Кому все в мире долгием сопричастно,
 В того, кто сотворил Земли просторы,
 Кто грешных нас любил любовью страстной,
 Кто предан был мученьям и позору,
 Кто смертью смерть поправить с небес спустился,
 Чтоб смертный к горним высям приобщился.

Я не привез Священное Писанье,
 Нам данное от богочеловека,
 Мы память о Спасителя деяньях
 В душе храним от века и до века,
 Не доверяя скудным начертаньям.
 Что до оружия, то клянусь навеки:
 Как друг узришь ты наше снаряженье,
 Чтоб никогда не зреть его в сраженьях».

И, повинуясь Гамы повеленьям,
 Арабу мореходы показали
 Кольчуги, почерневшие в сраженьях,
 Мушкеты, ядра, пики и пищали,
 Щиты в чеканных дивных украшеньях,
 И шпаги из дамасской чистой стали,
 И арбалеты, стрелы, протазаны —
 Все маврам предъявили без обмана.

Тут к пушкам мавр приблизился лукавый,
 А пушкари — наследники Вулкана —
 Стояли близ орудий величавых,
 В душе над мавром тешась невозбранно.
 Не заряжая, даже для забавы,
 Орудий по приказу капитана:
 Для храбрецов честь небольшая в том,
 Чтоб средь овец прослыть свирепым львом.

Мавр осмотрел, не выказав волнения,
 Все, что любезно гости показали,
 Внимал всему он с мрачным озлобленьем,
 Но вслух не выражал своей печали.
 Он Гаме изъяснял лишь восхищенье,
 Решив, что дни отмщенья не настали,
 И до поры скрывал свои мечтанья,
 Как гордый флот отдаст на растерзанье.

И попросил достойный капитан
 У властелина кормщиков надежных,
 Чтоб к берегам далеких, чудных стран
 Путь верный обрести и непреложный.
 Тот обещал, тая в душе обман,
 Всех обольстив учтивостию ложной.
 Он, если б мог, пред всем честным народом
 Казнил бы дерзновенных мореходов.

Он распалился злобой непомерной
 И сердце горькой истомил обидой,
 Узнав, что видит христиан примерных,
 Потомка чтущих славного Давида.
 Пришельцам другом притворившись верным,
 О страшной мести размышлял он скрыто.
 Нередко прежний друг, предав былое,
 Встречает нас коварством и враждою.

Но наконец с почтением притворным
 Мавр с храбрым капитаном распростился,
 И по волнам Нептуновым проворно
 Он к берегу родному устремился.
 А там рой многочисленных придворных,
 Владыку ожидая, суетился.
 Правитель, мучим злобой роковою,
 В молчании прошел в свои покои.

Меж тем в сиянье звездного престола
 Угрюмый Вахх, в раздумья погруженный,
 Терзался, очи устремляя долу,
 Успехами лузиад угнетенный.
 Но вдруг обрел он снова вид веселый,
 Узрев, как мавр, коварством распаленный,
 Желает смерти доблестных героев.
 И рассуждал лукавец сам с собою:

«Уже давно сулил мне рок жестокий,
 Что ниспошлет он в Индии победы
 Питомцам Португалии далекой,
 А мой удел — бесславье, плач и беды,
 Но мой отец — сам громовержец строгий,
 И должен рока я презреть заветы.
 Зачем мне ждать, пока судьбина злая
 Свершит свой суд, всего меня лишая?»

Уже хотели боги, чтобы правил
 Филиппа сын землю отдаленной,
 И Марс повсюду власть ему доставил,
 Над Индией простер его знамена.
 Но ныне к славе рок слепой направил
 Столь малого народа легионы,
 Что вряд ли македонец своенравный
 Себя сочтет потомку Луза равным.

Ловушку португальцам я устрою,
 Чтоб им не дать узреть зари востока.
 Я замыслы их гордые расстрою
 И их надежды обману жестоко.
 Склоню к войне я мавров и к разбою,
 На горе мореходам темнооким.
 И хитростью, коварством и сноровкой
 Себе победу завою ловко».

И, так сказав, на землю Вакх спустился,
 До побережья Африки добрался,
 Там человеком вмиг оборотился
 И к Прассу неприступному помчался.
 Там в мудреца араба превратился,
 С которым шейх воинственный считался.
 Весь Мозамбик питал к нему почтение.
 И к шейху Вакх пришел без промедленья.

Приняв обличье истинного друга,
 Он мавру сразу возвестил, что знает,
 Как отомстить пришельцам по заслугам,
 Сказал, что весь Восток их проклинает.
 Ему легко поверил мавр в испуге,
 Признался, что сгубить гостей желает,
 А Вакх твердил, что Индию ограбит
 Тот Гама, что покамест дружбу славит.

«Пойми, — Вакх говорил, — что христиане
 В крови наш остров потопить желают,
 И пронеслась молва над океаном,
 Что все разграбить здесь они мечтают,
 Коварным славословьем и обманом
 Невинные сердца нам обольщают,
 Чтоб захватить сокровища Востока
 И наших жен в полон угнать жестокий».

Вакх говорил: «Увидишь, друг любезный,
 Что завтра обитатели армады
 Сойдут на берег за водою пресной,
 И в самый раз устроить им засаду.
 Едва заря украсит свод небесный,
 Ступай на берег со своим отрядом.
 Мы перебьем пришельцев безоружных,
 Себя избавив от гостей ненужных.

А коль желанье это не свершится,
 Мы кормщика гостям дадим незваным,
 Который их туда завлечь решится,
 Где мы их уничтожим невозбранно.
 Пусть в их доверье прочно утвердится,
 Чтоб нанести тяжелую им рану.
 Тебе, мой властелин, я обещаю:
 Мы перебьем презренных негодяев».

Как только речь закончил Вакх лукавый,
 Мавр тут же заключил его в объятия,
 Вознаградил советчика на славу,
 А на армаду призывал проклятья,
 Сказав, что сгинет в море вод кровавых
 Все Лузово потомство без изъятья.
 И приказал, чтоб все без промедленья
 Готовились к великому сраженью.

Мавр кормщика велел к себе доставить
 В надежде, что туземец недостойный
 Армаду сможет гордую направить
 На гибель с неизбежностью спокойной.
 И, кормчему сказав, как все обставить,
 Чтоб воплотить свой замысел разбойный
 И погубить гостей, правитель подлый
 Отправился ко сну с улыбкой бодрой.

Как только луч рассветный Аполлона
 Позолотил вершины гор востока
 И, пролетев под бледным небосклоном,
 Прервал армады славной сон глубокий,
 Надумал Гама, воин искушенный,
 Искать воды живительной истоки,
 Но, сердцем-вещуном предупрежденный,
 Велел он всем идти вооруженным.

Он перед тем о кормщике справлялся,
 Но мавр, высокомерный и надменный,
 Уж боле в выраженьях не стеснялся,
 Решив затеять битву непременно.
 Но капитан засады опасался,
 И повелел он мореходам верным
 С оружием ни на миг не разлучаться
 И к новой битве всем приготавливаться.

Меж тем на берегу уже стояли
 Туземцы неприступным, тесным строем,
 В руках щиты и дротики держали,
 Готовые пришельцев встретить боем.
 Отравленными стрелами желали
 Они отважных поразить героев,
 А многие в засаде укрывались
 И славных мореходов дожидались.

Древками копий гневно потрясали
 Воинственные мавры в озлобленье
 И путь к воде щитами преграждали,
 Стремясь начать кровавое сраженье.
 Но португальцев славных не пугали
 Неверных псов насмешки и глумленья.
 Покинув шлюпки, гордою когортой
 Лузиады на брег ступили твердо.

Вот так быков отважный укротитель,
 Увидев даму — дум своих царицу,
 Бежит к быку, как храбрый покоритель,
 Желая в битве обогреть десницу.
 И замирает в страхе робкий зритель,
 И льется кровь рекой на плащаницу.
 А бык ревет, рога к земле склоняет
 И с долгим стоном дух свой испускает.

И так огонь губительный открыли
 По маврам Луза славные потомки.
 Тишь берегов вдруг выстрелы пронзили,
 И воздух разорвался с шумом громким.
 Так мавров португальцы усмирили,
 Разбив сердца их в жалкие обломки.
 И в страхе мавры с плачем разбежались,
 И к праотцам иные отправлялись.

Лузиады, упорствуя в сраженье,
 Островитян коварных обстреляли,
 Подвергли все разгрому и сожженью,
 Топтали, убивали, разрушали.
 Властитель мавританский с озлобленьем
 Смотрел, как португальцы побеждали.
 И проклинал советчика лихого,
 Весь род его клеймя недобрым словом.

В бессильной злобе мавры отбивались
 От португальцев кольями, камнями.
 Иные в бегство в страхе обращались
 И заливались горькими слезами.
 Другие в воду толпами бросались,
 Бесславно отступив пред смельчаками,
 Надеясь вплавь к материку добратся,
 От гибельной погони отвязаться.

Одни поспешно в лодки погружались,
 Другие вплавь пересекали море,
 Одни на дно пучины опускались,
 Другие плыли вдаль, с волнами споря.
 Над маврами герои потешались,
 Обманщику-правителю на горе,
 Раз мавры клятву дружбы не сдержали,
 Их гости по заслугам покарали.

Герои возвращались на армаду,
 Неся с собой богатые трофеи,
 И, вспоминая подлую засаду,
 Вовсю бранили мерзостных злодеев,
 Меж тем как племя наглых супостатов,
 В свирепой кровожадности коснея,
 Опять между собой совет держало
 И новые ловушки расставляло.

Гонца прислал в раскаянье правитель,
 Чтоб принести героям извиненья.
 Искусно скрыл коварный повелитель,
 Что он готовит новое сраженье.
 Нашелся кормчий, бурь и вод властитель,
 Готовый выйти в путь без промедленья,
 Желая лузитанцев обесславить,
 В объятья смерти корабли направить.

А капитан давно уж собирался
 Продолжить путь до Инда светлых далей.
 И ветер ему попутным показался,
 Суда поспешно паруса подняли.
 И вскоре Гама кормщика дождался,
 Ему прием учтивый оказали.
 И снова по приказу капитана
 Флот вышел на просторы океана.

И бороздили царство Амфитриты
 Судов могучих гордые громады.
 Им нежно улыбались nereиды,
 Резвились среди волн Протея чада.
 А вероломный кормщик деловито
 Командовал прекрасною армадой.
 Твердил он мореходам неустанно,
 Что близок берег Индии желанной.

И преуспел хитрец неблагодарный,
 Героев обманув своею лестью.
 Пел славу берегам он лучезарным,
 Об Инде сообщал благие вести,
 А сам томился думою коварной
 И злобно предвкушал минуту мести.
 А Лузово потомство простодушно
 Его приказы выполняло дружно.

Как грек Синоп, что в древнем Илионе
 Сумел троянцев храбрых обмануть,
 Так кормщик возвестил, что неуклонно
 Он к острову благому держит путь.
 Там чтут Христа пресветлого законы,
 Там мореходы смогут отдохнуть.
 И Гама, благочестием известный,
 Увидеть остров возжелал чудесный.

Знал кормчий, криводушный и лукавый,
 Что островом владели исламнты
 И встретить битвой жаркой и кровавой
 Готовились героев знаменитых.
 Армаду — Луза доблестного славу —
 Надеялся увидеть он разбитой.
 Тот остров, Мозамбик превосходящий,
 Был Килоа, купцов к себе манящий.

И мавр к нему направил каравеллы,
 Но тут Цитера долу взор склонила
 И поняла: в опасные пределы
 Армаду мчит неведомая сила.
 Спасти народ любимый захотела
 Богиня и мгновенно возбудила
 Могучий ветер, что не позволил флоту
 Пришвартоваться в килоаских водах.

Но новой ложью наглый мавр решил
 Прельстить армады славной капитана,
 Он объявил, что рядом находился
 Среде вод лазурных моря-океана
 Другой приют, где тоже утвердился
 Господний крест, и в том краю желанном,
 Сказал он, христиане обретались
 И с маврами спокойно уживались.

Но знал коварный мавр, что мусульмане
 Тот остров злополучный населяли
 И с сотворенья мира христиане
 Забытый богом край не посещали.
 Но капитан не ведал об обмане,
 И в гавань каравеллы поспешали,
 Но тут Венера белые ветрила
 От берегов опасных отвратила.

А остров тот от суши отделялся
 Проливом небольшим и неглубоким,
 На фоне моря город выделялся,
 Маня к себе пришельцев темнооких.
 И строй высоких зданий поднимался,
 Пленяя взгляды красотою строгой.
 Момбасой этот остров назывался
 И шейхом престарелым управлялся.

И только кормщик, исламит презренный,
 Подвел к Момбасе Луза каравеллы,
 Как им навстречу дружно и мгновенно
 Лады туземцев поспешили смело.
 Ведь хитрый Вакх, по злобе неизменной,
 Уж посетил Момбасские пределы,
 И снова дряхлым мавром притворился,
 И с королем легко договорился.

Как часто нас с радушием встречают,
 С улыбкой тайный яд в душе скрывая.
 Приветы нам и ласки расточают,
 Скорейшей смерти нас предать желая.
 О, жизнь, что вечно смертных устрашает!
 О, мир, где все вершит судьба слепая,
 Где человек не верит обещаньям
 И нет надежды пережить страданья!

На море бури, смерти злой угрозы,
 На суше войны, страхи и мученья.
 И всюду ложь, стенания и слезы,
 Уставших душ метанье и смятенье.
 Где ж смертного ждут сладостные грезы,
 Где ж ослабевший дух найдет спасенье?
 Как не разгневать небо голубое
 Над крохотной и трепетной Землею?

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

А в этот час прекрасная планета,
Что бег времен извечно измеряет,
Уже лишала мир подлунный света,
И было видно, как ее встречает
Бог ночи, как с любовью шлет приветы
И тайный вход ей в море открывает.
Уже на рейде корабли стояли,
Когда на лодке мавры к ним пристали.

2

Посланец главный смог сокрыть умело
Обман жестокий и сказал лукаво:
«О капитан! Ты покоряешь смело
Нептуна необъятную державу,
Уже давно земли моей пределов
Достигла весть о португальской славе,
И наш правитель будет рад душевно
Коль вы прервете путь свой многодневный.

3

Тебя он жаждет расспросить о многом.
Он передал, чтоб ты не опасался
К нам в гавань дружбы проложить дорогу
И с кораблями там обосновался.
Он знает: ты проделал путь далекий
И от судьбы ударов отбивался.
Тебе властитель помощь предлагает
И отдых долгожданный обещает.

А коли ищешь яхонтов и злата,
 Целебных трав и специй драгоценных,
 Отсюда увезешь запас богатый
 Рубинов алых, перлов несравненных.
 И урожай, рукою щедрой снятый,
 Вам принесет наш край благословенный.
 Гвоздику и корицу вам предложим
 И тем богатства ваши приумножим».

Тотчас ответил капитан отважный,
 Что ценит он правителя заботы,
 Но в час ночной плыть к гавани опасно
 Для славного, испытанного флота.
 Едва с небес спадет покров прекрасный,
 Что ночь заткала звездной позолотой,
 Немедля в путь армада снарядится
 И к берегам Момбасы устремится.

Он расспросил, взаправду ль христиане
 В Момбасе изобильной обитали.
 «Христовых чад, — сказали мусульмане, —
 Извечно мы, как братьев, почитали».
 Столь мерзкому и наглому обману
 С доверием лузиады внимали.
 А капитан сомнений всех лишился
 И на слова неверных положился.

Среди армады славной мореходов
 Имелась горстка бывших заключенных.
 На путь порока встав в молодые годы
 И закоснев в деяньях незаконных,
 Они тюрьму сменили на свободу,
 Чтоб в путь к брегам пуститься отдаленным.
 Из них избрав двух молодцов сметливых,
 Послал их в город Гама торопливо.

Подарки он правителю отправил,
 Желая с ним упрочить отношенья,
 И цель перед посланцами поставил:
 Увидеть христиан без промедленья.
 И от армады легкий челн отчалил
 И в порт поплыл без тени опасенья.
 Посланцев встретив с радостью притворной,
 Их мавры к королю ввели проворно.

Представив королю друзей-посланцев,
 Им град любезно мавры показали,
 Искусно скрыв от зорких чужестранцев
 Все то, что те увидеть бы желали.
 Коварно обманули лужитанцев,
 Им похвалы усердно расточали
 И быстро их к себе расположили,
 А злобу до поры в груди сокрыли.

А вечно юный бог, что дважды миру
 Явил свое чудесное рожденье,
 Изменчивый, как ветер легкокрылый,
 Спешил ввести пришельцев в заблужденье:
 Молитв знакомых звук, издавна милый,
 Донесся к ним из ближнего строенья,
 Войдя в него, друзья алтарь узрели,
 Пред коим преклониться захотели.

Над ним пречистой девы образ милый
 Вознесся, словно Феникс возрожденный.
 Над девой реял голубь белокрылый —
 В нем Дух Святой сиял запечатленный,
 Двенадцать слуг Христовых стройной силой
 Со стен взирали воинством сплоченным.
 А Вакх, приняв священника обличье,
 Усердно славил божие величье.

Два друга-португальца обратили
 Свою молитву к истинному богу,
 Колени перед господом склонили,
 Пройдя сквозь бури к вечному порогу,
 Прилежно в храме ладан воскурили,
 И был наказан Вахх по воле рока.
 Пред господом пришлось ему склониться,
 У алтаря с усердием молиться.

Введенные коварно в заблужденье,
 Два друга вечер провели в молитвах,
 Они к творцу взывали с умилением,
 Забыв на время о грядущих битвах.
 Но лишь жена Тифона в юном рвенье
 Явилась в мир на новую ловитву
 И рассветила горизонт лучами,
 Ища себе возлюбленных глазами, —

Опять явились мавры на армаду,
 Чтоб заявить, что другом почитает
 Героев их властитель, что с отрадой
 Король о встрече с ними помышляет,
 Что никакие козни и засады
 Гостей его земли не ожидают.
 А тут еще посланцы рассказали,
 Что христиан на острове встречали.

Сказали, что в господнем светлом храме
 Свои молитвы к богу воссылали
 И долго восхищенными очами
 На пастыря достойного взирали.
 Заверили, что сладкими речами
 Их горожане славные встречали
 И вряд ли стоит верить подозренью
 И чувства мавров подвергать сомненью.

Услышав это, с радостью глубокой
 Приветил мавров капитан отважный,
 И мусульман — исчадие порока —
 На борт армады пригласил бесстрашно.
 И приняли гостей своих жестоких
 Лузиады, меж тем как битвы страшной
 Кровавый час уж мавры предвкушали
 И смерти христиан в душе алкали.

И к устью каравеллы поспешали,
 Чтоб запастись водою питьевой,
 А на берегах неверные стояли,
 Готовые к предательскому бою.
 Дружину Луза перебить желали,
 Предав армаду славную разбою.
 Чтоб Мозамбика смыть позор кровавый,
 Решили мавры бой начать неправый.

А дети Луза с якоря снимались
 И, радостные кличи издавая,
 На верные ветрила полагались,
 К реке зловещей резво поспешая.
 Но силы вновь небесные вмешались
 В судьбу лузиад, и, спасти желая
 Народ любимый, с неба Эрицина
 Спустилась в океанские пучины.

Из пены моря в мир пришла Киприда,
 И все моря богине подчинялись,
 И стайкой оживленной nereиды
 Со всех морей вокруг нее собрались.
 Явившись под Венерину эгиду,
 С бессмертной девы моря пошептались
 И принялись с неугасимым рвением
 Препятствовать армады продвижению.

И девы моря бурю вдруг подняли,
Играя серебристыми хвостами.
Вокруг армады волны нагнетали,
Взрывая воды мощными пластами.
Нерина с Низой море возмущали,
Нырря под огромными валами.
А Дото смело ринулась в пучину,
Вздымая океанские глубины.

Неслась Венера, оседлав Тритона,
Спеша вернуть любимую армаду.
Тритон пленился дочерью Дионы,
И ноша стала чудищу отрадой.
И, чтя слова Венеры неуклонно,
Промчались нимфы через все преграды,
Свои ряды бесшумно разделили
И каравеллы Гамы окружили.

И флагману богиня преградила
Путь к берегам недобрым и опасным.
Цепь nereид глубины возмутила,
Чтоб флот спасти от гибели ужасной.
Толкая корабли с изрядной силой,
О кили грудью опершись прекрасной,
Морские девы флот остановили,
От берегов враждебных удалили.

Как летом муравьи спешат в волнение
Себе приют от зимних стуж устроить,
Тяжелый груз влачат в изнеможенье,
Чтоб в черный день себя не беспокоить,
Превосходя самих себя в раденье,
Стремятся бремя тяжкое удвоить,
Так нимфы все усилия приложили
И лузитан от смерти оградили.

И, вопреки желанью мореходов,
 Ветрила вспять от бухты повернулись.
 Стремясь покинуть гибельные воды,
 Прочь от Момбасы корабли рванулись.
 Когда неслась армада на свободу,
 Рули в руках у кормчих содрогнулись.
 Чуть не столкнувшись с валуном громадным,
 На волю флот помчался безоглядно.

Тут шум и крик поднялся на армаде,
 Такую брань матросы изрыгали,
 Что, словно пушек слыша канонаду,
 Испуганные мавры задрожали.
 Казалось им — пора просить пощады,
 И замысел их гости разгадали,
 И небо ниспошлет им наказанье,
 Достойное их мерзостных деяний.

К своим челнам туземцы побежали,
 Объяты жалким страхом перед боем,
 Одни в пучину бурную ныряли,
 Другие в лодки ринулись гурьбою.
 Скорей погибнуть в море бы желали,
 Навек простившись с жизнью дорогою,
 Чем с ходу начинать без промедленья
 С дружиной Луза доблестной сраженье.

Вот так ликийцы, гневную Латоной
 Когда-то превращенные в лягушек,
 Лишь только шум услышат над затоном,
 Из тины выставляют вмиг макушки.
 От берегов толпою полусонной
 Торопятся забраться в глубь речушки
 И, сбившись в кучу, робкою гурьбою
 Теснятся под прозрачною водою.

Бесславно враг коварный разбежался,
 И, в страхе перед карой неизбежной,
 За ним презренный кормщик увязался,
 От Гамы ноги унося поспешно.
 А капитан отважный опасался,
 Что смерть скрывает океан мятежный.
 И бросил якорь Гама благородный,
 Боясь столкнуться со скалой подводной.

Увидев бегство негодяя злого
 И мавров торопливое отплытье,
 Постиг людскую хитрость Гама снова,
 И, вспоминая прошлого события,
 Он к небесам вознес благое слово
 И к богу обратился с челобитьем,
 Поняв, что сверхъестественная сила
 От гибели армаду защитила.

«О, — восклицал он, — день необычайный!
 О, небесами явленное чудо!
 О, враг коварный, мерзостный и тайный,
 О, ложь, подстерегающая всюду!
 Кто избежал бы кары чрезвычайной,
 Преодолеет ли испытаний груды,
 Когда б само Благое Провиденье
 Нам, беззащитным, не дало спасенья?»

Нам промыслом божественным открылась
 Тщета и слабость наших упований.
 За нас благая сила заступилась
 И нас спасла от страшных истязаний.
 Какое лицемерие таилось
 Под маскою объятий и лобзаний!
 Когда б не небо, было б невозможно
 Разоблачить обманщиков безбожных.

Молю тебя, Святое Провиденье,
 Яви к скитальцам бедным состраданье,
 Нам ниспослав чудесное спасенье,
 Дозволь увидеть край обетованный,
 Дай путникам вкусить отдохновенье,
 Прерви на миг столь давние блужданья.
 Пусть на восток укажут нам дорогу,
 Чтоб мы и там могли прославить бога».

Мольбе смиренной в трепетном волненье
 Внимала дщерь прекрасная Дионы.
 И вскоре в небывалом нетерпенье
 Она помчалась к далям небосклона
 И, среди звезд свершая восхожденье,
 Радея о любимцах неуклонно,
 К шестому небу резво устремилась
 И пред Отцом почтительно склонилась.

Все негою и прелестью дышало
 В движениях Киприды лучезарной.
 К богине нежность небо излучало,
 Сиял любовью звезд поток янтарный.
 Богиня столько страсти заключала
 В своих очах, что груды льдов полярных
 В единый миг с улыбкой растопила,
 А пламень в лед, играя, превратила.

И чтоб любви Юпитера добиться
 (А он всегда являл Венере милость),
 Она пред ним решила появиться
 Нагой, как пред Парисом появилась.
 О Актеон! Тебе б в нее влюбиться —
 И жизнь твоя бы, юноша, продлилась,
 Когда бы вместо девственной Дианы
 К Венере пылкой ты простер бы длани.

Как золотые нити, разметались
 Ее власа по шее белоснежной.
 От страсти груди дивные вздымались,
 Амур их теребил рукою нежной,
 Вокруг богини чудной разлетались
 Огни страстей и пылких и мятежных,
 Спина богини белизной сияла
 И страстные желанья возбуждала.

Тончайшим покрывалом защитила
 Венера от нескромных дерзких взглядов
 То, что стыдливость робкая сокрыла,
 Любви запрятав райскую усладу.
 Краса богини нежной всех пленила,
 Богов она сражала без пощады.
 Вулкан могучий ревностью терзался,
 А Марс мечтам любовным предавался.

И, с тихой грустью на отца взирая,
 Лиюя и скорбя одновременно,
 Как дама, что, в огне любви стгорая,
 Сменяет плач улыбкою мгновенной
 И, ветреного друга осуждая,
 Опять к нему спешит самозабвенно,
 Богиня, что красой всех затмевала,
 Такую речь царю богов сказала:

«Родитель мой! Доне я считала,
 Что ты всегда готов меня приветить,
 С наивностью я детской полагала,
 Что на добро добром ты рад ответить.
 Наветам я коварным не внимала,
 И вот теперь, увы, должна заметить,
 Что от меня ты лик свой отвращаешь,
 А милостями Вакха осыпаешь.

И что ж? Народ, любимый мной извечно,
 Народ, по коем слезы проливаю,
 Подвергнут был страданиям бесконечным,
 И ныне я у ног твоих рыдаю,
 Моля, чтоб ты благословил сердечно
 То племя, коим я повелеваю,
 Но лучше мне желать ему плохого,
 Чтоб ты ему вернул удачу снова.

Опять его карает враг жестокий,
 А я, увы...» — и слез поток горючих
 Прервал слова богини ясноокой.
 Так на заре роса цветок пахучий
 Порой туманит. Нежностью глубокой
 Проникся к дочке царь богов могучий
 И обратил к ней пламенные взоры,
 Не дав ей боле продолжать укоры.

Прекрасной дамы скорбные стенанья
 Могли бы и у тигра вызвать жалость.
 Ей внял отец с улыбкой обожанья,
 И в ясном небе солнце разгулялось,
 Юпитер долго расточал лобзанья
 Любимой дочке, и уже казалось,
 Что громовержец, страстью распаленный,
 Вот-вот создаст второго Купидона.

Целуя лик печальный и прекрасный
 И тщетно осушить пытаясь слезы,
 Что омрачили в этот час злосчастный
 Ланит богини трепетные розы
 (Вот так младенец плачет громогласно,
 Презрев седой наставницы угрозы),
 Юпитер успокоить дочь стремился
 И ей открыть грядущее решился.

«О дочь моя, оставьте этот страх.
 Потомкам Луза смерть не угрожает.
 В несокрушимых яростных волнах
 Великая их слава поджидает.
 Утихнет вскоре память о делах
 Сынов Эллады, что умы пленяет.
 Склонятся изумленные народы
 Перед отвагой новых мореходов.

Пусть перевозмог Улисс велеречивый
 Все Калипсо коварной обольщенья,
 Пусть Антенор, воитель горделивый,
 От Родины скитался в отдаленье,
 Пускай проплыл Эней благочестивый
 Меж Сциллой и Харибдой без смущенья, —
 Лишь подвиг португальцев на Востоке
 Откроет миру новые дороги.

И всюду возводя, себе на славу,
 Твердыни, города и укрепленья,
 Индийцев гордых покорив державу,
 Кичливых туток разгромив в сраженье,
 Востоком гордым овладев по праву,
 Богов они повергнут в изумленье,
 Печась о благе мира неуклонно,
 Дадут ему великие законы.

Узрите вы, как флота предводитель,
 Который ныне ищет Инд далекий,
 Вдруг сотрясет Нептунову обитель,
 По глади вод промчится шквал глубокий.
 О ты! Морей отважный покоритель,
 Легко смиривший океан жестокий!
 О ты! Народ возвышенный и славный,
 Стихии повелитель богоравный!

Узрите вы, как Мозамбик злосчастный,
 Где битва беспощадная кипела,
 В порт превратится шумный и прекрасный,
 Благой приют для мореходов смелых.
 И воцарится Луз под небом ясным,
 Пройдя по морю в дальние пределы,
 Немало дани соберет богатой —
 Приправ, каменьев дорогих и злата.

И лоно моря Красного, я знаю,
 От черной крови скоро потемнеет.
 И дважды Луза сила боевая
 Ормуз великий покорить сумеет.
 Дружина мавров, ярая и злая,
 От стрел своих же быстро поредет,
 Ведь каждый, кто на Луза ополчится,
 Погибнет от карающей десницы.

Узрите вы, как Диу неприступный,
 Что выдержит две яростных осады,
 На острове далеком, недоступном
 Воздвигнут португальские отряды.
 И будет Марс великий неотступно
 От зависти терзаться и досады.
 И мавр, на Магомета в злобе дикой,
 Направит к небу жалобные крики.

И Гоа мы увидим покоренье,
 И бегство мавров, в битве посрамленных,
 И весь Восток пред вами в преклоненье
 Застынет, новой верой увлеченный.
 Сам победитель в трепетном волненье
 К вам припадет, триумфом упоенный,
 И варвар разобьет свои кумиры,
 И дети Луза мир подарят миру.

Узрите, как горсть воинов отважных
 Не сдаст неверным стены Кананора.
 И каликутской битвы час ужасный
 Предстанет скоро перед вашим взором.
 И явится Перейра вам прекрасный,
 Что кочинские защитит просторы.
 Великий духом, дерзновенный воин
 Бессмертной славы, как никто, достоин.

Мы помним: битв земных ожесточенье
 Все ж до морских пучин не доходило,
 При Аксиуме страшное сраженье
 Глубин Левкадских вод не возмутило,
 Хотя пред славным Августом в смиренье
 Страна Авроры голову склонила,
 И за разгром Антоний поплатился:
 Возлюбленной сладчайшей он лишился.

А вы узрите, как взметнется пламя,
 Зажженное неистовым народом,
 Над океана мощными волнами
 И возвестит далеким мрачным водам
 Победу над язычества столпами,
 Добытую в боях великим флотом.
 Над маврами, над сказочным Востоком,
 Над Херсонесом дивным и далеким.

Так, дочь моя, деяньями благими,
 Что превосходят силы человека,
 Свое возвысят лужитане имя,
 Прославившись от века и до века.
 Великий Ганг склонится перед ними,
 И Кадикс подивится их успехам.
 Премудрый португал пролив откроет,
 В былых пустынях города построит».

Закончив речь, отец богов направил
 На землю сына Майи, поручая,
 Чтоб оный Гама гавань предоставил,
 Где флот стоял бы, мирно отдыхая.
 А чтоб сомненья капитан оставил,
 Покой душе великой дать желая,
 Велел Юпитер, дабы в сновиденьи
 Увидел Гама край отдохновенья.

И вот уже Меркурий быстроногий
 Спешит с небес спуститься в юном рвеньи
 И посохом касается дороги,
 Тем посохом, с которым в час забвенья
 Низводит смертных он в Аид жестокий,
 Не дав им ни минуты промедленья.
 И нынче с ним Меркурий в путь пустился
 И вскоре близ Малинди очутился.

На землю с ним и Фама поспешила,
 Стремясь потомков Луза славословить.
 В Малинди им хвалу пропеть решила
 И им прием достойный подготовить.
 К ним быстро все сердца расположила,
 Слагая гимны снова им и снова.
 Малинди в нетерпенье пребывало
 И мореходов в гости ожидало.

И вновь Меркурий в путь пустился дальний
 И бег свой обратил к Момбасским водам,
 Где обретался флот многострадальный
 Под чуждым и враждебным небосводом.
 Спешил сказать героям он печальным,
 Что надо им в час ранний, в час восхода
 Покинуть злых варваров владенья,
 Себя доверив воле провиденья.

Уж половина ночи миновала,
 Далеким светом звезды озаряли
 Огромный мир, который тьма объяла,
 И мореходы сладкий сон вкушали,
 Давно усталость к Гапе подступала,
 Ночные дали сон ему внушали.
 И он смежил измученные очи,
 И вещей глас услышал среди ночи.

Воззвал к нему Меркурий легкокрылый
 И повелел: «Спасайся, лузитанин.
 Оставь сей край, коварный и постылый,
 Где смерть тебе грозила неустанно.
 Ты видишь: небо ветер усмирило,
 Пока недвижны волны океана,
 Беги отсель стремглав, без опасенья,
 И после бурь вкусишь отдохновенье.

А если здесь останешься, несчастный,
 То вспомнишь преступленье Диомеда,
 Что скармливал коням своим ужасным
 Гостей из дальних стран в былые лета.
 Придет для вас пора расправы страшной,
 И мавры, как Бузириса клеветы,
 Близ капищ вас неведомых заколот,
 В чужой земле навеки успокоят.

Вдоль побережья ты направь армаду
 И обретешь край добрый и прекрасный,
 Там солнца раскаленная громада
 С ночами дни сравняла самовластно.
 Король вас примет с лаской и отрадой,
 Народ вас встретит дружно и согласно.
 Ты кормщика получишь в услуженье.
 Спеши в сей край, не ведая сомненья».

Закончив речь, окутал сном Меркурий
 Усталого скитальца-капитана,
 Восстав от сна, сияние в лазури
 Тот увидал над далью океана.
 Он повелел покинуть царство бури
 И устремляться в край обетованный,
 И паруса подняли каравеллы,
 Бег направляя в дальние пределы.

«Пусть ветер паруса нам наполняет,
 Сказал мне вещей голос среди ночи,
 Что небо нам удачу обещает.
 Посланца бога видел я воочью.
 Нам солнца луч дорогу освещает,
 И боле я отплыть не отсрочу», —
 Рек Гама, а матросы без печали
 На борт, натужась, якоря подняли.

Пока герои якоря тягали,
 Момбасцы, прячась в утреннем тумане,
 Швартовы им по злобе надрезали,
 К армаде подобравшись невозбранно.
 Но дети Луза быстро распознали
 Коварство исламитов окаянных
 И налегли на весла всей гурьбою,
 Момбасский брег оставив за собою.

И каравеллы острыми носами
 Легко взрезали серебро бурунов,
 И вольный ветер, вея над волнами,
 Влек корабли к окраинам подлунной.
 И, помяная горькими словами
 Тот край, где пострадались накануне,
 Лузиады с восторгом умиленья
 Святое восхваляли провиденье.

Уже заря разъяла мрак кромешный,
 На кораблях матросы пробуждались,
 Когда над морем, тихим и безбрежным,
 Два паруса в тумане показались.
 То мавры-мореходы безмятежно
 Прохладой на рассвете наслаждались.
 Одна ладья, из страха перед флотом,
 Направилась стремглав к прибрежным водам.

Ладья другая, не сумев сокрыться,
 К героям-лузитанам в плен попала.
 Но к мести те не думали стремиться,
 Жестокость Марса Гаму не прельщала.
 И яростью Вулкановой хвалиться
 Нимало племя Луза не желало,
 Тем более что мавры трепетали
 И о пощаде робко умоляли.

К ним Гама обратился с упованием,
 Что кормщика среди мавров можно встретить,
 Но те хранили полное молчанье,
 Не в силах путь для кораблей наметить.
 Об Индии не знали несказанной
 И на вопросы не могли ответить.
 Но сообщили, что в Малинди явно
 Найдется Гама кормщик достославный.

О короле Малинди толковали
 Все мавры с неподдельным восхищеньем.
 В нем искренность и честность почитали,
 Его превозносили с умиленьем.
 Благие речи Гаму убеждали,
 Ведь и Меркурий в вещем сновиденье
 Ему Малинди короля восславил.
 К Малинди Гама корабли направил.

В те дни вступала Феба колесница
 В созвездье похитителя Европы,
 И юной Флоры легкие плесницы
 Топтали зеленеющие тропы.
 Рог щедрой Амалфеи чаровница
 Явила миру с радостью особой.
 Творец земле с любовью улыбался.
 И прелестью земною восхищался.

Малинди брег герои увидали
 В день светлого господня воскресенья.
 В честь праздника армаду разубрали,
 Развесили флажки и украшенья.
 Матросы в бубны весело играли,
 Взвевалось знамя ветра дуновеньем.
 И дробью заливались барабаны
 В честь приближенья к берегам желанным.

А там на берегу уже стояли
 Малинди обитатели толпою.
 Красавицу армаду поджидали,
 О ней вели беседы меж собою.
 Их жесты благородство источали,
 И, наконец обласканны судьбою,
 Туземца, что в Момбасе задержали,
 Лузиады на берег отослали.

Король, осведомленный от придворных
 О португальцев славе и величье,
 Об их стремленье к Индии упорном,
 Об их делах, привычках и обличье,
 Послал навстречу вестников проворных,
 Чтоб попросить, как требовал обычай,
 Сойти на берег героев чужестранных
 И предложить им отдых долгожданный.

В знак честной дружбы, не кривя душою,
 Велел король дары земли направить
 Тем, кто моря оставил за собою
 И всюду край родной сумел восславить.
 Баранов тонкорунных слал героям,
 Им кур отборных приказал доставить.
 Но было всех дороже подношений
 Скитальцам короля благоволение.

И капитан с учтивостью отменной
 Посланцев короля Малинди встретил
 И королю подарок драгоценный
 Немедленно и с радостью наметил:
 Коралл ветвистый, алый, несравненный,
 Что красотой особой бог отметил,
 Он хрупким остается под водою
 И твердость обретает над землею.

На берег Гама юношу направил,
 Известного искусством красноречья,
 Чтоб тот подарок королю доставил
 В знак уваженья и чистосердечья,
 Просил прощенья в том, что не оставил
 Великий флот. И славный велеречьем
 Паллады ученик на брег явился
 И к королю с почтеньем обратился:

«О ты, властитель гордый, величавый,
 Которого с высот небес лучистых
 Юстиция сама венчала славой,
 Тебе дав силу, власть и разум чистый!
 Достигли мы берегов твоей державы,
 Пройдя путь многодневный и тернистый.
 И вот к твоим стопам мы припадаем
 И в порт впустить армаду умоляем.

Мы не из тех, кто на града и веси
 Огонь и меч бесчестно налагает
 И, алчностью пороча поднебесье,
 Последний хлеб у нищих отбирает,
 С открытым сердцем, без татьбы и спеси
 Наш флот к востоку путь свой пролагает.
 Нас из Европы, несравненной, чудной,
 Послал король на подвиг многотрудный.

Нас ожидали страшные глумленья,
 И вместо вожделенного приюта
 Нам варвары готовили мученья,
 Стремясь средь нас посеять злую смуту,
 Почто на нас обрушили гоненья,
 Грозя нам смертью каждую минуту?
 Неужто горстки путников боялись
 И в западню нас заманить пытались?

Но на тебя, король благословенный,
 Мы с верой и любовью уповаем,
 И, как Улисс, скиталец незабвенный,
 Мы Алкиноя обрести желаем.
 Привел сюда нас вестник несравненный,
 Мы божества веленье исполняем.
 И знаем: здесь, у берегов желанных,
 Мы обретем любовь и состраданье.

Не думай, о король высокочтимый,
 Что не ступил на брег твоей державы,
 Поддавшись страху, Гама наш любимый,
 В твою он дружбу верует по праву,
 Он выполнял приказ неоспоримый
 От государя (честь ему и слава).
 Король наш заповедал капитану
 Блюсти свою армаду неустанно.

А долг вассала — вечное смиренье
 Пред королем. Как голова владеет
 Малейшим тела нашего движеньем,
 Так воля короля над всем довлеет.
 Ты сам монарх, и наши опасенья
 Твой светлый ум легко уразумет.
 К твоим стопам мы ныне припадаем
 И к твоему величию взываем».

Так он изрек, и восхищенным хором
 Туземцы восхваляли мореходов,
 Далеких стран изведавших просторы,
 Познавших хлад чужого небосвода.
 Все изумленьем исполнялись взоры
 При мысли о величии народа,
 Который, от отчизны в отдаленье,
 Так свято чтит монаршье повеленье.

К посланцу дружелюбно обращаясь,
 Ему король с улыбкою ответил:
 «Я в вашей доброте не сомневаюсь,
 И чувств враждебных в вас я не приметил.
 Пред подвигом я вашим преклоняюсь
 И рад, что на земле своей вас встретил.
 Мне мнится, что рассудок омрачился
 У тех, кто к вам со злобой относился.

Я огорчен, что не пришлось увидеть
 Других сынов отважного народа,
 Но это не могло меня обидеть,
 Понятны капитана мне заботы.
 И сам себя я мог возненавидеть,
 Когда, моим желаньям в угоду,
 На берег бы команда вся вступила
 И короля приказ бы позабыла.

И завтра поутру, с лучом восхода,
 Я сам дорогу проложу к армаде,
 Я жажду лицезреть сынов народа,
 Что мчатся к цели через все преграды.
 Морей полдневных покоря воды,
 Вы с доблестью прошли сквозь муки ада.
 Я вам пришло для будущих свершений
 И кормщика, и снедь, и снаряженье».

Он кончил речь, когда свой лик лучистый
 Сокрыл в пучине светлый сын Латоны,
 И вестник Гамы, юноша речистый,
 К армаде устремился отдаленной.
 И вот в ночи, над гладью моря чистой,
 Лузиады, народ неугомонный,
 Отпраздновали в сладком упоенье
 К брегам гостеприимным приближенье.

И в час ночной все небо озарилось
 Шутих веселых яркими лучами,
 У пушек пушкари засуетились,
 Желая небо утратить громами.
 Казалось, что циклопы в мир явились,
 Играя молний светлыми хвостами.
 От радости герои ликовали
 И в звонкие литавры ударяли.

А им с земли, окутанной сияньем,
 Туземцы дружелюбно отвечали.
 Взирая на армаду с ликованьем,
 Они шутихи в небо запускали.
 И, вызывая неба содроганье,
 Летучий порох в вышине взрывали.
 И море и земля в огнях светились,
 Друг друга в славе превзойти стремились.

Но вновь под опаленным небосводом
 Благое утро бег свой начинало.
 И мать Мемнона утомленным водам
 Свой первый луч с улыбкой ниспослала.
 От сна очнулась с радостью природа,
 Как жемчуг, на цветах роса сияла,
 Когда король Малинди в путь пустился
 И по волнам к армаде устремился.

На берегу туземцы суетились
 И в плаванье владыку провожали.
 В лучах зари халаты их светились,
 Искрясь, шелка тончайшие сияли.
 Пугать пришельцев мавры не стремились,
 С собою лук и дротики не брали.
 Их заменяли ветви пальмы стройной —
 Венец, величья гордого достойный.

В больших ладьях, покрытых балдахином,
 Все роскошью восточною дышало,
 Вся знать Малинди вкупе с властелином
 Красой нарядов сказочных блистала.
 Богатство облачений сарацинов
 Пришельцев лузитанских восхищало.
 Король явился в шелковом тюрбане,
 Унизанном огнистыми камнями.

Дамасский шелк, струясь волной пурпурной,
 Окутал тело короля благого.
 Сияла скань плетением ажурным
 В узорах ожерелья золотого.
 И скатный жемчуг на больших котурнах
 Мерцал на темном бархате основы.
 И, верный друг царю в утехах ратных,
 На поясе кинжал висел булатный.

Над королем прислужник раболепный
 Держал навес, на ручке укрепленный,
 Чтоб не страшился царь великолепный
 Лучей полудня, злых и раскаленных...
 Вдруг слух героев звук пронзил вертепный,
 Томительный, визгливый, напряженный.
 То трубы мавританские играли
 И этот звук ужасный издавали.

А лузитане в лодку погрузились
 И, щеголяя ярким облачением,
 Навстречу властелину устремились,
 Принять его желая с уваженьем,
 И платью Гамы мавры подивились,
 Узрев красу французского творенья,
 Которое атлас венецианский
 Соединило с модою испанской.

В штанах, расшитых нитью золотою,
 Достойный Гама в этот день явился.
 А на камзоле модного покроя,
 Блестя под солнцем, позумент искрился,
 На шляпе лузитанского героя
 Плюмаж из мягких перьев укрепился.
 Как царь, в наряд багряный облаченный,
 Был капитан при шпаге позлащенной.

Пурпурный цвет одежды капитана
 Заметно выделял его среди свиты,
 Хотя и в ней красою несказанной
 Блистали платья воев именитых.
 Смесь красок, блеск нарядов златотканых
 Казались эмалью глянцевиной.
 И мнилось, что Ирида мир объяла
 И радуга над морем засияла.

Веселым пеньем трубы ободряли
 Усталых португальских мореходов.
 Их челн ладьи туземцев окружали,
 Навесов пестротой украсив воды.
 С армады королю салютовали,
 Дым залпов высь окутал небосвода.
 Так долго пушки громкие палили,
 Что мавры слух ладонями закрыли.

На борт вступивши лодки капитанской,
 Властитель Гаму заключил в объятья,
 К героям обратившись лузитанским,
 Он всех равно приветил без изъятья,
 Слова, что рек властитель мавританский,
 Его привычки, мысли и понятия
 Пленили Луза гордую дружину,
 Забывшую тревоги и кручину.

Он выразил немедленно героям
 Глубокое, безмерное почтение.
 Пообещал властитель всеблагой им
 Прислать для флота снедь и снаряжение.
 Сказал, что был предупрежден молвою
 О доблестной армады приближение
 И слышал, как скитальцев невинных
 Ждал исламитов заговор греховный.

Вся Африка в смятенъе пребывала,
 Узнав, что в царстве Гесперид прекрасных
 Победу войско лузитан стяжало
 И посрамило недругов ужасных.
 Молва дела героев воспевала,
 Пред королем их слава громогласно,
 И, как король заслуживал почтенный,
 Ему ответил Гама откровенно:

«О ты, властитель мудрый, благосклонный
 К страданиям лузитанских мореходов!
 Валы морские, шквал неугомонный
 Терзали нас в чужих, враждебных водах.
 Пускай же провиденье неуклонно
 Хранит страну столь славного народа.
 Поскольку сами мы не в состоянье
 Тебе воздать за все благодеянья.

Из всех, дневным светилом опаленных,
 Лишь ты один с любовью нас встречаешь.
 И от детей Эола разъяренных
 Приют нам долгожданный предлагаешь.
 Как верно то, что, солнцем осененный,
 Страной ты благодатной управляешь,
 Так знай, что там, где быть мне доведется,
 Хвалебный гимн от нас тебе споется».

Ладьи поспешно к флоту устремились
 И много раз проплыли вдоль армады.
 Все рассмотреть туземцы умудрились,
 Узрев воочью кораблей громады.
 А к небесам огни салюта взвились,
 И с радостью великой и отрадой
 Потомки Луза в трубы заиграли,
 А мавры им задорно отвечали.

Король застыл в безмолвном удивленьи,
 Заслышав звуки мощной канонады.
 Так дружным залпом с небывалым рвеньем
 Ему салютовали Луза чада.
 Все осмотрел властитель с увлеченьем
 И повелел, чтоб здесь же, близ армады
 Ладьи бросали якорь, чтоб спокойно
 Вести беседу с Гамою достойным.

Все было интересно властелину:
 И моря бесконечная громада,
 И нравы стран, неведомых донныне,
 И путь к Востоку доблестной армады.
 О битвах дней далеких и старинных,
 О воинах, что через все преграды
 К победе мчались в ярое нетерпенье,
 Расспрашивал властитель с увлеченьем.

«Но прежде, капитан высокочтимый, —
 Потребовал властитель благородный, —
 Нам климат опиши страны любимой,
 Богатство красоты ее природной,
 Создателей державы нерушимой,
 Что край родимый сделали свободным,
 Событий воин давнишних я не знаю,
 Но всей душой узнать о них желаю.

Ты много повидал в своих скитаньях
 Вдоль побережья Африки бескрайной.
 Поведай нам о тайнах мирозданья,
 О племенах чужих, необычайных.
 Уже стремится в радужном сиянье
 Феб в колеснице путь продолжить дальний.
 Пред ним Аврора молча отступила,
 Стих ветер, море волны уладило.

Но времени теченью неподвластно
 Мое желанье твой рассказ услышать
 О португальцах дерзких и отважных,
 Для коих честь земных соблазнов выше.
 И не настолько солнца лик прекрасный
 От нас далек, чтоб, твой рассказ слышав
 Мы грубость дикарей бы проявили
 И славные дела б не оценили.

Мы знаем, что гиганты колебали
Олимпа неприступные вершины,
А Пирифой с Тезеем устрашали
Аида смертоносные глубины.
Но вы не меньше мужества являли,
В скорлупках легких рея над пучиной.
Герои ад и небо покорили,
А вы Нерея буйство укротили.

Божественное капище Дианы,
Искусного ваятеля творенье,
Гонясь за славы призраком желанным,
Безумец Герострат предал сожженью.
Раз он, мечтой преступной обуянный,
Бессмертие снискал, а не забвенью,
То имена скитальцев беспокойных
Великой, вечной памяти достойны».

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1

О Каллиопа! Я к тебе взываю,
Чтоб ты мой слабый голос укрепила.
К твоим стопам с мольбою припадаю,
Чтоб славу Гамы миру ты явила.
Создатель врачевания, я знаю,
Которому ты сына подарила,
Хоть нимфами подчас и увлекался,
В душе тебе одной лишь поклонялся.

2

О, помоги, тебя я заклинаю,
Народ родной земли восславить миру,
Пусть Аганиппы влага огневая,
Вливаясь в Тежу, мне омоет лиру.
Покинь вершины Пинда, всеблагая,
И Феба, несравненного кумира,
Сведи к моим берегам без опасенья,
Что я Орфея превзойду уменьем.

3

Все слух к словам героя преклонили,
А он стоял, потупившись в смущенье.
Когда ж его сомненья отпустили,
Подняв чело, он произнес с волненьем:
«Коль вы, мои друзья, здесь изъявили
Желание узнать без промедленья
Историю страны моей, признаюсь,
Что сей рассказ начать я не решаюсь.

4

Когда б народа чуждого деянья
 Пришлось мне восхвалять, я б не смущался,
 Но о стране родной повествованьё
 Из скромности начать я опасался.
 Ведь отблеск славы предков несказанной
 На мне самом невольно б отражался.
 Но, выполняя волю властелина,
 Начну свое сказание я ныне.

5

Откуда силу взять, чтоб в полной мере
 О подвигах былого рассказать?
 Моим словам не откажите в вере,
 А я хочу вам снова обещать,
 Что искренне, ничуть не лицемеря,
 Не думая к обману прибегать,
 Вам опишу просторы я земные
 И войн кровавых битвы удалые.

6

Меж областью, которой Рак владеет,
 Пути на север солнцу преграждая,
 И далями, от коих холод веет,
 Лежит Европа, для меня родная.
 Вокруг нее простор морской синееет,
 Ее ласкают, нежно обнимая,
 И океана грозная громада,
 И моря Средиземного прохлада.

7

С той стороны, откуда солнце всходит,
 С ней Азия в соседстве пребывает.
 С Рифейских древних гор река нисходит
 И с Азией Европу разделяет.
 А с юга море — добрый дар природы —
 К берегам Европы древней подступает.
 О храбрых греках, доблестных троянах
 Хранит оно преданья неустанно.

8

У полюса холодного, седого
 Гиперборейских гор встают вершины.
 Эола с них дыханье удалого
 Несется вниз, в окрестные равнины.
 Там луч слабеет Феба золотого
 И не тревожит мощных льдов глубины.
 Под вечным снегом горы изнывают,
 Моря и реки подо льдом страдают.

9

Там скопищем несметным обитают
 Те скифы, что свое происхождение
 Старейшим в этом мире полагают,
 Египта древность ставя под сомнение.
 Но заблуждением ум свой омрачают
 (Так слабо человека разуменье).
 Лишь поле, где Дамаск стоит богатый,
 Одно о первородстве помнит свято.

10

На севере далеком поселилось
 Воинственное племя скандинавов,
 Которое победами хвалилось
 Над римлянами гордыми по праву.
 Лапония вблизи расположилась,
 За ней норвежцев скудная держава.
 Сарматский океан не замерзает
 И все пути пред ними открывает.

11

Меж Танаисом и холодным морем
 Ливонцы и сарматы проживают,
 А рядом, среди неведомых просторов,
 Издревле московиты обитают.
 Геркинии лесной холмы и горы
 Империю германцев защищают,
 Вмешившую богемцев и саксонцев,
 Поляков, маркоманов и паннонцев.

Меж Истром и прославленным проливом,
 Где Гелла жизнь оставила младую,
 Фракийских гор вершины горделиво
 Глядят на Марса родину святую.
 Но турок недостойный и глумливый
 Поработил и Фракию благую
 И подчинил, томимый лютой злобой,
 Он земли Византии и Родопы.

А дале Македонии народы
 Вдоль берегов Вардара процветают.
 В соседстве с ними мудрою природой
 Был создан край, который воспевают
 Поэты всех племен уж многи годы
 И в восхищенье головы склоняют
 Перед Элладой, завещавшей миру
 Законов мудрость, красоту и лиру.

Далмация простерлась за Элладой,
 А в том краю, где славный Антенор
 Построил город дивный и богатый,
 Венеция красой ласкает взор.
 А полуостров весь грядой зубчатой
 Вдается в моря южного простор,
 Народ его прославлен как воитель
 И красоты божественной зиждитель.

Его берега, ласкаясь, омывают
 Нептуна воды нежными волнами.
 А с севера путь ветру преграждают
 Вершины Альп, искрясь под облаками.
 И Апеннины край пересекают,
 Тот край, где Марса властвовало знамя,
 А ныне там Спаситель воцарился,
 И Петр святой к стопам его склонился.

А рядом славной Галлии равнины
 Гаронна, Сена, Рейн пересекают
 И вспоминают Цезаря дружины,
 А с юга край волшебный замыкают
 Гор Пиренейских острые вершины,
 Что нежной нимфы имя сохраняют.
 Пожар те горы охватил когда-то,
 Наполнив реки серебром и златом.

За далью гор, как голова Европы,
 Покоится Испания святая.
 Не раз ее бесчисленные тропы
 Топтала чужеземцев рать лихая.
 Но все лишенья, войны и потопы
 Страна преодолела молодая.
 Как колесо фортуны ни крутилось,
 Испания ему не подчинилась.

Ее от мавританских поселений
 Лишь волны голубые отделяют,
 Которые Геракловым свершеньем
 Путь в океан бесстрашно пролагают.
 Вдоль берегов заливов несравненных
 Различные народы обитают.
 И каждый славен доблестью стократ,
 Отважен, благороден и богат.

Вот таррагонцы, что с лихим задором
 Парфенопею-город покоряли;
 Наваррцы, что неистовым отпором
 Дружины мавританские встречали;
 И астурийцы, что свои просторы
 От мусульман презренных отстояли;
 И славные кастильцы, что сплотили
 На правый бой земли великой силы.

И там, где волны бег свой начинают,
 Где суша обрывается над морем,
 С собой Европы голову венчают
 Моей страны поля, равнины, горы.
 В объятия солнце воды принимают,
 А берег красотой ласкает взоры,
 Отсюда мавры в бегство обратились
 И в Африку навеки возвратились.

И в той стране я смерть принять желаю,
 Коль небо снизойдет к моим стремленьям,
 К ней мысли неустанно обращаю,
 И пусть мои окончатся свершенья
 Там, где когда-то, радостью сияя,
 Друг Вакха Луз резвился в упоенье.
 Он имя дал свое стране любимой
 И заселил потомством край родимый.

И в том краю родился муж отважный,
 Пастух, чье имя доблестью звенело.
 С великим Римом бился он бесстрашно
 И защищал страны родной пределы.
 И вскоре небо на земле прекрасной
 Дало отчизну лузитанам смелым.
 И приказало небо старцу Крону
 Блюсти державу эту неуклонно.

А было так: король земель испанских,
 Альфонсо, с сарацинами сражался.
 Теснил отважно воев мавританских
 И древний край освободить старался.
 Из разных стран героев христианских
 К нему бесстрашный легион стекался.
 Они опасность гордо презирали
 И славою покрыть себя желали.

Объятые любовью негасимой
 К религии возвышенной и чудной,
 Они очаг покинули родимый
 И двинулись на подвиг многотрудный.
 Чтоб закалить свой дух несокрушимый,
 Отвагой щеголяли безрассудно.
 Альфонсо, их деяньями гордясь,
 Вознаграждал достойных, не скупясь.

И Генриху, воинственному сыну
 Земли венгерской короля, в награду
 Кастилии могучей властелином
 Был отдан край — очей моих услада,
 Безвестный в ту далекую годину,
 А с ним Тереза, юная отрада
 Седин отцовских, рыцарю вручалась.
 И этим клятва дружбы закреплялась.

И в путь пустился властелин державный,
 В Святой Земле он доблестно сражался,
 Сынов Агари он теснил исправно,
 И путь его достойно увенчался.
 И сам господь, наш повелитель славный,
 Героя возвеличить постарался:
 Такой наследник у него родился,
 Которым вечно край родной гордился.

Он был рожден в тот год, как возвратился
 В Европу граф от стен Ерусалима,
 Где к вековым святыням приобщился,
 Стремясь к творцу с мольбой неутолимой.
 Когда победы Готфрид там добился,
 Защитник христиан неодолимый,
 Часть рыцарей, что Готфриду служили,
 На Родину отправить решили.

Но венгр могучий с жизнью простился,
 Закончив путь, начертанный судьбою,
 И к вечному престолу устремился,
 Господний лик увидев пред собою.
 А юный сын заступника лишился.
 Несчастья потянулись чередою
 Для воина, что нравом и обличем
 Не уронил отцовского величья.

Меж тем молва упорно утверждала
 (Хоть трудно мне за древний слух ручаться),
 Что сына мать земель лишить желала,
 Задумав с новым другом обвенчаться.
 Она в гордыне лютой восклицала,
 Что будет в графстве всем распоряжаться,
 Его своею вотчиной считая
 И сына-сироту всего лишая.

Но принц, который в честь героя-деда
 Заслуженно Афонсу прозывался,
 Решил презреть судьбы лихой наветы
 И с матерью в жестокий спор ввязался.
 Марс влек его стремительно к победе,
 В душе его жар битвы пробуждался.
 Подняв свой стяг воинственно и гордо,
 Он с матерью на бой решился твердо.

И поле Гимарайнша заалело
 Обильной кровью жаркого сраженья.
 Родного сына мать сгубить хотела,
 Предавшись власти чувственных влечений.
 Лишить его владений повелела,
 В мечтах лелея только наслажденья.
 И, страстию бесстыдной распалясь,
 Забыла бога в этот страшный час.

О Прокна! О волшебница Медея!
 Вам в варварстве с Терезой не сравняться.
 Детей своих безвинных не жалея,
 Вы с жизнью их заставили расстаться,
 Чтоб отомстить за грех отцов-злодеев;
 И даже Сцилла может оправдаться:
 Ища любви, отца она убила.
 Терезу только алчность погубила.

Победа принца лаврами венчала,
 Страна, отбросив прежние сомненья,
 Властителем тотчас его признала,
 Герою обещав повиновенье.
 А мать его в оковах изнывала,
 Терзалась и рыдала в заточенье.
 Но все ж господь, ревнитель почитанья
 Родителей, узрел ее страданья.

И отомстил: кастилец своенравный
 Обрушился на скудные отряды,
 Что выставил Афонсу благонравный,
 И их крушил, не ведая пощады.
 Бой завязался страшный и неравный,
 К победе мчались через все преграды
 Потомки Луза, ведь в сей час жестокий
 К ним ангелы явились на подмогу.

Но враг нагрянул с новыми войсками.
 Принц в Гимарайнше мнил найти спасенье,
 Но вскоре вместе с верными полками
 Был полному подвергнут окруженью.
 Но славный Эгаш с горькими слезами,
 Презрев опасность, смерть и униженья,
 Решил к врагу направиться навстречу,
 Чтоб прекратить на время злую сечу.

Любя свой край, великий и прекрасный,
 Душой не чая обрести победу,
 От принца он, на риск идя бесстрашно,
 Принес кастильцу верности обеты.
 Ему поверил вождь дружин отважных,
 И прекратились португальцев беды.
 Но юный принц не помышлял смириться.
 И гордому кастильцу подчиниться.

И Эгац, видя, что проходят сроки,
 На кои он ссылался в обещанье,
 Кастильца все предчувствуя упреки,
 Отважился на новые страданья.
 Со всей семьей он двинулся в дорогу,
 Спасая честь ценою несказанной.
 Он жизнью собирался расплатиться
 За то, что клясться всеу смог решиться.

И вот с детьми, дрожащими, босьми,
 Чей вид взывал не к мести, а к пощаде,
 С супругой, вспоминая божье имя,
 Готовясь храбро встретить муки ада,
 Отправился герой неустрашимый
 В Толедо — город славный и богатый,
 К властителю Кастильи и Леона,
 И речь держал, склонившись перед тронем:

«Король великий! Искупить желая
 Позорный грех неверных обещаний,
 Я жизнь тебе покорно предлагаю
 Свою и этих праведных созданий.
 Но я тебя, властитель, заклинаю:
 На мне яви всю тяжесть наказанья.
 Я не страшусь во имя правосудья
 Себя предать Перилову орудью».

Как перед смертью к казни осужденный
 Главу на плаху в страхе возлагает,
 На палача взирая удрученно,
 Его удар безмолвно ожидает,
 Так Эгаш пред владыкой возмущенным
 Простерся: только жалость побеждает
 Обычно гнев; и тут король смягчился,
 И Эгашу невольный грех простился.

О верность португальского вассала!
 С тобой Зопира храбрость не сравнится.
 Ты в трудный час над миром просияла,
 Тобою может нация гордиться.
 Не зря молва упорно утверждала,
 Что Дарий пред Зофиром преклонился,
 Сказав, что друг, в страданьях закаленный,
 Ему милей, чем двадцать Вавилонов.

Меж тем Афонсу собирался с силой,
 Чтоб бой затеять дерзостный и правый,
 Изгнать арабов из отчизны милой,
 Стяжать в долинах Тежу честь и славу.
 В Орики решено собраться было,
 Туда съезжались воины державы,
 И сарацинов разгромить желали,
 Хотя в числе поганым уступали.

На сто арабских воинов кичливых
 Один лишь португалец приходился.
 Но на дружины мавров нечестивых
 Господь, наш повелитель, ополчился.
 И наш Афонсу, сын христолюбивый,
 Победы над неверными добился,
 Хотя любой из нас сей подвиг ратный
 Заранее бы счел невероятным.

Пять мавританских королей с войсками
 На поле брани дерзко устремились,
 Спеша сразиться с вечными врагами,
 Вождем Измара объявить решились,
 И женщины плечом к плечу с мужьями
 Принять участие в битве торопились,
 Подобно даме юной и прекрасной,
 Что возле Трои бой вела бесстрашно.

Уже заря, тьму ночи разгоняя,
 Лучом прозрачным землю осветила,
 Когда Афонсу, к небу обращая
 Горящий взор, обрел источник силы.
 С распятия на юношу взирая,
 Ему явил Спаситель лик свой милый.
 И он вскричал: «Раз мой господь со мной,
 С неверными начну я правый бой!»

И португальцы, дивом вдохновившись,
 Афонсу королем провозгласили,
 О чем, пред станом вражеским сплотившись,
 Всем воинам достойно объявили.
 Знаменем господним восхитившись,
 Герои дружно радость изъявили,
 Издав могучий клич: «Вперед, вперед,
 Пусть наш король к победе нас ведет!»

Вот так собака резвая, большая
 Вступает в трудный бой с быком громадным,
 Его рогов искусно избегая,
 Наносит раны туше необъятной.
 То уши, то бока его кусая,
 К гибели влечет его нещадно
 И глотку наконец перегрызает,
 И бык огромный в муках погибает.

Так наш король в счастливом упоенье,
 И небом и народом вдохновленный,
 Желал начать кровавое сражение,
 В своих надеждах богом укрепленный.
 Среди псов поганых началось движенье,
 За лук схватился воин разъяренный.
 Блестели копыя, трубы к бою звали,
 И мавры к полю брани поспешали.

Когда пожар, по воле суховея,
 Зеленые поля уничтожает
 И мощное дыхание Борея
 Могучий пламень быстро раздувает,
 То поселянин, жизнь свою жалея,
 Прочь от полей горящих поспешает,
 Спасаясь от стихии беспощадной,
 На цвет полей обрушившейся жадно.

Вот так и мавр, наездник разъяренный,
 Коня нетерпеливого седлает
 И в глубь сраженья мчится неуклонно,
 Но храбрый португал его встречает,
 И тот, на поражение обреченный,
 В неистовом испуге отступает,
 Бежит стремглав и, потеряв тюрбан,
 Зовет на помощь жалобно Коран.

И даже горы затряслись в испуге,
 А лошади — Нептуново творенье —
 Срывали в страхе крепкие подпруги
 И мчались прочь от ужасов сраженья.
 Могучих мавров прочные кольчуги
 Потомки Луза рвали в исступленье.
 Они на сарацинов нападали,
 Рубили их, кололи, убивали.

Гора кишок, булатом потрошенных,
 Среди равнин бескрайних возвышалась.
 И круговерть голов, мечом снесенных,
 По полю битвы целый день каталась.
 И в страхе мавр отпрянул посрамленный,
 Уже заря над полем занималась.
 Поля, что ранним утром зеленели,
 От рек кровавых сразу побурели.

И лузитане, баловни победы,
 Еще три дня трофеи собирали.
 И, вспоминая господа заветы,
 Его в веках восславить пожелали.
 И пять щитов лазоревого цвета
 На поле белоснежном начертали,
 Сим обозначив королей надменных,
 В день битвы при Орики убиенных.

И, герб державы новой завершая,
 Иудины монеты начертали
 На тех щитах, смиренно почитая
 Того, чьи раны путь им озаряли.
 Любовь к Христу потомству завещая,
 Свою победу этим увенчали,
 Чтя искренне, бестрепетно и свято
 Пресветлого Спасителя стигматы.

Отпраздновав победу, воин славный
 Афонсу вновь с неверными сразился,
 И вскоре перед рыцарем державным
 Скабеликастр поверженный склонился.
 В Лейрии как хозяин полноправный
 Король христолюбивый воцарился.
 И Тежу плодоносная долина
 Афонсу посчитала господином.

По доброй воле, с радостным почтеньем
 Афонсу Мафра славная признала
 И Синтра, где под скал старинных сенью
 Наяд веселых стайка обитала
 И от Амура пряталась в смущенье —
 Страны великой украшеньем стала.
 Холодный град Афонсу подчинился,
 К короне португальской приобщился.

И ты, о Лиссабон, градов царица,
 Известная на море и на суше,
 Построенная мощною десницей
 Того, кто Трою древнюю разрушил,
 Ты, нации грядущая столица,
 Простерлась ниц перед великим мужем,
 К которому из северных пределов
 Армада на подмогу подоспела.

В то время из Британии холодной
 И из долины Рейна благодатной
 Дружины крестоносцев благородных
 В Святую Землю плыли безоглядно.
 И было небесам тогда угодно,
 Чтоб в устье Тежу этот флот громадный
 В движении своем остановился
 И к стенам лиссабонским устремился.

Пять раз луна на небесах рождалась,
 Пять раз она безмолвно погибала,
 Пока твердыня гордая держалась
 И мощные атаки отражала.
 Отчаянная битва разгоралась
 И долго средь холмов не утихала.
 Но силы исламитов иссякали,
 И град они чудесный все же сдали.

Склонился пред Афонсу-властелином
 Тот град, что даже дикие вандалы,
 Под кем, немало слез пролив невинных,
 Несчастливая Иберия стонала,
 Чье имя Андалузия поныне
 Еще хранит с упорством небывалым,
 Взять не смогли, чем славная столица
 И в наши дни заслуженно гордится.

И если даже Лиссабон прекрасный
 Покорно прекратил сопротивление,
 То вскоре пред владыкой самовластным
 Простерлось полстраны в повиновенье:
 И Аленкер, где вод потоки ясных
 Среди камней бегут с веселым пеньем,
 И Торреш-Ведраш, и града и села
 Эштремадуры гордой и веселой.

И ты, о берег Тежу плодородный,
 Осыпанный щедротами Цереры,
 Дружине боевой и благородной,
 Защитнице отечества и веры,
 Вручил ключи от градов; мавр негодный
 Не снимет урожай в твоих пределах.
 Стремглав войска Афонсу наступали
 И Элвац, Мору и Алкасер взяли.

И, сказочной исполненный красою,
 Сертория — героя град любимый,
 Где воды серебристою струею
 По аркам совершают бег незримый,
 Чтоб напоить прохладою земною
 Народ, господней милостью хранимый,
 Бесстрашного Жералду убоился
 И полководцу доблестному сдался.

Затем Афонсу, воин и герой,
 С годами жизни тяжкой, скоротечной
 Вступивший в ярый и незримый бой,
 Свой век земной продливший славой вечной,
 Отвергший роскошь, негу и покой,
 Свой край любивший нежно и сердечно,
 Полки немедля в Бежу переправил
 И быстро город за собой оставил.

Затем Сезимбру, славную дарами
 Морей полдневных, подчинил умело.
 И, будь помянут добрыми делами,
 Король великий покорил Палмелу.
 Внезапно показались меж холмами
 Дружины сарацинов оголтельх.
 Они перед Афонсу появились
 И с ходу в бой отважно устремились.

Бадахоса их возглавлял правитель,
 Король высокородный и спесивый.
 Он конницы был дикой предводитель,
 Четыре тысячи коней ретивых
 Вел за собой воинственный властитель,
 Но, словно бык, что по весне ревниво
 Свою подругу храбро защищает
 И всех прохожих в бегство обращает, —

Обрушился Афонсу несравненный
 На иноверцев конные отряды.
 Громил, рубил захватчиков презренных,
 Сбивал с коней, не ведая пощады.
 И вскоре войско мусульман надменных
 Бежало, страшной паникой объято.
 Так шесть десятков всадников могучих
 Рассеяли врагов заклятых тучи.

Вот так Афонсу, воин неустанный,
 Победы над неверными добился.
 И край, от бога лузитанам данный,
 От ига мавритан освободился.
 Но победитель путь продолжить бранный
 Упорно и безудержно стремился.
 Чтоб вновь прославить боевое знамя,
 В Бадахос он отправился с войсками.

Но тут господь, что часто отдаляет
 От нас, виновных, сроки наказания
 То ль потому, что многих исправляют
 Дальнейшей жизни новые страдания,
 То ль по причинам, коих не узнает
 Бессильный ум в минуты испытанья,
 Терезы вспомнил плен и заточенье
 И ниспослал ей позднее отмщенье.

Ведь был Бадахос короля Леона
 Исконным и наследственным владеньем.
 И, видя нарушение закона,
 Леонцы сразу начали сраженье.
 Афонсу оказался окруженным.
 Стремясь спастись от срама и плененья,
 При бегстве он о врат градских засовы
 Изранил ноги и попал в оковы.

И ты, Помпей великий и отважный,
 Своих не должен неудач стыдиться.
 Ведь лишь по воле Немезиды страшной
 Победы над тобою смог добиться
 Твой тесть в час битвы грозной и ужасной,
 Хоть пред тобой весь мир спешил склониться,
 От Фазиса вод хладных до Сизны,
 От дальних льдов до юга Ойкумены.

Хоть жители Аравии богатой
 И колхи, что златым руном владели,
 Евреи и надменные сарматы
 Твои победы в страхе лицезрели,
 А берега и Тигра и Евфрата,
 Стремящих путь из древней колыбели,
 Где наши предки счастье вкушали,
 Перед тобой в испуге пребывали;

Хотя волна Атлантики безбрежной
 Послушно пред тобою расстилалась
 И племя скифов, гордых и мятежных,
 С тобой на битву выйти не решалось,
 Но тут судом небесным, неизбежным
 Победа над тобою даровалась
 В твой скорбный час вдруг тестю пожилому,
 Как над Афонсу — зятю молодому.

Но наконец решил король отважный,
 Небесных сил изведав наказание,
 Вернувшись в край любимый и прекрасный,
 И залечив душевные страдания,
 И приказав, чтоб, мученик бесстрашный,
 Святой Висенте был для почитанья
 Перенесен с окраин отдаленных
 В чудесный град, над Тежу вознесенный, —

Что сын его, цветущий и могучий,
 Отряды лузитанские возглавит,
 Готовя гибель маврам невезучим,
 Дружины в Алентежу переправит,
 Он знал, что Саншу, в ярости кипучей,
 В живых врагов презренных не оставит
 И кровью их те воды напитает,
 Что по Севилье гордой протекают.

И, окрыленной славною победой
 И Бежу зря под варварской пятою,
 Отца желая воплотить заветы,
 От счастья ног не чуя под собою
 (Так голову кружит в молодые леты
 Успех, добытый дланью удалою),
 Принц доблестный туда решил помчаться
 И в новой битве с мавром расквитаться.

Затем с горы, в которую Медуза
 Великого Атланта превратила,
 Из дальней дали мыса Ампелузы
 Поднялись вновь неведомые силы.
 Дружины мусульманского союза
 Желанье страшной мести устремило
 К границам Португалии прекрасной,
 Чтоб бой начать жестокий и ужасный.

Миральмумини, дерзостный и гордый,
 А с ним еще тринадцать королей
 На христианский брег ступили бодро,
 Кичась безмерно силою своей.
 Потомкам Луза варварские орды
 Несли позор, погибель, гнет цепей.
 И двинулись они на Сантарен,
 Надеясь Саншу взять немедля в плен.

И жаркий бой мгновенно завязался
 Вокруг валов высоких Сантарена.
 Ничем зловредный мавр не погнушался:
 Из катапульт обстреливал он стены,
 Подкопы вел, но стойко защищался
 Принц юный, мавров полчища надменных
 Не вызвали в душе его смущенья.
 Он храбро продолжал сопротивление.

Отец его в те дни был на покое
 В Коимбре, у берегов Мондегу чудных.
 Но он, узнав о варварском разбое
 И о деяньях принца многотрудных,
 Пустился в путь с дружиной боевою,
 Чтоб с помощью стараний обоюдных,
 Своих и Саншу, город осажденный
 Увидеть вновь от недругов спасенным.

И с войском, к битвам яростным привычным,
 На помощь он пришел родному сыну,
 Круша врагов с отвагой безграничной,
 Их кровью щедро облагрил равнины,
 И в страхе мавр отпрянул, как обычно.
 Так быстро убегали сарацины,
 Что сбруи, одеянья, покрывала —
 Все побросали средь полей навалом.

От португальцев бегством мавр спасался,
 С чужих берегов поспешно удирая.
 Миральмумини яростный остался
 Там, где его настигла смерть слепая.
 А португал с молитвой обращался
 К тем силам, что, мольбам его внимая,
 Его осуществили упования,
 Избавив край от тяжких испытаний.

Но Либитины длань неумолимой
 Похитила бесстрашного героя,
 Который столько лет неукротимо
 Разил врагов, не ведая покоя.
 Болезнями и старостью томимый,
 Перекрестив хладающей рукою
 Наследников, Афонсу-победитель
 Отправился в посмертную обитель.

О нем рыдали горные вершины,
 О нем леса дремучие вздыхали,
 Из рек потоки слез лились лавиной,
 Луга и рощи в горе затопляли.
 О подвигах его неисчислимых
 В стране родной легенды не смолкали.
 И тщетно эхо скорбное взывало:
 Афонсу! — но ответа не встречало.

Его наследник, Саншу благородный,
 Еще при жизни короля-героя
 Прославился отвагою природной,
 Разя врага с дружиной удаюю.
 От мавров Бежу сделал он свободной,
 А Бетис в ходе яростного боя
 У стен Севильи кровью замутился
 И долго алой влагою струился.

Став королем, отважный Саншу вскоре
 С войсками Силвеш окружить решился.
 А в Иудею в эти дни по морю
 Германец благонравный устремился,
 Желая, чтоб в Земли Святой просторах
 Несчастный Гидо снова воцарился.
 Но путь неблизкий рыцари прервали
 И лузитанам помощь оказали.

Вел Барбаросса мощные дружины
 Туда, где принял муки Искупитель,
 Туда, где был разгромлен Саладином
 Несчастный Гидо, горестный воитель.
 Полки несокрушимых сарацинов
 Близ вод расположил их повелитель.
 А христиане жаждою томились
 И вскоре исламитам покорились.

И вот, по воле ветра прихотливой,
 От стен Ерусалима в отдаленье
 Явился флот тевтонцев горделивых,
 Чтоб вместе с Саншу бой начать священный.
 И посрамлен был вскоре мавр чванливый
 Под Силвешем, как некогда в сраженье
 У Лиссабона, где с Афонсу смелым
 Рать крестоносцев мавров одолела.

Закончив бой с потомством Магомета
 И поделив богатые трофеи,
 Дав дружества прощальныя обеты
 Германцам, поспешавшим в Иудею,
 С мечом булатным, к небесам воздетым,
 Желаньем новой битвы пламенея,
 В Леон король стремительно ворвался,
 И город Туй ему покорно сдался.

Но был достигнут гордый победитель
 Всевластной смерти острою косою.
 И сын его, удачливый воитель
 Афонсу, принял знамя боевое.
 В Алкасер с ним вступил освободитель,
 Навеки град оставив за собою,
 Тот град, что мавры дерзкие отбили,
 А ныне чадам Луза возвратили.

Но смерть взяла Афонсу, и на троне,
 Юнец безвольный, Саншу очутился,
 Он позабыл о чести и законе
 И на любимцев слепо положился.
 Хоть он и унаследовал корону,
 Но управлять странною не стремился
 И край родной, не зная сожаленья,
 Приятелям отдал на расхищенье.

Нет, не был Саншу, как Нерон, развратен
 И с мальчиком любви не предавался,
 И с матерью родной грехом отвратным
 Наш баловень судьбы не занимался.
 Предать пожару город благодатный
 Безумный властелин не собирался.
 Не знал он злобы Гелиогабала,
 Ни изощренных нег Сарданапала.

Не мучил он народ, как те тираны,
 Что некогда Сицилию терзали
 И, как Фаларис, пыткам невозбранно
 Несчастных граждан часто предавали.
 Но в той стране, где храбрых и гуманных
 Владык на троне подданные знали,
 Лишь тот мог на престоле находиться,
 Кто доблестью мог с предками сравниться.

И потому Болонский граф по праву
 Взял твердою рукой бразды правленья,
 И после смерти Саншу вся держава
 Дала ему обет повиновенья.
 Афонсу Храбрый гордых предков славу
 Наследовал, горя похвальным рвеньем
 Расширить славной родины пределы, —
 Простора жаждал дух благой и смелый.

Женившись, он богатые владенья —
 Алгарве — взял в приданое и скоро
 Там маврам дал великое сраженье
 И их подверг разгрому и позору.
 И наконец свое освобожденье
 Узрели лузитанские просторы.
 Эпоха битв жестоких завершилась,
 И королем вся нация гордилась.

Затем Диниш, властитель просвещенный
 И Храброго Афонсу сын достойный,
 В науках и искусствах искушенный,
 Народом правил мудро и спокойно.
 К отечеству любовью вдохновленный,
 Повсюду он навел порядок стройный.
 При нем законы строго соблюдались,
 Обычай жестокие смягчались.

Приют Минервы властелин устроил
 В своей Коимбре, городе прекрасном.
 Для муз отвел богатые покои
 Близ вод Мондегу, ласковых и ясных.
 Явились музы дружной чередою,
 Наполнив град напевом сладкогласным,
 И, словно у подножья Геликона,
 Там зазвенела лира Аполлона.

Король свою державу укрепил,
 Отстроил замки, крепостные стены,
 От нападений грады защитил
 И их украсил с роскошью отменной.
 Когда же в бозе властелин почил,
 Взосел на трон Афонсу несравненный.
 Отцу он прежде мало был послушен,
 Но сердцем честен, смел и прямодушен.

Кастильцев не страшась высокомерных,
 К ним относился с легким он презреньем.
 Могущество их войск неимоверных
 Не наполняло грудь его смущеньем.
 Когда же вновь нашествие неверных
 Кастилию подвергло униженьям,
 Ей помощь дети Луза оказали
 И вместе с ней победу одержали.

Нет, никогда Аттила разъяренный,
 Бич божий для Италии несчастной,
 Не вел с собою столько войск сплоченных;
 И никогда с Семирамидой страстной,
 Брегов индийских прелестью плененной,
 Не мчалось столько воев в путь напрасный,
 Как сарацинов, ярых и жестоких,
 Пришедших из Гранады и Марокко.

Услышав топот войск неисчислимых,
 Король Кастильи разом сна лишился,
 Погибели страны своей любимой
 Он больше смерти собственной страшился.
 И, опасаясь бед невосполнимых,
 Супругу он к отцу послать решился.
 В тяжелый, скорбный час народ испанский
 Звал на подмогу воев лузитанских.

И кроткая Мария появилась
 В слезах перед родителем всевластным.
 Тоской она глубокою томилась,
 Печаль обуревала лик прекрасный.
 Волна волос на плечи опустилась,
 Скрывая взор усталый и несчастный.
 Перед отцом главу она склонила
 И речь к нему, рыдая, обратила:

«Все племена, что Африки пустыни
 Взрастили под извечно знойным небом,
 Привел с собой король Марокко ныне,
 В Испанию вступив с ордой свирепой,
 Поправ с ухмылкой древние святыни,
 Отдав страну неверным на потребу.
 Увидев их, живые содрогнулись,
 А мертвые в гробах перевернулись».

Мой муж, таким несчастьем уstraшенный,
 Не в силах защитить родного края,
 Меч отвратить, над нами занесенный,
 Тебя, отец мой, ныне заклинаю.
 А если нет — останусь я лишенной
 Короны и супруга, но я знаю:
 Ты не захочешь зреть меня вдовою
 И дашь приказ войска готовить к бою.

При имени твоём Мулуи воды
 От страха бег свой мощный замедляют.
 Спеши помочь кастильскому народу,
 К тебе он взор с надеждой обращает,
 Отринь сейчас все думы и заботы,
 Уже неверный меч свой обнажает.
 Отец! Коль медлить ты сегодня станешь,
 В живых кастильцев завтра не застанешь».

Вот так Венера нежная рыдала,
 Когда, спасая мудрого Энея,
 К Юпитеру могучему взывала,
 О юноше-изгнаннике радея.
 И сына молодого отстояла.
 Отец богов, красавицу жалея,
 Явил несчастной дочке состраданье
 И выполнил тотчас ее желанье.

Войска в долину Эбро поспешали,
 Там ржали кони и звенели шпоры.
 Броню лучи рассвета озаряли,
 Звучали трубы в боевом задоре.
 Все новые дружины прибывали,
 Заполонив широкие просторы.
 Сердца, что счастье мирных нег испили,
 К жестокой сече приступить спешили.

И, с гордостью войска обозревая,
 Афонсу с ними в дальний путь помчался,
 А с ним Мария, дочь его младая,
 Которую утешить он старался.
 И вскоре, ветер попутный обгоняя,
 В Кастилии Афонсу оказался,
 Его слова дух войска поднимали
 И робких и безвольных ободряли.

Когда войска двух королей сомкнулись
 И вышли в поле против супостатов,
 От страха христиане содрогнулись,
 Не в силах счесть врагов своих заклятых.
 Тьмой-тьмущей мавры средь полей тянулись,
 Грозясь развеять скудные отряды,
 Которые к Спасителю взывали
 И на него в несчастье уповали.

Глумленью агаряне предавали
 Своих врагов невзрачные дружины.
 Их земли меж собою разделяли
 Заранее лихие сарацины,
 Что имя Сарры вечно оскверняли,
 Себе его присвоив беспричинно.
 Столь нагло край цветущий, благородный
 Делили тьмы пришельцев чужеродных.

Вот так и Голиаф, гигант надменный,
 Царя Саула насмерть напугавший,
 Узрев, как отрок, богом вдохновенный,
 Давид, пращу и камень в руки взявший,
 На бой с ним выступает дерзновенно,
 Смеялся, но, мольбам Давида внявши,
 Сам бог десницу юноши направил,
 И Голиаф навеки мир оставил.

Коварный мавр, захватчик вероломный,
 Дружины христиан подверг глумленью,
 Не понимая, что отрядам скромным
 Благое небо ниспошлет спасенье.
 По марокканцев армии огромной
 Ударили кастильцы в озлобленье,
 А португальцы двинулись спокойно
 На мавров из Гранады недостойных.

Мечи и копья острые звенели,
 О медные доспехи ударяясь,
 К Сантьяго и Аллаху полетели
 Мольбы и стоны, в ратный шум мешаясь.
 Израненные воины слабели,
 Взывали к небу, с жизнью прощаясь.
 Из крови жертв неисчислимых вскоре
 На поле битвы появилось море.

Все силы лузитане положили,
 Чтоб одержать победу в тяжелой битве.
 Гранадских мавров вои разгромили,
 Стяжав награду за свои молитвы.
 Однако же оружия не сложили,
 А марокканцев дерзких и хвастливых,
 С кастильцами сомкнувшись, сокрушили
 И Родину надежно защитили.

Уж солнце раскаленное спешило
 Закончить день среди хладных волн Фетиды
 И Весперу простор освободило,
 Когда остатки мавров недобитых
 Пощады на коленях запросили,
 К стопам владык приникнув именитых.
 И столько мертвых полегло в сраженье,
 Что вздрогнул мир в безмолвном изумленье.

Хоть Марий жажду воев несравненных
 Насытил кровью злого супостата,
 В четыре раза больше убиенных
 В день памятный осталось при Саладо.
 И Ганнибал, воитель вдохновенный,
 Все ж меньше поразил врагов заклятых
 В тот день, когда в огромных три сосуда
 Серебряных колец сложили груды.

И только ты, могучий Тит, отправил
 Не меньше душ на берега Коцита
 В тот час, как Иудею обесславил,
 Ерусалим разрушив знаменитый.
 Но длань твою небесный суд направил,
 В то разрушение смысл влагая скрытый.
 Тот страшный час пророки предвещали
 И речи Иисуса предвкушали.

Разбив врагов, Афонсу величавый
 С победою в отчизну возвратился,
 Где, пожиная почести и славу,
 Он миром и покоем насладился.
 Но грянул час безжалостной расправы,
 В гробах усопших сонм зашевелился,
 Узнав о даме, что всю жизнь страдала,
 А после смерти королевой стала.

Лишь ты, любовь, таинственная сила,
 Играющая слабыми сердцами,
 Несчастную красу свела в могилу
 И жизнь ее наполнила слезами.
 Но слез тебе горючих не хватило,
 Они твое не одолели пламя,
 Свой жертвенник ты кровью омываешь
 И смерть невинным душам посылаешь.

Ты, кроткая Инеш, в полях блуждала,
 Близ вод Мондегу думам предаваясь,
 И своего кумира вспоминала,
 В несбыточных мечтаньях забываясь.
 Обман души Судьба не прерывала,
 И, тщетно слезы побороть пытаясь,
 К холмам и травам взор ты обращала
 И имя им заветное шептала.

А принц, с тобой в разлуке пребывая,
 К тебе душой бестрепетной стремился,
 Твой чудный взор всечасно представляя,
 О вашем счастье вечно он молился.
 А ночью, к изголовью приникая,
 Во сне узреть любимую он тщился.
 Твой лик был для влюбленного отрадой,
 Святыней и единственной усладой.

Придворные невест ему искали,
 Принцессы домогались с ним союза,
 Но он отверг с досадой и презреньем
 Все разговоры о сердечных узах.
 Наследника младого поведенье
 Пришлось отцу крутому не по вкусу,
 И под влияньем злобных наговоров
 Он сына покарать задумал вскоре.

Чтоб принца разлучить с Инеш навечно,
 Ее он с жизнью разлучить решился.
 Огонь любви властитель бессердечный
 Потоком крови погасить стремился.
 Как допустил отец бесчеловечный,
 Что меч его булатный обагрился
 Не черной кровью злобных сарацинов
 А кровью дамы, юной и безвинной?

Когда Инеш несчастную втащили
 В покои короля, такую жалость
 Ему рыданья женщины внушили,
 Что сердце короля от горя сжалось,
 Но вновь его клеветы обступили,
 Уже бряцанье стали раздавалось,
 И уступил с угрюмостью покорной
 Могучий властелин своим придворным.

Инеш, то, к небу очи устремляя,
 Молитву сокровенную твердила,
 То, милость бога к детям призывая,
 На них печальный взор переводила.
 Сиротства нежных крошек не желая,
 Она, собрав оставшиеся силы,
 Замолвить слово за детей решила
 И так в слезах их деду говорила:

«Коль даже звери, хищные и злые,
 К невинным детям жалость проявляют
 И птицы неразумные лесные
 Беспомощным младенцам помогают,
 О чем преданья предков вековые
 Потомкам в назиданье возвещают,
 Увековечив римскую волчицу
 И голубей питомицу — царицу,

Так ты, который всем своим обличем
 Мне человека все ж напоминаешь
 (Хотя, презрев законы и приличья,
 Ты женщину безвинную караешь
 И, предаваясь злобе безграничной,
 Ей гибелью жестокой угрожаешь),
 Имея к несчастным детям снисхождение,
 Спаси их от терзаний и мучений.

Умел ты сеять смерть в огне сражений,
 Немало мавров истребил ужасных,
 Сумей дарить и жизнь, пошли спасенье
 Созданьям чистым, юным и прекрасным.
 На мне одной яви всю тяжесть мщенья,
 Меня сошли к брегам чужим и страшным,
 В степях я скифских умереть готова
 И в Ливии песках влачить оковы.

Средь львов свирепых, тигров разъяренных
 Найду я состраданье и покой,
 В которых здесь, в Коимбре просвещенной,
 Отказано мне было злой судьбой.
 Взгляни на бедных крошек благосклонно,
 Не разлучай детей моих со мной.
 Они мне будут лучшим утешеньем
 Во всех моих невзгодах и лишениях».

Король, ее растроганный слезами,
 Хотел несчастной даровать прощенье,
 Но свита с обнаженными мечами
 К ней подступила в яром озлобленье
 (Предрешено, как видно, небесами
 Инеш безвинной было убиенье).
 И лиходеи силой похвалялись,
 Когда на битву с дамой собирались!

Не так ли Пирр, свирепый, возбужденный,
 Презрев Гекубы слезы и моления,
 Предстал пред Поликсеной обреченной,
 Чтоб тень Ахилла успокоить мщеньем?
 А дева, меч увидев вознесенный,
 Приблизилась к убийце со смиреньем
 И, к матери взор обратив прощальный,
 Пошла, как нежный агнец, на закланье.

Вершители лихого приговора
 Пронзили алебастровую шею.
 Краса померкла трепетного взора,
 Что юный принц боготворил, лелея.
 Не ведая в душе своей укора,
 Красу Инеш несчастной не жалея,
 Убийцы ей ланиты осквернили
 И кровью белизну их обагрили.

О солнце! Как в день мерзкого деянья,
 Когда за страшной трапезой Атрея
 Плоть сыновей вкусил без содроганья
 Фиест по воле брата-лиходея,
 Ты спряталось, так в горький день страданья
 Могло б ты скрыться, в страхе цепenea,
 Заслышав, как красавица рыдала
 И к Педру крик предсмертный обращала.

Вот так в венке ромашка увядает,
 Свой горький жребий тщетно проклиная,
 И нежный цвет до времени теряет,
 В руках девичьих быстро засыхая.
 И жизнь цветок пробивший оставляет.
 Так и Инеш, от ран изнемогая,
 Красы своей божественной лишилась
 И с сладостною жизнью простилась.

И долго слезы горькие роняли
 Мондегу нимфы над ее могилой,
 И в честь ее печальный гимн слагали,
 Стеная, лик оплакивали мильи.
 И боги из прозрачных слез создали
 Источник, и с таинственной силой
 Он бег свой и поныне продолжает
 И о любви Инеш напоминает.

А вскоре Педру править стал странюю,
 И гнев его настиг убийц жестоких,
 Хотя, грозу почуяв над собою,
 Они в Кастилье спрятались далекой.
 Их сразу выдал Педру с головою
 Ее король, блюститель чести строгий.
 (Меж королями соблюдалось свято
 То правило, что Август ввел когда-то.)

Карал дон Педру яро, беспощадно
 Обманщиков, убийц и лиходеев,
 Разбойников казнил он кровожадных,
 Позору подвергал прелюбодеев.
 И города очистил он изрядно
 От татей, лихоимцев, прохиндеев,
 Казнил он их, нимало не жалея,
 В чем превзошел Алкида и Тезея.

От Педру Справедливого родился
 Фернанду, отпрыск вялый и безвольный.
 (На нем каприз природы проявился,
 В стране создав немало недовольных.)
 Кастилец в земли Луза устремился,
 Начало положив войне крамольной.
 Когда безвольный царь страной владеет,
 Любой народ слабеет и хиреет.

Немало бед отчизна испытала
 По милости такого властелина.
 Длань божия за грех его карала,
 И Леонор была тому причиной.
 Небесный гнев блудница возбуждала,
 Страну ввергая в тяжких войн пучину.
 Страсть низкая и мудрых ослепляет
 И даже сильных духом унижает.

Ведь от греховной страсти претерпели
 Немало бед и горестных страданий
 Троянцы, что Еленой завладели,
 Тарквиний, жертва собственных желаний,
 Потомки Веньямина, что посмели
 Предать жену чужую поруганью,
 Святой Давид, и Аппий развращенный,
 И царь Египта, Саррою прельщенный.

Герои прежних лет, презрев сраженья,
 В любовной неге сладость находили,
 И, как Геракл Омфале, в упоенье
 Прекрасным дамам ревностно служили,
 И, как Антоний, ради угожденья
 Своим любимым, головы сложили,
 И, словно Ганнибал, в объятьях девы
 Могли забыть и ратных труб напевы.

Да как и устоять, скажите честно,
 Когда Амура сети роковые
 Скрываются за обликом прелестным
 И прячутся за кудри золотые,
 И смертному простому неизвестно,
 Где ждут его тенета вековые,
 Которые так сердце вмиг сжимают,
 Что в огонь его горючий обращают?

И тот, кто испытал любви волненье,
 Кто тосковал по ласковому взгляду,
 Лик ангельский приветствовал в смятенье
 И видел в нем всех дней своих отраду,
 Тот извинит Фернанду преступленья,
 Не обречет его на муки ада.
 Но кто еще не ведал мук любовных,
 Сочтет его во всех грехах виновным.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Когда смолкает буря роковая
И постепенно мощный ветер стихает,
Уходит с небосвода тьма густая
И солнца луч даль моря озаряет,
Тогда тоска уносится ночная,
Ее надежда светлая сменяет.
Так было в Лузитании прекрасной,
Когда король преставился злосчастный.

2

Уж многие отмщенья алкали,
И толпы португальцев оскорбленных
Безвольного Фернанду проклинали,
Стонал от горя край изнеможенный,
И дети Луза радость испытали,
Когда Жуан, сын Педру незаконный,
Взошел на трон, избавив от позора
Родимой Португалии просторы.

3

Свершилось то по воле Провиденья,
Из уст младенца божий глас звучал,
И нации великой путь к спасенью
Он в Эворе чудесно указал:
Подняв ручонку, внятно, без смущенья
Ребенок восьмимесячный сказал:
«О Португалия, воспрянь от ран,
Да здравствует в веках король Жуан!»

4

Народный гнев, могучий, неумный,
 Обрушился, как молот беспощадный,
 На головы клеветов развращенных,
 Ограбивших страну рукою жадной.
 Презренной королевы приближенных
 Народ разил, чтоб было неповадно
 Ей низменным забавам предаваться
 И с наглым графом страстью наслаждаться.

5

В неистовом порыве исступленья
 Восставшие мучителей крушили:
 Кого, презрев все слезы и моленья,
 Нагим по грязным улицам тащили,
 Кого, низринув с башни в озлобленье,
 Астианакта смертью наградили.
 В те дни бесчестный граф лишился жизни
 За тот позор, что он принес отчизне.

6

Так беспощадно португальцы мстили
 За годы нищеты и унижений,
 Что Мария свирепостью затмили
 И Суллу превзошли ожесточеньем.
 И так свою царицу устрашили,
 Что та решила в горьком исступленьи
 Призвать в страну кастильцев легионы
 И дочери отдать свою корону.

7

И вот опять кастильцы наводнили
 Равнины Португалии несчастной
 И Беатриш хозяйкой объявили
 Потомков Луза Родины прекрасной,
 Хоть слухи беспрестанные ходили,
 Что был Фернанду вовсе непричастен
 К наследницы негаданной рожденью,
 Повергшему родимый край в смятенье.

И вот бургосцы стройными рядами
 В чужие земли рьяно устремились,
 А с ними валенсийцы, что с врагами
 При славном Сиде мужественно бились,
 И сарагосцы, что свободы знамя
 Рукой бесстрашной водрузить решились,
 С Фернандо храбрым дерзко в бой ходили
 И наглых мавров в битвах посрамили.

Затем вандалы, доблестью старинной
 Известные народам полумира,
 Беспечно отправлялись на чужбину,
 Покинув берега Гвадалквивира.
 А вслед за ними вереницей длинной
 Тянулись сыновья колоний Тира.
 И Геркулеса мощными столпами
 Свое они разрисовали знамя.

И шли за ними жители Толедо,
 Чьи стены светлый Тежу омывает
 И, чтоб увидеть город — чудо света,
 К нему с вершин Куэнки поспешает.
 И вы, о галисийцы, чьи победы
 Доньне мавр коварный вспоминает,
 Свои мечи мгновенно отточили
 И против лузитан их обратили.

Шли строем баски, чей язык и нравы
 С трудом народ соседний разбирает
 И чей характер гордый, величавый
 Заносчивый кастилец уважает.
 За ними к рубежам чужой державы
 Шли астурийцы, чья земля скрывает
 Немало ценных руд в своих глубинах —
 Все в земли Луза хлынули лавиной.

Жуан, отвагой, яростью и силой
 Самсону прямодушному подобный,
 Ряды завидев недругов постылых,
 Собрал совет из воев благородных.
 Число врагов его не устрашило.
 Он отличался доблестью природной,
 Но, прежде чем войска ввести в сражение,
 Хотел он знати выслушать сужденье.

И многие в испуге и смятенье
 От верности монарху отступили,
 Предали предков доблестных забвенью,
 Без боя уступить врагу решили.
 Поддавшись страху, в диком озлобленье
 И короля, и Родину хулили.
 И, словно Петр, за жизнь свою трясясь,
 От бога отреклись бы в этот час.

Но дал отпор безумцам маловерным
 Дон Нуну, витязь гордый и отважный,
 Душой отчизне преданный безмерно,
 За честь ее вступившийся бесстрашно.
 Предал проклятью братьев он презренных,
 Отверг навеки родичей продажных
 И речь держал, на меч свой опираясь,
 К земле, морям и небу обращаясь:

«Как? Ныне племя гордых португалов
 Под натиском кастильцев отступает
 И мощную, прекрасную державу
 Захватчикам бесчестным оставляет,
 Забыв о вере, мужестве и славе,
 Великих предков доблесть оскверняет
 И жаждет, по чужому наущенью,
 Родимый край предать порабощенью?»

Как? Вы забыли, что в былые леты
 Под знаменем Афонсу удалого
 Ходили на кастильца ваши деды
 И разгромили недруга лихого?
 Забыли, как в день доблестной победы
 Тоска объяла супостата злого:
 Когда семь графов, дерзких и спесивых,
 Взял в плен король Афонсу горделивый?

Кастилия пред вами выхвалялась,
 Хотя былая мощь ее полков
 При доблестном Афонсу создавалась
 Руками ваших дедов и отцов.
 Их слава с каждым часом укреплялась,
 А вас Фернанду превратил в глупцов,
 Но коль король народный нрав меняет,
 Пускай король вас новый исправляет.

Властителя вы обрели такого,
 Что ринется в кровавое сраженье,
 Развеет в прах противника любого,
 Любую рать предаст уничтоженью.
 И ныне чести я даю вам слово,
 Что если вы, презрев мои моленья,
 Откажетесь от наших предков славы,
 Один я грудью заслоню державу».

Булатный меч из ножен вынимая,
 Воскликнул Нуну, гневом распаленный:
 «Родимый край я видеть не желаю
 Презренным чужестранцем угнетенным.
 Своих вассалов в бой я призываю,
 Мы гордо развернем свои знамена.
 Пускай трепещет в страхе враг проклятый —
 Мы разгромим любого супостата».

Когда-то после Каннского сраженья
 В Каноссу в страхе римляне бежали,
 И, испытав бесчестье пораженья,
 Бой новый начинать не пожелали,
 И в горестном испуге и смятенье
 Уже с себя оружие слагали,
 Но тут явился Сципион бесстрашный
 И за собой их в бой увлек отважно.

Вот так и Нуну твердою рукою
 Сплотил ряды соратников умело.
 Взметнулось гордо знамя боевое,
 На горе супостатам оголтелым.
 И дети Луза с силой молодою
 Уже на битву порывались смело.
 «Да здравствует король Жуан!» — кричали
 И запастись оружием поспешали.

И люди расходились торопливо,
 Спеша в поход далекий собираться.
 Мушкетеры начищались терпеливо,
 Бежал народ мечами разживаться.
 Бронею щеголяя горделиво,
 Шли юноши красоткам показаться,
 Любимым клятвы верности давали,
 И их цвета в одежде сочетали.

С блестящим войском, в добром настроенье
 Жуан Абрантеш тихий покидает,
 Красавец Тежу в гордом упоенье
 Ему привет прощальный посылает.
 Спешат полки достичь полей сраженья,
 А авангард могучий возглавляет
 Великий муж, который с полным правом
 Вести мог войско Ксерксовой державы.

Я говорю о Нуну: как Аттила
 Для франков был бичом и италийцев,
 Так Нуну молвь людская объявила
 Бичом спесивых, дерзостных кастильцев.
 Росла и крепла португальцев сила,
 Они в тяжелый час приободрились,
 Вел правый фланг сам Вашкуншелуш смелый,
 Воитель славный, дерзкий и умелый.

А левым флангом Вашкеш де Алмада
 Командовал, бесстрашный, мудрый воин.
 Поздней Авранш он получил в награду
 И титула был графа удостоен.
 Над арьергардом армии громадной
 Знамена короля взлетели стройно.
 Народ монархом юным восхищался,
 Который в славе с Марсом поравнялся.

А воинов в путь дальний провожали
 Невесты, сестры, матери и жены,
 С высоких стен платками им махали
 И вслед смотрели нежно и влюбленно,
 За них молитвы к небу воссылали
 И в страхе лили слезы удрученно.
 Но наконец сошлись на поле боя
 С кастильцем португальские герои.

Задорно трубы звонкие сзывали
 На поле битвы воинов отважных,
 И знаменосцы стяги воздымали,
 Готовясь в битву ринуться бесстрашно.
 В те дни крестьяне урожай собирали,
 Цереру чтя под небом юга ясным.
 В созвездье Девы солнце поспешало
 И винограду сладость придавало.

Кастильская труба тревожно взывала,
 И стон протяжный огласил просторы.
 От страха Гвадиана поспешила
 Свое течение отворотить от моря.
 Дыханье близкой смерти охватило
 Галисии глухой седые горы.
 Детей из люлек матери хватали
 И их к груди в испуге прижимали.

От страха кровь отхлынула от лиц,
 Немало гордых воев побледнело,
 Немало мощных дрогнуло десниц,
 Немало уст в испуге онемело.
 Ведь часто отблеск боевых зарниц
 Вселяет трепет в неможное тело,
 Но страсть к победам страх превозмогает,
 И ратоборец к битве приступает.

И страшное сраженье закипело,
 Друг другу смертью вои угрожали,
 Одни к добыче рвались оголтело,
 Другие край родимый защищали.
 Стремглав косил врагов Перейра смелый,
 И злую смерть в сраженье обретали
 Искатели богатств и приключений,
 Чужих завоеватели владений.

Над полем битвы тучами летали
 С веселым свистом яростные стрелы.
 Поля от страха жалобно стенали,
 Долины от страданий онемели.
 Повсюду копья жертвы настигали,
 Кругом мечи булатные звенели.
 Кастильцы плотно Нуну окружили
 И армию вождя лишить решили.

Кастилии полки передовые
 Изменников собрали португалов.
 Уже над славным Нуну братья злые
 Готовили кровавую расправу.
 Братоубийцы, изверги лихие
 Явились на простор родной державы.
 Вот так при войнах Цезаря с Помпеем
 Шел брат на брата, в битве свирепея.

О вы, Кориолан и Катилина!
 Я к вам теперь, предатели, взываю,
 Вы в горький час, в тяжелую годину
 Несчастья принесли родному краю.
 И если ныне в адские пучины,
 Где вы томитесь, грех свой искупая,
 Дойдет мой глас, скажите, что толпою
 В ад ренегаты мчатся с поля боя.

Был Нуну словно лев, что под Сеутой
 От ярых звероловов убегает,
 Спасаясь от копья ударов лютых,
 К равнинам Тетуана отступает,
 Готовый к битве каждую минуту,
 Косматой гривой гордо потрясает
 И страхам и тоске не предается,
 А только над погоней смеется.

Бесстрашный Нуну, битвой разъяренный,
 Противников удары отражает,
 Со всех сторон врагами окруженный,
 Свирепые атаки отбивает,
 Но, от дружины Луза отделенный,
 Воитель смелый кровью истекает,
 И гибнут в ходе яростного боя
 Последние сподвижники героя.

Но тут Жуан, премудрый предводитель,
 Всей битвы ход охватывавший взглядом,
 Родного войска ревностный рачитель,
 Пришел на помощь гибнущим отрядам,
 Как львица молодая, в чью обитель
 Пастух ворвался, подобрался к львьятам
 И их унес, покуда мать блуждала
 И корм злосчастный чадам добывала, —

Она ревет и оглушает горы.
 Вот так Жуан, собратьев ободряя,
 Взревел: «Немало срама и позора
 От вас, друзья, вкусила рать чужая.
 Вы защитили родины просторы,
 Вспоманет вас добром земля родная,
 И знайте: Португалии свобода
 Зависит от мечей ее народа.

Я, ваш король, сподвижник и соратник,
 В бой португальцев славных призываю,
 Сражаюсь среди вас, как пеший латник,
 Родную землю грудью защищаю».
 И, молвив так, он с силою изрядной
 Копье подбросил на руке, играя,
 И в недругов метнул его заклятых,
 Желая их отправить в бездну ада.

И войско, распаленное словами
 Геройскими, рванулось в наступленье,
 И быстро меж враждебными полками
 Посеяло тревогу и смятенье.
 Израненные острыми мечами,
 Кастильцы гибли в яростном сраженьи.
 Кольчуги их от копий разрывались,
 И быстро жизни воины лишались.

В долины Стикса недругов заклятых
 Потомки Луза дружно направляли,
 Кастильцев именитых и богатых
 Недрогнувшей рукою умерщвляли.
 Бесчестные Перейры-рenegаты,
 Кляня свой горький жребий, издыхали,
 Магистры Калатравы и Сантьяго
 Погибли оба в яростной атаке.

В тот день немало воинов безвестных
 Рассталось с жизнью милой и прекрасной,
 Трехглавый пес, властитель адской бездны,
 Ждал с нетерпением жертв своих безгласных.
 Но разгулялось все ж в дали небесной,
 Закончился срок битвы столь ужасной,
 И флаг кастильский горестно склонился,
 К ногам дружины Луза опустился.

Закончилось кровавое сраженье,
 Предсмертные хрипенья затихали.
 Цветы поникли в страхе и смятенье,
 А травы алый цвет в себя впитали.
 О прелести забыв чужих владений,
 Кастильцы с поля боя удирали,
 А их король в тот день стыдом терзался
 И мрачным размышленьям предавался.

В смятении он жизнь свою спасал
 И поле боя в ужасе оставил.
 Так посрамленный властелин бежал,
 Как будто крылья бог ему приставил.
 Он в сердце рану тайную скрывал,
 Ему гордыни храбрый враг убавил.
 Кругом его проклятьям предавали,
 Над трупами товарищей рыдали.

Кто проклинал безумца, что когда-то
 Войну затеял первым в этом мире,
 Кто алчность клял властителей богатых,
 Разряженных в алмазы и порфиру
 И армию увлекших в бездны ада,
 Стремясь ограбить край чужой и сирый,
 Навек супругов бедных разлучивших,
 Детей любви родительской лишивших.

Чтя древних дней обычай благородный,
 Жуан провел три дня на поле боя.
 Со скромностью и щедростью природной
 Творцу за все воздал хвалу с лихвою,
 Меж тем как гордый Нуну неохотно
 Со славой расставался боевою.
 И вторгся он в кастильские селенья
 И там затеял новое сраженье.

Его судьба для славы создала
 И все его желанья исполняла.
 Разбить вандалов Нуну помогла
 И путь ему к Севилье указала.
 К победам новым воина вела,
 Ему повсюду земли покоряла.
 И многие кастильские сеньоры
 Припасть к его ногам явились скоро.

Когда кастильцы мира запросили
 И к милосердию божию воззвали,
 Им милость победителя явили
 И мир желанный побежденным дали.
 Забыть вражду воители решили,
 И короли судьбу свою связали
 С красавицами Англии далекой,
 Пределы положив войне жестокой.

Закончив битвы славные на суше,
 К брегам морским герои устремились.
 Потомков Луза доблестные души
 Неистовых сражений не страшились.
 На мощь надеясь своего оружия,
 В чужую землю путь держать решились,
 Чтоб в Африке ученье Магомета
 Оспорить словом Нового завета.

Над синим морем белоснежной стаей
 Ветрила кораблей взметнулись бодро,
 Чтоб, серебро бурунов разрезая,
 К Алкидовым столбам явиться гордо.
 И, мавров богомерзких утрашая,
 Взять Сеуты твердыню дланью твердой,
 Искоренив последствия обмана
 Предателя отчизны Хулиана.

Но смерть неумолимою рукою
 Державу и народ осиротила
 И славного правителя-героя
 В сады Эдема вдруг переместила.
 Но он оставил племя боевое,
 Которое судьбу страны вершило.
 Великие инфанты для отчизны
 Готовы были поступиться жизнью.

Но королю Дуарте изменило
 Капризное и ветреное счастье,
 За радостью печали приводило,
 День солнечный сменяло вдруг ненастьем.
 Да и кому Фортуна подарила
 Жизнь, полную лишь радости и страсти!
 Так для чего ж ей нрав переменять
 И короля от мук освобождать?

Он пережил полон святого брата,
 Подвижника и гордого страдальца,
 Прошедшего сквозь все мученья ада,
 Чтоб Сеуту оставить португальцам.
 Кто принцем был — рабом стал неприглядным.
 Кто весел был — вдруг сделался рыдальцем.
 И проявил он твердость и отвагу,
 Чтоб отстоять общественное благо.

Кодр, для свободы родины любимой,
 Решил своею жизнью поступиться,
 А Регул, чувством долга одержимый,
 Не захотел злодеям подчиниться.
 Но все ж ни Курций, вой неустрашимый,
 Ни Деции, которыми гордится
 Великий Рим, не превзойдут во славе
 Фернанду, гордость доблестной державы.

За горести невольника святого
 Воздал с лихвою варварам отвратным
 Афонсу, государь, который снова
 Вернул покой отчизне благодатной.
 Развевял в прах врага он векового,
 Пошел араб жестокий на попятный,
 И спрятался в песках пустыни знойной,
 Афонсу был наказан он достойно.

Коль захотел бы государь всевластный,
 То мог бы яблочк золотых отведать.
 Их только Геркулес — герой бесстрашный —
 Вкусил, когда дошел до края света.
 Чело Афонсу лавр обвил прекрасный
 И ветви пальмы — доблести приметы.
 Эль-Ксар, Танжер и гордая Арзила
 Простерлись ниц пред лузитанской силой.

Пред славным войском крепостные стены,
 Утратив твердость, молча расступались.
 Разя свирепо мусульман презренных,
 Полки лузиад в города врывались,
 Бесстрашием и рыцарством отменным
 В те годы португальцы отличались,
 Они не только Марса ублажали,
 Но подвиг свой на лире воспевали.

Затем Афонсу, алчностью томим,
 Мечту лелея о кастильском троне,
 Гонимый честолюбием слепым,
 Опять в сражение бросил легионы.
 Но встретиться на поле боя с ним
 Фернандо шел, властитель Арагона,
 Ведя с собой полки богатырей
 Со склонов благодатных Пиреней.

А принц Жуан, которого по праву
 Примерным все в народе называли,
 Стяжать желая воинскую славу,
 Пришел помочь отцу в его печали.
 Но смял дружины Луза вихрь кровавый,
 Войска Афонсу битву проиграли,
 Хоть и Фернандо не посмел решиться
 Бесспорною победой похвалиться:

Ведь юный принц, воитель вдохновенный
 И рыцарь славный, храбрый и любезный,
 Нанес урон полкам врагов надменных
 И потеснил испанцев повсеместно.
 Так при Филиппах Август несравненный
 Разбит был в битве Брутом, как известно,
 Но в бой полки Антония вступили
 И Цезаря убийцам отомстили.

Когда же темень ночи бесконечной
 На небеса Афонсу удалила,
 Король Жуан, питомец славы вечной,
 Державу возвеличил с новой силой.
 Он был в своих деяньях безупречен,
 Его страна зари к себе манила,
 Авроры нежной родина благая...
 А я его деянья продолжаю.

Его посланцы дружную четую
 Вдоль берегов Испании проплыли
 И, Францию оставив за кормою,
 В Италии на древний брег ступили,
 В Неаполе, которого судьбою
 Повелевать наперебой спешили
 По воле Парок разные народы
 И где испанцы правили в те годы.

Оттуда в дальний путь они пустились,
 До солнечной Сицилии добрались,
 И к Родосу по морю устремились,
 И красотой Египта любовались.
 Судьбе Помпея славного дивились,
 Деяньями героя восхищались.
 Потом им Эфиопия открылась,
 Где христианство свято сохранилось.

И, по волнам промчавшись Эритрейским,
 Которые когда-то в давний час
 Пред племенем гонимым иудейским
 Разверзлись, как велел им божий глас,
 Узрев холмов вершины Набатейских,
 Где Измаила сын отары пас,
 Гонцы, пройдя сквозь зной пустынь тоскливых,
 К Аравии приблизились Счастливой.

Пролив Ормузский странники проплыли.
 Там башни Вавилонской воздвиженье
 Еще поныне люди не забыли,
 Запомнив языков земных смешенье.
 Потом их дали Индии прельстили.
 Они туда помчались в нетерпенье
 По волнам неумным Океана,
 Когда-то утрашившего Траяна.

Обычаям неведомых народов
 Они под дальним небом удивлялись,
 Кермана и Гедрозии красоты
 Пред взорами пытливыми являлись.
 Их поразила Индии природа,
 Когда ж они на Родину собрались,
 То тяготы пути не одолели —
 И захлебнулись в чуждой им купели.

Меж тем на троне Родины прекрасной
 Уж Мануэл Счастливый воцарился.
 Казалось, царь небесный ежечасно
 Его желанья исполнять стремился.
 Призвал на подвиг он народ бесстрашный,
 Примером он Жуана вдохновился.
 Его влекло неведомое море,
 Что португальцам покорилося вскоре.

И раз, в предвестье утренней зарницы,
 Он думам неотступным предавался.
 Расширить милой Родины границы
 Ему завет от предков оставался.
 Уж первый луч стремительной денницы
 Сквозь мрак кромешный с трепетом прорвался.
 Ночные звезды небо покидали
 И сон усталым веждам навевали.

На ложе сна властитель опустился,
 Но думать об отчизне продолжал.
 Мечтой к брегам далеким он стремился,
 Наказы предков выполнить желал.
 Когда же сну владыка покорился,
 Грядущее страны своей узнал:
 К нему пришел Морфей, чтоб в сновиденье
 Открыть ему бессмертных повеленья.

Во сне властитель к небесам поднялся
 И дланью прикоснулся к первой сфере,
 С высот пред ним мир божий расстился,
 Мелькали стран неведомых пределы.
 А в том краю, где день всегда рождался,
 Вершины гордых гор взметнулись смело,
 Где находились славные истоки
 Двух дивных рек, спешащих в путь далекий.

И хищники неведомые, злые
 Среди этих гор извечно обитали.
 Деревья и кустарники лесные
 Дороги в чащи властно преграждали.
 И горы неприступные, немые
 В самой своей суровости являли,
 Что со времен Адамова паденья
 Никто еще не вторгся в их владенья.

И вот из лона вод непокоренных
 Два старца вышли дружною четою,
 Величием отмечены врожденным,
 Достоинством и силой удаюю.
 С волос, от всяких пут освобожденных,
 Слетали капли быстрой чередою,
 И смуглые тела их увлажняли,
 И бороды огромные питали.

Чело могучих старцев обвивали
 Венки из трав, в Европе неизвестных.
 А лики их усталостью дышали,
 Казалось, путь далекий и чудесный
 Прошли пришельцы; ветры разделяли
 Один поток на две струи; совместно
 Текли их воды; словно в Сиракузах,
 Где льнет Алфей к прекрасной Аретузе.

И старец тот, кто и лицом и нравом
 Из двух казался более степенным,
 К властителю прекраснейшей державы
 Со словом обратился вдохновенным:
 «О ты, чью доблесть, мужество и славу
 Народы превозносят в восхищенье!
 Мы, никогда не бывшие в оковах,
 Отныне дань тебе платить готовы.

Я знаменитый Ганг, мое рожденье
 Приветствуют небесные чертоги.
 А друг мой — славный Инд, его теченье
 Среди этих гор берет свои истоки.
 Державы нашей плен и покоренье
 Тебе усилий стоить будут многих,
 Но все ж придет конец войне кровавой,
 И ты пожнешь заслуженную славу».

И так сказав, умолкнул Ганг священный
 И вместе с Индом в дымке растворился.
 Восстав от сна, король благословенный
 Немало чудным грезам подивился.
 Уж светлый Феб в сиянье неизменном
 На сонном небосклоне появился.
 Заря зарделась нежно и счастливо,
 Украсив мир румянцем роз стыдливых.

И на совет король собрал придворных
 И о своем виденье рассказал.
 Поведал им о всех красотах горных,
 Слова святого старца передал.
 Согласьем заручившись их, проворно
 Готовить он армаду приказал,
 Чтоб покорить просторы океана
 И разыскать неведомые страны.

А я всегда смущенною душою
 Предчувствовал свой жребий необычный.
 Казалось, что завещано судьбою
 Прервать мне было ход вещей привычный.
 Сам государь беседовал со мною,
 Мне сердцем доверяясь безгранично.
 И в руки ключ вручил мне заповедный
 От дальних стран и их богатств несметных.

И с ласковыми, добрыми словами
 Ко мне король великий обратился,
 Сказав: «Нет ничего под небесами,
 Чего трудом бы смертный не добился,
 Известно, что великими делами
 Извечно край наш доблестный гордился.
 И судьбы, кои подвиг завершает,
 Бессмертными весь мир потом считает.

Я вас избрал для трудного деянья,
 Чтоб край родной гордился им по праву,
 Коль вы мое свершите приказанье,
 Покроете страну родную славой».
 Я отвечал: «Сквозь горе и страданья
 Пройду я, чтоб возвысить честь державы,
 Пройду сквозь пламень, снег и вихрь ужасный,
 Коль в путь меня пошлет король отважный.

Велите мне, как Эврисфей Алкиду,
 С Немецким львом на смертный бой решиться,
 Спуститься в глубь зловещего Аида,
 С Лернейской гидрой дерзостно сразиться.
 Я с радостью, без страха и обиды
 Согласен с жизнью милою проститься.
 Я плотью и душой готов отныне
 Пожертвовать родной земли святыням».

Король меня осыпал похвалами
 И тем мой дух на подвиг укрепил,
 Не раз одними добрыми словами
 Мне прибавляло небо новых сил!
 Мой брат любимый, Паулу да Гама,
 Со мной по свету странствовать решил,
 Дыша ко мне любовью бесконечной,
 Надеясь к славе приобщиться вечной.

И Николай Куэлью, друг отважный,
 В деяниях геройских закаленный,
 Со мной к востоку плыть решил бесстрашно,
 Стремясь душою к землям отдаленным.
 Я взял с собой в путь дальний и опасный
 Немало молодежи одаренной,
 Восторженной, веселой и толковой,
 К лишениям и подвигам готовой.

И наш король вознаградил примерно
 Всех тех, кто к дальним странам устремился,
 На подвиг вдохновил вассалов верных,
 Сердечно с мореходами простился.
 Вот так когда-то с гордостью безмерной
 «Арго» великий в трудный путь пустился.
 И первой славных миниев дружина
 Решалась бури испытать Эвксина.

И в гавани Улиссеи прекрасной,
 Где море воды Тежу поглощает,
 Весь город в ранний час сынов отважных
 С тревогой в путь далекий провожает.
 Уж корабли в содружестве согласном
 Средь светлых вод скитальцев поджидают,
 И к ним стремится младость удалая,
 С восторгом приключенья предвкушая.

И воины в нарядах разноцветных
 Идут на берег моря чередою,
 Готовые к деяниям бессмертным,
 Рвясь к странам неизведанным душою.
 И вымпелы колышет ветер приветный,
 И волны тихо плещут за кормою,
 И, как «Арго», все корабли армады
 Способны к небу мчаться сквозь преграды.

С усердьем подготовив оснащенье
 Для долгих и томительных скитаний,
 Мы души приготовили к мученьям,
 К тяжелым, бесконечным испытаньям,
 Смиренно заклиная Провиденье
 Нас сохранить в час горя и страданья,
 Ведь призрак страшной смерти неотвязно
 За мореходом в путь спешит опасный.

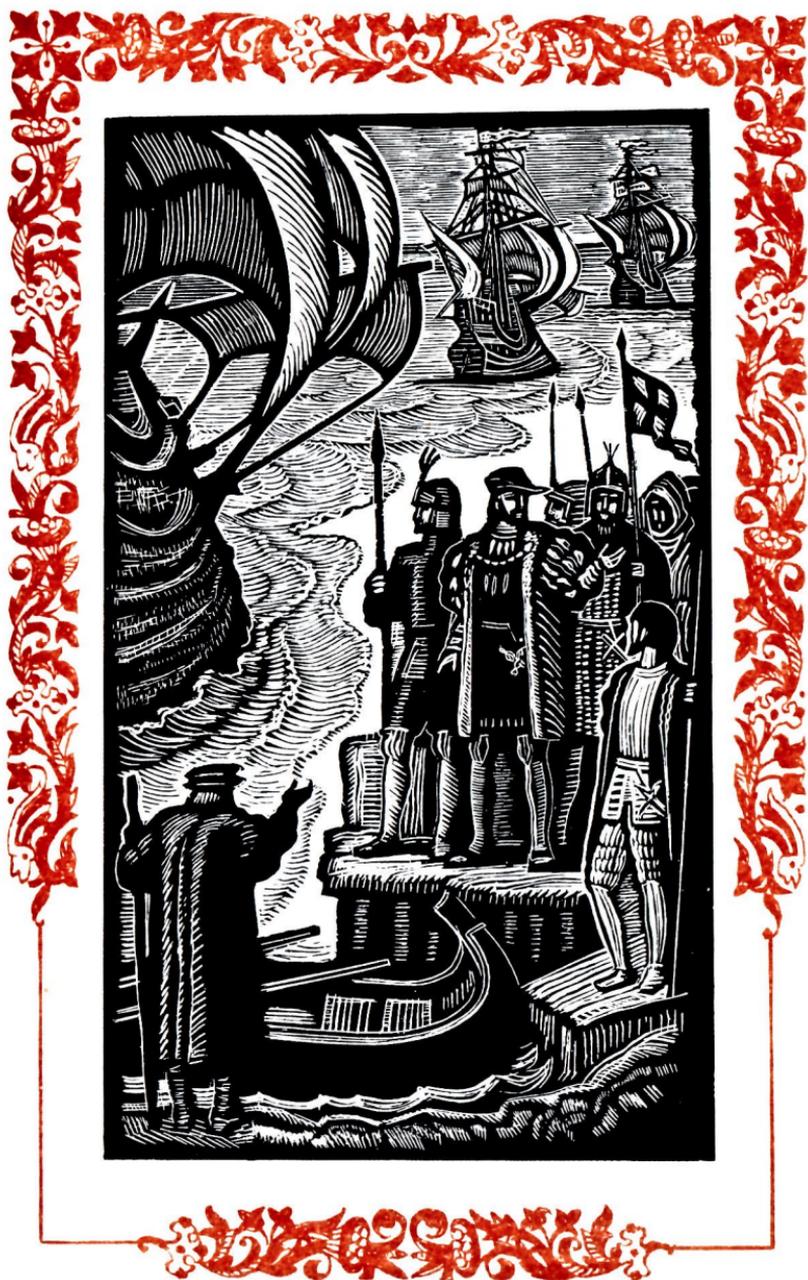
Мы в Вифлееме, близ святого храма,
 Свой путь христоробивый начинали
 И робкими, чуть слышными словами
 Господне милосердье призывали.
 Туман стоял у всех перед глазами,
 И слезы видеть берег нам мешали.
 И ныне, государь, я уверяю,
 Что наш отъезд с трудом припоминаю.

На пристани в содружестве печальном
 Понурые сограждане стояли
 И к странам неизведанным и дальним
 В слезах родных и близких провожали.
 Мы начали свой путь многострадальный
 С того, что в храме службу отстояли.
 И крестным ходом двинулись согласно
 К своей армаде, мощной и прекрасной.

Нас матери-печальницы и жены
 Погибшими заранее считали.
 Отцы тоскливо издавали стоны
 И сердце нам безжалостно терзали,
 Смотря на нас тревожно, удрученно,
 Нам муки и страданья предрекали.
 Любовь им страх неистовый внушила
 И все сомненья их усугубила.

Мать причитала: «Сын мой, сын несчастный,
 За что меня ты радости лишаешь
 И в старости унылой и ужасной
 За что меня одну ты оставляешь?
 Дитя мое! В скитаниях опасных
 Младую жизнь ты погубить желаешь.
 Зачем добычей рыб ты стать решился
 И в странствия далекие пустился?»

И, косы распустив, жена рыдала:
 «О мой супруг, вы мной не дорожите,
 И жизнь, что мне всегда принадлежала,
 Бездумно злему морю вы дарите.
 Чем ваше недовольство я снискала?
 За что вы от меня стремглав бежите?
 Без вас Амур мне жить не позволяет,
 А вас страна далекая пленяет».

А старики и дети в отдаленье
 Рыданьям горьким вторили в печали
 И, руки простирая к нам в волненье,
 Остаться дома дружно заклинали.
 Казалось, что холмы в немом смятенье
 Рыданьем нашим близким отвечали.
 И поглощали белые песчинки
 Немых холмов прозрачные слезинки.

Мы проходили к кораблям прекрасным,
 На бедных женщин глаз не подымая,
 Чтоб в час отплытья, скорбный и ужасный,
 Не сокрушила нас печаль лихая.
 Мы избежали проводов напрасных,
 Усугублять страданья не желая,
 Обычай сей лишь умножает муки,
 Что нам несет жестокая разлука.

Но вдруг старик, чей вид благопристойный
 Внушал толпе шумливой уваженье,
 Тряхнул главой три раза беспокойно,
 На нас взирая в горестном волненье,
 И возопил, да так, что шум прибойный
 Не заглушил тех горестных речений,
 Что обратил к нам старец распаленный,
 Годами долгой жизни умудренный:

«О тщетная, бессмысленная слава,
 О суеты безумной воплощенье!
 К тебе, забыв о войнах и забавах,
 Стремятся все с неистребимым рвением!
 Ты покоряешь земли и державы,
 Играешь миром в дерзком упоенье,
 Несешь ему погибель, и страданья,
 И тяготы жестоких испытаний.

Даришь ты миру войны и разбои,
 Измены, преступленья и злодейства,
 Отсутствие душевного покоя,
 Убийства, мятежи, прелюбодейства.
 Играешь ты безумною толпою,
 Империи крушишь и королевства,
 Но есть всегда невежды, что охотно
 Тебя считают Славой Благородной.

Какие беды, муки и лишенья
 На наше государство ты обрушишь?
 В каких еще ужасных злоключеньях
 Свою немилость к нам ты обнаружишь?
 Чем увлечешь младое поколение
 И чем его спокойствие нарушишь?
 Что посулишь ему? Какие беды?
 Какие лавры, перлы и победы?

А ты, Адама бедного потомство,
 Ослушника, который справедливо
 Был изгнан за грехи и вероломство
 Из рая в край убогий и тоскливый,
 И в наказанье за свое упорство
 Век золотой, невинный и счастливый,
 Он навсегда, безумец, потерял
 И в век железный навсегда попал.

Фантазии бесплодной предаваясь,
 Свирепость ты геройством объявило
 И, суетой безумной упиваясь,
 Подвергнуть жизнь опасности решило.
 Сомнительной отвагой отличаясь,
 Ты цену жизни, видно, позабыло,
 Хоть в смертный час ей свято дорожил
 И тот, кто жизнью всех нас одарил.

Но если жаждешь битвы ты кровавой,
 То разве нет неверных в поднебесной,
 С которыми за честь родной державы
 Померяться ты силой можешь честно?
 Их города отстроены на славу,
 И земли их богатствами известны.
 Коль ты Христову веру защищаешь,
 Почто ты с мавром биться не желаешь?

Ты у дверей неверных оставляешь,
 Ища вдали неведомых сражений,
 Судьбой родной страны пренебрегаешь,
 Ее бросая в жалком запустенье.
 Ты в Индии победы предвкушаешь,
 И в Персию стремишь свое движенье,
 В Аравии стяжать желаешь славу,
 Забыв о предков доблестных державе.

О! Ныне я, несчастный, проклиною
 Того, кто первым к дереву сухому
 Приладил парус, лодку создавая,
 Стремясь мечтой к заливам незнакомым.
 Он пламя ада заслужил, я знаю,
 Он в преисподней брег найдет искомый.
 Пускай в веках следа он не оставит
 И собственное имя обесславит.

Когда-то, человечество жалея,
 Сын Япета с огнем к нему спустился,
 И от огня безумца Прометей
 Весь мир в огонь сражений погрузился.
 Зачем, мечту несчастную лелея,
 Спокойствием ты нашим поступился,
 О Прометей! Пускай бы огонь желаний
 Не распаллял бездумных начинаний.

Не будь тебя, возница несмышленный
Не опалил бы землю при паденье,
Не испытал бы зодчий искушенный
Над лабиринтом рук своих творенье,
Не рвался к небесам бы дух стесненный,
Оставил бы пустые помышленья
И не искал бы чуждых, дальних стран.
О, жалкий рок и горестный обман».

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1

Пока старик, годами умудренный,
К нам обращал бесплодные призывы,
Нас вывел в море ветр неутомонный,
Нам паруса наполнив торопливо.
К родным берегам взор обратив влюбленный,
Мы бороздили волн жемчужных гривы
И криками окрестность оглашали,
Себе пути счастливого желали.

2

А в эти дни бессмертное светило
К Немейскому пределу приближалось.
И время век шестой уже пробилло,
Которым дряхлость мира измерялась.
А солнце новый день уж озарило,
Немало лет в пути оно скиталось,
Пока в году, завещанном от бога,
Не вышел флот в далекую дорогу.

3

Уже из виду быстро удалялись
Родной страны прекрасные просторы.
Пред нами волны Тежу расступались,
В глухом тумане Синтры скрылись горы.
Мы со слезами с Родиной прощались,
К берегам далеким обращали взоры,
Но час настал, когда очам предстали
Лишь синь небес да волн могучих дали.

Так открывали земли мы и страны,
 Безвестные прошедшим поколениям,
 Лишь Генрих наш, старатель неустанный,
 К брегам стремился этим в нетерпенье.
 От флота слева встали из тумана
 Антея легендарного владенья.
 Была ли суша справа, мы не знали,
 Но все же брег увидеть ожидали.

Затем Мадейры шумные дубравы
 Мы с рьяным любопытством миновали.
 Здесь, расширяя рубежи державы,
 Селенья наши предки основали.
 Но земли эти негасимой славы
 Еще в подлунном мире не стяжали.
 Но, коль захочет нежная Венера,
 Затмит Мадейра Пафос и Цитеру.

Затем берега Массилии пустынной
 Пред нами в наготе своей открылись.
 В безводных, солнцем выжженных долинах
 Берберы-скотоводы поселились.
 И птицы, обитая на равнинах,
 Железом испокон веков кормились.
 Но земли мы оставили берберов
 И дале к югу устремились смело.

Мы перешли незримые границы,
 Где солнце бег на север замедляет
 И по вине несчастного возницы
 Туземцев темной кожей награждает.
 Там Сенегал стремительный струится
 И берег раскаленный орошает.
 И там мыс Арсиной наши предки
 Зеленым мысом окрестили метко.

Мы миновали острова Блаженных
 (Канарскими их ныне называют)
 И бег свой устремили дерзновенно
 Туда, где Геспериды обитают.
 С упорством небывалым, неизменным
 Там наши братья море покоряют.
 И там пристали мы по воле бога,
 Чтоб запастись провизией в дорогу.

Гостеприимный остров нас встречал,
 Что принял имя славного Сантьяго,
 Того, кто в битвах с мавром придавал
 Полкам испанцев силу и отвагу.
 Потом Борей нас снова в путь погнал,
 Мы в океан направились без страха,
 Оставив те прекрасные владенья,
 Где мы вкусили миг отдохновенья.

И с запада мы вскоре обогнули
 Все побережье Африки бескрайней,
 Мандингу изобильную минули,
 Что золотом богата чрезвычайно.
 И к Гамбии коварной повернули,
 Прodelав путь томительный и дальний
 И повидав туземцев чернокожих,
 На нас лицом и нравом непохожих.

Мы острова Доркадские видали,
 Там в давнее неведомое время
 Три страшные Горгоны обитали,
 Жестоко поступавшие со всеми.
 На всех один лишь глаз им боги дали,
 Вложив им в сердце ненависти семя,
 Когда Медуза злая умирала,
 То кровь ее змей страшных порождала.

Врезая воды острыми носами,
 Суда летели к югу неуклонно.
 Мыс Пальмовый остался за волнами,
 И скрылась вдалеке Сьерра-Леоне,
 Затем река мелькнула перед нами,
 Маня к себе красой своих затонов,
 Близ острова затем проплыли мы —
 Владения Неверного Фомы.

Мы королевство Конго повидали,
 Где наши братья веру утвердили,
 Заир прекрасный быстро миновали
 И вновь в открытый океан поплыли.
 Просторов этих древние не знали,
 И южных волн они не бороздили.
 Прошли рубеж мы раскаленный вскоре,
 Что делит пополам и сушь, и море.

И в новом полушарии встречало
 Нас новое созвездье ярким светом,
 Оно пустое небо озаряло,
 Даря нас нежной лаской и приветом.
 До нас оно скитальцам не сияло,
 Лишь мы свеченьем любовались этим
 В таинственных неведомых просторах,
 Где край земли граничит с краем моря.

Мы увидали те места благие,
 Где дважды в год Феб ясный пребывает.
 Два лета в год и две зимы сухие
 Тем землям он исправно посылает.
 Нам встретились и те валы лихие,
 Что в гневе к небесам Эол вздымает.
 Мы зрели, как Медведицы купались
 И ярости Юноны не боялись.

Я не хочу подробно изъясняться,
 Описывая многие явления,
 Которым нам случалось удивляться
 И кои б ваше вызвали смятенье.
 Грозой нам доводилось любоваться
 И видеть молний яркое свеченье,
 Которое полнеба зажигало
 И в мрачном море вскоре исчезало.

Я видел происшествия такие,
 О коих после долгих походов
 Твердят повсюду моряки простые,
 Знакомых вызывая удивленье.
 Их с недоверьем слушают иные,
 Рассказы эти ставя под сомненье,
 Поскольку ни рассудок, ни познания
 Такое объяснить не в состоянье.

Живой огонь я наблюдал воочью
 (Его святым на море почитают),
 В час непогоды, средь кромешной ночи
 По мачтам зыбко огоньки блуждают.
 Узрел немало странностей я прочих,
 Друзья мои со мною вспоминают
 О том, как облака трубой огромной
 Тянули к небу океана волны.

Я видел, как струею подымался
 Над морем пар, и ветра дуновеньем
 Он в облачко подвижное свивался
 И уносился ввысь к небесной сени.
 Так быстро он в воронку собирался,
 Так плавно совершалось вознесенье,
 Что мы следили взглядом изумленным
 За чудом, небесами сотворенным.

Воронка постепенно расширялась,
 Над главной мачтой грозно нависая,
 То над волною пенной утолщалась,
 Как будто грозный вихрь в себе вмещаая,
 То, ветром поколеблена, сжималась,
 Всю мощь свою в мгновение теряя.
 И вскоре в столп огромный превратилась
 И к небесам зловецим устремилась.

Так красная пиявка, что терзает
 Животное, пришедшее напиться,
 В воде его прохладной поджидает,
 Спеша в губу запекшуюся впиться,
 И, крови наглотаившись, разбухает,
 Спеша пьянящей влагой насладиться,
 Так и колонна быстро утолщалась
 И с черной тучей над водой сливалась.

А небо, спешно жажду утолив,
 Мгновенно столп огромный поглотило
 И, соль морскую в тучах распылив,
 Всю влагу океану возвратило.
 Дождем ее живительным пролив,
 Волнение моря сразу утомило.
 Так много тайн огромный мир скрывает,
 Что разум их не сразу постигает.

Когда бы в век далекий, стародавний
 Философы почтенные узнали
 О сих явлениях, странных и забавных,
 Они б о том немало размышляли!
 Когда б, гонимы ветром своенравным,
 Они со мной в скитаньях побывали,
 Поведали б монархам и народам
 О власти звезд прекрасных над природой!

Но вот уже пять раз пройти успела
 Вдоль первой сферы светлая планета,
 То прятала пол-лика, то хотела
 Весь лик явить, мир озаряя светом.
 И мы вступили в дальние пределы.
 И, близкой суши углядев приметы,
 Вдруг с верхней мачты закричал дозорный:
 «Земля, земля!» — созвав друзей проворно.

По облакам мы угадать решили,
 Куда нас нынче занесло ветрами.
 Мы паруса поспешно зарифили,
 И вытащили цепи с якорями,
 И инструмент чудесный обновили,
 Придуманый седыми мудрецами.
 Он нами астролябией зовется
 И в странствия далекие берется.

И мы на брег неведомый ступили,
 Желая мир таинственный узнать.
 Ведь в том краю, где мы пристать решили,
 Другие не успели побывать.
 Передо мной приборы разложили,
 Я высоту стал солнца замерять,
 Спеша найти с усердьем неизменным
 Тех мест расположенье во вселенной.

Узнали мы, что флот наш обретался
 Меж полюсом и кругом Козерога.
 И вскоре нам туземец повстречался,
 Мед собирал на горных он отрогах.
 Я темным ликом негра любовался,
 Хоть он казался диким и жестоким.
 Туземца мы немедля обступили
 И с ним наперебой заговорили.

Хоть он, как Полифем, был дик и страшен
 И мы его речей не понимали,
 Но образцы товаров самых разных
 Суровому туземцу показали.
 Ни серебро, ни злата блеск прекрасный
 Испуганного негра не прельщали,
 На пряностей запасы ароматных
 Глядел он с равнодушьем безотрадным.

Тогда пред ним попроще украшенья
 Мы на земле поспешно разложили,
 И бус стеклянных яркое свечение
 Глаза туземца сразу оценили.
 Берет схватил он алый в нетерпенье,
 Бубенчики тотчас его прельстили,
 Забрав весь скарб, он тотчас в путь пустился,
 К своим единоверцам устремился.

Наутро к нам толпой с холмов окрестных
 Туземцы чернокожие спустились.
 К сокровищам тянуло их железным,
 И к ним нагие негры устремились.
 Они с таким восторгом безмятежным
 Вокруг безделиц этих суетились,
 Что, отвергая осторожность всеу,
 Велозу с ними в даль пошел лесную.

В неведение он полагал, как видно,
 Что будет встречен добрыми друзьями.
 Не взяв с собой оружия, беззащитный,
 Он скрылся меж окрестными холмами.
 Тревожась о собрате любопытном,
 Мы вдаль смотрели зоркими очами.
 Вдруг на холме герой наш показался
 И прямо к морю со всех ног помчался.

Он к кораблю Куэлью направлялся,
 Но эфиоп по скалам придорожным
 В погоню за несчастным увязался,
 Созвав все племя варваров безбожных.
 Уже, казалось, с жизнью прощался
 Навеки мореход неосторожный,
 И я решил грести ему навстречу,
 Предвидя неизбежно злую сечу.

Нас стрелами туземцы забросали
 И перебить каменьями хотели.
 Врасплох нас чернокожие застали
 И даже ногу мне пронзить успели.
 Но мы врагам ответ достойный дали
 И навсегда отвадить их сумели,
 Мы гордо носим алые береты
 На память о кровавой битве этой.

И вновь на корабли мы погрузились,
 Едва Велозу бедного спасли,
 И нравам необузданным дивились
 Суровой, неприветливой земли.
 Прочь от берегов мы диких устремились,
 Тем более что кафры не могли
 Нам рассказать об Индии желанной,
 Куда мы путь держали невозбранно.

Тогда сказал, к Велозу обращаясь,
 Один из развеселых моряков:
 «Послушай, друг, ты был бойчей, спускаясь
 С холма под крики черных удалыцов,
 Чем в даль лесную гордо удаляясь».
 «Ну да, — сказал Велозу, — я таков.
 Я вспомнил, что друзья одни остались,
 И прибежал, чтоб вы не испугались».

Он рассказал, что злые негодяи
Его в горах толпою окружили
И, путь в лесную чащу преграждая,
Убить его, несчастного, грозили.
И, наше приближенье предвкушая,
На нас они засаду учинили,
Чтоб славный флот безжалостно разграбить,
А нас навеки в царство тьмы отправить.

Потом пять солнц в пути мы повстречали
И, ветром странствий в дальний путь гонимы,
Неведомые волны рассекали,
Чтоб славу укрепить страны любимой.
Однажды мы на палубе стояли,
Тоской по дому отчужденным,
Как вдруг нам туча черная явилась
И в небе безраздельно воцарилась.

Она своей громадой подавляла
И, ужас и смятение в нас вселяя,
Крик горький и протяжный издавала,
Как будто морю в гневе угрожая.
И я вскричал: «За что ты нас избрала
На муку, сила страшная, слепая,
Зачем на нас погибель насылаешь
И что от нас, несчастных, ты желаешь?»

И вот среди волн могучих, горделивых,
Нам чудище громадное явилось.
Казалось, в бороды его извивах
Ветров ватага мощная скопилась.
Над гладью вод нечесаная грива,
Как стая змей огромных, шевелилась.
Из уст прикрытых зубы выпирали
И желтизной зловещей отдавали.

С огромными своими телесами
 Оно Колоссом древним нам казалось,
 Той статуей, что Родоса сынами
 Как чудо света прежде почиталась.
 Утробный глас раздался вдруг над нами,
 Как будто море в ярости терзалось.
 И дыбом наши волосы стояли,
 Пока мы в страхе чудищу внимали.

Оно сказало: «О народ бесстрашный,
 Прославленный великими делами,
 Зачем ты в путь отправился ужасный,
 Куда летишь под дикими ветрами?
 Пройти предел запретный и опасный,
 Промчатся над могучими валами
 Ты жаждешь и тревоги и волненья
 Несешь в мои бескрайние владенья.

Ты мощной, необузданной природы
 Изведаешь заветнейшие тайны,
 К которым тщетно многие народы
 Стремилась с алчностью необычайной.
 И ждут тебя войны жестокой годы,
 Морей ты покоришь простор бескрайний,
 Но ныне ты о горестях узнаешь,
 Что близ моих владений испытаеть.

Немало кораблей, что в путь далекий,
 Меня минуя, захотят промчатся,
 Предам я вскоре гибели жестокой,
 Чтоб было неповадно им скитаться.
 И первый флот, что выйдет в путь-дорогу,
 К моим владеньям думая прорваться,
 Подвергну я без всяких сожалений
 Неслыханным терзаньям и мученьям.

Я на главу того обрушу мщенье,
 Кто первым к берегам моим пристанет.
 Водоворотов вечное круженье
 Близ этих мест встречать вас вскоре станет.
 И много раз жестокое крушенье
 Здесь корабли грядущие изранит.
 И, побывав в безумной круговерти,
 Здесь португал начнет молить о смерти!

И здесь найдет могилу тот несчастный,
 Чья слава в вышине небесных сфер
 Звучала долго песней сладкогласной —
 Здесь бог положит дням его предел.
 С армадой турок в бой вступив опасный,
 Победой возвеличив свой удел,
 В моих волнах трофеи он оставит
 И тем меня немало позабавит.

Затем другой, умом, отвагой, славой,
 Учтивостью и доблестью известный,
 Отправясь к берегам родной державы
 С супругой благородной и прелестной,
 Что сам Амур вручил ему по праву,
 В шторм попадет близ скал моих отвесных
 И уцелеет в яростном крушенье,
 Чтоб претерпеть тяжчайшие мученья.

Увидит он, как чада дорогие
 От голода свирепого увянут,
 Как кафры, беспощадные и злые,
 Наряд богатый с юной дамы стянут,
 Как прелести красавицы нагие
 От горьких мук иссохшимися станут,
 И камни ноги нежные изранят,
 А слезы лик печальный затуманят.

И, пережив несчастья роковые
 И горькие безмерные страданья,
 Герой и дама в дебри вековые
 Отправятся на новые терзанья,
 Их быстро скроют заросли лесные,
 Впитают камни горькие рыданья,
 И скорбный дух уйдет в ночную тьму,
 Покинув тела хилого тюрьму».

Чудовище, проклятья изрыгая,
 Свои к нам обращало предсказанья.
 И я вскричал: «Скажи нам, сила злая,
 Кто ты? За что столь горькие страданья
 Ты нам сулишь, свирепостью пылая?»
 И тут же нас объяло содроганье,
 Когда оно крик боли испустило
 И с тяжким стоном вдруг заговорило:

«Я страшный мыс, хранитель вечной тайны.
 И Мысом Бурь меня вы окрестили.
 О таинствах моих необычайных
 Ни Плиний, ни Страбон не говорили.
 И Африки полуденной окраин
 Помпоний с Птолемеем не открыли.
 Я Африку собою замыкаю
 И к Антарктиде взоры обращаю.

Адамастор я, сын Земли могучей
 И Бриарею брат и Энкеладу.
 Когда, томимы ненавистью жгучей,
 С Юпитером Земли сражались чада,
 Не горы громоздил я выше тучи,
 А гнался за Нептуновой армадой,
 Желая воцариться безраздельно
 Над гладью океанов беспредельной.

Любовь к жене божественной Пелея
 Меня на бой неравный вдохновила.
 Однажды видел я, как дочь Нерейя
 Из пены вод на берег выходила.
 Красу ее нагую лицезрея,
 Я погибал, неведомая сила
 Меня могучей страстью наполняла,
 К ногам моей избранницы толкала.

Она же, моего пугаясь виду,
 В морских глубинах в тот же миг сокрылась.
 Я стал молить почтенную Дориду,
 Чтоб за меня пред дочкой заступилась.
 Но рассмеялась нежная Фетида,
 Едва с ней мать заговорить решилась.
 «Где силу взять, — рекла она невинно, —
 Чтоб справиться с косматым исполином?»

Но передай, пожалуй, великану,
 Что я о нем подумать обещаюсь,
 Пусть прекратит войну на океане,
 А я в него влюбиться постараюсь», —
 Она сказала. Я ее обману
 Поверил, неразумно обольщаясь
 Прелестницы коварной обещаньем
 (Тот, кто любил, поймет мои страданья).

Я от войны на море отказался
 И раз в ночи Фетиду повстречал.
 Красой ее средь волн залюбовался,
 К груди прижать богиню возжелал.
 Обнять нагое тело я пытался,
 К ее плечам ладони простирал
 И целовал в слепом самозабвеньи
 Ее ланиты, перси и колени.

О, тщетно я мечтаньям предавался,
 И с мыслью, что красавицу ласкаю,
 Я со скалой огромной обнимался,
 С лобзаниями к камням припадая.
 Пока в любви я милой объяснялся,
 За лик небесный камень принимая,
 Я вдруг обличья своего лишился
 И сам в утес скалистый превратился.

О нимфа, чаровница океана,
 За что так зло со мной ты поступила?
 Разрушив путы моего обмана,
 Меня мечты сладчайшей ты лишила.
 И я поплыл, тоскою обуянный,
 Меня страданье горькое томило.
 Пристал я наконец к земле далекой,
 В своей любви и муке одинокий,

Мои родные братья в это время
 От унижений тягостных терзались.
 Неся невзгод и пораженья бремя,
 Под скалами богами содержались.
 Я был, однако, разлучен со всеми,
 И надо мною Парки посмеялись,
 Придумав мне такое наказанье,
 Что я горючим предаюсь рыданьям.

И плоть моя навеки отвердела.
 Тугие кости в камни обратились,
 И над волнами вознеслося тело,
 В огромный мыс все члены превратились.
 Так боги отомстили мне умело,
 Страдания мои усугубились
 Тем, что в ночи близ скал моих отвесных
 Фетиды появлялся лик прелестный».

Так возвестив, гигант в глухих рыданиях
 От нас, несчастных, наконец отстал.
 И, двинувшись в дальнейшие скитанья,
 По небу черной тучей пробежал.
 Воздел с молитвой к господу я длани
 И ангела-хранителя призвал,
 Чтоб оградил нас от мучений страшных,
 Которые гигант предрек ужасный.

Но вот среди туч рассветных появилась
 Сияющего солнца колесница
 И над суровым мысом засветилась
 Веселая красавица-денница.
 Армада наша вновь заторопилась
 К востока изобильного границам.
 От мыса прочь мы спешно удалились,
 Но вскорости к земле пристать решились.

Хоть в той земле извечно обитало
 Воинственное племя эфиопов,
 Но нас оно приветливо встречало,
 На берег тут же выбежав всем скопом.
 Все население в нашу честь плясало,
 К нам с гор спустившись по отвесным тропам,
 И женщины к нам черные спешили
 И скот домашний за собой тащили.

На бычьих спинах гордо восседали
 Брегов далеких смуглые матроны.
 Быков своих туземцы почитали
 И их пасли на гор окрестных склонах.
 Свирели нежной звуки нас встречали,
 Туземцы соблюдали рифм законы
 И Титира каменам подражали,
 И слух наш песнопеньем услаждали.

С улыбкой нас встречая безыскусной,
 Нам эфиопы щедро предложили
 Провизии немало очень вкусной
 И отдохнуть нас всячески молили.
 Но мы, не зная их наречий звучных,
 От их берегов отчалить поспешили,
 Не разобрав из их речей гортанных,
 Как нам доплыть до Индии желанной.

Мы берег африканский обогнули
 И к жаркому экватору помчались,
 Прочь от снегов полярных повернули
 И долго южным небом любовались.
 Скалистый остров вскоре мы минули,
 Где чада Луза некогда скитались,
 Прибыв туда с могучею армадой,
 Мыс Бурь для нас открывшею когда-то.

И снова в путь нелегкий мы пустились,
 Познав затишья, бури, ураганы.
 И новые дороги нам открылись,
 И звали нас неведомые страны.
 И с бурным морем доблестно мы бились,
 Стремясь к берегам заветным неустанно,
 Но встречное упорное течение
 Замедлило вдруг наше продвиженье.

Громаду волн стремглав на нас обрушив,
 Оно назад нас обратить хотело.
 И, к нам свою немилость обнаружив,
 На нас, несчастных, в ярости ревело.
 Но все ж упрямый Нот спас наши души,
 И с силою, не знающей предела,
 Боролся он с неистовым теченьем
 И вышел победителем в сраженье.

Взошла над морем новая заря,
 Лучи дня незабвенного светились,
 В который три премудрые царя
 К Христу-младенцу в Вифлеем явились.
 И снова ожидала нас земля,
 Опять пристать мы к берегу решились.
 И в честь царей премудрых окрестили
 Реку, что средь чужой земли открыли.

Тут мы воды запасы обновили,
 Вкусили отдых средь чужих владений
 И путь продолжить вскоре поспешили,
 Оставив те берега без сожалений,
 Поскольку, о король, не в силах были
 Мы разуместь невнятные реченья
 Племен земли далекой и узнать,
 Куда дорогу дале нам держать.

Представь себе, король, как изнурили
 Нас всех чужие берега и страны,
 Как буря нас и голод истомили,
 Как исхлестали волны океана!
 Отчаяньем надежды мы сменили,
 Устали от страданий беспрестанных
 И думали, что небо будет вечно
 Нас мукам подвергать бесчеловечным.

Все снасти повредили мы в скитаньях
 И, ослабевши бранными телами,
 Оставив все надежды и мечтанья,
 Метались над свирепыми волнами.
 Скажи, король, коль эти вот страданья
 Не с Луза приключились бы сынами,
 Сумели бы они не взбунтоваться
 И государю верными остаться?

Поверишь ты, что племя бы другое
 Осталось в подчиненье капитана
 И, встав на путь пиратства и разбоя,
 Не захватило б кораблей обманом?
 Лишь с португальской верною душою,
 Что к подвигам стремится неустанно,
 Возможно претерпеть и шторм, и голод,
 И гнев стихий, и долгой ночи холод.

Но все ж с рекой мы хладной разлучились
 И, возвратившись вновь к соленым водам,
 От берега заметно отклонились,
 Идя навстречу будущим невгодам.
 В открытом море дерзко мы носились,
 Гонимые неутомимым Нотом,
 И так нас буйным ветром потрепало,
 Что не смогли причалить мы в Софале.

В надежде на святого Николая
 Еще мы долго среди волн блуждали.
 Ему рули и паруса вверяя,
 Немало тягот снова испытали.
 И вдруг, в тоске щемящей изнывая,
 Вдали туманный берег увидали.
 Нас робкие надежды окрылили,
 И к новым мы свершеньям поспешили.

Мы видели, что к водам океана
 Большой реки течение подходило,
 И лодок неизвестных караваны
 К нам повернули белые ветрила.
 Подумав, что об Индии желанной
 Сюда молва, быть может, доходила,
 Мы духом наконец приободрились
 И к смуглым незнакомцам устремились.

Хотя они и были эфиопы,
 Но кое-что нам все же объяснили.
 Мы в их речах без трудности особой
 Арабских слов немало уловили.
 Туземцы привечали нас без злобы,
 Мы их одежды рассмотреть спешили.
 Их головы тюрбаны украшали,
 А чресла их повязки прикрывали.

С трудом слова арабов подбирая,
 Туземцы нам охотно объяснили,
 Что часто, океан пересекая,
 Купцы у них богатые гостили.
 В больших ладьях по морю приплывая,
 Немало им товаров привозили.
 На радость нам, Мартинш без промедленья
 Переводил все эти объясненья.

Туземцев речи дух наш укрепили,
 Надежду и покой вернули нам.
 Рекою Добрых Знаков окрестили
 Мы тот поток, что протекает там.
 И столп в земле далекой водрузили,
 Чтоб пригрозить бушующим волнам.
 Тот столп хранил архангел, что когда-то
 Был Товии надежным провожатым.

И наконец мы время улучили,
 Чтоб счистить с килей водорослей ворох.
 Мы паруса и снасти подновили
 И соскребли с бортов ракушек горы,
 Вокруг туземцы толпами бродили
 И к нам с приятнью обращали взоры.
 Мы искренность сердец их уважали
 И на добро добром им отвечали.

Недолго мы блаженством наслаждались
 На лоне благосклонной к нам природы,
 Рамнузии отмщенья мы дождались,
 Опять на нас обрушились невзгоды.
 И в наши судьбы небеса вмешались,
 Так повелось на свете год от года:
 Страданья нас годами угнетают,
 А радости мгновенно покидают.

От губельной, неведомой болезни
 Мои друзья безвинно пострадали.
 И у берегов далеких, неизвестных
 В страданьях беспримерных умирали.
 Представь себе, о властелин любезный,
 Что десны гнить внезапно начинали.
 И рты страдальцев гниль переполняла
 И бедных мореходов отравляла.

Тяжелый смрад, что исходил от гнили,
 Грозил нам неизбежным зараженьем.
 Душой терзаясь, мы не в силах были
 Своих друзей избавить от мучений.
 Когда бы мы хирурга захватили,
 Он удалил бы эти нагноенья,
 Ведь нож — он жизнь порою пресекает,
 Порой — жизнь обреченным возвращает.

Навек в глуши неведомой остались
 Друзья несчастий наших и скитаний.
 Мы с горьким сердцем с ними расставались,
 Кляня суровость наших испытаний.
 Как быстро славной жизни дни промчались,
 Как скоро все померкли упования!
 Волна морская иль пригорок пыльный
 Всегда готовы стать холмом могильным.

Покинули мы край тоски и горя,
 Решив искать на свете лучшей доли.
 И вновь пустились в путь в бескрайнем море,
 Чтя государя доблестного волю.
 Так к Мозамбику мы приплыли вскоре
 И столько настрадались там, что боле
 Я не хочу к сим мукам возвращаться
 И памяти дней скорбных предаваться.

Но все ж, как видно, сжалилось над нами,
 Нас пощадив, святое Провиденье.
 Желанный отдых мы вкушаем с вами,
 Былые муки предаем забвенью.
 Душевный мир дарован вам богами,
 Здесь тот, кто жив, познает наслажденье,
 А мертвый здесь воскреснет, чтобы снова
 Познать всю прелесть мира всеблагого.

Теперь скажи, властитель справедливый,
 Кто, как не мы, морей познал кипенье?
 Ты думаешь, Улисс велеречивый
 Прошел сквозь столько тягот и мучений?
 И сам Эней, герой благочестивый
 И вдохновитель дивных песнопений,
 Скажу тебе спокойно, без пристрастья,
 Не испытал того и сотой части.

Ведь славный старец, к влаге Аонийской
 Приникший воспаленными устами,
 Семь городов и весей ионийских
 Втянувший в спор, что тянется веками,
 И тот другой, кудесник Авзонийский,
 Возлюбленный великими богами,
 Что Родину могучую прославил
 И память нам о римлянах оставил, —

Вещали, как скитались полубоги
 Среди Полифема сказочных владений,
 К Цирцее приводили их в чертоги,
 Сирен прекрасных воскрешали пенье,
 Киконов измышляли нам жестоких
 И лотос, всем дарующий забвенье,
 И на героев беды насылали,
 И лоцманов любимых их лишали.

То их в Аид зловецкий отправляли,
 То к Калипсо бросали их в объятья,
 То гарпиям их пищу отдавали,
 То страшным подвергали их проклятьям.
 Так баснями умы они пленяли,
 А я же без утайки и изъятья
 Поведал ныне правду вам простую,
 Что превосходит выдумку любую!»

Всех капитан сумел заморозить,
 Восторг всеобщий речь его снискала.
 И смог король туземный оценить
 Тех, кто державе положил начало,
 Кто смог врагов смертельных разгромить,
 Чью доблесть слава вечная венчала.
 Он восхищался мужеством народа
 И храбростью бывалых мореходов.

Из уст в уста среди свиты расходились
 Известия о доблестных скитальцах.
 Их мужеству придворные дивились,
 Глаз не сводили с гордых португальцев.
 Но вот уж над волнами появились
 Те кони, коих Фазтон-страдалец
 Не удержал. Они скрывались в море,
 И во дворец король вернулся вскоре.

Как сладостно звучит повествованье
 О мужестве, о дней прошедших славе!
 Оно сердца на добрые деянья
 Толкает, возвышая честь державы.
 И юношей зовет на поле брани,
 Их заставляя позабыть забавы,
 И зависть в них здоровую рождает
 К героям, коих лира воспевает.

Сам Александр не столько вдохновлялся
 Ахилла незабвенного делами,
 Как песней он бессмертной упивался,
 Гомера несравненного стихами.
 И Фемистокл недаром признавался,
 Что Мильтиада боевое знамя
 И лавры, что героя увенчали,
 Ему никак покоя не давали.

И Гама твердо доказать решился,
 Что меркнет слава прежних мореходов,
 Которыми доньне мир гордился,
 Пред подвигом святым его народа.
 Когда б великий Август не стремился
 Возвысить Мантуанского рапсода,
 То вряд ли тот проникся бы желаньем
 Воспеть Энея храброго деянья.

Родит отчизна наша Сципионов,
 И Цезарей, и Августов немало
 Но все ж под лузитанским небосклоном
 Еще пора такая не настала,
 Когда король бы чтил стиха законы,
 Как Август просвещенный, что, бывало,
 Слагал стихи о Фульвии несчастной,
 Оставленной Антонием напрасно.

Пусть Цезарь галлов покорил мятежных —
 Война его от муз не отвращала.
 Когда он оставлял свой меч железный,
 То с твердостью рука перо сжимала.
 И Сципион, бесстрашием известный,
 Комедией был увлечен немало.
 А Александр Гомером упивался,
 С поэмами его не расставался.

Средь римских и ахейских капитанов
 Невежд, глухих к искусству, не водилось.
 Средь португальцев только, как ни странно,
 К поэзии любовь не воцарилась.
 Я повторяю с болью, неустанно,
 Что больших бы побед страна добилась,
 Когда бы муз прекрасных почитала
 И звонких рифм созвучья понимала.

Раз нет у нас Гомеров вдохновенных
 И песни нам Вергилия невнятные,
 Не будет и Энеев дерзновенных,
 Ахиллы не свершат свой подвиг ратный.
 Сердца людей постигнет омертвенье,
 Не воссияет свет им благодатный,
 Их души безнадежно огрубеют,
 В невежестве постыдном закоснеют.

И должен быть наш Гама благосклонным
 К тем музам, что дела его воспели
 И, движимы любовью прирожденной
 К отчизне, ей хвалу сложить сумели.
 Он, славной Каллиопой обделенный,
 Чуждался муз веселых с колыбели.
 Нимф Тежу избегал, не зная рвенья
 Героем стать чудесных песнопений.

А нимфы Тежу с нежностью внимали
О подвигах и странствиях сказанью,
Мой скромный труд с восторгом восхваляли
И песнь мою встречали с ликованием.
О, если б и герои понимали,
Что наши лиры, слава их деянья,
Бессмертием их щедро одаряют
И дверь пред ними в вечность отворяют!

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1

Язычников достойный повелитель
В честь мореходов празднество устроил,
Желая, чтобы христиан властитель
Его своей приязни удостоил.
Он сокрушался, что его обитель
Так далеко заброшена судьбою.
Он предпочел бы близ столбов Алкида
Отдаться лузитанам под эгиду.

2

С восторгом португальцы предавались
Забавам среди друзей иноплеменных.
Охотно рыбной ловлей развлекались,
Как с Клеопатрой некогда Антоний.
Для них пиры богатые давались
Туземцами с радушием исконным.
Плодами их и дичью угощали,
Подарками их щедро одаряли.

3

Но свежий ветер, бурный и задорный,
Звал в океан могучий капитана.
Провизией запасся он проворно,
А тут явился кормщик долгожданный,
И капитан с печалью непритворной
Простился с властелином чужестранным,
Его радушие восхвалял сердечно,
Принес ему обеты дружбы вечной.

Просил у короля он дозволенья,
 Чтоб каравеллам Лузова народа
 Был вход всегда открыт без затрудненья
 В его державы ласковые воды.
 И в дружеском желал расположенье,
 Чтоб крепло государство год от года,
 Чтоб процветал народ великодушный,
 Премудрому властителю послушный.

Сказав еще немало слов любезных,
 Сердечно Гама с королем простился
 И в край Авроры, юной и прелестной,
 По водам бесконечным устремился,
 Взял верный курс немедля кормщик честный,
 Весь флот его приказам подчинился,
 И двинулась могучая армада
 В край красоты, богатства и отрады.

Взлетая на волнах, моря Востока
 Армада Луза гордо бороздила,
 Но вновь задумал Тионей жестокий
 Поднять на португальцев злые силы.
 Он не хотел их зреть в краю далеком,
 Близ колыбели ясного светила.
 Ругал он племя Луза в озлобленье,
 Решив прервать армады продвиженье.

Небес высоких всемогущей волей
 Род Луза возвышался неуклонно.
 Ему желало небо лучшей доли,
 Чтоб новый Рим создать из Лиссабона.
 И, распаяясь злобою все боле,
 Сошел с Олимпа Вакх неугомонный
 И в царство океанское спустился,
 К Нептуновым чертогам устремился.

Пройдя сквозь вод таинственных глубины,
 Узрев валов стремительных рожденье,
 Спустился хитрый Вакх на дно пучины
 И устремился к гротам сокровенным.
 Морских божеств огромные дружины
 Там обитали среди стихии пенной.
 На дне твердыни градов возвышались,
 А в них богов чертоги размещались.

Кругом песка серебряного груды
 Дно моря-океана устилали.
 И башни лучезарные повсюду
 Подводные пространства украшали.
 Таинственным сияньем изумруды
 Владения Нептуна озаряли.
 Хрусталь с алмазом в блеске состязался,
 Сиянием цветным переливался.

А на вратах Нептуновых чертогов
 Жемчужины и золото сияли.
 Кругом скульптуры чередою строгой
 Взгляд дерзостного Вакха поражали.
 И древний хаос пред очами бога
 Предстал, а рядом своды украшали
 Четыре всемогущие стихии,
 Природы мудрой слуги вековые.

Вверху огонь, могучий и нетленный,
 В величии и славе красовался.
 По воле Прометея неизменно
 Он жизнь повсюду поддержать старался.
 А ниже воздух, дар благословенный,
 Вдоль створки врат огромных простирался.
 Он, теплый иль холодный, вечно с нами,
 Хоть не дано нам зреть его очами.

Земля, надев из вешних трав уборы,
 Живому жизнь, как исстари, давала
 И, разбросав в полях цветов узоры,
 Вся обновленной радостью сияла.
 Земли родной цветущие просторы
 Вода струей прохладной омывала.
 В ней стайки рыб беспечно веселились,
 Средь волн ватагой резвою носились.

Ворот другую створку украшали
 Гигантов и богов изображенья.
 Воители-герои там предстали,
 С бессмертными вступившие в сраженье.
 И недра Этны пламя изрыгали,
 Тифея опалая в озлобленье.
 Там конь Нептуна гордо красовался,
 С оливою Минервы состязался.

Лиэй, помедлив близ дверей прекрасных
 И оглядев стихий изображенье,
 Вошел в чертог, где вод хозяин властный
 Ждал гостя дорогого в нетерпенье.
 А нимфы моря с тайною боязнью
 Взирали на пришельца в изумленье,
 Гадая, для чего он к ним явился
 И царь вина в стихию вод спустился.

«Внемли, Нептун, властитель вод всеильный,
 Словам, к тебе недаром обращенным.
 В твой чудный край, могучий и обильный,
 Я прихожу, Фортуной оскорбленный.
 Скажи, чтоб легконогий ваш посыльный
 Твоих созвал немедля приближенных,
 И nereid пусть не забудет юных», —
 Так Вакх лукавый говорил Нептуну.

Призвал Нептун возлюбленного сына,
 Салацией рожденного когда-то,
 И Вакх узрел Тритона образину,
 Примчался мигом великан мохнатый,
 Готовый моря обойти глубины,
 Морских божеств сзывая мириады.
 Извечно этот отпрыск беспокойный
 Служил Нептуну вестником достойным.

Казалось, что его косматой гривы
 Ни разу частый гребень не касался,
 И водорослей ком в ее извилах
 На вязком иле намертво держался.
 Клубок моллюсков темных и ленивых
 Среди его кудрей обосновался.
 Их скорлупа лангуста прикрывала,
 Главу Тритона шустрого венчала.

Нагим глашатай радостный пришел,
 Чтоб по крутым волнам носиться вволю.
 Он сотни крабов за собой привел,
 Диана их всегда рождает вдоволь,
 И полк улиток за гонцом прибрел,
 И ракам было близ него раздолье.
 Тритона тварь морская почитала,
 За ним повсюду следовать желала.

И к раковине, скрученной трубою,
 Испытанный гонец припал устами.
 И мощный звук издал, как перед боем,
 Сей трубный глас услышан был богами.
 Они явились дружной чередою,
 Стремясь предстать пред светлыми очами
 Того, кто стены Трои обреченной
 Построил с красотой непревзойденной.

Сам Океан-отец на зов примчался,
 А с ним и чада — честь его и слава,
 Нерей с Доридой вскоре показался —
 Чета, что вод заполнила державу
 Своим потомством. Молча улыбался
 Протей, пророком звавшийся по праву.
 Хоть ведал он Лиэя помышленья,
 Но прибыл, чтя Нептуна повеленье.

Пришла Нептуна нежная супруга,
 Рожденная от Весты и Урана,
 Пред ней все волны бурные в округе
 Смирялись в восхищенье непрестанном.
 Царя морей прекрасная подруга
 Явилась в облаченье златотканом,
 Что гибкий стан искусно обвивало
 И красоту богини не скрывало.

И Амфитрита, что красой небесной
 Была цветку роскошному подобна,
 Пришла с Фетидой под руку прелестной,
 А с ней дельфин, глашатай расторопный,
 Властителю морей всегда любезный
 И к красноречью ярому способный,
 Упорство Амфитриты победивший,
 На брак с царем морей ее склонивший.

Пришла Ино, которая когда-то
 От гнева Атаманта убежала,
 И ей и сыну юному наградой
 Бессмертье небо щедро даровало.
 Ее младенца с лаской и отрадой
 Красотка Панопея целовала.
 Держал в руках он гладкие ракушки,
 Что заменяли малышу игрушки.

Явился Главк, который в дни бывшего
 В Беотии рыбачил несравненной,
 Но раз отведал корня он морского
 И рыбой стал огромною мгновенно.
 В морского бога отрок чернобровый
 Был превращен среди стихии пенной.
 Он все о бедной Сцилле убивался,
 Коварству злой Цирцеи ужасался.

В разубранном на славу тронном зале
 Нептун своих собратьев принимал.
 На возвышеньях боги восседали,
 Хрусталь их троны дивно украшал.
 На Вакха в ожиданье все взирали,
 А он престол роскошный занимал.
 Вблизи Нептуна гость расположился,
 И щедро фимиам ему курился.

Едва умолкли звуки разговоров,
 Приветствий и взаимных восхвалений,
 Насупил брови Тионей сурово,
 Свое забыть не в силах униженье.
 Рассерженный, от гнева весь багровый,
 Мечты лелея о кровавом мщенье,
 Он на богов умолкнувших воззрися
 И с речью к ним такую обратился:

«О царь стихии грозной и великой,
 От полюса до полюса простертой!
 Трепещут люди пред тобой, владыка,
 Пределы суше ты поставил твердо.
 И отче Океан наш светлоликий,
 В объятья землю заключивший гордо,
 Ее рекой могучей окруживший
 И дерзновенья смертных укротивший, —

И вы, морские боги, что вовек
 Обид и унижений не прощали,
 Коль ране оскорблял вас человек,
 Ему вы сразу мезтью отвечали!
 Все ныне вы забыли для утех,
 Из наслаждений жизнь свою соткали.
 Чем люди вас, скажите, улестили
 И ваши опасенья усыпили?

Вы видели, как с гордым самомненьем
 Сыны земли свод неба покоряли,
 Безумному поддавшись вдохновенью,
 В скорлупках утлых в море отплывали,
 И всюду, без боязни и смущенья,
 Свое господство властно утверждали.
 Они с престолов скоро нас низринут
 И сами стать богами не преминут.

И вот мы видим: немощный народ
 Что носит имя моего вассала,
 Бесстрашно в море грозное плывет,
 Затмив успехи моряков бывалых.
 Отринув страх, несется он вперед,
 Богов желает сбросить с пьедесталов.
 Глядишь, ему и море покорится,
 И Луза род над вами воцарится.

На миниев, что первыми решились
 Изведать царства вашего глубины,
 Вмиг Аквилон с Бореем ополчились
 И чуть не затянули их в пучину.
 А вы, как видно, ныне примирились
 С тем, что сулят вам смертные кончину.
 Зачем иначе вам терпеть бесчестье
 И не спешить предать их страшной мести?

Но я признаюсь без утайки, боги:
 Не только к вам любовь меня влечет.
 К царю морей явился я в чертоги,
 Поскольку страх давно меня гнетет.
 Ведь португал прошел по тем дорогам,
 Где мне оказан ране был почет.
 И угрожает враг неумолимый
 Меня изгнать из Индии любимой.

Решил Юпитер, властелин вселенной,
 Что с Парками судьбу вершит земную,
 Возвысить род бесчестный и презренный,
 А нам готовит участь он иную.
 И царь богов, жестокий и надменный,
 Богам теперь сулит годину злую.
 Достоинств наших боле он не ценит,
 И всех нас португал ему заменит.

Вот почему с Олимпа я бежал
 В надежде, что, быть может, в ваших водах
 Я встречу то, что в небе потерял,
 И поборю души своей невзгоды».
 Тут жалобы несчастный Вакх прервал
 И зарыдал пред всем морским народом.
 Его рыданья море взволновали
 И страсти средь бессмертных разжигали.

Сердца богов затронул Вакх негодный,
 Все тут же правоту за ним признали,
 На горе мореходам благородным,
 Гонца к Эолу боги отослали,
 Велев, чтоб весь простор стихии водной
 Разгневанные ветры взбунтовали,
 Великую армаду разгромили
 И племя Луза в бегство обратили.

Один Протей пытался вставить слово,
 Чтоб высказать пророчество благое,
 Но боги пресекли его сурово,
 Решив, что вся волшба его — пустое.
 В сиянье облаченья золотого,
 Смотря на старца, словно на изгоя,
 Фетида закричала: «Без тебя
 Нептун сумеет защитить себя».

Эол к ветрам могучим устремился,
 Их выпустив на божий свет из мрака,
 И бурю он начать распорядился,
 Чтоб мореходов испытать отвагу.
 И свод небесный тучами покрылся.
 Казалось, встанут мертвые из праха.
 Стенали горы, башни содрогались,
 В развалины чертоги превращались.

Пока морские боги совещались,
 Все корабли стремительной армады
 К востоку неуклонно продвигались
 Ни отдыха не зная, ни услады.
 Таинственно им звезды улыбались.
 Однажды, в час полуночной прохлады,
 Вторая стража на борту сменилась
 И долго побороть дремоту тщилась.

Зевота мореходов одолела,
 Всю ночь их злые ветры донимали,
 Одежда обветшала не грела,
 Измученные ноги не держали.
 Окоченев, скитальцы то и дело,
 Кляня погоду, тело растирали.
 Чтоб сон бежал от утомленных взоров,
 Ночь скоротать решили в разговорах.

«Друзья! Чем скрасить нам ночное бденье,
 Как не веселой шуткой иль рассказом?» —
 Спросил один из моряков в стремленье
 Неумолимый сон отвадить разом.
 Ответил Леонарду вдохновенный,
 Что мыслями с возлюбленной был связан:
 «Что сладостней для сердца, чем сказанья
 О страсти и ее очарованье?»

«О нет, — сказал Велозу непреклонно, —
 Здесь нежностям негоже предаваться
 И среди волн угрюмых, разъяренных
 Рассказами о страсти упиваться.
 Нам, воинам, в сраженьях закаленным,
 Опять терпеньем надо запасаться.
 История бывала к нам суровой,
 И к новым бедам надо быть готовым».

С Велозу все немедля согласились
 И попросили, чтоб моряк бывалый
 Поведал, как с врагами предки бились,
 На поле чести пожиная славу.
 «Чтоб вы у гордых пращуров учились
 Преумножать величие державы,
 Я вспомню здесь, — сказал Велозу смелый, —
 Двенадцать португальских кавалеров.

При короле воинственном Жуане,
 Что мир вернул отчизне благодатной,
 Изгнал навек захватчиков незваных,
 За боль отчизны отомстив стократно,
 В Британии холодной и туманной
 Свершили наши предки подвиг ратный,
 Чтоб положить конец скорейший спору,
 Что начат был богиною раздора.

Раз при дворе Британии счастливой
 Двенадцать дам безвинно пострадали,
 Бесчестно клеветой несправедливой
 Их знатные дворяне запятнали.
 Поддавшись то ли злобному порыву,
 То ль наважденью, рыцари сказали,
 Что эти дамы, встав на путь порока,
 Свой род позорят, славный и высокий.

И рыцари надменно возвещали,
 Что всех, кто пожелает заступиться
 За бедных дам, что слезы проливали,
 Они зовут средь бела дня сразиться.
 Им на турнире встречу предлагали
 Или на шпагах приглашали биться.
 К родным и близким дамы обратились,
 Но помощи желанной не добились.

Британии просторы в эту пору
 От войн междоусобных погибали.
 И юных дам пленительные взоры
 Нигде к себе участия не снискали.
 В слезах, под гнетом тяжкого позора
 Красавицы молодые умоляли,
 Чтоб взял Ланкастер всех их под защиту
 И отомстил за горькую обиду.

Был этот герцог, доблестью известный,
 Союзник Португалии далекой.
 Оставил он друзей в краю чудесном,
 Воителей без страха и упрека,
 И разлучился с дочерью прелестной,
 Ее увлек властитель черноокий,
 Который красотой ее пленился
 И на британке молодой женился.

Страшась братоубийственных волнений,
 Красавиц герцог защитить боялся.
 Он им сказал: «В дни юности блаженной
 На трон кастильский я взойти пытался
 И видел лузитан в пылу сражений,
 Их доблестью великой восхищался.
 Железом и огнем, коль будет надо,
 Вас защитить герои будут рады.

И если вы, красавицы, согласны,
 Я португальцам отошлю посланье,
 Где напишу, что столько дам прекрасных
 К ним очи обращают с упованьем.
 Чтоб вдохновить воителей отважных,
 Подвигнуть их на новые дерзанья,
 Заступникам вы сами отпишите
 И рыцарей своих приободрите».

И герцог, долгой жизнью умудренный,
 Назвал для дам двенадцать кавалеров
 И каждой из красавиц удрученных
 Велел о друге жребий кинуть смело.
 К заступнику от дамы оскорбленной
 Письмо помчалось в дальние пределы,
 А герцог к королю гонца направил,
 Чтоб тот в беде красавиц не оставил.

Посланец в Португалию явился,
 Весь двор своим известьем взбудоражив.
 Король отплыть в Британию грозился,
 Свой сан высокий забывая даже.
 Но герцог сам бойцов назвать решился,
 И просьбу тестя властелин уважил,
 Сказав, чтоб в добрый час, без промедленья
 Воители готовились к сраженью.

И в городе, который дал название
 Навеки Португалии прекрасной,
 Ладью готовить отдал приказанье
 Страны великой рулевой бесстрашный.
 Оружьем запасались неустанно
 В те дни двенадцать рыцарей отважных,
 Булатные доспехи начищали
 И шлемы плюмажами украшали.

И час настал — двенадцать кавалеров
 Для подвига отчизну покидали.
 Воителей отважных и умелых
 Их близкие с тоскою провожали.
 Но одного из сих героев смелых
 О странствиях мечтанья увлекали.
 Тот рыцарь прозывался Худоцавым
 И гордостью был доблестной державы.

И он сказал: «Друзья мои и братья!
 Давно я божий мир познать желаю.
 И, пользуясь сим славным предприятием,
 Путь по земле на север избираю.
 Хочу вас ныне заключить в объятья,
 И всех вас непритворно уверяю:
 Хоть мне придется странствовать по суше,
 Я своего обета не нарушу.

Моей судьбой, как ходом мирозданья,
 Всевышний безраздельно управляет.
 И если он, презрев мои мечтанья,
 От вас меня отторгнуть пожелает,
 Я верю, что и в этом испытанье
 Победа ваше дело увенчает.
 Что до меня, то через все препоны
 Я буду к вам стремиться неуклонно».

С друзьями славный рыцарь распрощался
 И спешно отбыл в дальнюю дорогу.
 В Кастилии сначала оказался,
 Где Марс прославил Луза род высокий.
 Затем в Наварру славную умчался,
 По Франции он странствовал далекой,
 И наконец во Фландрию явился,
 И там свой долгий путь прервать решился.

Во Фландрии наш странник задержался,
 Меж тем как к берегам чужой державы
 Корабль дружины Луза приближался,
 И дамы бога славили по праву.
 Их в Лондоне Ланкастер дожидался,
 Он в честь гостей устроил пир на славу,
 Красавицы заступников встречали,
 Их слух беседой нежной услаждали.

Но пробил час, в который кавалерам
 На поле битвы выйти надлежало.
 Суровый Марс сплотил отряд умелый,
 Надежда португальцев вдохновляла.
 Победу проча лузитанам смелым,
 Родня красавиц рыцарей встречала,
 Все дамы в драгоценностях явились
 И в светлые одежды облачились.

Лишь та, которой рыцарь Худошавый
 По жребию злосчастному достался,
 В тоске и скорби облачилась в траур,
 И взор ее печалью омрачался,
 Хоть из сынов воинственной державы
 Пред поединком каждый даме клялся,
 Что даже коль скиталец не найдется,
 Победы племя Лузово добьется.

Король английский с доблестною свитой
 Смотреть турнир явился беспримерный.
 Двенадцать ратоборцев именитых,
 Прославленных в Британии всемерно,
 С противником сходились знаменитым,
 Грозой кастильцев и бичом неверных.
 От Тежу и до Бактрии пределов
 Потомков Луза слава прогремела.

Алкая битвы, кони боевые
 Уж удила златые закусили.
 Искрясь на солнце, латы дорогие
 Все очи гордым блеском ослепили.
 Печальны были рыцари молодые,
 Их думы невеселые томили.
 Они неравный бой начать решились,
 Но англичане вдруг засуетились.

И дети Луза мигом встрепенулись,
 Завидев Худощавого героя.
 В когорту неприступную сомкнулись,
 Воителя встречая дружным строем.
 К нему все дамы тут же обернулись,
 Чтоб вдохновить скитальца перед боем.
 Он короля приветствовал учтиво,
 Затем к друзьям подъехал горделиво.

Прослышав о приезде кавалера,
 Одежды дама темные сменила
 И в цвет руна барана юной Геллы
 Свой гибкий стан немедля облачила.
 Тут трубный глас взманил героев смелых,
 Прибавил им и бодрости и силы.
 При звуках битвы копыта заржали
 И лошади ретивые заржали.

Казалось, ходуном земля ходила,
 Под конскими копытами стеная.
 А зрителей тревога истомила,
 Отчаяньем сердца их наполняя.
 Меж тем уж кровь доспехи обагрила:
 Кто по земле влачился, умирая,
 Кто в поднебесье на коне взвивался,
 Кто с жизнью драгоценною прощался.

Там лошади без всадников носились,
 Седую пыль копытами вздымая,
 Там седоки без лошадей влачились,
 К себе господню милость призывая.
 На шпагах вскоре рыцари сразились,
 Узнали англичане, отступая,
 Что дети Луза славятся недаром
 Отточенным и дерзостным ударом.

Я не хочу потоки слов бессильных
 Здесь расточать, сраженье воспевая.
 Немало крови, жаркой и обильной,
 Из ран струилось, удержу не зная,
 Кто был повержен в прах, сухой и пыльный,
 Над кем фортуна сжалилась благая.
 Но в битве наши предки победили
 И честь прекрасных дам восстановили.

Счастливей герцог празднество устроил
 И егерей отправил на охоту,
 Чтоб пир задать бестрепетным героям
 И поварам искусным дать работу.
 К пришельцам подойдя чредою стройной,
 Их окружили женщины заботой,
 Досуг их беспрестанно украшали
 И доблесть их повсюду восхваляли.

И слышал я, что рыцарь Худощавый,
 Свершив свой долг, во Фландрию отчалил.
 Там в поединке трудном и кровавом
 Соперника он к праотцам отправил.
 Как Корвин, победил в бою он правом
 И, как Торкат, в веках себя прославил.
 Так, проявив геройство на чужбине,
 Он защитил фламандскую графиню.

А друг его в Германии далекой
 Затеял бой с воителем двуличным,
 И, быстро разгадав обман жестокий,
 Противника он покарал публично»,
 И тут Велозу замолчал со вздохом,
 Прервав на миг рассказ свой необычный,
 Но моряки собрата обступили
 И продолжать историю просили.

Но тут раздался голос капитана:
 «На марсы! Быстро! Парус зарифляйте!
 Нам ветер угрожает ураганный,
 Товарищей немедля пробуждайте!»
 В тревоге пред опасностью неожиданной,
 Друзьям кричали моряки: «Вставайте!
 К нам градобойная несется туча
 И предвещает ураган могучий».

Но мореходы в спешке не сумели,
 Чтоб защитить корабль, убавить парус.
 И флот лихие ветры одолели,
 Обрушив на него свой гнев и ярость.
 От паруса вмиг клочья полетели,
 Ткань с грохотом и шумом разрывалась.
 В стенаньях мир, казалось, разрушался
 И с чадами заблудившими прощался!

И на борт волны хлынули мгновенно.
 Судьбу ругали моряки безбожно.
 Но Гама с хладнокровьем неизменным
 Вскричал: «Кидайте за борт все, что можно!
 Насос сюда тащите непременно.
 Приказ мой выполняйте непреложно
 И помните: любое промедленье
 Армаде угрожает затопленьем!»

Солдаты устремились за насосом,
 Но качка всю команду с ног сбивала.
 У трех бывалых, опытных матросов
 Кормило сдвинуть силы не хватало.
 И с двух сторон, чтоб справиться с заносом,
 К рулю команда тали привязала.
 В отчаянье пытались мореходы
 Преодолеть бушующие воды.

И ветры, на армаду ополчась,
 Неслись с такою силой исступленной,
 Как будто снова сокрушить решась
 Незыблемую башню Вавилона.
 И тщетно мореходы, суетясь,
 Сражались с океаном разъяренным.
 Когда они с валами состязались,
 Их корабли скорлупками казались.

У Паулу да Гамы ураганом
 Снесло огромной мачты половину,
 На борт помчались воды невозбранно,
 Все затопляя мощною лавиной.
 Корабль Куэлью в возмущенье рьяном
 Готова растерзать была пучина.
 Хоть капитан успел убавить парус,
 Но кораблю немало бед досталось.

То к небесам суда волна вздымала,
 Несчастных мореходов не жалея,
 То с высоты их разом низвергала
 И в бездну увлекала, свирепя.
 Армаду стая ветров донимала,
 Борей и Нот спустились с эмпиреев,
 Объяли землю яростным дыханьем,
 Стремясь разбить машину мирозданья.

И жалобно кричала Альциона,
 Вдоль берега в смятении летая,
 Вздыхая над волнами удрученно,
 Страдания бывшие вспоминая.
 Дельфины в суете неугомной
 Метались, от испуга замирая,
 В подводных гротах жаждали укрыться,
 Чтоб от безумных вихрей защититься.

Подобных молний мир еще не знал.
 И тот кузнец, что пасынку когда-то
 Доспехи несравненные ковал,
 Придав красу жестокому булату,
 Таких еще зарниц не создавал
 В те дни, когда отправил в бездну ада
 Гигантов разъяренный громовержец,
 Вселенной безраздельный самодержец.

Незыблемые горы распадались,
 Не в силах злым волнам сопротивляться!
 Треща, деревья мощные ломались,
 Устав с ветрами дикими сражаться!
 Из недр подземных корни вырывались,
 В земле не в силах слабой удержаться.
 Песчаный столп на берегу поднялся
 И к морю разъяренному помчался.

Тут Гама, увидав, что погибает
 Поблизости от берегов желанных,
 Что море пасть зловеще разевает,
 Армаде угрожая неустанно,
 То к небу корабли стремглав вздымает,
 То в бездну их ввергает океана,
 С молитвой обратился к Провиденью,
 Чтоб обрести надежду на спасенье.

«Великая, божественная сила!
 К тебе я ныне, бедный, припадаю,
 Ты иудеям жизни сохранила,
 Сквозь волны привела к родному краю.
 Ты Павла от оков освободила
 И Ноя в трудный час спасла, я знаю.
 Ты небом, сушей, морем управляешь
 И нашей жизни срок определяешь.

Неужто мне не раз еще придется
 Меж Сциллой и Харибдой пробираться?
 Неужто шторм ужасный не уймется
 И нам еще придется с ним сражаться?
 И разве лучшей доли не найдется
 Для тех, кто ныне обречен скитаться,
 Кто славит твое имя неустанно
 Среди волн неумолимых океана!

О! Счастлив тот, кто в землях мавританских
 Погиб, святую веру защищая,
 Кто не страшился копий мусульманских
 И славу умножал родного края,
 Кто верен был державе христианской,
 Кто получил бессмертье, умирая,
 Оставшись в нашем сердце незабвенным,
 В глазах потомства став благословенным.

Пока он говорил, неумоимо
 Лихие ветры такелаж крушили.
 Подобные быкам неукротимым,
 Сменить свой гнев на милость не спешили.
 И вереницы молний негасимых
 Нахмуренное небо озарили.
 Уже стихии меж собой сражались,
 На землю небо сбросить собирались.

Но вот на небе, хмуром и ненастном,
 Звезда Венеры нежной появилась
 И тут же светом, радостным и ясным,
 Разгневанное море озарилось.
 Прелестница с улыбкою прекрасной
 Вмиг с Орионом яростным простилась,
 Затем на море взор свой обратила
 И в горести невиданной застыла.

«Ах, это Вакха мерзкого деянья! —
 Воскликнула прекрасная богиня. —
 Он флот отдал ветрам на растерзанье,
 Упорствуя в неистовой гордыне».
 И, не желая скрыть негодованье,
 Сошла с небес красавица в пучину.
 За ней помчалась нимф веселых стая,
 Гирлянды роз на кудри возлагая.

Младых красавиц локоны золотые,
 Казалось, сам Амур убрал цветами.
 И вскоре нимфы нежные, младые
 Предстали пред безумными ветрами.
 «Смирите вы ветров порывы злые,
 Пусть обо всем они забудут с вами», —
 Венера юным нимфам говорила,
 Чья красота сиянье звезд затмила.

И сразу ветры гневные смирились,
 Забыв закончить жаркое сражение,
 Мгновенно нежным нимфам подчинились,
 Как будто преградили им движение
 Те локоны, что среди волн струились,
 С лучами солнца споря дерзновенно.
 И, ярого Борея укрощая,
 Сказала Орития молодая:

«Не верю я тебе, Борей суровый,
 Меня ты, видно, бедную, не любишь,
 Ты сбросил страсти трепетной оковы
 И флот несчастный беспощадно губишь.
 А коль не так, стань другом нежным снова.
 Я знаю, ты супругу приголубишь,
 Любовь и ярость в мире несовместны.
 Оставь свой гнев, будь другом мне любезным».

И точно так же нимфа Галатее
 Разгневанного Нота укрощала
 И, нежных слов и взглядов не жалея,
 Его свирепость лаской усмиряла.
 Ей покорился Нот, от счастья млея,
 Прелестница его очаровала.
 Смягчился Нот близ юной nereиды,
 Забыв все шквалы, бури и обиды.

И вскорости красавицы младые
 Ветров могучих стаю укротили.
 Те позабыли замыслы былые
 И о любви прекрасных дам молили.
 Придя к Венере, ветры удалые
 Союз с ней долговечный заключили,
 Она в любви им счастье посулила
 И флот от тяжких мук освободила.

Вершины гор, где Ганг берет рождение,
 Денница ярким светом озарила,
 Когда дозорный закричал в волнение:
 «К земле нас мчит неведомая сила!»
 Затихли мореходы в восхищение,
 Их чувство страха сразу отпустило,
 А кормчий сообщил им, улыбаясь:
 «То Каликут, коль я не ошибаюсь».

Вот берег, что сквозь слезы и туман
 Сиял вам в ваших грезах просветленных.
 Неистовый смирился ураган,
 Закончился ваш труд непревзойденный».
 Услышав это, славный капитан,
 Страндьями и бурей изнуренный,
 Со вздохом на колени опустился
 И к господу с молитвой обратился.

Он к небесам вознес благодаренье
 За то, что верный путь ему открыли
 И, флот ведя сквозь муки и лишения,
 Его от страшной гибели хранили,
 За то, что жгучих ветров озлобленье
 Они, щадя армаду, прекратили
 И обуздали ураган суровый,
 Скитальцев бедных погубить готовый.

Изведав страх и горькие страдания
 И побывав меж небом и землею,
 Мужают души в буре испытаний,
 Рождаются отважные герои.
 Чтя предков добродетельных деянья,
 Они не ищут с робостью покоя,
 Не устилают ложа соболями,
 Московии бесценными дарами.

Их не прельщает трапез пышных сладость,
 Веселие пирушек и гуляний
 И не влечет изменчивая радость
 Пленительных и трепетных лобзаний.
 Стремится упоительная младость
 К геройским и возвышенным деяньям
 И гордо слабых духом презирает,
 Покою ратный труд предпочитает.

Взяв в руки меч и натянув кольчуги,
 Отечество герои защищают
 И, не пугаясь с Родиной разлуки,
 Пределы дальних вод пересекают.
 От знойных ветров принимают муки
 И среди снегов бескрайних замерзают,
 Своей рукою славу добывая
 И грудь свою под копыта подставляя.

И к свисту пуль их души привыкают,
 Пройдя сквозь бури дерзостных сражений,
 А лица их сиянье излучают,
 В сердца других вселяя уваженье.
 Звон золота герои презирают,
 Пустые отвергая наслажденья,
 Смеясь над переменчивой фортуной,
 Лишь добродетель в мире чтут подлунном.

И после стольких тягот и мучений
 Их мудрость и величье посещают.
 В горниле бед и горестных лишений
 Они законы мира постигают.
 И кажется, как будто с возвышений
 Герои даль земную наблюдают,
 Спокойно относясь к капризам славы,
 Что лаврами венчает их по праву.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1

Армада Луза подошла к пределам,
Где плещет Инд своей волной свободной
И где, покинув рай небесный смело,
Струится Ганг потоком полноводным.
Ты с честью завершил святое дело,
Народ отважный, гордый, благородный.
Желанный край детей твоих встречает
И им свои богатства обещает.

2

Я к вам, о дети Луза, обращаюсь.
Хоть вас в подлунном мире так немного,
Вам по плечу, я честью ручаюсь,
Разбить навеки мусульман жестоких.
Насчет соседей я не заблуждаюсь,
И в верности мы Небу одиноки.
Соседи наши в дьявольской гордыне
Царю небес уж неподвластны ныне.

3

Чем меньше вас, героин-португальцы,
Тем больше сил вам небо придает,
Ведь только вы, бесстрашные скитальцы,
Христовой веры истинный оплот.
Держайте же, счастливые страдалцы,
Судьба великий жребий Лузу шлет,
Униженных и малых возвышает,
Ценой их смерти веру укрепляет.

Пусть видит вас германцев гордых паства,
 Что от Петра потомков отвернулась,
 Войною изнуря государство,
 Вкрут пастыря мятежного сомкнулась
 И, духом раздираема бунтарства,
 От истины господней отшатнулась,
 Не Порте Оттоманской угрожая,
 А мощную державу ослабляя.

Возри на племя Луза, англичанин.
 Ты королем Святой Земли зовешься,
 Но ею правит алчный мусульманин,
 Покуда ты порокам предаешься
 И сам, как недостойный агарянин,
 Над верой предков доблестных смеешься,
 Бесстыдно христианство исправляешь,
 Священные законы попираешь.

Земной Ерусалим, о ложный царь,
 Ты захватил коварно и бесчестно,
 Раз христиан законный государь
 Теперь отверг Ерусалим небесный,
 А что сказать о Галле мне, что встарь
 Был древним благочестием известен?
 Он титулов своих не защищает
 И братьев в ослепление убивает.

Ты кровь детей Христовых проливаешь.
 Бесчинствуешь, как тать, в чужих владеньях,
 А на Восток свой взор не обращаешь,
 Язычникам не мстишь за преступленья.
 В беспечности ты, видно, полагаешь,
 Что ныне надлежит предать забвенью
 Людовика священные заветы
 И Карла несравненного победы?

А что сказать о тех, кто расточает
 Всю жизнь свою в постыдных наслажденьях,
 Кто в неге утонченной утопает,
 Забыв о славной древности свершеньях,
 Кто Родину на части раздирает,
 Предавшись нечестивым помышленьям?
 К тебе я, о Италия, взываю,
 Хоть слов своих бессилье понимаю.

О христиане! Волей Провиденья
 Вы, словно зубы Кадмова дракона,
 Восстали друг на друга в озлобленье,
 Забыв родства священные законы,
 Меж тем как гроб господень оскверненью
 Подвергли исламитов легионы.
 Они единым строем выступают
 И вас поодиночке разбивают.

И, чтя пророка ложного заветы,
 Неверных толпы миру угрожают.
 Презренные потомки Магомета
 Христово войско поразить желают.
 А вы погрязли в распрях и наветах,
 Вас фурии свирепые терзают.
 Вы скоро пред неверными смиритесь
 И подлым святотатцам покоритесь.

Коль слухи о сокровищах несметных
 В чужие земли путь ваш направляют,
 То средь песков Востока заповедных
 Вас россыпи златые ожидают.
 Раз гроб господень призывал вас тщетно
 И вас одни богатства увлекают,
 То в Африку иль в Лидию идите
 И там алмазы царские ищите.

И в Византии, в стороне далекой,
 Пора вам пушки испытать в сраженье,
 Чтоб силой артиллерии жестокой
 Начать свирепых турок покоренье.
 Пусть к Каспию, к горам его высоким
 Бегут они в испуге и смятенье.
 Прекрасную Европу пусть оставят
 И в Скифию стопы свои направят.

Почто армяне, греки и грузины
 К вам взоры с упованьем обращают,
 Покуда турки их детей невинных
 Твердить Коран постылый заставляют?
 В вас не осталось доблести старинной,
 Вас мусульмане всюду восхваляют
 За то, что милых братьев предаете
 И в мире с исламитами живете.

Пока вы братской кровью упивались,
 Позоря славных пращуров знамена,
 Герои христианские рождались
 В державе небольшой и отдаленной.
 Они и в Новом Свете подвизались,
 И к Африке стремились неуклонно.
 Я знаю, все непознанные страны
 Познают в этом мире лузитане.

Однако возвратимся к мореходам,
 Которые стараньями Венеры
 Преодолели бури и невзгоды
 И вышли в заповедные пределы,
 Стремясь среди неведомых народов
 Посеять семена Христовой веры,
 Обычаи туземцев изменить,
 Правителей неправедных сместить.

И вот, вблизи берегов уединенных,
 Герои рыболовов повстречали.
 Те, глядя на пришельцев удивленно,
 Им в Каликут дорогу указали,
 Сказав, что в этом граде просвещенном
 Владьки Малабара обитали.
 И, развернув послушные ветрила,
 Туда армада бег свой устремила.

Могучий Инд и Ганг — поток священный
 Вдоль Индии течение направляют.
 А с Севера от ветров дерзновенных
 Ее надежно горы укрывают.
 И волны океана неизменно
 Ее просторы с юга обнимают.
 Богов там знают самых разнородных —
 Чтут Магомета, идолов, животных.

А с гор, что сердце Азии пустынной
 Из края в край грядой пересекают,
 Потоки низвергаются стремниной,
 В Индийский океан они впадают.
 А воды океана-исполина
 Те земли в полуостров превращают,
 Волной его лазурной окружая
 И с трех сторон край светлый обнимая.

Как длинный мыс, почти пирамидальный,
 Над морем полуостров нависает.
 Народ непостижимый, беспечальный
 У колыбели Ганга обитает.
 Он, коль легендам верить стародавним,
 Лишь запахом цветов себя питает.
 И этот запах, как гласит преданье,
 Ему дороже всякого питанья.

Немало обитателей различных
 Прекрасный полуостров населяют.
 Богатством несказанным, безграничным,
 Делийцы и бенгальцы обладают.
 Надеждой непонятной, необычной
 Свои сердца деканцы ободряют,
 Считая, что дарует Ганг священный
 Сынам земли желанное спасенье.

Наследники воинственного Пора —
 Камбейцы — близ Гидаспа обитают.
 А роскошью одежды и уборов
 Нарсингцы всех туземцев затмевают.
 Могучие, таинственные горы
 Весь Малабарский берег защищают.
 Они стеною высятся над морем
 И стерегут родной земли просторы.

И именуют эти горы Гаты.
 Меж ними и Индийским теплым морем
 Земли полоска узкая зажата.
 Лежит она, с прибором вечно споря.
 Как царь, средь городов ее богатых
 Там Каликут красой чарует взоры.
 В нем гордый император пребывает,
 Себя он Саморином величает.

Посланца португальцы отрядили
 К властителю бесчисленных народов
 И королю поведать поручили
 О приближенье дружеского флота.
 Посланца вмиг индийцы обступили,
 Как будто чудо видели природы,
 Вокруг него в восторге суетились,
 Одеждам, им неведомым, дивились.

Среди толпы досужих ротозеев
 Нашелся сын Берберии далекой,
 Расстался он с отчизною Антея
 По воле нам неведомого рока.
 То ль, жизни быстротечной не жалея,
 В сраженьях с нами он бывал жестоких,
 То ль на правах ближайшего соседа
 Он португальцев распознал приметы.

Спросил он у посланца по-испански:
 «Что вижу я? Скажи, какая сила
 От берегов далеких лузитанских
 Тебя к чужой земле переместила?»
 «Знай, воинов потомок мавританских,
 Нас всех мечта об Индии взманила,
 И мы к теченью Инда устремились,
 Здесь христианство утвердить решились».

И рассказал посланец Монсаиду
 (Так исламит пытливый прозывался),
 Как от брегов столицы знаменитой
 Флот к далям неизвестным отправлялся.
 А тот сказал, что Саморин со свитой
 Среди садов прохладных задержался,
 И надлежит пришельцам со смиреньем
 Правителя дожидаться возвращенья.

Пока же, португальца опекая,
 Повел его араб в свое жилище,
 И там, гостеприимство проявляя,
 Ему он отдых предложил и пищу.
 Затем, армаду лицезреть желая,
 Он, словно друг героям закадычный,
 Спросил, нельзя ль на флот ему явиться
 И с Гамой разговором насладиться.

А португалец чинно и спокойно
 Нехитрым угощением наслаждался,
 Как будто вправду Монсаид достойный
 Ему старинным другом приходился.
 И вскоре по волнам к армаде стройной
 Мавр с радостью великой устремился.
 Взглянуть на гостя моряки сбежались
 И с мавром дружелюбно обрацались.

Знакомой речи услыхав звучанье,
 В надежде получить благие вести,
 Сам Гама гостю уделил вниманье
 И близ себя отвел арабу место.
 Понятным любопытством обуянный,
 Все мореходы вмиг собрались вместе.
 Вот так в Родопах кроны древ сближались,
 Когда Орфея слушать собирались.

«О вы, сыны могучего народа,
 Что близ моей отчизны обитает
 И, волею всевластной природы,
 С моим гнездом в соседстве пребывает!
 Что привело вас ныне в эти воды,
 Чем берег вас далекий привлекает,
 Зачем вы Минью с Тежу позабыли
 И безоглядно на восток поплыли?»

Вас бог привел к пределам заповедным,
 Как видно, ваш поход ему угоден.
 Он осенил вас славою победной
 И был для вас звездою путеводной.
 Вы в Индии, в краю богатств несметных,
 Великих рек и почвы плодородной,
 Здесь пряностей есть огненных запасы,
 И золото, и жемчуг, и алмазы».

И дале мавр поведал мореходам:
 «Сей берег Малабарским называют.
 Издревле здесь прибрежные народы
 Языческих кумиров почитают.
 И в княжествах бесчисленных год за годом
 Различные владыки восседают.
 А раньше под эгидой Перимала
 Единое здесь царство процветало.

Но мавритане в этот край приплыли
 И, всюду восхваляя Магомета,
 Владыку всемогущего склонили
 Принять пророка нашего заветы.
 Их речи Перимала поразили,
 И он задумал странствовать по свету.
 Царь умереть как праведник стремился
 И в Мекку долгий путь держать решился.

И вскоре, повинувшись властелину,
 Армаду малабарцы снарядили
 И, в путь ее готовя на чужбину,
 Товаром самым разным нагрузили.
 А города и земли в ту годину
 Любимцы Перимала получили.
 Так сделал повелитель потому,
 Что не было наследника ему.

Кому Кочин царь доблестный отдал,
 Кому досталась власть над Кананором,
 Кто Куилон навеки обретал,
 Кто править стал прекрасным Кранганором,
 К царю один лишь отрок опоздал,
 Безмолвно он стоял, потупив взоры,
 Племянником царю он доводился.
 Царь Каликут отдать ему решился.

По воле непреложной властелина
 Сей отрок императором считался.
 Ему от дяди титул Саморина
 Как знак высокой доблести достался.
 А Перимал тотчас же на чужбину
 К святым местам отплыть засобирался,
 От отрока царей великих род
 Свое происхождение ведет.

И в наготе невинной щеголяет
 Сих мест благословенных населенье.
 Лишь бедра легкой тканью прикрывает
 И верит сказкам предков без сомненья.
 Обычай всех на касты разделяет,
 Возносит он наиров поколенья,
 Им подчиняет париев убогих,
 Их друг от друга ограждая строго.

В своей лишь касте, по обыкновенью,
 Жену себе индеец избирает.
 К ремеслам здесь наследственным уменье
 Сын юный от отца перенимает.
 Наир глядит на парию с презреньем,
 Его прикосновений избегает.
 А коль изгой к наиру прикоснется,
 Он сразу очищенью предается.

Во время оно так же иудеи
 Самаритян несчастных избегали,
 Их как воров чуральми и злодеев
 И в брак с их дочерьми не вступали.
 Здесь землю защищать от лиходеев
 Наиры привилегию снискали.
 При них всегда, в знак доблести их ратной,
 Щит кожаный и тяжкий меч булатный.

Брахманами жрецов их величают.
 Завет того, кто имя дал науке,
 Они с упорством яръм соблюдают,
 Ему сынами приходится по духу.
 Они скромной пищи избегают,
 Не поднимают на животных руку,
 И только в почитании Венеры
 Сей благостный народ не знает меры.

И общими здесь жены пребывают
 Для всех мужчин в семействе неизменно.
 Сердца, что жгучей ревности не знают,
 Нашли дорогу к радости блаженной!
 Торговлю в этих землях уважают,
 Немало здесь товаров драгоценных.
 Купцы к ним из Китая наезжают
 И даже с Нила гости приплывают».

Так мавр вещал, а город в это время
 Уже молва поспешно обежала,
 И сам король дивился, что за племя
 К его брегам столь дерзостно пристало.
 Нести сомнений не желая бремя,
 Он повелел, чтоб срочно отплывало
 Его посольство к Гапе с приглашеньем
 Явиться к королю без промедленья.

И славный капитан в сопровожденье
 Отряда португальцев благородных,
 Пленявших взор парадным облаченьем,
 Величьем и изяществом природным,
 Спустился в лодку, повелел движенье
 Направить к устью речки полноводной,
 Что в море необъятное впадала
 И с городом его соединяла.

Правитель Самориновых владений
 (Он звучно Катуалом прозывался)
 На берегу в понятном нетерпенье
 С наирами героев дожидался.
 Им славный Гама выразил почтенье
 И в паланкин немедля перебрался.
 И слуги вмиг носилки обступили
 И их на плечи сразу водрузили.

А дети Луза вслед за капитаном
 Отправились как скромная пехота.
 Индийцы на наречье чужестранном
 У путников узнать стремились что-то,
 К ним хором обращались неустанно,
 Но тщетно, ведь несчастные народы
 И днесь от гнева господя страдают
 И башню Вавилона проклинаят.

А Гама с Катуалом говорили
 При помощи любезной Монсаида.
 Как принято, погоду обсудили,
 Окрестных гор пленительные виды,
 Но вскоре паланкин остановили,
 И Гама и правитель именитый
 Плечом к плечу вошли под сени храма,
 Где идолам курились фимиамы.

Неведомые, странные скульптуры
 Входящих в зал немедля обступали,
 И демонов зловещие фигуры
 Изваянные в камне пребывали.
 Исчадия причудливой Натуры —
 Химеры — среди статуй обитали.
 Так очи христиан в недоуменье
 Чужих богов узрели воплощенье.

Кто с головой, увенчанной рогами,
 Юпитеру Аммону был подобен.
 Кто, наделенный многими руками,
 Был с Бриареем легендарным сходен,
 Бог-песъеглавец возвышался в храме,
 Анубиса потомок благородный.
 Имелся здесь и демон многоликий,
 Собрат восточный Януса-владыки.

Закончив поклонение кумирам,
 Продолжить путь решил Катувал.
 Сонм нищих, стариков, детей, факиров
 За красочной процессией бежал.
 Сынов досель неведомого мира
 Пытливый взор всегда сопровождал.
 А португальцы ближнею дорогой
 Прошествовали к царскому чертогу.

И заросли дерев благоуханных
 Волшебные покои окружали.
 Там, в неге утопая беспрестанной,
 Властители Востока пребывали.
 Красу природы южной, перевозданной
 И роскошь те чертоги совмещали.
 Там, в царстве упоительной прохлады,
 Дышало все довольством и отрадой.

А с мраморов роскошного портала,
 Изваянных с Дедаловым искусством,
 К потомкам древность мудрая взывала,
 Будя в них мысли и волнуя чувства.
 Фигуры полководцев величавых,
 Богов, царей, пророков-златоустов
 Безмолвно португальцы узнавали
 И старые легенды вспоминали.

И войско им несметное предстало,
 Что, волю полководца выполняя,
 Божественную Низу основало;
 Гидасп вольнолюбивый покоряя,
 И длань вождя зеленый тирс сжимала,
 Он веселился, горести не зная.
 В том юноше, сказать могу я смело,
 Признала б сына робкая Семела.

А дале дети Луза увидали,
 Как войска ассирийского отряды
 К реке, томясь от жажды, припадали,
 Пройдя к востоку через все преграды.
 Коня-гиганта рядом изваяли,
 С которым, дочь порока и разврата,
 Сама Семирамида в связь вступила
 И собственному сыну изменила.

С восторгом португальцы увидали
 Бестрепетных фаланг изображенья.
 Чело вождя их лавры обвивали,
 Сей юноша не ведал пораженья.
 Отцом его Юпитера считали,
 Хоть был Филиппу сын он по рожденью.
 Он Третьей был Монархии главою
 И был увенчан славой боевою.

Когда скульптуры гости осмотрели,
 Поведал капитану Катуал:
 «Провидцы наши угадать сумели,
 Что новый век для нас теперь настал.
 Сраженья дней далеких оттремели,
 И память их могильный мрак объял.
 Волхвы сказали, что придут по морю
 Народы нам неведомые вскоре.

Коль верить их предвиденьям жестоким,
 То будет этот враг непобедимым.
 Он к нам нагрянет из страны далекой,
 Божественными силами хранимый.
 Пред ним склонится воинство Востока,
 Его признает мир несокрушимым.
 И будет славен даже побежденный,
 Таким врагом в сраженье превзойденный».

Так, коротая время в разговоре,
 Они вошли в многоколонный зал.
 Там в златотканом дорогом уборе
 На ложе император возлежал
 И с ласковою благостью во взоре
 Диковинных пришельцев поджидал.
 Вокруг него все роскошью дышало
 И славных мореходов поражало.

Близ ложа старец древний и почтенный
 Предвосхищал правителя желанья.
 Душистый листик жгучего растенья
 Владыке подавал он непрестанно.
 А к Гама подошел брахман степенный,
 Спеша пришельцу оказать вниманье,
 По мановенью короля благого
 У ложа усадил его златого.

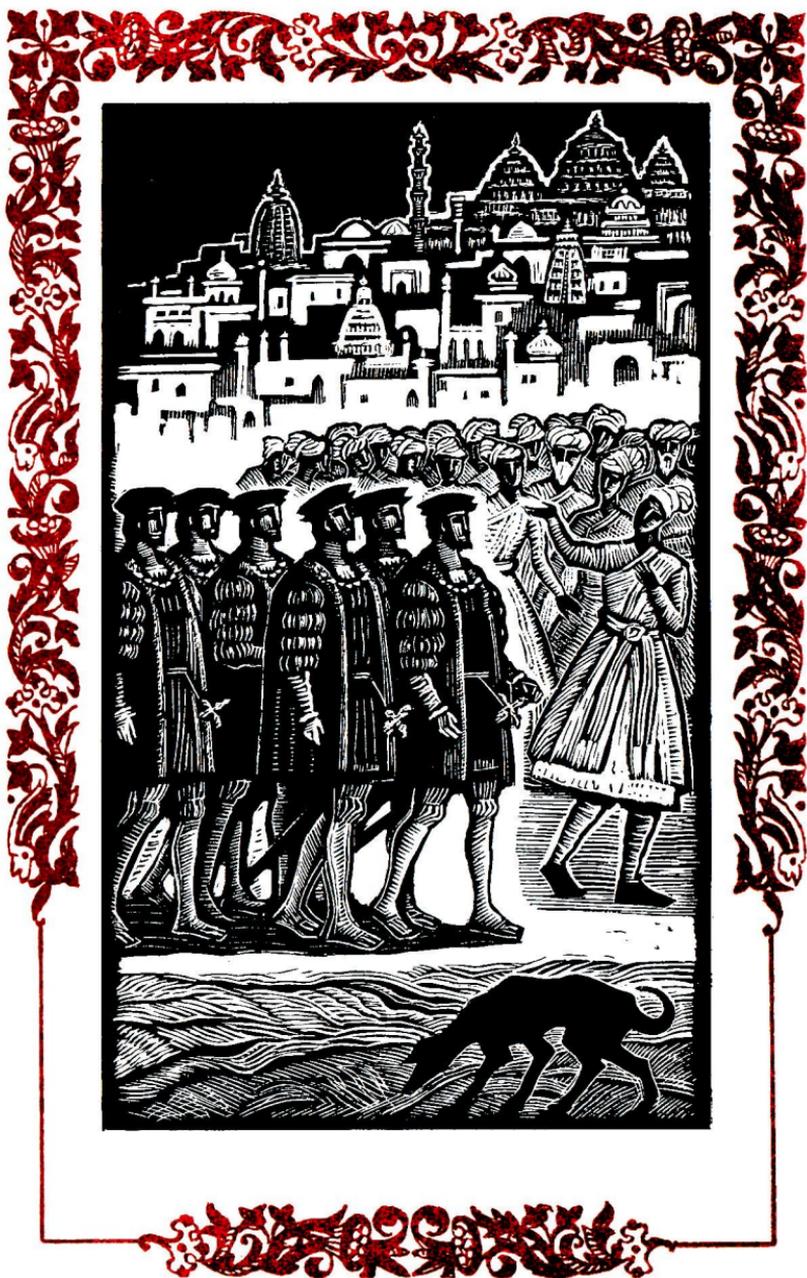
Представ перед могучим властелином,
 Смотревшим на пришельцев с изумленьем,
 Наш Гама обратился к Саморину
 Со словом доброты и уваженья.
 Найти друзей надеясь на чужбине,
 Благих исполнен дум и побуждений,
 Возвысил голос капитан отважный
 И речь держал открыто и бесстрашно:

«Из той страны, где над стихией пенной
 Ночь солнце круг в объятья принимает,
 Наш государь с приязнью неизменной
 Поклон тебе, владыка, посылает.
 С открытым сердцем, честно, откровенно
 Тебе свою он дружбу предлагает.
 Ведь даже к берегам его державы
 Уже домчалось эхо вашей славы.

Богатства Тежу, самоцветы Нила,
 Блеск роскоши Зеландии холодной
 И все, что Эфиопия взрастила —
 Дары земли далекой, плодородной, —
 Родная Португалия вместила,
 И наш король, властитель благородный,
 Казной неисчислимой обладает
 И гордою страной повелевает.

Лишь захоти, любые соглашения
 О дружбе и торговле невозбранной
 С тобой он заключит без промедленья,
 Ища твоей приязни неустанно.
 Коль согласишься, божьим дозволеньем
 Доход ваш возрастал бы постоянно.
 В достатке б ваши земли процветали
 И зависть у соседей вызывали.

Коль дружба между вами утвердится,
 То он с людьми, оружием и флотом
 Согласен защищать твои границы
 От диких и воинственных народов.
 Его любой противник устрашит,
 Минуют вас набеги и невзгоды.
 Подумай и направь, я заклинаю,
 Со мной ответ благому государю».

Властитель Малабара отвечал,
 Что, видя мореходов-лузитанцев,
 Как все, он удивленье испытал
 И с радостью внимал словам посланца,
 Но о стране их ране не слыхал,
 И прежде чем ответить чужестранцам,
 Совет он созовет без промедленья,
 Чтоб высшей знати выслушать сужденья.

Пока же предлагал в своих чертогах
 Пришельцам он вкусить отдохновенье,
 Чтоб муки изнурительной дороги
 Предать навеки прочному забвенью.
 В небесной выси месяц сребророгий
 Спешил свершить свое ночное бденье.
 Он сон на землю посылал блаженный,
 А с ним покой скитальцам дерзновенным.

И Гама и герои-лузитане
 В чертогах на ночлег расположились.
 И, радости предавшись столь желанной,
 Покоем долгожданным насладились.
 А Катувал, их спутник постоянный,
 Пока они в глубоком сне забылись,
 Спешил узнать по воле Саморина
 О вере их, делах и властелине.

Едва лишь бог, на Делосе рожденный,
 Взглянул на землю светозарным оком, —
 Немедля царедворец искушенный,
 Чтя волю повелителя Востока,
 Послал за Монсаидом просвещенным,
 Чтоб тот поведал о стране далекой.
 Поскольку гости, что к нему явились,
 Соседями арабу доводились.

И, повинуюсь высочайшей воле,
 Поведал Монсаид велеречивый:
 «В дни прошлого мне выпало на долю
 Узнать моих соседей горделивых.
 Не буду я с рассказом медлить боле,
 Пусть знает государь благочестивый,
 Что от берегов Испании чудесной
 Народ к нам прибыл, мужеством известный.

Пророка эти люди почитают,
 Что был рожден юницею невинной.
 Отцом его дух божий называют,
 Ему кадят и службу правят чинно.
 Их воинами храбрыми считают.
 Не раз, решая с нами спор старинный,
 Они моих сограждан побеждали
 И честь своей державы умножали.

От берегов прохладной Гвадианы
 Они нас безвозвратно оттеснили,
 Идя на нас войною беспощадной,
 Долину Тежу быстро захватили.
 И, рассекая волны океана,
 Они до нашей Африки доплыли.
 И там в покое нас не оставляют
 И наши цитадели осаждают.

Испании воинственной народы
 С дружиной Луза часто в бой вступали,
 Но все напасти, беды и невзгоды
 Достоинно португальцы отражали.
 Их государство крепнет год от года,
 Их все непобедимыми признали.
 И не найдется, я скажу вам смело,
 Сим Ганнибалам нынешним Марцелла.

А если больше знать о них стремишься,
 То с ними сам вступи ты в объясненья.
 В их честности ты сразу убедишься,
 Узришь их флот, их снасти, снаряженья.
 Оружью немало удивишься,
 Что в битвах не встречало пораженья.
 Узнаешь их обычай и нравы,
 О короле расспросишь и державе».

И тут же по совету Монсаида
 Индийцы лодки мигом снарядили.
 Желая зреть героев знаменитых,
 К ним по волнам стремительным поплыли.
 На флот явился Катуал со свитой,
 На флагманский корабль они ступили,
 Где Паулу да Гама их приветил,
 С учтивостью великою всех встретил.

А под навесом пышным и багряным
 Знамена лузитанские стояли.
 Художники на шелке златотканом
 Героев славных битв нарисовали.
 Узрев портреты воев чужестранных,
 Наиры к стягам гордым подбежали
 И долго чадам Луза удивлялись,
 Картиной их деяний наслаждались.

Но Гама предложил гостям садиться
 И, чтя обычай славный Эпикура,
 Напитком несравненным насладиться,
 Что Ною в дар преподнесла Натура.
 Он предлагал им также подкрепиться,
 Но пищу гости отвергали хмуро,
 Чтя с малолетства строгие запреты,
 Что им навеки завещали деды.

А пушкари, огонь открыв проворно,
 Гостям салютовали именитым.
 И звук трубы, могучий и задорный,
 Приветствовал наиров сановитых.
 Меж тем высокий гость твердил упорно,
 И вторила ему все время свита,
 Что хочет знать о подвигах старинных
 И о немой поэзии картинах.

Поднявшись, Катуал нетерпеливый
 Направился к огромному портрету,
 На коем старец древний, горделивый,
 Сын Греции благой по всем приметам,
 Сподвижник Вакха резвого счастливый,
 Прославленный во многих странах света,
 В руках с лозой был явлен виноградной,
 Его потомству ставшей столь отрадной.

Он был с лозой в руках... Но я, несчастный,
 Как много дней вдали от муз скитаюсь,
 Терплю судьбы удары ежечасно
 И песнь свою продолжить порываюсь!
 И вот, пройдя сквозь столько бед ужасных,
 Я к вам, о нимфы Тежу, обращаюсь.
 Мой утлый челн в волнах не погубите
 И стих мой безыскусный поддержите.

Смотрите, как мной, бедным, помыкает
 Коварная и горькая судьбина!
 То Марс мне беспощадный угрожает,
 То мне грозит жестокая пучина.
 Хоть песнь моя героев воспевает.
 Я, как в века былые Эолина,
 В одной руке перо держу, рыдая,
 В другой клинок безжалостный сжимаю.

То бедности терплю я униженья,
 Чужой порог смиренно обиваю,
 То новым подвергаюсь злоключениям,
 На волоске от смерти пребываю.
 И вечно в столь жестокие сраженья
 С судьбою я за жизнь свою вступаю,
 Что превзошел владыку иудеев,
 Что жизнь продлил молитвою своею.

Я не дождался от людей награды.
 И те, в чью честь стихи мои звучали,
 Пред мной воздвигли новые преграды,
 Меня травить в безумье продолжали.
 Не знал я ни досуга, ни отрады,
 Меня не лавром гордым увенчали,
 А подвергали гнусному глумленью,
 Позору, нищете и униженью.

Что за героев, гордых и отважных,
 Долина Тежу нежная взрастила,
 Коль так они лелеют стих прекрасный,
 Что щедрая судьба им подарила!
 Какой пример для юношей несчастных,
 Поэзии отдавших ум и силы,
 Сложить решивших песню боевую,
 Отчизну прославляющих родную!

И вы, о нимфы Тежу всеблагие,
 Своим участием путь мой озарите.
 Воспеть заслуги предков боевые
 Гонимому поэту помогите.
 Я вам клянусь, богини дорогие:
 Коль вы мою десницу укрепите,
 Я не унижусь до презренной лести
 И гимн сложу достоинству и чести.

Не стану петь того, кто для себя
 Дорогу к власти грудью пробивает,
 Отчизну предаёт и короля,
 Божественный закон не уважает
 И, в дикой злобе все вокруг губя,
 Все почести один стяжать желает,
 Порокам самым гнусным предается,
 Над гражданами честными смеется.

Не стану петь и тех, кто ради славы
 Толпы желаньям слепо потакает
 И для ее потехи и забавы
 Свои личины, как Протей, меняет,
 Кто предаёт бесстыдно честь державы,
 Народ многострадальный разоряет.
 Я вам, мои камни, обещаю,
 Что не для них я песнь свою слагаю.

И не для тех, кто мерзкие деянья
 Законом королевским прикрывает,
 Мерзавцам не находит наказания,
 А бедный люд порочит и терзает.
 Иль для своих же низменных желаний
 Казну рукою хищной расточает
 И возлагает новые налоги
 На плечи слабых, сирых и убогих.

Я буду петь тех доблестных героев,
 Что жизни для отчизны не жалели
 И, побратавшись с славой боевою,
 Власть мрачной смерти одолеть сумели.
 Познав мгновенья сладкого покоя,
 Я возвращаюсь снова к прежней цели.
 Пусть Аполлон пошлет мне вдохновенье
 И музы снизойдут к моим твореньям.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

1

Пред старца благородного портретом
Пытливый Катуал остановился.
«Зачем с лозой герой представлен этот?» —
Он к Паулу да Гаме обратился.
И разъяснить значенье сей приметы
Отважный португал не затруднился.
Призвав на помощь друга Монсаида,
Поведал он наирам именитым:

2

«Пред вами здесь стоят изображенья
Мужей, создавших мощную державу,
В жестоких схватках, в яростных сраженьях
Для Родины добывших честь и славу.
Известных чистотою побуждений,
Прославивших неподкупными по праву,
И первый Луз, от имени его
Пошло названье края моего.

3

Он Вакху был сподвижником и сыном,
Ему моря и земли покорял,
Пришел в наш край в далекую годину,
И этот край его очаровал.
Увидев Тежу светлые глубины,
Близ них вкусить он отдых пожелал.
Средь наших нив герой обрел Элизий
И дал свое нам имя, нас возвысив.

Лоза в его деснице — тирс зеленый.
 Издревле жезлом Вакха он считался,
 А Луз, сторонник Вакха убежденный,
 Во всем на бога походить старался.
 А рядом с Лузом воин закаленный,
 Что в гордом Илионе подвизался,
 Запечатлен. Пройдя сквозь все преграды,
 Близ Тежу он построил храм Паллады.

Так возвеличил Одиссей Афину,
 Что к грекам пребывала благосклонной,
 Она смела троянские твердыни,
 А он воздвиг твердыню Лиссабона.
 «А кто рассеял мертвых среди долины,
 А из груди живых исторгнул стоны?
 Кто в пыль и прах втоптал бесстрашно знамя,
 Украшенное гордыми орлами?»

Спросил язычник и узнал от Гамы:
 «Ты зришь портрет героя Вириату,
 От коего знавали много сраму
 Полки его противников заклятых.
 И римляне, что гнусными делами,
 Равно как и великими, богаты,
 Прервали жизнь народного кумира
 С ним поступив не так, как с гордым Пирром.

Нет, не в жестоком, гибельном сраженье
 Он принял смерть, лицом к лицу, как воин.
 Он был бесстыдно предан умерщвлению
 Своих клеветов кликой недостойной.
 А вот другой, что в Лузовых владеньях
 Правителем был мудрым и спокойным.
 Он нашим стал вождем, и мы поныне
 Сертория чтим память, как святыню.

8

А вот и лань, что мудрые советы
 Герою-полководцу подавала.
 Над птицами Юпитера победы
 Она ему недаром предсказала.
 Пока с ним в бой ходили наши деды,
 Их войско поражения не знало,
 Они и гордых римлян посрамили,
 И славою навек себя покрыли.

9

А здесь показан Генрих просвещенный,
 Династии великой прародитель,
 Из Венгрии пришедший отдаленной,
 Жестоких исламитов победитель,
 Прославив христианские знамена,
 В святую он направился обитель,
 Чтоб вымолить у господ в смиренье
 Потомству своему благословенье».

10

«Кто этот воин, что рукой железной
 Свое господство всюду утверждает
 И с горсткою сподвижников чудесно
 Войска орды несметной побеждает?
 Ему сдаются грады повсеместно,
 К его ногам короны возлагают», —
 Гость спросил, взирая с восхищеньем
 На славного царя изображенье.

11

«То, — отвечал красноречивый Гама, —
 Король Афонсу Первый, незабвенный,
 Чьим именем давно клянется Фама,
 Кто Стикса неподвластен водам пенным.
 Великими известен он делами,
 Немало мавров он разбил надменных,
 Захватчиков навеки обесславил
 И битв на долю внуков не оставил.

Когда бы Александр иль Цезарь гордый,
 Пред коими мы все благоговеем,
 На поле битвы вывели когорты,
 Столь мало войска при себе имея,
 Я вам скажу с уверенностью твердой —
 Они б своих врагов не одолели,
 Себе б бессмертной славы не стяжали,
 И мы бы их деяний и не знали.

А дале старец, гневом распаленный,
 Воспитаннику юному пеняет,
 А тот, его словами вдохновленный,
 К себе остатки войска призывает,
 И старец ратоборцев побежденных
 На славный путь победы наставляет.
 То Эгаш наш, Мониж — вассал примерный,
 Во всех несчастьях государю верный.

С позорною веревкою на шее,
 В убогом, неприглядном облаченье,
 Родных детей нимало не жалея,
 Супругу обрекая на мученья,
 В Толедо он явился, не робея,
 Стыдясь бывшего клятвopеступленья,
 Что совершил он, Родину спасая
 И юного Афонсу защищая.

Злосчастный не сравнится с ним Постумий,
 Что, в плен попав к самнитам дерзновенным,
 Спокойно и с решимостью угрюмой
 Под вражеским ярмом прошел согбенный,
 О Родине лелеял Эгаш думы,
 Он, страж ее свободы неизменный,
 Готовился на жертвенник отчизны
 Принести своих детей безвинных жизни.

А здесь ты видишь, как в кольце осады,
 Под игом мавров город изнывает
 И как герой выходит из засады
 И короля захватчиков пленяет.
 Как он, создав могучую армаду,
 Впервые флот неверных побеждает,
 Бесстрашно потопляет их галеры
 Во имя торжества Христовой веры.

Смотри, как с гордым мужеством во взоре
 Наш Фуаш, как звезда в ночи, сияет,
 Как всюду — и на суше, и на море —
 Он супостатов мерзких убивает
 И как, отчизне страждущей на горе,
 Он сам в неравной битве погибает,
 Душа его, великая, святая
 Возносится к высотам горним рая.

А видишь, как германские герои
 Под стены Лиссабона прибывают,
 С Афонсу Первым — храброю душою —
 Грядущую столицу осаждают,
 Как, будучи орудьем божьей воли,
 Они великий град освобождают
 И там, где Генрих в бозе почивает,
 Господне древо вдруг произрастает?

А вот и Теотониу блаженный,
 С оружием в руках служивший богу;
 Арроншеш — град, красою несравненный,
 Отбивший у захватчиков жестоких.
 Вот Сантарен томится в окружение,
 Но, к главной башне проложив дорогу,
 На ней герой флаг Луза поднимает,
 Сограждан оробевших ободряет.

То Мень Мониж, краса молодой державы,
 Отцовское величье возродивший,
 В неистовых боях добывший славу,
 Севильских мавров храбро разгромивший.
 Соратник Санцу, гордый, величавый,
 Родной страны границы укрепивший,
 К его ногам слагались неуклонно
 Презренных мавров желтые знамена.

А видишь ли героя молодого,
 Что ночью с башни по копыю спустился,
 Он предал смерти мавра-часового
 И в Эвору с дружиной устремился,
 И войску португальца молодого
 Чудесный город вскоре покорился,
 То был Жералду, юноша отважный,
 Своим народом прозванный Бесстрашным.

Вот пред тобой кастилец разъяренный,
 Что предал край родимый безоглядно.
 Обидою старинной удрученный,
 Перебежал он к маврам кровожадным
 И к нам пришел тропкою потаенной,
 Чтоб покорить Абрантеш благодатный.
 Но португалец с небольшим отрядом
 Взял в плен вождя врагов своих заклятых.

То Мартин Лопещ, доблестный воитель,
 Предателей презренных победивший.
 А вот пред нами господу служитель,
 На меч свой посох пастырский сменивший,
 Оставивший смиренную обитель,
 Свои молитвы к небу обративший,
 И небо, ниспослав ему виденье,
 Дало ему свое благословенье.

Вот Кордовы и Хаена халифов
 Матеуш в жаркой битве побеждает.
 Правителя Севильи горделивой
 Он к праотцам, не дрогнув, отправляет.
 Бадахоса властитель несчастливый
 На поле боя кровью истекает.
 Господь решил за чад своих вступиться
 И направлял епископа десницу.

А видишь, как магистр — гроза неверных —
 К нам из Кастильи рьяно устремился,
 Как он, сын Лузитании примерный,
 Алгарве возвращенья нам добился?
 Границ родной земли блюститель верный,
 Немало для нее он потрудился,
 И, мстя за смерть охотников безвинных,
 Тавиру он отбил у сарацинов.

То наш Куррейя, славный и могучий,
 Он Силвеш взял у мавритан надменных.
 Он не числом врагов рассеял тучи,
 А воинским искусством несравненным.
 Трех рыцарей, сынов отчизны лучших,
 Родной земли героев незабвенных,
 Не пропусти: испанцы их видали,
 Им Франции сыны рукоплескали.

Смотри: среди Кастилии просторов
 Герои на ристалищах блистают,
 Отвагой и красой пленяют взоры,
 Противников искусных побеждают
 И с доблестью, умением и задором
 На праздниках Беллоны выступают.
 Их вождь — Рибейру, рыцарь дерзновенный,
 Турниров победитель неизменный.

А здесь представлен полководец рьяный,
 Когда на тонком волоске висела
 Судьба его отчизны богоданной,
 Свое плечо он ей подставил смело.
 Вот, яростью и гневом обуянный,
 Клеймит он португальцев оробелых,
 Кастильцев в жаркой битве побеждает
 И королю Жуану присягает.

Взгляни, как гордо, под святой звездой,
 Единственно на бога уповая,
 С кастильцами сойдясь на поле боя,
 Он разгромил их, Родину спасая,
 Как ловкостью и силой боевою
 Героям прежних лет не уступая,
 Наш полководец славный, незабвенный,
 Развеял в прах захватчиков презренных.

Но видишь — с поля битвы отлучился
 Вождь богомольный Лузовой дружины
 И к Троице с молитвой обратился,
 Взывая к небу в трудную годину.
 Но тут кастилец дерзкий разъярился,
 И португальцы, полные кручины,
 Стремглав за храбрым Нуну поскакали
 И вновь к своим полкам его призвали.

Но, преисполнясь верою святою,
 Ответил Нуну: «Близится то время,
 Когда Спаситель твердою рукою
 Отбросит вспять кастильцев гордых племя».
 Вот так Помпилий славный в годы горя
 Склонялся ниц пред алтарями всеми,
 Бессмертные мольбам его внимали
 И римлянам победы даровали.

Да, это Нуну Алвареш достойный,
 Отчеству он был отцом и сыном.
 Нам Сципионом звать его пристойно
 И Родины великой паладином.
 Он благородно, мудро и спокойно
 Спас свой народ в тяжелую годину.
 Его Нептуна волны вспоминают,
 Поля Цереры по нему вздыхают.

И в этой же войне других героев
 Просторы Португалии рождали.
 Когда, предавшись наглому разбою,
 Два командора скот наш угоняли,
 Родригеш наш с дружиной удалою
 Его отбил; когда же друга взяли
 Кастильцы в плен, Родригеш их нагнал
 И вмиг свободу другу даровал.

А здесь пред нами мерзостный предатель,
 Что над отчизной-матерью глумится.
 Но Жил Фернандеш, Родины старатель,
 Кладет его глумлению границы.
 Дрожит пред ним подлец завоеватель,
 Пред мщеньем в страхе убежать стремится.
 Но храбрый Жил кастильцев настигает
 И в Херес победителем вступает.

А вот и флотоводец незабвенный,
 Наш Руй Перейра, гордый и отважный,
 Кастильцам преградивший путь надменным
 И спасший наши корабли бесстрашно.
 А вот семнадцать воев дерзновенных,
 Вступивших в бой неравный и ужасный,
 Чтоб посрамить бестрепетно и смело
 Четыреста кастильских кавалеров.

Вот так и наши прадеды когда-то
 С несметным войском смело в бой вступали
 Во времена героя Вириату
 Могучие когорты побеждали.
 Мы, дорожа наследьем их богатым,
 У них один обычай переняли:
 Хоть мало нас, но страха мы не знаем,
 И не числом — отвагой побеждаем.

А здесь инфантов видишь ты великих,
 Потомство благородное Жуана.
 Отважный мореплаватель Энрике
 Открыл для нас просторы океана,
 И в Сеуту, под ярых мавров крики
 Он с мужеством ворвался несказанным,
 И Педру, что в Германии суровой
 Родимую страну восславил снова.

Вот граф Менезеш; дважды из осады
 Спас Сеуту сей ратоборец славный.
 Вот сын его, разивший без пощады
 Сынов Агари, в бой вступив неравный.
 Когда в Эль-Ксаре властелин державный
 Едва не принял смерть от супостатов,
 Его закрыл Менезеш своим телом
 И пал под крики мавров оголтелых.

Когда бы живописцев окружали
 Признание, почет и уваженье,
 Они б в своей палитре отыскали
 Немало дивных красок, без сомненья,
 И прочих мы б героев увидали,
 Прославивших себя в былых сраженьях,
 Но в наши дни искусств не почитают,
 И честь отцов их сыновья роняют.

А предки добродетелью сияют,
 Потомков вызывая преклоненье,
 Своею славой внуков затмевают,
 Их оттесняют в тень без сожаленья,
 На вечную безвестность обрекают,
 Дарят неумолимо их забвеньем.
 Те прозябают в праздности бесславной,
 С героизмом предков в бой вступив неравный.

А есть у нас всеильные вельможи,
 Что подлости тропой пробились к трону.
 И я скажу, что королям негоже
 Шутам в угоду нарушать законы.
 Те, не имея славных предков, тоже
 Чинят искусствам сладостным препоны.
 Высокую поэзию кланут,
 Поэтов поношеньям предают.

Но я не отрицаю, что бывают
 Потомки, что деяньями своими
 Великих предков славу укрепляют,
 С достоинством несут их меч и имя.
 Но редко их поэты воспевают,
 И мы порою не знакомы с ними.
 Их мало, их незримо осеняет
 Тот свет, что славных предков озаряет».

Так Гама, Катувала удивляя,
 Рассказывал историю народа,
 Что, славную державу прославляя,
 Шел на Восток сквозь мглу и непогоду.
 Уже, сквозь тучи трепетно сияя,
 Вечерняя заря легла на воды,
 А гость стоял в безмолвном изумленьи
 Пред Луза сыновей изображеньем.

Но вот померкло мощное светило
 И, антиподам ясный день даруя,
 За горизонт далекий поспешило,
 Маня себе на смену ночь благую.
 И для наиров время наступило
 На брег направить путь сквозь тьму ночную.
 И лодки понеслись, с волнами споря,
 По лону столь знакомого им моря.

Меж тем, по Саморинову желанью,
 Наиры прорицателей созвали,
 Сказав, чтоб те к великому гаданью
 О судьбах государства приступали.
 И дьявольское, злое волхвованье
 Уже жрецы седые начинали,
 Надеясь все узнать о португалах,
 О вере их, владыке и державе.

По внутренностям жертвенным пророки
 Узнать страны грядущее стремились.
 К ним поспешил злой демон на подмогу
 И нашептал, что в Каликут явились
 Полки поработителей жестоких,
 И мудрецы седые уstraшились.
 Верховный жрец в тревоге и кручине
 Поведал о гаданье Саморину.

К тому же в Каликуте находился
 Мулла — закоренелый мусульманин,
 Однажды Вакх во сне ему явился
 И подстрекал злодея беспрестанно.
 И без того тот злобой распалился,
 Прослышав о героях-христианах,
 А Вакх, приняв обличье Магомета,
 Такие дал неверному советы:

«Остерегись, мной избранное племя!
Тебе противник страшный угрожает
Несет он для тебя несчастий бремя,
Поработить детей моих желает.
Тяжелое для нас настало время,
Нас грозная година ожидает!»
Мавр пробудился и решил в волненье,
Что видел лишь дурное сновиденье.

Но Вакх вернулся: «Подлый лежебока!
Ты что, глупец, на лаврах почиваешь?
Признать не можешь своего пророка
И внять его призывам не желаешь?
Я здесь страдаю, властелин Востока,
А ты меня, невежа, презираешь.
Забыл, как видно, что твои же деды
Мои навеки приняли заветы.

Сынов здесь мало этого народа,
И трудно будет им тягаться с нами.
Любуемся мы солнцем при восходе,
Но слепнем под полдневными лучами.
Чини препоны гордым мореходам,
К ним разжигай ты ненависти пламя.
Пока слепящий полдень не настал,
Пускай от нас страдает португал!»

Так возвестив, сокрылся Вакх коварный,
Проснулся мавр, виденьем удрученный,
И, помня о пророчествах кошмарных,
Все издавал проклятия и стоны.
Едва лишь свет денницы лучезарной
На сонном появился небосклоне,
Созвал мулла потомков Магомета
И рассказал о Вакховых заветах.

Услышав все, коварные интриги
 Замыслил люд бессовестный и подлый,
 Чтоб низко очернить народ великий,
 Унизить племя португалов гордых.
 Минуя величавого владыку,
 К правителю идти решили твердо,
 Надеясь драгоценным подношеньем
 Приобрести его благоволенье.

И, в грудь себя бия, они явились
 К наместнику благого властелина
 И в жалобы великие пустились,
 Изобразив досаду и кручину,
 Сказали, что пираты объявились
 У берегов, подвластных Саморину,
 Что грабежом пришельцы промышляют
 И королей законных презирают.

О, как же должен праведный властитель
 Советников лихих остерегаться!
 Погибнет самый мудрый повелитель,
 Коль фаворитам будет доверяться.
 Так высоко вознесся ты, правитель,
 Что тягостно с высот тебе спускаться.
 Готов ты слепо царедворцам верить
 И судьбы государства им доверить.

Как часто хитрый раб изображает
 Почтенье, благородство побуждений,
 А сам лишь честолюбием пылает,
 В душе таит корыстные стремленья.
 А царь ему бездумно доверяет,
 Дает ему народ на разграбленье,
 И тот, забыв о божьем повеленье
 Гнетет несчастный люд без сожаленья.

Вот так и здесь: не в силах распознать
 Все ухищренья алчных Катуалов
 И мавров богомерзких разогнать —
 Сих дьявола потомков одичалых,
 Стал Саморин ответ свой отлагать,
 Чем озадачил гордых португалов,
 А Гама — рыцарь мужества и чести —
 Хотел дать о себе отчизне вести.

Он знал, что должен в дальние пределы
 Открыть своим согражданам дорогу,
 Чтоб дети Луза радостно и смело
 Направились к сокровищам Востока.
 Он верил: дланью твердой и умелой
 Те укрепят свой стяг в земле далекой.
 И подчинится Мануэлу вскоре
 Окружность, что вмещает твердь и море.

И посему немедля он решился
 Стопы свои направить к Саморину.
 Но тот ответ давать не торопился,
 От слов презренных мавров впав в кручину.
 Во власти он сомнений находился,
 Кляня в сердцах гостей своих безвинных,
 Поверив чересчур легко и скоро
 Авгуров богомерзких наговорам.

То сладостным мечтам он предавался,
 Несметные доходы предвкушая,
 И мыслями к пришельцам устремлялся,
 Торговлю с ними завязать желая,
 То черным подозрением терзался,
 Слова жрецов и мавров вспоминая.
 Душой томясь под бременем сомнений,
 Не мог никак король принять решенье.

Но наконец призвал он капитана,
 Устав тяжелой думою томиться,
 И возгласил: «Поведай без обмана,
 Что привело тебя к моим границам.
 В любом проступке ныне невозбранно
 Ты можешь предо мною повиниться.
 За искренность тебе без промедленья
 Я извиню любые прегрешенья.

Я знаю: ты от Родины отрекся
 И всеу короля упоминаешь,
 Ты легкою наживою увлекся,
 Пиратством и разбоем промышляешь.
 И к нам с своей ватагою повлекся.
 Зачем ты нас, безумец, уверяешь,
 Что государь твой, не жалея флота,
 Его отправил в путь к далеким водам?

Коль твой король богатством несусветным,
 Как ты сказал, и вправду обладает,
 Так что ж он от казны своей несметной
 Подарка мне с тобой не посылает?
 Как я поверю, что скиталец бедный
 Могучую державу представляет?
 Ведь мог бы твой король к брегам далеким
 Послать приятни веские залогои.

Когда же вы в изгнанье удалились,
 Что и с людьми достойными бывает,
 То в добрый час к брегам моим прибились,
 Моя страна покой вам предлагает.
 Коль вы пиратством прокормиться тцились,
 За это вас никто не порицает.
 В любой земле смельчак найдет отчизну
 И обретет повсюду радость жизни».

В безмолвном удивленьи мудрый Гама
 Внимал словам жестоким властелина
 И понял, что опять сыны ислама
 Нечастие внесли в его судьбину.
 В груди почуяв ненависти пламя,
 Венеру вспомнив в трудную годину,
 Молил он, чтоб она его хранила
 И красноречья даром наделила.

И отвечал: «Перед господним ликом
 Готов поклясться честью я ныне,
 Что дружбу мы с тобой, король великий,
 Чтим нерушимо, крепко, как святыню.
 Но вижу я воочью, о владыка,
 Что дерзкие и злые сарацины
 Здесь у тебя уже перебивали
 И нас перед тобой оклеветали.

Я знаю: каждый замысел прекрасный
 Насмешки и гоненья ожидают.
 Немало злопыхателей несчастных
 Величие глумленью подвергают.
 И ныне толпы мусульман злосчастных
 Разрушить нашу дружбу угрожают.
 Ты их слова на веру принимаешь
 И в подлости меня подозреваешь.

Когда бы я отправился в изгнанье,
 Вернуться к дому отчему не смея,
 Зачем бы мне в столь дальние скитанья
 Пускаться, милой жизни не жалея?
 За что и для какого наказания
 Мне подвергать собратьев сужовею,
 Овна дыханью, духоте нещадной
 И полюса метелям безотрадным?

Даров ты драгоценных ожидаешь,
 Чтоб слов моих увидеть подтвержденье.
 Но как ты, государь, не понимаешь,
 Что я лишь путь искал к твоим владеньям?
 А коли нас проверить ты желаешь,
 Домой нас отошли без промедленья.
 Едва лишь я вернусь, как дар бесценный
 Тебе пришлет король наш, несомненно.

Ты странным, очевидно, полагаешь,
 Что из земель, столь богом отдаленных,
 Здесь славных мореходов созерцаешь,
 К высокой цели смело устремленных,
 Но ты, король, не раз еще узнаешь,
 Что ни морей волненье разъяренных,
 Нам нипочем, ни зимние морозы.
 Дух лузитан не устрашат угрозы.

Издrevле Лузитании владыки
 С опасностью в сражение вступали.
 И корабли подвижников великих
 Враждебных вод просторы покоряли.
 Мы не любили наслаждений тихих,
 Край света мы увидеть возжелали,
 Чтоб знать, где миру дольному границы
 И что за ними от людей таится.

Достойный отпрыск короля благого
 Энрике — первым в море устремился.
 И, из гнезда им изгнанный родного,
 Пред ним в испуге грозный мавр склонился.
 К древесной парус прикрепив основе,
 Под небесами юга он явился.
 Ему Арго и Жертвенник сияли,
 И Заяц с Гидрой на него взирали.

Деянья славных предков продолжая,
 Все новые рождались поколения,
 Что, рубежи отчизны раздвигая,
 К чужим брегам стремились в нетерпенье.
 И как они, мы, по миру блуждая,
 Узрели знойной Африки селенья.
 Там племена чужие обитают
 И звезд Большой Медведицы не знают.

А вот теперь, достигнув края света,
 Мы столп последний возвести желаем,
 Сюда мечтой стремились наши деды,
 И мы их волю свято выполняем.
 Сейчас, почтив давнишние обеты,
 Мы на тебя, властитель, уповаем,
 Ты государю отпиши посланье
 Как долгой дружбы предзнаменованье.

Поверь же, что бессовестным обманом
 Свое не стал бы имя я порочить.
 Сюда я прибыл, словно гость незванный,
 Не для того, чтоб нагло вас морочить.
 А ныне снова к морю-океану
 Хочу с любовью обратить я очи.
 Поверь, пиратством я не промышляю,
 Себе добра чужого не желаю.

И если ты на веру принимаешь
 Мои слова, мольбы и обещанья
 И нам добра по совести желаешь,
 То прекрати ненужные терзанья.
 Ты разумом, конечно, понимаешь:
 Пришла для нас минута расставанья,
 И сделай так, чтоб мы без промедленья
 Покинули сейчас твои владенья».

Король внимал безмолвно этой речи
 И к Гапе уваженьем проникался.
 В его отваге и чистосердечье
 Все более властитель убеждался.
 Он вспомнил прорицателей зловещих
 И понял, что во многом ошибался,
 Когда отдал отчизну под начало
 Бесчестных и свирепых Катуалов.

Немалые предвидел он доходы
 От будущих торговых соглашений
 И думал, что великие заботы
 Он мог бы снять с себя без опасенья.
 Он Гапе разрешил вернуться к флоту
 И дал потомкам Луза дозволенье,
 Коль будет их желанье, на базаре
 На пряности сменять свои товары.

И, заручившись этим обещаньем,
 Достойный капитан приободрился.
 Простившись с властелином чужестранным,
 Немедля к Катуалу обратился.
 Чтоб плыть к своей армаде богоданной,
 Он срочно лодку раздобыть стремился,
 Издельями надеясь португалов
 Затмить красу восточного базара.

Но Катуал, исчадье негодяев,
 Решил чинить препоны капитану.
 В плену героя удержать желая,
 Избрал он путь насилья и обмана.
 Увлёк его на пристань, обещая
 Ладью искать пришельцу невозбранно,
 А сам спешил от царских взоров скрыться,
 Чтоб над достойным Гамою поглумиться.

Потом сказал, что гостя дорогого
 Он задержать намерен до рассвета,
 А на заре — и в том дает он слово —
 Он Саморина выполнит заветы.
 Но распознал премудрый Гама снова
 Все хитрости потомков Магомета
 И понял, что дальнейшие терзанья
 Ему опять готовят мусульмане.

И вправду — Катуал тогда являлся
 Правителем державы Саморина.
 Король ему великий доверялся,
 И это знали злые сарацины.
 Их наговорам Катуал поддался,
 Не ведая о злобе их старинной.
 В их заговоре принял он участие
 И маврам помогал своею властью.

Но, с твердостью решив вернуться к флоту,
 Правителю наш Гама повторял,
 Что предоставил полную свободу
 Ему мягкосердечный Перимал,
 С тем чтоб изделия своего народа
 На берег он с армады отослал.
 Он говорил, что короля приказы
 Должны безмолвно выполняться сразу.

Напрасно он взывал; уже правитель
 Мечтою кровожадною томился.
 Как гнусный лихоимец и грабитель,
 Он погубить великий флот стремился.
 Презренных мавров тайный покровитель
 Спалить в огне гостей безвинных тщился,
 Чтоб память о великом, славном деле
 До Лузовой страны не долетела.

Да, этого хотели мусульмане,
 Надеясь, что за смертью мореходов
 Их государь состарится в рыданьях,
 Забыв и думать об индийских водах.
 Но капитан, тревогой обуянный,
 Хотел отплыть к покинутому флоту,
 И требовал он лодку — но напрасно:
 Неумолим был Катуал злосчастный.

Он с наглою ухмылкой заявил,
 Что Гама поступил как вор презренный,
 Когда бы другом он индийцам был,
 То флот привел бы в гавань непременно,
 Нет, не случайно он армаду скрыл,
 Он злобою был движим откровенной,
 А если нет — пусть шлет распоряженье,
 Чтоб в гавань флот вошел без опасенья.

Тут понял славный Гама, что недаром
 Флот к берегам правитель приглашает,
 Что гибелью, разбоем и пожаром
 Такое приглашенье угрожает.
 Узрел воочью мореход бывалый,
 Что смерть над ним, как туча, нависает,
 Он тысячи опасностей страшился
 И лишь на волю вырваться стремился.

И мысль его тревожная блуждала,
 Как солнца луч, что зеркалом игривым
 Бездумно отражается, бывало,
 И по стене блуждает шаловливо.
 А та рука, что вдаль его послала,
 Шутя, все ищет солнца переливы,
 И луч дрожит, и мечется, и бьется,
 Пока рука-шалунья не уймется.

И, думам неустанным предаваясь,
 Вдруг вспомнил Гама, что Куэлью славный
 На шлюпке капитана дожидался,
 Долг выполняя честно и исправно.
 За преданного друга опасаясь,
 Везде с коварством сталкиваясь явным,
 Наш Гама, ловко обойдя преграды,
 Смог отослать Куэлью на армаду.

Вот так и должен истинный воитель
 Опасности грядущие предвидеть,
 И, ратникам отец и попечитель,
 Не должен позволять он их обидеть.
 Обязан войск искусный предводитель
 Врага не только слепо ненавидеть,
 А разум неустанно напрягать
 И хитростью неверных побеждать.

Но малабарец, гневный и сердитый,
 Сказал, что если Гама не прикажет
 Своей армаде в гавань плыть открыто,
 То он в плену держать его накажет.
 Но Гама, флотоводец знаменитый,
 Решил, что смельчакам своим закажет
 К брегам недружелюбным приближаться
 И с хитрыми туземцами общаться.

Наутро он велел, чтоб к Саморину
 Его индийцы тотчас проводили,
 Но слуги Катуаловой дружины
 Немедля путь герою преградили.
 Но все ж хитрец переменил личину,
 Его благие мысли посетили.
 Он знал: когда б вина его открылась,
 У короля бы он попал в немилость.

И возвестил правитель, что сердечно
 Он добрую торговлю уважает.
 Кто ж торговать не хочет, тот, конечно,
 Язык войны всему предпочитает.
 И понял Гама, что лукавец вечный
 Богатый выкуп получить желает.
 Но все же согласился Катуалу
 Направить лузитанские товары.

Поскольку мудрый Гама не желал,
 Чтоб к берегам армада приближалась,
 То повелел свирепый Катуал,
 Чтоб к ней ладья туземцев отправлялась.
 В письме, что Гама тут же отослал,
 Для брата указание содержалось
 Прислать на брег испанские товары,
 Чтоб расплатиться с Катуалом ярым.

И очень скоро Алвару с Диогу
 Доставили обещанный товар.
 Едва завидел их правитель строгий,
 Как от восторга тут же задрожал.
 И Гама собираться стал в дорогу,
 Его презренный варвар отпускал.
 А моряки остались с Катуалом,
 Чтоб приглядеть за дорогим товаром.

Достойный Гама, обретя свободу,
 К своей армаде сразу устремился.
 Немало человеческой природе
 Бывалый мореплаватель дивился.
 Как быстро одолел он все невзгоды
 И как на воле скоро очутился,
 Прибегнув к беспримерной силе злата,
 Оставив выкуп за себя богатый!

На кораблях он отдыху предался,
 На время все надежды возлагая,
 Людскому лицемерью удивлялся,
 Деянья Катуала вспоминая,
 И горьким убеждением проникался,
 Что сила денег, все преодолевая,
 И бедняков убогих развращает,
 И богачей навечно подчиняет.

Фракийский царь, сокровищем прельщенный,
 Обрек на смерть молодого Полидора.
 Юпитер, в дождь блестящий превращенный,
 Проник к Данае через все затворы.
 Тарпее, блеском злата развращенной,
 Так золотой туман окутал взоры,
 Что в град родной врагов она впустила
 И жизнью за безумство заплатила.

Да, злато покоряет цитадели,
 В предателей героев превращает,
 Коварно садит корабли на мели
 И девственниц невинных развращает.
 Ему в угоду от великой цели
 Ученый с легким сердцем отступает,
 И правосудье перед ним немеет,
 И честь, его завидя, цепенеет.

Кто текст, прельстившись златом, так толкует,
 Что в нем не сыщешь правды и следа,
 Кого оно настолько очарует,
 Что извратит закон он без труда.
 Презрев для злата истину святую,
 Король тираном станет навсегда.
 И даже к тем, кто век свой служит богу,
 Найти успело золото дорогу.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

1

На берегах враждебных подвизались
Без пользы два бывалых морехода.
Увы! Товары их не продавались.
Давно в глазах и знати и народа
Их оболгать неверные старались
И задержать — ведь по индийским водам
Из Мекки корабли уже спешили,
Которые б армаду погубили.

2

Чтоб память сохранить об Арсиное,
Царь Птоломей, супруг ее примерный,
Могучий город в честь жены построил,
Суэц, в веках прославленный безмерно.
А недалеко силой роковою
Вознесся Мекка-град, кумир неверных.
К источнику там мавры припадают
И лживого пророка почитают.

3

Близ Мекки порт огромный процветает,
Что Джиддой испокон веков зовется.
Султан им богатейший управляет,
В порту торговля бойкая ведется.
И каждый год от Джидды отплывает
И к Малабарским берегам несется
Торговый флот; и пряностей запасы
Потом привозит маврам с каждым разом.

4

И этот флот, как мавры полагали,
 Потопит лузитанскую армаду,
 И гибель португальцев предвкушали,
 В их смерти видя для себя отраду.
 С такою злобой этого желали,
 К своим гостям не ведая пощады,
 Что правдой и неправдою старались,
 Чтоб гости в Каликуте задержались.

5

Но повелитель неба и народов
 Иначе их судьбой распорядился.
 Прошла пора суровой непогоды,
 И небосклон печальный прояснился,
 Желаниям всевышнего в угоду,
 К ним на армаду Монсаид явился
 И так старался, Гаму наставляя,
 Что заслужил себе блаженство рая.

6

Ему, как мавру, мавры доверяли
 И, собственным коварством не смущаясь,
 Его в свои интриги посвящали,
 Во всем единоверцу открываясь.
 Такие козни мавры замыслили,
 Мечтаньям самым злобным предаваясь,
 Что честный Монсаид неоднократно
 Звал Гаму в путь отправиться обратный.

7

Волнуясь, он поведал капитану,
 Что должен флот из Мекки появиться,
 И смогут мусульмане невозбранно
 За все с дружиной Луза расплатиться,
 И молнии зловещие Вулкана
 Заставят португальцев покориться.
 И мусульмане с гордым наслажденьем
 На христиан свое обрушат мщенье.

Но капитан и сам не ждал посланья
 От короля, что маврам потакает.
 Он знал, что промедленьем на закланье
 Бесстрашных мореходов обрекает.
 Он Алвару с Диогу приказанье
 Отдал и объяснил, что подобает
 Им на армаду срочно возвращаться,
 Но так, чтоб сарацинам не попасться.

Но вскоре слух дошел до капитана,
 Что моряков неверные схватили,
 Издекам их подвергли невозбранно
 И плыть им на армаду запретили.
 И Гама, ярым гневом обуянный,
 Велел, чтобы под стражу заключили
 Купцов, что на армаде пребывали
 И самоцветы морякам сбывали.

В то время как купцы, попав в оковы,
 Своей судьбы решенья ожидали,
 Велел немедля капитан суровый,
 Чтоб для отплытья все готовляли.
 И вот, как прежде, мореходы снова
 Уж якоря, натужась, подымали.
 На кабестан всей грудью навалились,
 Как будто расколоть его решились.

Другие же, вися на прочных ряях,
 Широкий парус развернуть стремились.
 Меж тем на берегу, от слез немея,
 Уже купцов их близкие хватились,
 С детьми, от горя волосы развеяв,
 Пред Саморином женщины явились,
 Прося, чтоб повелитель всемогущий
 Кормильцев спас от казни неминучей.

И Саморин, мольбам их уступая,
 Отправил португальцев на армаду.
 А с ними их товары, вызывая
 У Катуала алчного досаду.
 На борт своих героев принимая,
 Их Гама встретил с ласковой отрадой,
 Купцов освободил и в нетерпенье
 Оставил чуждый брег без промедлений.

Томился Гама горькою кручиной:
 Не смог он в Каликуте утвердиться
 И с гордым самодержцем Саморином
 Союза драгоценного добиться.
 Тем утешался капитан безвинный,
 Что в край Авроры он сумел пробиться
 И мог, разведав путь к земле желанной,
 Домой вернуться с вестью долгожданной.

Он нескольких индийцев задержал.
 С Диогу те и Алвару явились.
 Конвой им славный Саморин придал,
 А конвоиры Гама покорились.
 С собой гвоздику пряную он взял
 (Ей острова Молуккские гордились),
 Взял перец, взял корицу — дар Цейлона
 И взял орех, бандийцами возвращенный.

Все Монсаид доставил на армаду,
 Странник португальцев убежденный,
 В словах Христа увидевший отраду
 И ангелом на подвиг вдохновленный.
 О славный африканец! Ты в награду
 Взамен своей отчизны отдаленной
 Обрел себе духовную отчизну
 И отыскал дорогу к светлой жизни.

Носами волны мощные вздымая,
 По морю дружно корабли носились,
 И, южные просторы покоряя,
 К Надежде Доброй рьяно устремились,
 И, к Родине мечтою улетаю,
 Заране моряки приободрились,
 Опасности легко одолевали,
 Что волны непокорные скрывали.

Тянуло к дому моряков завзятых,
 Все дружно предвкушали в нетерпенье,
 Как явятся назад к родным пенатам,
 Чтоб о своих поведать похождениях,
 Как будут все удачливы, богаты,
 Получат за труды вознагражденье,
 Так сердце в упоенье колотилось,
 Как будто грудь пробить оно решилось.

Однако всемогущая Киприда
 О чадах Луза помнить продолжала,
 Взяв славных мореходов под защиту,
 Юпитера наказы исполняла.
 За все страданья, беды и обиды
 Героев наградить она желала
 И собиралась дать отдохновенье
 Им от скитаний, бедствий и мучений.

И, вспомнив все несчетные страданья,
 Что уроженец Фив на них обрушил,
 Все горести, болезни и метанья,
 Что истерзали сих героев души,
 И все судьбы свирепой испытанья,
 Что ждали их на море и на суше,
 Венера заспешила в нетерпенье
 Им ниспослать земные наслажденья.

В хрустальном королевстве захотела
 Она приветить путников усталых,
 Дать отдых хоть на миг героям смелым,
 Наградой увенчав их небывалой.
 Чтоб взялся резвый Купидон за дело,
 Прекрасная богиня пожелала.
 Богов с небес сводил он, улыбаясь,
 А смертных влек на небо, забавляясь.

21

По замыслу богини, мореходам
 Должно предстать волшебное виденье:
 Чудесный остров, где сама природа
 Скитальцев бы манила к наслажденью.
 Шелк изумрудный трав, леса и воды
 Сулили бы любовь и вдохновенье.
 Ведь за вратами мощными Алкида
 Немало островов таит Киприда.

22

И там перед суровыми мужами
 Младые nereиды бы предстали
 И легким хороводом пред очами
 Измученных скитальцев замелькали.
 О, что б случилось с гордыми сердцами
 Героев, что все беды побеждали!
 Они б заныли в муке несказанной
 При виде сих цветов благоуханных.

23

Да, силу дивных чар своих Венера
 Давно на той несчастной испытала,
 Что отпрыску Анхиза выше меры,
 Томимая любовью, угождала.
 И, в силу страсти сохраняя веру,
 Богиня к Купидону поспешала,
 Просить его о помощи желая,
 Над нимфами победу предвкушая.

Влекли богини дивной колесницу
 Те птицы, что пред смертью песнь слагают,
 И нежные подруги — голубицы,
 Что Перистеру с грустью вспоминают.
 Там, где стремглав промчалась чаровница,
 Ее лобзанья в воздухе порхают.
 Смиряются лихие ураганы
 Пред красотой прелестницы желанной.

До гор она домчалась Идалийских,
 Где сын богини с войском пребывал.
 С решимостью взаправду олимпийской
 Расправиться он с миром возжелал.
 От мерзлых льдов до пастбищ аравийских
 Уж Купидоном всяк пренебрегал,
 Любя не то, что душу возвышает,
 А то, что злую алчность насыщает.

С гор юного увидев Актеона,
 Что так охотой увлекался рьяно,
 Что, цепи отвергая Купидона,
 В леса бежал от женщин постоянно,
 Веселый бог, чтя естества законы,
 Решил ему явить красу Дианы.
 (Боюсь, что псы, что ныне с ним играют,
 Безумца молодого растерзают).

С высот бескрайний мир обозревая,
 Увидел бог презренных гордецов,
 Что, царские покои заполняя,
 Лесть расточают, не жалея слов.
 Да, им любовь неведома святая,
 Вовеки им не снилось сладких снов.
 Одних себя безумцы обожают
 И юные побеги развращают.

Увидел он и тех, кому от бога
 Завещан путь молитвы и смиренья,
 Но кто иную предпочел дорогу,
 Стремясь к богатству, власти, наслажденью,
 Кто подло обирал народ убогий,
 Прислужничал тиранам без смущенья
 И королям неправедным в угоду
 От бога отступался и народа.

И понял бог, что подлыми страстями
 Давно уж мир презренный раздираем,
 Что мелкими, бесчестными делами
 Несчастный человек обуреваем.
 Чтоб возродить в сердцах святое пламя,
 Стремленьем мир возвысить увлекаем,
 Звал Купидон всех слуг своих умелых
 И им велел готовить лук и стрелы.

Крылатые малютки с наслажденьем
 Со стрелами калеными возились,
 Точили наконечники в волнение,
 У луков беспощадных суетились.
 Они друг друга услаждали пеньем
 И страсть возжечь высокую стремились.
 И ангельские звуки стройным хором
 Взлетали в поднебесные просторы.

А в кузницах, где малыши ковали
 К тем стрелам наконечники лихие
 Нет, не дрова обычные пылали —
 Сердца от страсти плавилась людские.
 А реки, где железо закаляли,
 Слезами наполнялись роковыми,
 А пламя, над которым смерть не властна, —
 Огонь желаний пылких и прекрасных.

Шутя малютки стрелы посылали,
 Разя сердца, не знавшие страданий,
 И те терзаться страстью начинали,
 И небо оглашали их рыдания,
 Но их с улыбкой нимфы исцеляли,
 Им расточая пылкие лобзанья,
 Они влюбленных в чувство приводили
 И щедро жизнь плодам любви дарили.

Средь нимф иные взоры ослепляли
 Чудесною земною красотой,
 Другие же — уродством поражали,
 Но так уж, видно, суждено судьбою.
 Бывало, что и раны исцеляли
 Зловонным зельем, горькою травой.
 И только те молили о пощаде,
 Кого повергли наземь стрелы с ядом.

От ран, что дети людям наносили,
 Немало горьких родилось страданий,
 И в древности седой, случалось, были
 Для смертных страсти горестным терзаньем.
 Ведь муки сердца Библиду сгубили,
 Любовь для Мирры стала наказаньем,
 Для Антиоха — горестным укором,
 Для иудея юного — позором.

И сильных мира часто поражали
 Простолодинок дерзостные стрелы.
 И знатных дам мужланы соблазняли,
 Вулканову им сеть расставив смело.
 Любовников преграды не смущали —
 Преодолев опасности умело,
 Те с крыш в ночи к возлюбленным спускались
 И угождать Венере принимались.

Но лебеди уже на луг зеленый
 Венеры колесницу опустили.
 И Купидоны-лучники сплоченно
 К богине лучезарной поспешили.
 Ей руки целовали восхищенно,
 Очей с нее влюбленных не сводили,
 А сын ее с заботой и вниманьем
 Спешил исполнить матери желанья.

Чтоб времени златого не терять,
 Венера сразу сыну возвестила:
 «Любимый сын! Как истинная мать,
 Тебе я чары дивные вручила.
 Вселенною ты стал повелевать,
 И не страшна нам роковая сила,
 Что Тития повергла ниц, я знаю,
 И я к тебе о помощи взываю.

Ты видел, что герои-лузитане,
 Которых я, как прежде, защищаю,
 Страданиям подвергались несказанным,
 Свою отчизну всюду прославляя.
 Мне Парки намекали постоянно,
 Что, доблесть древних римлян воскрешая,
 Потомство Луза с искренним почтеньем
 Передо мной склонится в упоенье.

Проклятый Вакх обрушил гнев и ярость
 На славную, могучую армаду.
 В морях мои герои исстрадались,
 Ни отдыха не зная, ни отрады.
 Пускай покинет ныне их усталость
 И пусть в морях найдут они награду!
 За все труды, болезни и страдания
 Я щедро увенчаю их желанья.

И я, мой сын, на острове чудесном,
 Украшенном затейливою Флорой,
 Создам приют для nereид прелестных,
 Что нежною красой пленяют взоры.
 А ты, сердце губитель всем известный
 И моего вершитель приговора,
 Пронзишь сердца красоткам нежноликим,
 Им страсть внушив к лузиадам великим.

Хрустальные воздвигну я покои,
 Чтоб там молодые нимфы обитали,
 И радостной, веселою толпою
 Героев исстрадавшихся встречали,
 Цветами и изысканной едою
 Гостей желанных дружно привечали,
 Волшебные им вина подносили
 И взглядом о взаимности молили.

И пусть потомство доблестных героев
 Нептунову державу заселяет,
 И там, где свет забрезжил предо мною,
 Любви великой силу прославляет,
 Примером этим, страстию святою,
 Мир жалкий и порочный вразумляет,
 Коль страстию на земле пренебрегают,
 Пускай средь вод ей ныне угождают».

Так говорила нежная Венера,
 И ей охотно сын повиновался.
 Велел себе подать он лук и стрелы
 И тут же в дальний путь засобирался.
 Простившись с войском Купидонов смелых,
 Он в колесницу к матери взобрался,
 И птицы, что любили Фазтона,
 Их вдаль помчали быстро, неуклонно.

Но Купидон поведал, что, конечно,
 Им великаншу взять с собой придется,
 Что правду с ложью сочетает вечно
 И Фамою великою зовется.
 Сто глаз и уст в работе бесконечной
 У радостной гигантши, как ведется.
 Она Венеру много порицала,
 Но часто от души ей помогала.

Ее нашли Венера с Купидоном
 И дали ей немедля приказанье
 Повсюду возвещать неутомно
 Всю истину о Лузовых деяньях,
 Так чтоб в глубинах моря отдаленных
 Внимали нимфы чудному сказанью.
 И вот, запасшись мощною трубою,
 Взлетела гордо Фама над землею.

И так хвалу героям протрубила,
 Что, Вакху хитроумному на горе,
 Легко к ним все сердца расположила,
 Морских божеств словив упорство вскоре,
 Такой гигантша обладала силой,
 Что с вящим нетерпеньем девы моря
 Уже на Вакха низкого роптали
 И славных мореходов поджидали.

А Купидон бестрепетной рукою
 Направил в дев губительные стрелы,
 И те лишились счастья и покоя,
 И стон объял подводные пределы.
 И нимфы с бесполезною мольбою
 Все к небу обращали взор несмелый.
 Еще в глаза любимых не видали,
 А уж по ним, несчастные, страдали.

Так Купидон согнул свой лук упругий,
 Что стал он полумесяцем казаться,
 И, тетиву натягивая туго,
 Решил он за Фетидою погнаться.
 Рыдали нимфы кроткие в испуге,
 Не в силах стрелам злым сопротивляться,
 От ран в жестоких муках изнывали
 И смерть как избавленье призывали.

Но, разрезая волн лазурных гривы,
 Уже вдали армада показалась.
 Ветрилами белея горделиво,
 Она к несчастным девам приближалась.
 И нежная Венера хлопотливо
 Морских красавиц исцелить старалась,
 Взаимность им героев обещала
 И слезы их искусно осушала.

И nereиды с робостью безгласной
 За радостной Кипридой устремились.
 И в хороводе резвом и прекрасном
 Близ острова благого появились,
 Премудростям любви разнообразным
 У Эрицины ласковой учились,
 Внимая с небывалым нетерпеньем
 Богини искушенной наставленьям.

А моряки на Родину стремились,
 Объятые тоскою небывалой.
 Но так давно средь волн они носились,
 Что пресной им воды недоставало.
 Желанный берег разглядеть все тщились,
 Влеклись мечтой к полям, озерам, скалам,
 И вдруг в сиянье матери Мемнона
 Открылась им обитель дев влюбленных.

Носился чудный остров меж волнами,
 К армаде неуклонно приближаясь,
 Пред гордыми красуясь кораблями,
 Велениям Киприды подчиняясь.
 Герои изумленными очами
 За островом следили, удивляясь
 И берегам его, к себе манящим,
 И чудным рекам, пажитям и чащам.

Сближаясь с кораблями неуклонно,
 Вдруг остров среди волн остановился.
 Как Делос пред гонимою Латоной
 В тот день, когда кудрявый Феб родился.
 И берег бухтой тихой, закругленной
 Перед армадой славною открылся.
 У моря белизной пески сияли,
 Их красные ракушки украшали.

И три холма прекрасною грядою
 На острове волшебном возвышались.
 И нежною, блестящею травою,
 Как пеленою мягкой, укрывались.
 А камешки, сияя белизною,
 У тихих берегов располагались.
 Прохладные источники журчали
 И пестрые равнины орошали.

А меж холмов, в долине благодатной,
 Потоки ясных вод соединялись
 И в озере глубоком и прохладном
 По воле сил неведомых сливались.
 Деревья рощ заветных, ароматных
 Над озером пленительным склонялись,
 В его хрустальных водах отражаясь
 И собственной красотою наслаждаясь.

С ветвей широколистных и могучих
 Плоды разнообразные свисали.
 И апельсинов золотые тучи,
 Как кудри Дафны, сквозь листву сияли,
 А нежные лимоны, сбившись в кучу,
 К земле с немою лаской припадали,
 Благоуханье нежно источая
 И перси юных дев напоминая.

А тополя Алкида с гордым шумом
 Герою песнь победную слагали.
 Кибелы сосны с ропотом угрюмым
 Все о любви несчастной вспоминали.
 Томимые невыразимой думой,
 К Венере мирты нежные зывали.
 И кипарисы, головы вздымая,
 Стремилась вознестись к высотам рая.

Кругом дары волшебницы Помоны
 Пленяли взоры путников усталых.
 Глядели мореходы изумленно
 На царство вишен, сладостных и алых.
 И персик их манил, непревзойденный
 В своей красе, роскошной, небывалой.
 В чужой земле ему живется лучше,
 Чем в Персии, далекой и могучей.

Гранат гостям навстречу открывался
 И, зерен красоту своих являя,
 С рубином гордым в цвете состязался,
 А далее лоза росла младая.
 Над грушей рой пернатых увивался,
 Ее плоды испробовать желая.
 А ветви к птицам сами простирались
 И с бременем охотно расставались.

В полях ковры раскинулись такие,
 Каких в краю не знали Ахемена.
 Цветы Кефиса, нежные, златые,
 Росли средь трав страны благословенной.
 Расцвел, тревоги позабыв бывшие,
 И сын и внук Кинира незабвенный,
 О ком с тоской Цитера вспоминает
 И слезы над несчастным проливает.

И Анемону нежная Аврора,
 Смеясь, зари румянец подарила.
 Чтоб он манил красой рассветной взоры,
 Она свои цвета ему вручила.
 Искусница причудливая Флора
 Всех бледностью печальной наделила.
 Белели розы, лилии, левкой,
 Как будто страсть лишила их покоя.

И заливался майоран слезами,
 Заре все беды выплакать желая,
 А гиацинт покрылся письменами,
 О светлом Аполлоне вспоминая.
 Хлорида остров убрала цветами,
 Дары Помоны превзойти мечтая.
 И звери в чащах девственных резвились,
 А птицы средь ветвей густых селились.

Здесь лебедь, слыша глас любви призывный,
 Ответ слагает нежной Филомеле.
 Там Актеон глядится неотрывно
 В глубины водоемов онемелых.
 И, радости предавшись неизбывной,
 Играют в роце стройные газели.
 К гнезду родному птица подлетает
 И птенчиков беспомощных питает.

Сошли на брег волшебный в нетерпенье
 Вторые аргонавты дружным строем.
 А нимфы несравненные в волненье
 Уже в лесах кружились легким роем,
 Кто под кифару предавался пенью,
 Кто трогал арфу нежною рукою,
 А кто, взяв лук, искусно притворялся,
 Что на охоту выходить собрался.

Велела девам нежная богиня,
 Чтоб сразу те к гостям не приближались,
 А легким танцем, песнею зазывной
 К себе вниманье возбудить старались,
 Иные отыскиали пруд пустынный
 И в чистых водах весело плескались,
 На берегу оставили наряды
 И прелести свои являли взглядам.

Ступив на брег, герои-мореходы,
 Что по земле недвижимой стосковались,
 Красотами причудливой природы
 С восторгом неподдельным упивались.
 Они, задумав выйти на охоту,
 Уже к лесам тенистым приближались,
 Не зная, что готовит в упоенье
 Венера им иные наслажденья.

Одни, желая уложить оленя,
 Направились гурьбой к окрестной чаще
 И вскоре в небывалом нетерпенье
 Сокрылись средь деревьев близлежащих.
 Другие же, ища отдохновенье
 В тени глубокой от лучей палящих,
 Приблизились к красавцу водопаду,
 Чтоб у прозрачных струй найти прохладу.

Но тут внезапно среди ветвей далеких
 Роскошные наряды замелькали.
 В шелках тончайших нимфы-недотроги
 Пред славными героями предстали.
 Небесною красой в мгновение ока
 Скитальцев всех они очаровали.
 Казалось, розы в царственном величье
 Принять решили юных дев обличье.

И закричал Велозу в изумленье:
 «Друзья, какая странная охота!
 Вступили мы невольно в лес священный.
 Он дан богиням, как в былые годы.
 О, сколько тайн с упорством неизменным
 От нас скрывает гордая природа
 Но человеческий дух, святой и смелый,
 В дерзаниях не ведает предела.

Догоним незнакомок и узнаем,
 Взаправду ль нам богини повстречались».
 И, времени благого не теряя,
 Герои в рощи дальние помчались.
 А девы, от восторга замирая,
 Разгневанными долго притворялись,
 Прочь от мужей отважных устремились,
 Но скрыться среди деревьев не торопились.

Их кудри развевал проказник-ветер
 И, легкими одеждами играя,
 Являл героям красоты приметы,
 В их душах жар желаний разжигая.
 Одна из нимф, Венеры чтя заветы,
 Упала на песок, изнемогая,
 И юноша, что за девицей гнался,
 У ног ее немедля оказался.

Другие девы, в поисках прохлады
 В воде прозрачной тело омывали,
 Но вдруг нагим красавицам наядам
 Потомки Луза гордые предстали.
 И девушки, забыв свои наряды,
 В заветные дубравы побежали,
 От цепких рук красу свою спасая,
 Но дерзостным очам ее являя.

Иные, как стыдливая Диана,
 Тела нагие под водой скрывали,
 Иные, ложным страхом обуянные,
 На берег за нарядами бежали.
 А юноши к красавицам желанным
 В одежде по воде прохладной мчали,
 Огонь желаний потушить стремились
 Среди вод, где нимфы нежные развились.

Охотничья собака так, бывает,
 Когда хозяин выйдет на охоту,
 В воде свою добычу поджидает,
 К подбитой утке мчится по болоту
 И раненую птицу настигает,
 И так, Киприде сладостной в угоду,
 Младой влюбленный в воду устремился
 И счастья вожделенного добился.

А Леонарду, воин вдохновенный,
 Красивый, обходительный и статный,
 В любви, увы, несчастный неизменно,
 Ее не знавший силы благодатной,
 Вмиг позабыл былой любви мученья
 При виде дев столь нежных и приятных,
 Решив, что Рок за прошлые несчастья
 Пошлет ему в награду радость страсти.

Погнался он за сладостной Эфирой,
 Во всем своих подруг превосходящей,
 Нетленную красу земного мира,
 Как чудный дар богов, в себе таящей.
 Устав, сказал он ей, любви кумиру:
 «О милый призрак, в дебри уходящий,
 Помедли! Коль душой ты завладела,
 Бери себе и страждущее тело.

Устали мы от бега. Почему же
 Меня врагом заклятым ты считаешь
 И, истомив измученную душу,
 Смеясь, в лесные дебри убегаешь?
 Коль жизнь свою я вспомню, обнаружу,
 Что ты меня не первая терзаешь,
 Со мной всегда кручина неразлучна,
 Страдание и страсть всегда созвучны.

Не надо убежать тебе, благая,
 Не суждено мне, видно, быть счастливым.
 Коль даже ты увидишь ко мне, я знаю,
 Все сокрушит мой рок несправедливый.
 Так подожди, красавица младая,
 Я не нарушу твой покой стыдливый
 И скажешь ты, томясь под сенью леса:
 «Tra la sprisa e la man qual muro he messo»¹.

Не убегай! Вот так пускай и время
 На красоту твою не посягает
 И, раз тебя возвысив перед всеми,
 Уж боле от тебя не убегают.
 Меня же снова ждет несчастий бремя,
 И кто свою судьбу переиграет?
 Когда Фортуна суд вершит державный,
 Ей все равно, где царь, где раб бесславный.

¹ Какая стена воздвигнута между колосом и рукой (ит.).

А ты мои печали умножаешь
 И к сильному стремишься на подмогу.
 В союз с Фортуной злобной ты вступаешь,
 Душе наносишь раны одинокой...
 Да что... мою ты душу умыкаешь
 В своих златых кудрях, о недотрога.
 Но ты, владея скорбною душою,
 Быть может, дашь ей счастье земное?

Влачусь я за тобой в надежде тщетной,
 Что кончит мне светить звезда печали,
 Что ты с улыбкой кроткой и приветной
 Возьмешь меня с собой в лесные дали.
 Тогда бы мы в дубраве заповедной
 Великого Амура прославляли.
 Пусть он тебя пронзит своей стрелою
 И даст любовь и счастье нам с тобою.

И нимфа бег замедлила невольно,
 И жалобам столь горестным внимала,
 И взгляд, уже нестрогий и довольный,
 Все чаще к Леонарду обращала,
 В дубраве затененной и привольной
 Она на грудь влюбленному упала,
 Вся ласковой улыбкою светясь,
 Любовь и счастье обрести стремясь.

О, сладкий вкус голодных поцелуев
 И робкий плач, и нежный и печальный,
 И ласки, что, развеяв злую бурю,
 Вмиг обуздали гнев первоначальный.
 И утром, и поздней, в жару дневную,
 Венеры службу все несли похвально,
 Глупец способен страсти осуждать,
 А умный страсть стремится испытать.

Возлюбленных героев величая,
 Гирлянды нимфы резвые сплетали
 И, с гордой розой лавры сочетая,
 Потомков Луза щедро увенчали.
 Затем, к своим супругам припадая,
 Обет любви и верности им дали.
 Сказав, что жизнь и смерть, несчастья, беды
 Не властны над любви святой обетом.

Царица вод, пред чьей волшебной силой
 Сонм nereид в покорности склонялся,
 Немедля к капитану подступила,
 И он ее красую любовался.
 И сразу столь радушия явила,
 Что ей воитель славный удивлялся.
 По-царски флотоводца принимала
 И почести герою воздавала.

И возвестила гордая богиня,
 Что, подчиняясь самодержцу Року,
 Она, отринув прежнюю гордыню,
 Нашла к отважным рыцарям дорогу,
 Желая мира им явить святыни,
 Почтить гостей пророчеством высоким,
 Земную сферу тайн ее лишив,
 Пред Гамой сушу и моря открыв.

И об руку с могучим капитаном
 Взошла на холм божественный Фетида.
 В чертог нерукотворный, богоданный
 Его ввела, забыв свои обиды.
 Там, в царстве ласки, в неге столь желанной,
 Среди мягких тканей, золотом расшитых,
 Любви они с восторгом предавались
 И страстию взаимной упивались.

Содружество героев дерзновенных
 И юных дам, веселых и прелестных,
 Утехам предаваясь вдохновенно,
 Вкусило отдых радостный и честный.
 Ведь всякий подвиг гордый, незабвенный,
 И всякий труд, достойный и чудесный,
 Наградой мир подлунный наделяет
 И славою заслуженной венчает.

Да, нежные подруги — nereиды,
 Волшебный остров, дивные чертоги,
 Могучая и властная Фетида
 И к счастью ведущие дороги —
 Награда за страданья и обиды,
 Терзавшие подчас героев строгих,
 И лавры, что воителей венчают,
 Суть почести, что храбрых ожидают.

Бессмертие, что славные герои
 С высот Олимпа звездных получали,
 Когда на крыльях Фамы чередою
 В небесные чертоги возлетали,
 За то, что добродетели тропою,
 Тернистою и трудною, ступали
 И не щадили сил своих и жизни
 Для славы и могущества отчизны, —

Награда от потомков восхищенных,
 Что повести о подвигах внимали
 И предков, от земных людей рожденных,
 В наивности своей обожествляли.
 Ведь Феб и Марс, в боях непревзойденный,
 Квирин, пред коим римляне дрожали,
 Паллада, мудрой слывшая извечно, —
 Суть плоть от слабой плоти человеческой.

Но Фама, гимны подвигам трубя,
 Их нарекла бессмертными богами,
 И люди, гордых предков возлюбя,
 Им угождали перед алтарями.
 И вы, кто, жаждой подвига горя,
 Быть славен хочет добрыми делами,
 От праздности постыдной пробудитесь
 И на стезю отцов своих вернитесь.

Но избегайте алчности презренной,
 Что превращает мудрецов в тиранов,
 Гордыни беспощадной и надменной,
 Что души иссушает неустанно,
 Блеск почестей, для многих вожделенных,
 Не может счастья принести титанам,
 И лучше благ желанных не иметь,
 Чем без заслуг повсюду преуспеть.

Давайте миру добрые законы
 И бедняков невинных защитите
 Иль, веру возвышая неуклонно,
 Презренных сарацинов разгромите.
 Надежною опорой будьте трону,
 Отечеству любимому служите,
 Тогда придут к вам почести и слава,
 Достойные героев величавых.

И, всюду прославляя короля,
 Ему советы честные давая,
 Его врагов бестрепетно разя,
 Его державу грудью защищая,
 Тем самым вы прославите себя,
 Могучих предков славу затмевая.
 И знайте: непременно, в свой черед
 К вам остров наслаждений подплывет.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

1

Уж светлый воздыхатель Корониды
Коней к Теночтитлану направлял,
Чтоб там, где в чаще озеро сокрыто,
Немного охладить палящий жар,
А вольный ветер, мощный и сердитый,
Вершины волн неистовых вздымал,
И пробуждал он лилии в долинах,
И к жизни возвращал цветы жасмина, —

2

Когда младые нимфы чередую,
Смотря на мир влюбленными очами,
В чертог вошли, довольные собою
И об руку с могучими мужами,
И вдоль столов, уставленных едою,
Любимой прихотливыми богами,
Ликуя и смеясь, располагались
И пищею в согласье наслаждались.

3

И на скамьях хрустальных восседали
Попарно и воители и дамы.
Веселое застолье возглавляли
Прекрасная Фетида с мудрым Гамой.
Там лакомства такие подавали,
О коих и не слыхивала Фама,
Ей и в Египте не пришлось увидеть
Тех яств, что океан принес Фетиде.

4

Прославленные вина из Фалерна,
 Что были древним римлянам усладой,
 В сравнение проиграли бы безмерно
 С Фетиды угощением богатым.
 Ее напитков пламень сокровенный
 Сердца наполнил нежною отрадой.
 В бокалах влага пенная вскипала,
 Всем радость и веселье даровала.

5

Речам приятным, шуткам остроумным
 Младые нимфы радостно смеялись
 И с резвостью веселой и бездумной
 Беседам и застолью предавались.
 Но вдруг замолк красавиц говор шумный,
 И сразу звуки музыки раздались.
 И голос обольстительной сирены
 Петь начал гимн героям вдохновенный.

6

И голос нимфы, нежный и прекрасный,
 Как звон хрустальный, наполнял чертоги,
 А музыка в своем звучанье ясном
 За пенопением следовала строю.
 Волшебных струн услышав звук согласный,
 Умолкли звери в зарослях далеких,
 Утихли ветры, усмирив свой пыл
 По воле дивных и небесных сил.

7

И к небу сладкой песней возлетали
 Пророчества о новых поколениях,
 Что пред Протеем дерзностным предстали
 В его непостижимых сновиденьях
 И в глобусе прозрачном замелькали,
 Прославленном Юпитера творенье.
 А старец, златоуст велеречивый,
 Открыл их нимфе, юной и красивой.

Величье дел, открытых нимфе юной,
 Не охватить благому Демодоку,
 А Иопода сладостные струны
 Затихли бы в молчании глубоком.
 Что ж я, назло безжалостной фортуне,
 Всех муз к себе скликаю на подмогу,
 Взываю к Каллиопе в нетерпенье,
 Моля открыть мне тайны вдохновенья.

Идут, идут безжалостные годы,
 И мрачный Стикс уже не за горами.
 И скоро осень волею природы
 Меня охватит сильными руками.
 Царица муз! Великому народу,
 Известному бессмертными делами,
 Дай гимн сложить, пока река забвенья
 Творца не поглотила песнопенья.

Сказала дева, что по океану,
 Что Гамой был открыт высокочтимым,
 С армадами придут лузитане,
 На суше и средь волн непобедимы.
 А варвары, тоскою обуянны,
 Увидят, что судьбой неумолимой
 Им выбор дан меж гибелью жестокой
 Иль игом чужестранцев темнооких.

Поведала о малабарце верном,
 Что, сан духовный свято соблюдая,
 Дружине Луза будет друг примерный,
 Свой край угрозе страшной подвергая.
 А Саморин, по злобе непомерной
 Его поля и города терзая,
 На них обрушит яростную кару,
 Предав их разграбленью и пожару.

Но тут Пашеку, доблестный воитель,
 Что станет впрямь Ахиллом Лузитанским,
 Придет к брегам Востока как спаситель
 По водам непокорным океанским,
 Когда племен далеких покоритель,
 Краса и честь державы христианской,
 Взойдет на борт ладьи, застонет море
 Под тяжестью отважного героя.

Возри: вблизи восточных берегов
 Он Кочина владыке помогает,
 И наступленье вражеских полков
 Лишь с горсткой португальцев отбивает,
 И в Камбалоне, дерзок и суров,
 Наиров нечестивых побеждает.
 И в изумленье зрит Восток спесивый
 Столь малых сил незыблемую силу.

Вновь Саморин зовет своих вассалов,
 Весь Биджапур приходит и Танор
 Принять участие в битве небывалой
 И разрешить с пришельцем гордым спор.
 И вновь за копья, стрелы и кинжалы
 Берутся Каликут и Кананор.
 На битву мавры морем поспешают,
 По берегу индийцы выступают.

Но содрогнутся мерзостные орды
 От страшного, могучего удара,
 На суше и на море дланью твердой
 Язычников сразит Пашеку ярый.
 И тщетно Саморин, в пыли простертый,
 Твердить слова молитвы станет с жаром.
 Немые истуканы будут глухи
 Ко всем его молениям, пеням, мукам.

Пашеку, словно сокол легкокрылый,
 То здесь, то там появится нежданно.
 Он в двух местах свои расставит силы,
 Победы добиваясь долгожданной.
 Предаст огню он храмы, села, нивы,
 На горе супостатам окаянным,
 Недорого ценя чужие грады
 И в славе жажда обрести награду.

Сам Саморин прибудет к месту боя,
 Чтоб вдохновить губительные орды,
 Но им ли славных сокрушить героев,
 От бога наделенных силой твердой!
 Раздастся залп. И хлынет кровь рекою
 В носилки, где король воссядет гордый.
 Ни яд, ни стрелы не возьмут Пашеку.
 Он будет славен до скончанья века.

Семь раз могучий варвар в озлобленье
 Войска свои пошлет на племя Луза.
 Но тем, кто с детства знал огонь сражений,
 Не будет подвиг воинский в обузу.
 Когда, жестокой битвы в довершенье,
 Огромный брандер с раскаленным грузом
 Помчится к португальским каравеллам,
 Их от огня спасет воитель смелый.

Пройдут по морю огненные горы,
 Спалить армаду Лузову желая,
 Но их развеет в прах Перейра скоро,
 Искусством полководческим блистая.
 Представ пред Фамы восхищенным взором,
 Он превзойдет героев всех, я знаю,
 Чьи подвиги и в Греции и в Риме
 С деяньями Пашеку несравнимы.

Ведь выиграть подобные сраженья
 Всего лишь с сотней воинов отважных
 И столько псов предать уничтоженью,
 Придумать столько хитростей опасных
 Возможно лишь для тех, с кем Провиденье
 В союз вступило прочный и прекрасный,
 Кому оно отвагу придает
 И силу, ловкость и сноровку шлет.

Ни тот, кто средь равнины марафонской
 С несметным войском Дария сражался,
 Ни славный вождь дружин лакедемонских,
 Что в Фермопилах стойко защищался,
 Ни юный Кохл, краса племен авзонских,
 Что от этрусков ярых отбивался,
 Ни мудрый Фабий — не смогли б вовеки
 Затмить Пашеку гордого успеха.

Но мудрой нимфы голос сладкозвучный
 Стал тихим и исполненным страданья,
 Когда о муках, с славой неразлучных,
 Пришлось ей начинать повествованье.
 «О Велизарий, воин злополучный,
 Под старость собиравший подаянье,
 Могу сказать тебе я в утешенье:
 Не ты один изведал униженья.

Вот человек, тебе величьем равный, —
 Так нимфа всеблагая возгласила, —
 Отважный, мудрый, доблестный и славный,
 Лишенный званий, почестей и силы.
 О, сколько их, униженных, неправных,
 Обиженных, несчастных и унылых
 В убогих лазаретах умирает
 И к королям безжалостным взывает!

Так короли позорно поступают,
 Когда, льстецам бессовестным внимая,
 Улиссов хитроумных возвышают,
 Бесхитростных Аяксов унижая,
 И проходимцев лаврами венчают,
 Законы и приличья попирая,
 Презрев отвагу, разум, честь и славу
 И суд верша бесчестный и неправый.

Король несправедливый и коварный!
 Хоть ты вассала милости лишаешь,
 Но сам, о властелин неблагодарный,
 По милости Пашеку процветаешь.
 Покамест Феб в сиянье лучезарном
 Подлунный мир с улыбкой освещает,
 Греметь героя не устанет слава,
 Ты ж как скупец прославишься по праву.

Но, — пела нимфа, — доблестный правитель,
 В высокий сан монархом возведенный,
 И сын его, бестрепетный воитель,
 Отвагой древних римлян наделенный,
 Морей Востока гордый покоритель,
 Грядут к брегам чужим и раскаленным.
 И Килоа вдвоем они карают,
 И короля-тирана изгоняют.

Затем Момбасу, город несравненный,
 Украшенный богатыми домами,
 Предаст Алмейда мстительный сожженью,
 И красоту дворцов охватит пламя.
 А Лоуренсу, отрок незабвенный,
 Прославленный великими делами,
 Свой подвиг совершит в индийских водах,
 За честь сражаясь Лузова народа.

Могучую армаду Саморина
 Разрушат в клочья ядра огневые,
 Помчатся над кипящею пучиной
 Кормила, мачты, паруса бывлые.
 А юноша, как воин дней старинных,
 Презрит, смеясь, опасности земные,
 На abordаж взяв флагман горделивый
 И сотни мавров полонив кичливых.

Но волею святого Провиденья
 (Которая для нас непостижима)
 В Чауле, в бурном пламени сраженья,
 Простится отрок с жизнью любимой.
 Застонет море в горьком озлобленье,
 Взовьются волны, залпами гонимы,
 Египет и Камбей объединятся,
 Разгромом потругальцев насладутся.

Атаки кораблей неисчислимых,
 Отсутствие ветров благоприятных,
 Неистовство валов неутомимых —
 Флот обрекут на гибель безвозвратно.
 Герои прежних лет в строю незримом
 Придут, чтоб подвиг зреть невероятный
 Второго Сцевы, что, презрев все раны,
 За честь отчизны биться будет рьяно.

Бедро герою пульей раздробило.
 Но он, исполняясь силой боевою,
 Покамест сердце доблестное живо,
 Бесстрашно бьется с вражеской ордою.
 Но вот другая пуля разделила
 Младое тело с гордою душою.
 И так, покинув тесную темницу,
 На волю, к небесам благим стремится.

Отъди с миром, дух непобежденный,
 Спешి теперь вкусить отдохновенье,
 Ведь сам отец, печалью удрученный,
 За сына своего готовит мщенье.
 Я слышу грохот пушек разъяренных
 И василисков злобное пыхтенье,
 Летящих пуль пронзительные звуки,
 Пред коими трепещут мамелюки.

С огнем в груди и с горькими слезами
 В очах, тоской о сыне истомленных,
 Грядет отец, чтоб ненависти пламя
 На недругов обрушить обреченных.
 И, гневом благородным подстрекаем,
 Так отомстит врагам он беззаконным,
 Что волны Нила в страхе встрепенутся,
 А Ганг и Инд в рыданьях содрогнутся.

Как грузный бык, что, в битву собираясь,
 Рога о дуб самозабвенно точит,
 Пред гордым древом силой похваляясь,
 От ярости к сопернику клокочет,
 Так и Франсишку, гневом распаляясь,
 Сперва Дабул предать позору хочет,
 Камбейцев дланью сильною карая
 И спесь с врагов заносчивых сбивая, —

Потом у Диу, что давно известен
 Осадами и битвами своими,
 Он в бегство обращает флот чудесный,
 Что послан мусульманами был злыми.
 А Мелик-Яс, ислама сын бесчестный,
 Громами побежденный роковыми,
 Узрев лихие молнии Вулкана,
 Навеки сгинет в недрах океана.

А Мир-Хусейн увидит в тяжелой муке,
 Как горы трупов примет глубь морская,
 Как по волнам отрубленные руки
 Плывут, тела навеки покидая.
 Услышит плача жалобные звуки,
 Узрит, как пламя, воды обнимая,
 Все поглотит. Огонь и меч всесильный
 Пожнут в той битве урожай обильный.

Но ах, когда великий победитель
 Направит бег к отчизне отдаленной,
 То случай — гордой славы похититель —
 Терзать героя будет неуклонно.
 Гроза Египта, Индии властитель
 Почует на чужбине погребенный.
 У мыса Бурь приют найдет навечно
 Он волею судьбы бесчеловечной.

То дикари нагие сотворят,
 Что ратоборцам было не под силу.
 И палками простыми сокрушат
 Того, кого праща всегда щадила.
 И сим невольно божий суд свершат,
 Отверзнут двери сумрачной могилы.
 То, что зовут иные злой судьбою,
 Есть Провиденье божие Святое.

Но, — возгласила нежная сирена, —
 Я вижу, море кровью набухает
 И Кунья, флотоводец дерзновенный,
 Пожару Браву с Ожей подвергает.
 Извечно дальний брег страны полдневной
 Бессмертного героя вспоминает.
 В чужих морях затеряны и ныне
 Те острова, что Кунья носят имя.

И в отблеске зарницы негасимой
 Грядет в Ормуз с отборными войсками
 По морю Албукерк непобедимый,
 На дерзких персиан обрушив пламя,
 И мнится, божий херувим незримо
 Простер покров над вашими полками.
 И обратил на персов оробелых
 В час роковой их собственные стрелы.

И не спасут и горы соляные
 От разложенья трупы супостатов,
 И Албукерка залпы громовые
 Под небом раздадутся Калайата,
 Бахрейна перлы, светом налитые,
 Как дань пришлет герою край богатый.
 И склонит выю гордый перс под игом,
 Покорствуя лузиадам великим.

Я вижу ветви трепетные пальмы,
 Которыми Виктория венчает
 Того, кто у берегов чужих и дальних
 Великий Гоа дерзко покоряет!
 Но, дней приход предчувствуя печальных,
 Он остров вожделенный оставляет,
 Пообещав, что вскорости вернется,
 С Фортуной да и с Марсом разочтется.

И вот уже опять на стогнах града
 Его войска индийцам угрожают.
 Презрев все копыя, стрелы и засады,
 Язычников и мавров усмиряют
 Так яростно, что в гневе беспощадном
 Голодным львам они не уступают,
 И славят день страдальицы невинной,
 Принявшей тяжкий крест Екатерины.

И ты, Малакка, что средь вод Авроры
 В довольстве изобильном пребываешь,
 Забудешь о своем величье скоро
 И новых повелителей признаешь.
 Напрасно ныне стрел каленых горы
 Ты ядом сокрушительным питаешь.
 Малайцы и яванцы во кручине
 Склонятся перед Лузовой дружиной».

Хвалу и славу долго воздавала
 Воителю красавица сирена,
 Но даже и она не умолчала
 О ярости властителя безмерной.
 Ведь тот, кого Виктория венчала,
 Кто доблестью отмечен несомненной,
 Сподвижникам быть должен верным другом
 И врачевать обязан их недуги.

«Когда нужда и тяжкие лишения
 Солдат, выдавших виды, угнетают
 И стрелы смерти, угрожая мщеньем,
 Над воинами храбрыми витают,
 Лишь злые души с небывалым рвеньем
 На казнь своих собратьев отправляют
 За сладкий грех, присущий нам извечно,
 Безвестный лишь глупцам бесчеловечным.

Когда б еще над девой непорочной
 Свершил насилье португал злосчастный
 Иль от семейных уз, святых и прочных,
 Он даме предложил бежать прекрасной,
 Увы, но нет... всех бед его источник
 В рабыне заключался сладострастной.
 Хоть слава Албукерка осеняет,
 Ее пятно позора омрачает.

Когда влюбился Апеллес в Кампаспу,
 Великий Александр по доброй воле
 Расстался с чаровницею прекрасной,
 Чтоб не томился живописец боле.
 Когда ж Арасп, потерянный, несчастный
 Признался Киру, что, себе на горе,
 Пантеею пленился он прелестной,
 Пред ним блиставшей красотой небесной, —

Суровый перс, почтив любви законы,
 Легко простил отважного героя,
 И долго тот служил опорой трону,
 Хранителем земли родной покоя.
 И Болдуин, любовью распаленный,
 Увел Юдиту дерзостной рукою,
 Но Карл, ему прощение даруя,
 За дочьрью дал Фландрию благую».

Но, к песне вдохновенной возвращаясь,
 Суареша волшебница почтила,
 Пред коим, горьким страхом проникаясь,
 Аравия взор робкий опустила.
 Его Зейла, слезами заливаясь,
 О милосердьегорестно молила,
 Пред ним Медина гнусная дрожала,
 К его стопам Бербера припадала.

«И славную корицей Тапробану,
 Что в зарослях душистых утопает,
 Дань приносить корой благоуханной
 Дружина Луза быстро заставляет.
 В Коломбо, граде, богом Лузу данном,
 Свой стяг Суареш властный водружает,
 На башне реет флаг непобедимый,
 От бед небесным промыслом хранимый.

Но, рассекая волны Эритреи,
 Уже Секейра гордый поспешает
 Туда, где, в рощах пальмовых пестрея,
 Земля царицы Савской пребывает.
 Массауа, противиться не смея,
 Водой героя властного снабжает,
 И к островам плывет он отдаленным,
 Познать земные тайны устремленный.

Затем Менезеш, в африканском зное
 Прославивший свою навеки шпагу,
 Придет на смену гордому герою,
 На дерзостный Ормуз нагонит страху.
 Потом, великий Гама, пред тобою
 Восток склонится, чтя твою отвагу.
 Ты, в графский сан монархом возведенный,
 Прибудешь в край, тобою обретенный.

Но смерть с неумолимостью фатальной
 И к королю, как к нищему, стучится,
 И день придет, наступит час печальный,
 И ты смежишь усталые зеницы.
 Другой Менезеш, рыцарь идеальный
 И в доблести не знающий границы,
 Продолжит труд великий и достойный
 И будет править мудро и спокойно.

Не только малабарцев непокорных
 Он в битве близ Кулета одолеет —
 Он вступит в бой, тяжелый и упорный,
 С тем злом, что над людской душой довлеет,
 И семь грехов, презренных и позорных,
 Младой правитель обуздать сумеет,
 И честно и праведною жизнью
 Навек прославит гордую отчизну.

Когда же к звездам отойдет правитель,
 Ты, Машкареньяц, доблестный и славный,
 Увидишь, как коварный похититель
 Твой сан захватит дерзко, своенравно.
 Но ты, высокой мудрости носитель,
 Индийских вод хозяин полноправный,
 За все страданья от судьбы суровой
 Венок получишь наконец лавровый.

Ты покоришь могучею рукою
 Бинтон, свою Малакку защищая,
 И с горсткой португальцев удалоу
 Дружины супостатов покарнешь.
 Конец положишь гнусному разбою,
 Навеки нечестивцев обуздаешь,
 Пред славным португальским гарнизоном
 Бессильны копьа, стрелы, бастионы.

Но алчность, честолюбие, порок,
 Отринув честь и стыд, открыв забрало,
 Тебя, забыв, что миром правит бог,
 Подвергнут униженьям небывалым.
 Но пусть для них трубит победный рог,
 Печалиться героям не пристало.
 Лишь тот, кто справедливость почитает,
 Победу неподдельную стяжает.

Сампайу то же, я не отрицаю,
 Отвагой будет славен несравненной,
 И, Малабар заносчивый карая,
 Он в Баканор ворвется дерзновенно,
 Там, супостатам мощь свою являя,
 Круша своих врагов иноплеменных,
 Он, обойдя ловушки и преграды,
 Потопит каликутскую армаду.

А флот другой Сампайу незабвенный
 Чаул покинуть горестный заставит,
 А юноша, воитель вдохновенный,
 Флот Гуджарата к праотцам отправит.
 Повсюду славен доблестью военной,
 Собой второго Гектора он явит,
 Не менее, чем богатырь троянский,
 Известен будет Гектор лузитанский.

А за Сампайу грозным власть возьмет
 Отважный Кунья, доблестный правитель,
 Он в Чале чудо-крепость возведет,
 Создаст для Марса гордого обитель.
 И Басаин могучий в свой черед
 Поставит на колени победитель,
 Смерть принеся Меликовой дружине,
 Мечом разрушив мощные твердыни.

За ним грядет Норонья, чью отвагу
 Недаром славный Диу вспоминает,
 Чью верную и доблестную шпагу
 Кровь дерзостных румийцев обагрят.
 Но вот твой отпрыск, Индии на благо,
 Погибшего Норонью заменяет.
 Багрянец волн утратит Эритрея,
 От страха неизбежного бледнея.

Бразды правленья сын твой передаст
 Могучему и славному герою,
 Который всю Бразилию потряс
 Упорством и отвагой боевою.
 И галльских он пиратов много раз
 Обуздывал железною рукою,
 И в Индии близ моря-океана
 На стогны первым вступит он Дамана.

Король Камбея, войн страшась губительных
 С могучим повелителем моголов,
 Отдаст свой Диу, форт оборонительный,
 Дружине Луза, к подвигам готовой.
 И будет защищать неукоснительно
 Она камбейцев от врагов суровых.
 А также Саморина обуздает
 И славу вожделенную стяжает.

Возьмут потомки Луза Репелин,
 Царя и войско в бегство обращая,
 Когда ж на них восстанет Саморин,
 Героев уничтожить угрожая,
 Те разобьют у мыса Кумари
 Армаду — гордость варварского края,
 Которая б могла, даю вам слово,
 Весь божий мир смести с лица земного.

И, устрашая грады и селенья,
 Предавшись рьяно Марсовым забавам,
 Могучий властелин без промедленья
 Очистит от врагов свою державу.
 Он в Батикале, в пламени сраженья,
 Все сокрушит налево и направо,
 И будет долго сотрясать громами,
 И град заполнит мертвыми телами.

А звать его Мартин: в нем даже имя
 Для нас деянья Марса воскрешает.
 Заслугами известен боевыми,
 Он с мудростью отвагу сочетает.
 Гляди: стяг Луза, славную святыню,
 Из рук его сам Каштру принимает.
 И в Диу, что Мартин воздвигнет славный,
 Он примет бой, жестокий и неравный.

Румийцы, персиане, абиссины —
 Двенадцать великих языков —
 Пылая к Лузу злобою старинной,
 Мошь испытают доблестных полков.
 Но плач врагов, предавшихся кручине,
 Прорежет скоро гущу облаков,
 Пусть не клянутся португальской кровью
 Смочить усы, подвитые с любовью.

Из пушек, катапульта и василисков
 Враги лихие крепость обстреляют,
 Но, не страшась опасности и риска,
 Неверных дети Луза обуздают,
 Увидит Машкареньяш: помощь близко,
 Уже к твердыне Каштру спешают,
 Готовые отдать младые жизни
 Во славу бога и святой отчизны.

Фернанду, отпрыск доблестного древа,
 Похищен будет пламенем могучим.
 В обломках стен, от дыма почернелых,
 Взлетит отважный воин к мрачным тучам.
 И Алвару по водам охладелым
 Пройдет, у смерти вырвав неминучей,
 Бесстрашно сокрушая все преграды,
 Потомков Луза славные отряды.

Собрав остатки Лузовой дружины,
 Отец готовит за сынов отмщенье.
 Он победит врагов своих злочинных,
 Их не числом сражая, а уменьем.
 Ворвутся дети Луза в форт старинный
 И Диу принесут освобожденье.
 Они такие совершат деянья,
 Что стих их передать не в состоянье.

Затем начнет он бой, по воле бога,
 С могучим повелителем Камбея
 И, толпы устранив четвероногих,
 Он быстро разобьет врага-злодея.
 И скоро Идальхана каре строгой
 Подвергнет наш герой, в огне развеяв
 Красу и славу гордого Дабула,
 Ища забвенья в боевом разгуле.

И этих удивительных героев,
 Потомков Марса дерзких и отважных,
 Ждет этот остров счастья и покоя,
 Обитель нимф веселых и прекрасных.
 Орлы слетятся стаяй удалою
 И стяг свой к небу вознесут бесстрашно.
 А здесь, среди красот нерукотворных,
 Язык узнают страсти благодетельной».

Вот так сирена пела, а другие
 Ей хором одобренье выражали.
 Весельем бурным девы молодые
 Союз с потомством Луза заключали.
 «Внемлите нам, герои дорогие, —
 Так мореходам дамы обещали, —
 Всех вознесет вас колесо Фортуны,
 Даря вам славу средь долин подлунной».

Когда ж нектаром гости насладились
 И о грядущих подвигах узнали,
 К амброзии душистой приобшились
 И застарелый голод свой уняли,
 Глаза Фетиды к Гаме устремились,
 Они приязнь и строгость излучали.
 Богиня Гаме славному сказала
 Все, что от смертных до поры скрывала.

«К тебе Премудрость Высшая снисходит,
 Увидит твой неумудренный взгляд
 Те тайны сокровенные природы,
 Что небеса от мудрецов таят.
 С тобой, сын славный Лузова народа,
 Вершину мы узрим, приют дриад».
 Они в лесную чащу устремились
 И вскоре близ вершины очутились.

Они взошли на горную вершину
 И луг на ней волшебный увидали.
 Алмазы, изумруды и рубины
 Тот луг своим сияньем озаряли.
 Но вдруг разверзлись воздуха глубины,
 И всколыхнулись трепетные дали —
 Прозрачный глобус средь небес явился
 И чудотворным блеском заискрился.

Субстанции божественной названье,
 Прозрачный шар снаружи покрывавшей,
 Герой не знал, предавшись созерцанью
 Вращенья сфер, тот глобус составлявших.
 Чудесный шар, веленьем божьей длани,
 Был центром их, таинственно блиставшим.
 То вниз спешил, то в вышину взмывал он,
 Он не имел конца, не знал начала.

Прекрасный, суверенный, совершенный,
 Как Архетип, что Землю сотворил,
 Он воссиял пред Гамою смятенным,
 И тот к Фетиде очи устремил.
 Рекла богиня: «К тайне сокровенной
 Тебя Небесный Разум допустил,
 И я, исполнив волю высшей силы,
 Здесь мир тебе уменьшенный явила.

Предстала пред тобой машина мира,
 Что Мудростью высокой и бескрайней
 Из вечных элементов и эфира
 Был сотворен с красой необычайной.
 А Мудрость, что наш глобус окружила,
 Над ним всегда довлея с силой тайной,
 Есть Бог, а что есть Бог — никто не знает,
 Пред ним наш робкий разум умолкает.

И первая орбита, что в сиянье
 Вращение объемлет меньших сфер,
 Что огненным, неистовым сверканьем
 Возводит зренью и уму предел —
 То Эмпирей, блаженных пребыванье,
 Высоких душ божественный удел.
 Они там счастье вечное вкушают,
 Какого в мире суетном не знают.

И только в Эмпирее благодатном
 Еще остались истинные боги.
 Ведь я, Сатурн, и Марс — воитель знатный,
 Седой Юпитер — громовержец строгий —
 Лишь вымысел дней давних, невозвратных.
 И только в небе есть для нас чертоги.
 В честь нас поэты звезды нарекают
 И нами стих извечно украшают.

Известно, что Святое Провиденье
 (А здесь его Юпитер представляет)
 Земному миру все свои веленья
 Посредством славных духов сообщает
 (Об этом нам священное ученье
 Через пророков древних возвещает:
 Благие духи смертных возвышают,
 А злые — души слабые смущают).

От песнопевцев сладостных признание
 Когда-то эти духи получили
 И ангелов небесных с любованьем
 Богами в древнем мире объявили.
 Поэты с небывалым ликованьем
 Священные стихи им посвятили.
 И злых, случалось, духов в заблужденье
 Богами называли с ярим рвеньем.

Лишь Бог, в своих деяниях чудесных,
 Царит над миром, мне повелевая
 Тебя к святине приобщить небесной,
 Покров с заветной тайны совлекая.
 Под сферой Эмпирея легковесный
 Таится Перводвигатель; такая
 Его движенью скорость придается,
 Что мнится — он недвижимым остается.

И от него берут свое движенье
 Все прочие сверкающие сферы.
 И Солнца диск в рассчитанном вращеньи
 Сменяет день и ночь в земных пределах.
 А ниже свод кристальный весь в свеченье,
 И в быстроте он соблюдает меру.
 За двести оборотов Аполлона
 Один лишь шаг свершает принужденно.

А ниже свод недвижимых звезд сияет
 И, в радужном сверканье утопая,
 Вселенную собою украшает,
 Лучами негасимыми играя.
 Ты видишь, яркий пояс обрамляет
 Движенье Солнца, средь небес мерцаю.
 В себя вместил двенадцать он престолов,
 Что Феба ожидают золотого.

Гляди же на Каррету с Цинозурой,
 Чей блеск ночное небо украшает.
 За ними Орион простерся хмурый,
 К Цефею Андромеда припадает.
 Дракон мерцает из-за туч понурых,
 Кассиопея красотой сияет.
 И песнь слагает Лебедь перед смертью,
 И Псы несутся в звездной круговерти.

Под сферой звезд Сатурн неумолимый,
 Великий, древний бог, расположился,
 За ним Юпитер мчит неустрашимый,
 А дале Марс-воитель разместился.
 Небесный глаз огнем неугасимым
 Над нежною Венерой засветился,
 Меркурий мчит за ней, оратор рьяный,
 А ниже всех — трехликая Диана.

Те сферы, что мы ныне созерцаем,
 По-разному вершат свое вращенье,
 Иные мчатся, ход свой убыстряя,
 Идут иные тихо и степенно,
 От центра удалятся, убегая,
 И вновь к Земле стремят свое движенье.
 Так миру повелел отец великий,
 Огня, снегов и воздуха владыка.

А на Земле, в середине мирозданья,
 Сокрыта человечества обитель,
 Вкусив на суше горькие страданья,
 Штурмует море человек-воитель.
 Чтоб выполнить былые обещанья,
 Тебе, стихии бурной покоритель,
 Я царства и народы покажу,
 О вере их и нравах расскажу.

Ты видишь христианскую Европу,
 Что земли все Земли твоей бескрайней
 Величьем, знаньем, красотой особой
 Давно уж превзошла необычайно.
 Вот Африки нехоженые тропы,
 Враждебный мыс и брег, чужой и дальний,
 Неисчислимы дикие народы,
 Что вскормлены свирепую природой.

Беномотапы черную империю
 Ты видишь, край страданий и сражений.
 Гонсалу, сокрушая суеверия,
 Здесь встретит смерть и тяжкие глумленья.
 На юге, гор неведомых в преддверии,
 Родится золото смертным на мученья.
 Вот озеро — Нил мощный и глубокий,
 А с ним Куама — там берут истоки.

Там хижины возводят без дверей,
 Соседям доверяя и закону,
 И негры там живут — черней грачей,
 Не то чтобы к пришельцам благосклонны.
 Ты видишь, Няйа, воин-чудодей,
 В своей Софале держит оборону,
 От черных полчищ крепость защищает
 И африканцев в бегство обращает.

Взгляни: перед тобою воды Нила,
 Что орошают знойные долины,
 Где, не боясь свирепых крокодилов,
 Извечно обитают абиссины.
 Христова вера сей народ сплотила,
 Он — славный воин: если враг старинный
 Ему грозит — не в крепость он влечется,
 А в чистом поле с супостатом бьется.

И здесь, в краю глухом и отдаленном,
 Криштован твой на турок ополчится.
 На смерть судьбой суровой обреченный,
 Твой сын с младою жизнью простится.
 Взгляни на этот берег закрутленный:
 Малинди, что прищельцев не страшится,
 Собою побережье украшает
 И всех гостей с радушием встречает.

Ты видишь мыс, что ране назывался
 По воле наших предков Ароматой.
 То Гвардафуй, он искони считался
 Меж Азией и Африкой преградой.
 У горла моря Красного поднялся
 Сей мыс, близ вод, что пурпуром богаты.
 И города встают в земле пустынь:
 Массауа, Аркико, Суакин.

Суэц, своим могуществом известный,
 К себе твой взгляд безмолвно призывает.
 В былых владеньях Арсиной нежной
 Флот грозного Египта пребывает.
 Еще поныне лоно вод окрестных
 О Моисее память сохраняет.
 О том, как лоно вод неодолимых
 Разверзлось перед племенем гонимым.

Ты зришь Синай, что дорог христианам
 Гробницею святой Екатерины,
 И Джидду, что от жажды непрестанной
 Томится, поглощая зной пустыни,
 Пролив, что освежает жаркий Аден,
 Сухие, каменистые долины.
 Целебный дождь те земли избегает,
 А солнце почву в камень обращает.

Пред нами чередою бесконечной
 Просторы трех Аравий замелькали.
 Отсель дружинам боевым извечно
 Коней чистопородных поставляли.
 Кочевники с терпеньем безупречным
 Им ярость и усердье прививали.
 А если вниз ты взгляд свой обратишь,
 То мыс Фартак близ моря ты узришь.

Из городов Аравии Счастливой
 Везут по миру чудо-ароматы.
 А видишь, как над берегом залива
 Эль-Хадд скалой возносится зубчатой?
 А вот Ормуз, огромный и спесивый,
 Где сокрушит турецкую армаду
 Каштелу Бранку, беспримерный воин,
 Магометан разбивший недостойных.

Мыс Мосандон пред нами открывает
 К богатствам древней Персии дорогу.
 Ты видишь ли Бахрейн, что утопает
 В сиянье перлов, радостном и строгом?
 Их цвет Авроры нежной покрывает,
 Прекрасной, беззаботной, легконогой.
 Смотри: с Евфратом Тигр соединился
 И к славному заливу устремился.

Гляди теперь на Персию благую.
 Там пушек храбрецы не уважают.
 И воины, затеяв сечу злую,
 Противника мечами побеждают.
 Там чтут повсюду славу боевую
 И от мечей мозоли не скрывают.
 И снова предстает Ормуз пред нами,
 Что будет славен громкими делами.

И Союза, что доблестью военной
 В земле известен станет отдаленной,
 С отрядом небольшим, но дерзновенным
 Здесь одолеет персов легионы.
 Затем Менезеш, воин несравненный,
 Обрушится на персов обреченных,
 И силою искусного удара
 Одержит верх над недругом он ярым.

Но мы оставим знойные пустыни
 И с мыса Джаска (ранее Карпелы)
 Стремительный полет направим ныне
 Туда, куда судьба нам повелела.
 Минуем мы Кермании равнины,
 Чтоб увидеть, как с гор струится смело
 Прекрасный Инд и как с иных вершин
 Стекает Ганг — могучий исполин.

Пред нами Кач; волною сокрушительной
 Встает вода полуденного моря,
 И входит в устье рек она стремительно
 И вверх несетя, жителям на горе.
 А вот Камбея берег восхитительный.
 Богатством и красой друг с другом споря,
 Здесь города в довольстве процветают
 И вашего прибытья поджидают.

Индийский берег, славный и желанный,
 Что тянется от мыса Кумари,
 До жаркой, отдаленной Тапробаны
 И древних Гат незыблемых вершин,
 Пройдут бесстрашно вой-лузитане,
 Сюда явившись по стопам твоим.
 И, предков чтя военные заветы,
 Одержат всюду славные победы.

Племен немало разных поселилось
 За старыми индийскими горами.
 В одних магометанство утвердилось,
 В других, взяв власть над робкими умами,
 Язычество издревле сохранилось.
 В Нарсинге, за далекими морями,
 Почил Фома, апостол богоданный,
 Что вкладывал персты в Христовы раны.

Там, в городе богатом Малипуре,
 В те дни вдали от моря отстоявшем,
 Не испытывшем океанской бури
 И идолов старинных почитавшем,
 Фома явился, бледный и понурый
 И от пути бескрайнего уставший.
 Он обходил неведомые страны,
 Христовым словом исцеляя раны.

Он мертвых воскрешал молитвой дивной,
 Он исцелял недуги и болезни,
 Людей от мук врачуя неизбывных,
 Он страждущим старался быть полезным.
 Подвижник испытаньям непрерывным
 Подвергнут был по воле сил небесных.
 Вдруг ствол огромный у берегов пустынных
 Извергли океанские глубины.

Правитель Малипура неустанно
 Строительством в ту пору занимался.
 Послав слонов на берег океана,
 Он тщетно древесины дожидался.
 Усилиям животных-великанов
 Древесный исполин не поддавался.
 Но тут Фома, на брег придя с канатом,
 Набросил вмиг его на ствол заклятый.

С молитвою он принялся за дело
 И, божье милосердье призывая,
 Извлек из вод подарок моря смело,
 Величие Христово утверждая.
 В сердца брахманов, в гнев закоснелых,
 Закралась зависть мелкая и злая.
 Они боялись, что народ смиренный
 Примкнуть к Фоме решится непременно.

И сам верховный жрец, желаньем мести
 И наущеньем близких распаленный,
 Забыв устои совести и чести,
 Встал на стезю деяний беззаконных,
 Сей старец, кровожадностью известный,
 Апостола гонитель иступленный,
 Свершил убийство, чтобы без сомненья
 Все на Фому направить подозренья.

Убил родного сына жрец надменный,
 К Фоме объятый ненавистью страшной.
 И толпы лжесвидетелей презренных
 Святого очернили громогласно.
 И смертный приговор ему мгновенно
 Был вынесен от недругов ужасных.
 А он перед лицом царя и знати
 Содеял чудо, божьей веры ради.

Он воскресил бесчувственное тело
 И спросил индийца молодого,
 Чья длань его повергла в те пределы,
 Отколь нельзя в наш мир явиться снова.
 И юноша, возвысив голос смело,
 Отца нарек убийцею родного.
 И, полный неподдельным восхищеньем,
 Твердил Фоме слова благодаренья.

То чудо всех индийцев поразило.
 Крестился тут же царь благочестивый.
 И многие, увидев божью силу,
 За ним примкнули к вере справедливой.
 Тогда брахманов ненависть сплотила.
 К Фоме пылая злобою ревнивой,
 Они страдальца умертвить решили
 И темную толпу к тому склонили.

Фома услышал яростные крики,
 Когда он проповедовал народу.
 Он знал уже от господ-владыки,
 Что скоро оборвутся жизни годы.
 Он не страшился супостатов диких,
 Презрев земные муки и невзгоды.
 Фому сперва камнями побили,
 А после грудь ему копьем пронзили.

И Ганг и Инд, слезами обливаясь,
 Тебя, Фома, оплакали с любовью.
 А христиане, по тебе терзаясь,
 Предались долгой, неизбывной скорби.
 Но херувимы с пенем, улыбаясь,
 Тебя к престолу вознесли Христову.
 Теперь молись ты за лузиад верных,
 Несущих бремя тягот непомерных.

Вы ж, кто себя бесчестно выдает
 За господ посланцев, как Фома,
 Скажите: почему вошла в почет
 Средь вас от веры отступлений тьма?
 Коль соль земли уж пресной предстает,
 То где же слабым смертным взять ума?
 Какую солью ересь нам приправить
 И души чем заблудшие исправить?

Но кончим этот разговор опасный
 И к берегам вернемся вожделенным.
 Вот здесь, где Малипур стоит злосчастный,
 Залив уходит вправо постепенно.
 Минуем мы Нарсинги край прекрасный
 И над Ориссой пролетим мгновенно.
 Узрим, как Ганг, могучий и бурливый,
 Впадает в море в глубине залива.

Индийцы перед смертью стремятся
 Себя омыть в воде его священной,
 Надеясь, что грехи им все простятся
 За это омовенье непременно.
 Вот Читтагонг: в дворцах его таятся
 Сокровищ груды редких и бесценных.
 Но берег Бенгальский к югу отступает
 И нас к иным просторам приглашает.

Пегу мы видим; здесь во время оно
 Взросло потомство гнусного союза.
 И женщину, в насмешку всем законам,
 С презренным псом связали страсти узы.
 Ты видишь ли мужчин неугомонных?
 Им звонкий бубенец тяжелым грузом
 Здесь вешают на орган размноженья
 Во избежанье мерзких искушений.

Тавой ты видишь. Он дает начало
 Империи Сиамы необъятной.
 Она во всей красе тебе предстала,
 Над морем разместившись благодатным.
 Она далеким странам поставляла
 Еще издревле перец ароматный.
 А вот торговлей славная Малакка,
 Куда купцы всегда спешат без страха.

И говорят, что волны океана
 Суматру от Малакки отделили.
 А ране, блеском злата осиянны,
 Они друг с другом неразрывны были.
 Когда-то Херсонесом богоданным
 Их люди с любованьем окрестили,
 Малакку мнили многие Офиром,
 Что золотом манил к себе полмира.

Теперь, минуя берег Сингапура,
 По узкому проливу мы промчимся,
 На свет пойдём вначале Цинозуры,
 Затем к Авроре нежной устремимся.
 Уйдем от туч насупленных и хмурых
 И на Сиам великий подивимся.
 Узрим Менам, текущий из Китая,
 Из озера огромного Ченгмая.

В земле, где протекают эти воды,
 Живут в согласье, мире и покое
 Лаосцы, авы — сыновья природы,
 Поля и горы заселив собою.
 Есть в том краю и дикие народы.
 Их кормят людоедство и разбой.
 В печах они железо раскаляют
 И грудь татуировкой украшают.

Смотри: Меконг потоком полноводным
 Через поля Камбоджи протекает,
 Течение рек бурливых и свободных
 Он с жадностью великой поглощает.
 Народ сих мест, простой и беззаботный,
 Животных самых разных почитает,
 Считая, что их всех за их деянья
 За гробом ждет немедля воздаянье.

Омоет это тихое течение
 Злосчастные, но сладостные песни,
 Познавшие все тяготы крушенья,
 Позор и глад, немилость сил небесных,
 Бесчестных приговоров исполненье
 Над тем, чьей лиры звучной и чудесной
 Капризная удача не касалась,
 Хоть слава этой лиры не чуралась.

А видишь ли просторы Кохинхины?
 Здесь насладимся мы благоуханьем
 Алоэ, ароматной древесины,
 И поспешим к сокровищам Хайнаня.
 Узрим красу империи старинной,
 Что знает злого холода дыханье,
 Что пояс ей полночный посылает,
 И зной, что тропик Рака окружает.

Взор обрати к стене ты необъятной,
 Что две державы мощных разделяет.
 Власть короля она с красой отрадной
 Его смиренным подданным являет.
 Закон здесь утвердился благодатный.
 Тут сам народ владыку избирает
 Из праведников мудрых иль героев,
 Известных всюду славой боевою.

Еще от глаз твоих во мгле неясной
 Таится стран загадочных немало.
 Но мы вернемся к островам прекрасным
 Туда, где рдеет луч денницы алой.
 Здесь волею природы полновластной
 Краса земли рассветной просияла,
 И серебром, блестящим столь чудесно,
 Нам издавна Япония известна.

Как много островов в морях Востока
 Предстанет перед нашими очами!
 Вот на Тернате от вершин далеких
 Опять исходит яростное пламя.
 А вот гвоздики заросли высокой,
 И стаи птиц парят меж облаками,
 Их только смерть на землю возвращает
 И рая их небесного лишает.

А видишь острова, что в море Банда
 Покоятся средь алого цветенья
 Ореха — птиц веселых провианта
 Что окружен их щебетом и пеньем?
 А на Борнео, острове-гиганте,
 С дерев струится сладких слез течение.
 То камфора. И острову по праву
 Она дарит заслуженную славу.

Ты зришь Тимор, что издавна известен
 Благоуханной красотой сандала.
 А дале Зонд, таинственный, чудесный,
 Чей юг неведом путникам бывалым.
 И, говорят, средь скал его отвесных
 Волшебная река берет начало:
 Коль дерево в ту речку упадет,
 То в камень превратится среди вод.

А на Суматре вяжущим потоком
 Смола стволы деревьев омывает
 И ароматом сильным и глубоким
 Дыханье дивной Мирры заглушает.
 Вулкан огромный пламенем жестоким
 Пестреющим долинам угрожает.
 Сей остров, мягким шелком знаменит,
 В глубоких недрах золото таит.

Теперь смотри, как к небесам Цейлона
 Возносится могучая вершина.
 Огромный след ноги на мрачном склоне
 Святыней здесь считают беспричинно,
 В Мальдивском море, дальнем, раскаленном,
 Чудесный плод взрастает средь пучины.
 Он силу яда сразу разрушает
 И многих обреченных исцеляет.

Ты зришь Сокотру: горькому алоэ
 Обязан остров славой несказанной,
 И здесь в соседстве с Африкой благою,
 Немало островов есть богоданных.
 И масса ароматная грядюю
 Покоится у берегов песчаных.
 А там земля Лаврентия благая,
 Ее Мадагаскаром называют.

Не только земли древнего Востока
 Открыли вы для мира в добрый час,
 Но Луза сын, обманутый жестоко
 И королем обиженный не раз,
 Уйдет к просторам запада далеким
 И там навеки возвеличит вас.
 Флот проведет неведомым проливом,
 Со славой породнившись справедливо.

Меж полюсами севера и юга
 Простерся край великий и богатый.
 Кастилия, земли твоей подруга,
 Отыщет скоро здесь запасы злата.
 Ярмом могучим, тягостно и туго,
 Здесь будут выи грубые зажаты
 Племен неисчислимых темнокожих,
 Что друг на друга нравом не похожи.

Но там, где расширяется земля,
 Что ныне под Кастильей пребывает,
 И твоего благого короля
 Его надел по праву ожидает.
 То Санта-Круж, где, пурпуром горя,
 На солнце чудо-дерево сияет.
 А у границ владений этих новых
 Пройдет с армадой Магеллан суровый.

Когда, пройдя экватор светозарный,
 Он дальше будет плыть на юг туманный,
 Пред ним, на полпути ко льдам полярным,
 Предстанет племя смуглых великанов.
 И засияет весь в лучах янтарных
 Пролив, что примет имя Магеллана,
 Из моря в море путь он открывает
 И португальца славою венчает.

Что ж, Лузова дружина боевая!
 Теперь ты знаешь, что твоей тропею,
 Отчизну и монарха прославляя,
 Исполнены отвагой удалею,
 Пройдут герои новые, желая
 В своих сравняться подвигах с тобою.
 Поэтому, подав немедля руки
 Своим прекрасным, радостным супругам, —

Везите их к отчизне благодатной,
 Пока спокойным пребывает море,
 Покуда дует ветер благоприятный,
 Покуда волны с кораблем не спорят». —
 Любви покинув остров безвозвратно,
 В морские дали обращая взоры,
 Герои вышли в путь по океану,
 О Родине мечтая долгожданной.

И веял ветер, легкий, шаловливый,
 Армаду на волнах слегка качая,
 И вот из глубины морских заливов
 Открылась Португалия благая.
 И радовался Тежу горделивый,
 Своих сынов в объятья принимая,
 Их ждал король, ведь Гамы корабли
 Ему немало титулов везли.

Умолкни, муза! Звонкой лиры струны
 Бесчувственность всеобщая сгубила.
 Мой голос, бывший ласковым и юным,
 Теперь охрип, и в сердце боль вступила.
 Кого мне петь среди долин подлунной,
 Среди душ глухих и грубых, мне постылых?
 Отечество скорбит под властью скверных,
 Стыжательством отравлено безмерным.

В наш жалкий век, увь! по воле рока
 Талант и скромность боле не в почете.
 Никто искусств не почитает строгих,
 Не дарит их любовью и заботой.
 А вы, король, властитель наш от бога,
 Вы, солнце, дар пленительной природы,
 Взгляните: есть у вас еще вассалы,
 Среди коих добродетель воссияла.

К героям гордым взор свой устремите,
 Что, туров нам и львов напоминая,
 Страну родную не дадут в обиду,
 Удары грозных мавров отбивая.
 Что служат вам от пуль и стрел защитой,
 И, мощь державы вашей создавая,
 Идут они на голод, на лишения,
 На бой, на злую смерть в морских крушеньях.

И ради вас на все они готовы.
 Внимая вашей прихоти малейшей,
 Герои примут с радостью оковы,
 Промчатся над пучиною зловещей.
 И если надо — с демоном суровым
 Они начнут губительную сечу.
 И я не сомневаюсь, что победой
 Навек упрочат славу наших дедов.

К себе приблизьте гордых вы героев,
 Во всем им окажите поощренье,
 Тех, кто увенчан славой боевою,
 В совет введите свой без промедленья.
 Гордясь их мощью, силой молодою,
 Почаще к ним являйте снисхождение.
 Пускай они стране родной на благо
 Употребят свой опыт и отвагу.

Всех, кто отчизне может быть полезным,
 Как мудрый благодетель, привечайте.
 Тех, кто молитву к высям шлет небесным,
 К престолу, не колеблясь, приближайте.
 Но пастырей, что господу любезны,
 От наглых лицемеров отличайте:
 Одни радуют о судьбе народа,
 Другим лишь о богатстве вся забота.

Тем окажите милость вы и ласку,
 Кто, сердце в славных битвах закаляя,
 В чужие земли рвется без опаски,
 Мечом владенья ваши умножая,
 Кто совершает подвиги, как в сказке,
 Святую веру всюду утверждая,
 И кто войдет в горнило испытаний,
 О Родине радея постоянно.

Смотрите, государь, чтоб на посылках
 У англичан, германцев или галлов,
 У итальянцев иль кастильцев пылких
 Европа португальцев не видала.
 Пускай на нас взирают без ухмылки.
 А вы совета у людей бывалых
 Просите чаще: самый светлый разум
 Пред опытом смириться может сразу.

Когда-то Формион самовлюбленный
 Надумал рассуждать пред Ганнибалом
 О воинских приемах и законах
 И этим насмешил его немало.
 Вам, государь, мужей своих ученых
 Расспрашивать о битвах не пристало.
 Кошь впрямь вы полководцем стать хотите,
 То сами в бой полки свои ведите.

Но что же я, убогий и безвестный,
 К вам ныне дерзкий голос обращаю?
 Наукой увлекался я чудесной,
 Благих искусств законы почитаю,
 И опыт жизни горестной и честной
 Вам, государь мой, ныне предлагаю,
 Не каждый под родными небесами
 Отмечен столь высокими дарами.

Кошь надо, сжав булат в руке привычной,
 Я вам пойду служить на поле брани
 Иль в песнях сладкозвучных, необычных
 Увековечу славные деянья.
 Я, возлюбя отчизну безгранично,
 От вас надеюсь получить признание.
 И если небо в час святой и чудный
 Вас вдохновит на подвиг многотрудный, —

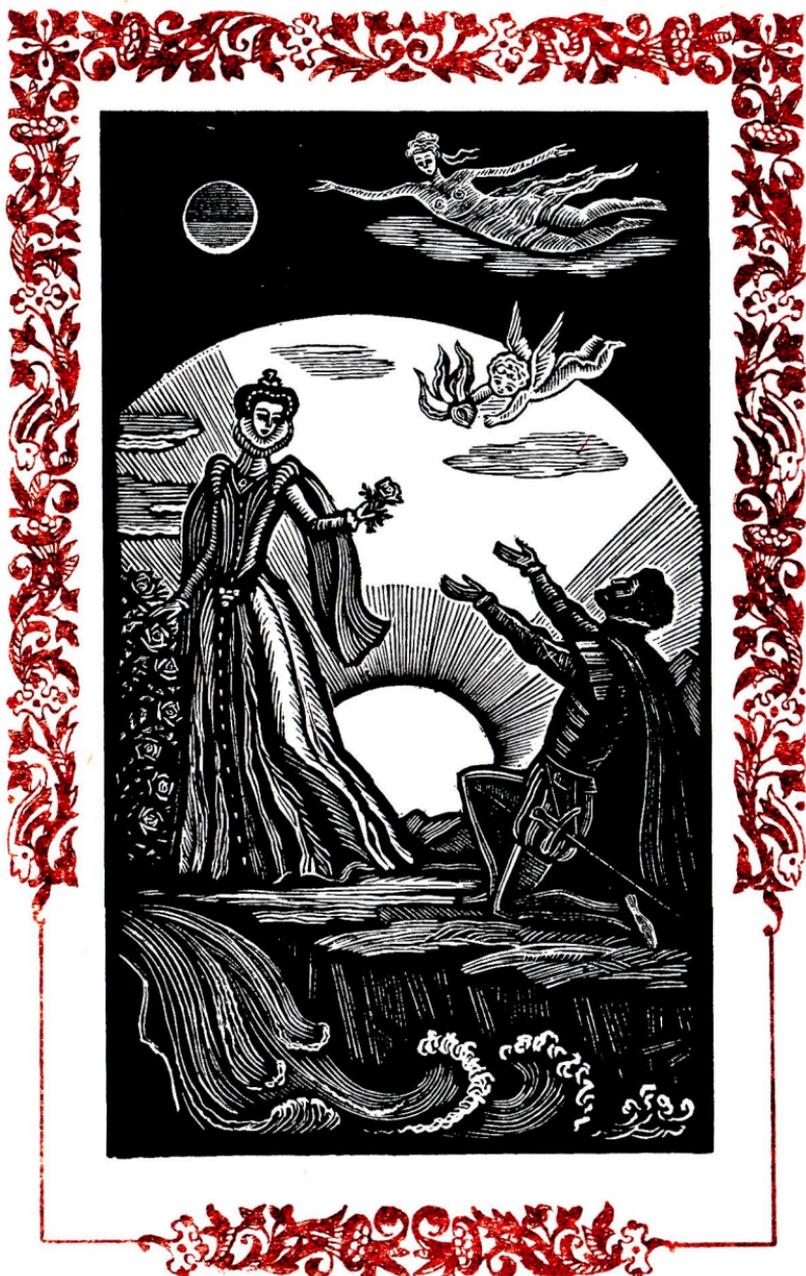
Чтоб вы, подобно яростной Медузе,
Нагнали страх на гордого Атланта
И, появсь в полях близ Ампелузы,
Поколебали б стены Таруданта,
Я призову свою благую музу,
Чтоб вас воспеть с искусством и талантом.
Раз Александр в вас новый воскресает,
Пусть зависти к Ахиллу он не знает.

СОНЕТЫ

* * *

Порой Судьба надежду мне дает,
Что скоро я утешен буду ею,
И я при этой мысли так пьянею,
Что все во мне и пляшет и поет.

Я слышу музы радостный полет,
Но тут любовь, боясь, что я прозрею,
Придумывает новую затею
И муку вновь, как слепоту, мне шлет.

Вы, горькой обреченные заботе!
Рабы любви, когда вы здесь прочтете
Все тайное, что вверил я стихам, —

Рассказ правдивый о печальной были, —
О, если вы подобно мне любили,
Как много скажет эта книжка вам!

* * *

Возьми, о лира, самый нежный лад,
Пускай восславит страсть мой стих певучий,
Пусть эти строфы, полные созвучий,
Остывшие сердца воспламенят;

И, чтоб любовь разила всех подряд,
Перескажи подробно каждый случай
Отваги робкой, холодности жгучей,
Блаженных мук и горестных услад.

Лишь об одном я умолчу, сеньора, —
О Вашем взгляде: перед ним немею
И тут же забываю все слова.

Сиянье Ваших глаз и ясность взора
Достойны строк, для коих не имею
Способностей, познаний, мастерства.

* * *

Когда, дымясь, вода воспламенится,
И станет свет подобен темноте,
И небеса исчезнут в высоте,
И выше звезд Земля распространится,

Когда любовь рассудку подчинится
И всё и вся придет к одной черте,
Тогда, быть может, Вашей красоте,
Остывший, перестану я молиться.

Хоть полон мир внезапных перемен,
Каким возник, таким он остается.
Так нужно ль Вам, чтобы мой жар угас?

Моя надежда, мой прекрасный плен,
Пускай душа погибнет иль спасется,
Но только взор пусть вечно видит Вас.

* * *

Амур вписал мне в сердце женский лик,
В нем искрами сама душа блистала,
И таяла нетронутость кристалла,
Что на снегах средь алых роз возник.

Мой взор, еще не смевший ни на миг
Взглянуть на ту, кто вдруг ему предстала, —
Чтоб сразу боль нежней и легче стала,
Покрылся влагой — слез живой родник.

Амур клянется: благосклонность дамы
Рождает наше чувство, и тогда мы
Безумствуем, тоскуем, верим ей.

Один лишь миг — и чуть любовь нагрянет,
Сочувствия слеза внезапно станет
Слезой счастья до скончанья дней.

* * *

Неужто я неровня Вам и мне
Всю жизнь страдать придется терпеливо?
Но кто достоин Вас? Такое диво,
Пожалуй, встретишь разве что во сне.

К тому же, раз я заслужил вполне
Все то, чего прощу, несправедливо
За щедрость чувств и высоту порыва,
Скупясь, по низкой отдавать цене.

Награда причитается без спроса
Тому, кто вынес столько горьких мук
И столько ради Вас стерпел позора,

А Вы достоинств ищете; коль скоро
Отсутствуют они у Ваших слуг,
Влюбитесь в самое себя, сеньора!

* * *

Заря во взгляде Вашем зажжена:
Он проникает в сердце, зренье рая.
Увидеть Вас и не ослепнуть — дани
Законно Вам не уплатить сполна.

Пусть это справедливая цена,
Она мне недоступна, — как в дурмане
Любя Вас, я дошел до низшей грани,
И жизнь и душу вычерпав до дна.

Я ниц: Вам отданы мои богатства,
Мечты, надежды, помыслы, тревоги,
Но этот крест я с радостью влачу.

Поэтому корить Вас — святотатство;
Я все отдать Вам счастлив, и в итоге
Тем выше долг, чем больше я плачу.

* * *

Верните все, в чем Ваше торжество:
Румянец — розе, белизну — лилее,
Светилам, обходящим эмпиреи, —
Палящий пламень взора своего.

Верните голос, дивный звук его
Сирене — той, что пела всех нежнее.
Верните целомудренной Эвклее
Осанки, плеч и стана волшебство.

Селене — холод, гордость и бесстрастность,
Минерве — речь, ума и сердца ясность,
Венере — чары красоты ее.

Верните все, что Вам дано судьбою,
И оставайтесь лишь самой собою,
Вы, божество бездушное мое!

* * *

Неужто в Вас влюбиться — тяжкий грех?
Кто чист тогда? И для кого пощада
Возможна? Ведь любое сердце радо
Вам сдаться в плен — что ж, Вы казните всех?

Нет в целом мире сладостней утех,
Чем жить мечтой о Вас, а будет надо
Принять за это муку — пытки ада
Душа преодолет без помех.

И если впрямь заслуживает дыбы,
Кто любит Вас безмерно, беззаветно,
Терзайте, не жалея, всех подряд.

Сеньора, Вы с меня начать могли бы,
Ведь всем давно понятно и заметно,
Какой огромной страстью я объят.

* * *

Амур судил сурово — нету спора.
И Вас — блаженство жизни, прелесть дней —
Я полюбил. Но чем горю сильней,
Тем холодней прекрасная сеньора.

Увы, во исполнение приговора
Я вынес вихрь лишений и скорбей.
И обнажилась стойкостью моей
Жестокость Ваша для людского взора.

И я Вам душу в жертву приношу.
Разите смело! Следуя примеру
Всех тех, кто гибнет, славя красоту.

Не медлите — пощады не прошу.
И пусть душа, спасая честь и веру,
Умрет, как воин, на своем посту.

* * *

Кто хочет жить любовью совершенной,
Той, что всего и чище и нежней,
Сумеет из моих печальных дней
Извлечь урок, для сердца драгоценный.

Воспоминанье тает легкой пеной
В огне сражений, среди морских зыбей.
В опасности тоска еще сильней
И сердце жалит болью сокровенной.

Но пусть мне гибель, муку иль позор
Пошлет судьбы слепое самовластье,
Пусть нищету иль смерть, богатство, счастье, —

Где б ни был я, мне будет тот же взор
Светить, и пред разверстою могилой
Шепну я тихо имя доны милой.

* * *

Простого счастья видеть Вас, не боле,
Довольно мне, чтобы на свете жить.
Меня последней радости лишит
Вы можете, лишая этой боли.

Я раздражаю Вас не оттого ли,
Что слишком Вам стараюсь угодить?
Но я не в силах что-то изменить —
Ведь любящий неловок поневоле.

И как бы ни была душа слаба,
Вы испытанье ей устройте снова —
Все вынесет покорная раба.

Всегда Вам все она прощать готова,
Такая ей начертана судьба,
И ничего не надо ей иного.

* * *

Сиянье Ваших глаз, моя сеньора,
Соперничает с солнцем красотой,
И, весь охвачен сладостной мечтой,
Я растворяюсь в ясности их взора.

Мой светел дух, и в чувствах нет раздора,
Они, пленившись Вашей чистотой,
Стремятся в мир высокий и святой
Из темного, печального затвора.

Но только взглядом Ваш встречаю взгляд,
Уже зарницы гнева мне грозят
И все же в сердце входят озареньем.

О, если так я перед Вами слаб,
Что благосклонность Ваша мне дала б,
Когда я Вашим воскрешен презреньем!

* * *

Сеньора, Вы пленили всех, иначе
И быть не может — Ваших глаз заря
Способна ослепить; возвел не зря
Свой храм в зрачках у Вас божок незрячий.

Он судьбами вершит, суля удачи
Толпе, собравшейся у алтаря,
И люди чтут его, боготворя
Ваш несравненный лик и взгляд горячий.

Блажен, кто видел белизну снегов
В лучах золототканого узора,
Где пламенная роза расцвела.

Разрушив сердца ледяной покров,
Ему пронзило грудь сиянье взора,
Как солнце — гладь прозрачного стекла.

* * *

Очей небесных чистое свеченье
В наш век каким-то чудом сохраняя,
Узнайте силу Вашего огня:
Вот я пред Вами — Ваших чар творенье.

Вглядитесь: вверг меня в изнеможенье
Ваш смех живой, безжалостно звеня,
Амур, я не прошу щадить меня,
Пусть длится до скончанья дней мученье.

В душе моей, как в зеркале, узреть
Себя бы смог мой ангел безмятежный —
Но Вам меня, увы, ничуть не жаль.

Вы не хотите на меня смотреть
И тем постигнуть свой же образ нежный —
Так сладостна для Вас моя печаль.

* * *

Сеньора, вся душа моя больна.
И рана у меня неисцелима.
Она растет упорно и незримо.
И в этом Ваша явная вина.

Пылаю, а сеньора холодна.
Без сострадания боль невыносима.
Вам все равно — и Вы глядите мимо.
Любовь моя надежды лишена.

Меня Вы ослепили блеском взгляда
И оковали силой неземной.
Лишь только мечь — теперь моя отрада:

Я предрекаю: взор Ваш ледяной
Спалит мне душу, словно пламень ада,
И поздно будет плакать надо мной.

* * *

Вознесшеюся зрю любовь мою, —
Меня мое несовершенство гложет
И страсть мою безжалостно ничтожит,
И я позор великий познаю.

Ее столь ниже я в миру стою,
Что мысль о ней во мне лишь муку множит,
И лучший выход для меня, быть может,
Скорее отойти к небытию.

Ее достоинства предела нет,
От них все горше мне и все больней,
Душевного не укротить раздора.

Пусть оттого покину белый свет,
Но не могу не помышлять о ней:
Un bel morir tutta la vita onora¹.

---

¹ Благая смерть венчает жизнь (ит.); 65 стих 207 канцоны Петрарки.

* * *

Ликуй, моя мечта, и воспари!
В счастливый час, в чудесной колыбели
Ты расцвела — и ты достигнешь цели,
Что блещет пред тобой, как луч зари.

Каких высот коснулась ты, смотри!
И если встретишь солнце, то тебе ли
Его страшиться — замыслы созрели.
Ты, как орел, вершины покори.

Нет выбора — и рок тому виною.
Назад дороги нет — смелей вперед!
Мужайся — и победа за тобою.

Не дрогни, сердце, час твой настает.
Твои пути рискованны, не скрою,
Но все ж дерзай — тебя удача ждет!

* * *

Когда, улыбкой, звуком нежных слов
Мой слух, мой взор, все чувства увлекая,
Вы мысль мою, мой разум, дорогая,
Возносите к обители богов,

Освобожден от всех земных оков,
Людских богатств ничтожность презирая,
Я здесь дышу благоуханьем рая,
Я вдруг рассудок потерять готов.

Не оскорблю Вас жалкими хвалами,
Кто видел Вас, кто восхищался Вами,
Тот понял всю безмерность красоты.

Он согласиться вынужден без спора,
Что сотворить Вас мог лишь тот, сеньора,
Кто создал небо, звезды и цветы.

* * *

Кто чужд любви — о ней превратно судит,
Лжет, что она коварна, зла, пуста.
Наказанный Амуром неспроста,
Пусть навсегда слепец несчастным будет.

Но кто любил, вовеки не забудет,
Сколь сладостна любовь и сколь чиста,
И лишь негодование клевета
И у людей, и у богов пробудит.

Уж если зла любовь — она свой гнев
Обрушивает только на меня,
Как будто я один за все в ответе.

Но, память о ее добре храня,
Я это зло, все горести стерпев,
Не променяю ни на что на свете.

* * *

Я был дитя, когда пустила всходы
Во мне любовь, и Вам понять пора:
Она чиста сегодня, как вчера,
Ей чуждо вожделенье от природы

И безразличны радости, невзгоды,
Судьбы превратность, случая игра,
Пучина нищеты, богатств гора
И в эти дни, и в будущие годы.

Ромашки увядают на лугу;
Безжалостна зима, жестоко лето;
Но в сердце брызжет вечная весна.

Мне мало видеть Вас; я не могу
Смириться с Вашей холодностью — это
Меня гнетет; любовь моя больна.

* * *

Я до безумия дошел такого,
Что и в жару трясет озноб меня;
Смеюсь и плачу, жизнь свою кляня;
Всего добившись, все теряю снова.

В душе смешались чувства бестолково;
Глаза влажны, хоть мысль полна огня;
Мечта, погаснув, заблестит, маня:
Очнусь — и вновь лишаюсь дара слова.

Мне чудится: земля — как облака.
Мне грезится, что час — тысячелетья
(Хоть наяву тысячелетья — час).

Чем болен я, не разберусь пока.
Но знаю: эту муку стал терпеть я,
С тех пор как повстречал, сеньора, Вас.

* * *

Сверкающие золотые нити, —
Просыпавшись на белизну руки
Или на розовые лепестки,
Вы сколько чар в себе соедините?

Глаза, что ярче тысяч солнц в зените,
Сияют мне в разлуке, далеки, —
Вблизи, избавив сердце от тоски,
Какой вы жар во мне воспламените?

Я бы считал, что ваш искристый смех
В кораллах и жемчужинах лучится,
Но он звучал в душе моей не раз.

Как много память дарит мне утех!
А если вас увижу — что случится?
О, если бы я мог увидеть вас!

* * *

Сеньора милосердная, молю:
Вину мою пред Вами отпустите,
Невольные безумства мне простите,
Ведь я, Амура пленник, Вас люблю.

От страсти я своей не отступлю.
Вам преданное сердце пощадите.
А если покарать меня хотите,
То сам я Вашу длань потороплю.

Пусть боль, что ныне душу Вам сжимает,
Не вызовет меж нами охлажденья.
Не то молва Вас тяжело покарает.

И скажут люди с горьким осужденьем:
Сеньора благодарности не знает,
Влюбленного лишая снисхожденья.

* * *

Сеньора, если за печаль и страсть
Одна награда — каторга и плети,
Глумитесь надо мной — я пойман в сети,
Моя душа Вам отдана во власть.

Над ней вольны Вы издеваться всласть,
Терзать ее, травить — я все на свете
Стерплю, ведь жизнь — война, и муки эти
Всех мук моих лишь крохотная часть.

Взглянув на Вас, кто не опустит взора?
Сдаюсь, но сердце Вам не отдаю.
Ведь сердце — мой последний щит, сеньора.

Спасенья нет в проигранном бою.
Спасенье есть — чтоб избежать позора,
Прижаться грудью к острому копыю.

* * *

Геракла сын был грозен и силен,
Но тем, кого Фетида искупала
В бездонном Стиксе, тем, кого не брало
Ничье копьё, был тяжко ранен он.

Страдальцем был оракул вопрошен,
И тот сказал: здесь трав и зелий — мало,
Но пусть однажды ранившее жало
Второю раной твой исторгнет стон.

Я — как Телеф. Моя судьба решила,
Что Вашим взором, поступью, осанкой
Я буду ранен. Но Любовь мою,

Чтобы она от раны исцелила,
Я должен видеть. Как больной водянкой,
Тем больше сохну, чем я больше пью.

* * *

Стоически, в тревогах тяжких дней,
В трудах и бедах краткий век мой прожит.
Одно лишь чувство грудь мою тревожит:
Моя любовь — но и страданье с ней.

Любых отрав любовь моя сильней,
И яд, что быть противоядьем может,
Гармонию страданья уничтожит:
Ведь не мирюсь я с мукою моей.

Но сил Любовь на тонкости не тратит
И за несчастье мне несчастьем платит.
Как снег, я таю от ее щедрот.

А если б мог с несчастьем примириться,
Она начнет на горести скупиться,
Затем что с платой долг ее растёт.

* * *

Мечтает Страсть о встрече, дона, с Вами,
Не ведая сама к чему стремится,
Любовь желать столь низкого стыдится,
Она живет возвышенными снами.

Какое существо под небесами
Возможным постоянством не прельстится?
И только страсть о низменном томится,
Хоть, наслаждаясь, желанья гаснут сами.

Моя Любовь, ты чистоту святыхни
Чуть запятнала, — как тяжелый камень
Летит, сорвавшись, к центру мирозданья,

Так и мое воображенье ныне
Откликнулось на чувственный мой пламень
И подчинилось низости желанья.

* * *

Я бросил щит, едва был начат спор, —
Гордец, обезоруженный мгновенно,
Я понял вдруг, что не избегнет плена,
Кто вызовет на бой Ваш дивный взор.

Вы только отягчили мой позор,
Мне на раздумья время дав надменно.
Я бился храбро, но признал смиренно,
Что глаз таких всемогущен приговор.

И, покорен красавицей строптивой,
Я уступил необоримой силе.
Судьба слепа, и слеп ее закон.

Но небо мерит мерой справедливой:
Вам славы нет, хотя Вы победили,
Но слава мне, пускай я побежден!

* * *

Колокола сзывали в божий храм,
И люди шли, как реки льются в море,
Чтобы того прославить в общем хоре,
Кто указал пути к спасенью нам.

Но притаился бог незрячий там,
И я в груди стрелу почувал вскоре,
И он сломил мой разум в жарком споре,
Прекрасный лик явив моим глазам.

Язычник одолел меня во храме,
Но я в душе не чувствую укора,
Слепому супостата не кляню.

Я дал ему обвить меня цепями,
Я славил этим Вас, моя сеньора,
И жаль, что прежде не был я в плену.

* * *

Однажды нимфа Силвия по чаще
Брела и, отдалившись от подруг,
На дерево залезла, вздумав вдруг
Сорвать цветок, в его листве горящий.

Зайдя в ту рощу и решив, что слаще
Прохлады не найти, на тот же сук
Повесил Купидон колчан и лук
И лег, пережидая зной палящий.

Не медлит нимфа и спешит украсть
Смертельное оружие: бог строптивый
Беспомощен в минуты забытья.

Из глаз ее пускает стрелы страсть.
Бегите, пастухи, покуда живы!
Лишь я останусь: в смерти жизнь моя.

* * *

Младому пастуху в часы заката
На память Терциана приходила.
Пастушка красотой его пленила,
И он терзался, яростью объятий.

«Не в женском чреве ты была зачата,
Не женщина на свет тебя явила,
Тебя тигрица дикая вскормила,
И средь зверей ты выросла проклятых.

К тебе взываю, мой кумир прекрасный,
Внемли моей тоске неутолимой
И снизойди к мольбе простой и страстной.

Но, видно, горьким гневом одержимый,
Господь создал навек меня несчастным,
Тебя же сотворил неутолимой».

* * *

О, как, томясь в страданиях бесконечных,
Я чуткою душой изнемогаю!
Любовь, отраду, молодость теряю,
И обречен терзаньям я навечно.

Коль к ветру обращаю взор сердечный,
То вдребезги надежды разбиваю,
Коль вновь кумир для сердца сотворяю,
То разум восстает бесчеловечный.

И мне мои мытарства не под силу.
Не выразить бессильными словами,
Как сердце надрывается от боли.

И дух мой обращен в живое пламя,
И жизнь мне безотрадная постыла,
И лучше солнца мне не видеть боле.

* * *

Латоны вещей сын, чьим светом мгла
Повержена во прах, убил злодея
Пифона, отвратительного змея,
За все его жестокие дела.

Убил стрелой — но самого стрела
Сразила золотая, чтоб, робея,
Он клялся в страсти дочери Пенея,
Которая в Фессалии жила.

Но тщетно он прельстить ее пытался
Своею силой, властью, красотой,
Искусством тонким, редким мастерством...

Уж если Аполлон ни с чем остался,
Влюбившись в нимфу, так чего же стою
Я, смертный, рядом с Вами, божеством?

* * *

Едва лишь Феб уснувшие вершины
Позолотил немеркнущим сияньем,
Помчалась в роцци чистая Диана,
Ища в охоте радости невинной.

Спускаясь с гор в прохладные долины,
К Анхизу поспешая на свиданье,
Венера изрекла в негодованье,
С сестрою продолжая спор старинный:

«Пока ты в чащах сети расставляла,
Оленям резвым плен готова вечный,
Сердца мужей пленяла я проворно».

«Достойнее, — Диана отвечала, —
Оленей в сети уловлять беспечных,
Чем в сети мужа угодить позорно».

* * *

Когда любимый изменил, солгал,
Простить не в силах пастуху обмана,
Взяла в мужья подпaska Далиана,
За грех чужой себя же наказав.

Доверчивую нежность, кроткий нрав,
Цветенье щек, пылающих румяно,
Отравит время поздно или рано,
Но жизнь с немилым горше всех отрав.

Прекрасный плод сорвали злые руки,
Завял в пустыне стебель горделивый,
Весенний луг холодной стал скалой.

Нарушенная клятва, боль разлуки,
Неискренняя страсть, расчет фальшивый
Сгубили прелесть красоты былой.

* * *

Вновь Далиана, взяв веретено,
Расплакалась без всякого предлога;
Вновь Лаурениу гнетет тревога,
И ревностью чело омрачено.

Она любила Силвиу давно,
Но ей закрыта к милому дорога;
Когда своих забот на сердце много,
Чужим не соболезнает оно.

И Лаурениу рыдает, горе
Не в силах пережить, и вместе с ним
Рыдает лес, его печали вторя:

— О, почему угодно судьбам злым,
Чтоб жили в несогласье и раздоре
Два сердца, чей союз нерасторжим?

* * *

Она прекрасней херувимов рая,
В ней все, чем вправе Небеса гордиться.
Лица румянец роз не устыдится,
Веселой Красотой обворажая.

А век хрусталь — оправа глаз живая,
И черной инкрустацией — ресницы.
Как бы зеленый свет из них струится,
Лишь зависть, не надежду вызывая.

Хоть нежность, ум и доброта готовы
У Красоты похитить самовластье,
От свойств души она еще прелестней,

И сердце, полюбив свои оковы,
Под звон цепей поет свое несчастье, —
Так nereида бурю славит песней.

* * *

Когда я пел в своем отдохновенье,
Сказал мне Сильвио, бредущий стороною
(Тот Сильвио-пастух, что с мудростью такою
Читает в будущем, услыша птичье пенье):

«Знай, Мэрис, рока темного веленье:
Два волка в день один придут одной тропою,
И звонкий голос твой замрет под их пятою,
И чистое тебя покинет вдохновенье».

И было так: один напал на стадо,
Что я имел и пас с таким стараньем,
Надеясь на судьбы обильные щедроты;

Другой унес полей веселых чадо,
Овечку милую, предмет моей заботы,
Навек наполнив душу мне страданьем!

* * *

Огонь, на восковом дремавший ложе,
Восстал, с огнем любви смешавшись вмиг,
Когда, взглянув на Ваш прекрасный лик,
Увидел свет, со светом солнца схожий.

Сдержать не в силах трепета и дрожи,
В удвоенном порыве, смел и дик,
Стремясь обнять Вас пылко, он приник
В палящем поцелуе к нежной коже.

Блаженна страсть, что жар свой донесла
До глаз, где скрыты прелести такие,
Какими целый мир сожжен дотла!

В Вас, о сеньора, влюблены стихии,
Поэтому свеча и обожгла
Снег, обжигающий сердца людские.

* * *

По прихоти природы, в грубой ткани
Скрыта от обманов и измен
Девичья прелесть, чтоб соблазн и тлен
Не смели помышлять о юном стане.

И все ж не скрыть монашеской сутане
Сиянья взора Вашего; блажен,
Кто был им поражен и, сдавшись в плен,
Находит сладость в нанесенной ране.

А тот, кто тщился сохранить покой,
Увидев Вас, потом поймет с испугом,
Что невозможно справиться с тоской,

И, гибельным поверженный недугом,
Почтет за честь, чтоб красоте такой
Амур победу отдал по заслугам.

* * *

Так поражает облик Ваш, Кибела,
Так ярко впечатленье чистоты,
Что Ваши лучезарные черты
Сама Природа перенять хотела.

Кто видел, как уверенно и смело
Несете Вы величье красоты,
Был удручен сознанием тщеты:
Любовь от Вас защиты не имела.

Чтоб избежать неборимых сил,
Я разум этой мысли подчинил,
Но чувство ей противиться пыталось.

И право, если дерзость в этом есть,
Придумайте еще другую месть
Для жизни той, что мне прожить осталось.

* * *

Наяды, обитательницы вод,
Поящих землю свежестью прохладной,
Вы видите, как праздный, безотрадный
Другой поток из глаз моих течет.

Дриады, страшен ваших стрел полет,
Они сверкнут — и пал олень громадный,
Вы видели глаза, чей беспощадный
Единый взгляд в сердца позором бьет.

Хотите видеть слезы горькой муки?
Оставьте ваши воды, ваши луки,
Идите, нимфы милые, сюда.

Здесь тусклы дни, и ночи здесь бессонны,
Но стрелы есть в глазах разящих доны,
В моих глазах — прозрачная вода.

* * *

Щегол влюбленный, нежный и беспечный,
Едва пригладив клювом пух, без нот
На ветке зеленеющей поет
Все тот же стих, бессвязный, бесконечный.

Тем временем стрелок в тростник заречный
Уходит крадучись. Таясь, как крот,
Он целится и в тьме стигийских вод
Певцу любви покой готовит вечный.

Так, жизнью наслаждавшийся дотоле,
Задет я в сердце был твоей стрелой,
Когда ловца отнюдь не опасался.

Чтоб невзначай застичь меня на воле,
Подстерегая, лучник роковой
В твоих зеницах пламенных скрывался.

* * *

О Низе, в горы не спеши со стадом,
Не то дождешься мести Купидона,
Тебя он ищет, гневом распаленный
И яростью безжалостной объятый.

Колчан заветный, полный стрел когда-то,
Тобою он нашел опустошенным,
И грудь твою кинжалом раскаленным
Готов пронзить, не ведая пощады.

Сокройся! Обмани судьбу лихую.
Крылатый бог, отвергнув состраданье,
Уж над тобою длань заносит злую.

Но, ах! К чему мои увещеванья?
Ведь красоту волшебную, благую
Кинжалы одолеть не в состоянии.

* * *

В очах, в осанке — сладостный покой
(В земной юдоли — беглый отблеск рая).
Под золотом и снегом — розы мая,
Среди рубинов — жемчуг, смех живой.

Изящество в союзе с простотой,
Суждений ясность, искренность прямая, —
Искусство, как природа всеблагая
Все наделить умеет красотой.

И жизнь, и смерть — все в мире вам открыто,
Все в вашей тонкой, тихой речи слито,
Вы посрамили ею дев и жен.

И в ней оружие ваше, ваша сила.
Но пусть любовь несчастного сразила —
Я славы побежденных не лишен.

* * *

Печальный взгляд, исполненный участия,
Улыбки кротость, ласковой и честной,
Движений строгость, мягких и прелестных,
Привычка к жизни горестной ненастьям.

Отвага сердца, стойкого в несчастьях,
Души величье, чистотой известной,
Безмерная готовность к муке крестной,
К судьбы ударам гордое бесстрашие, —

Застенчивость и склонность к всепрощенью,
Лик — выраженье ясного покоя, —
Все это сладкий яд моей Цирцеи.

Вовеки не найти мне исцеленья.
Пленен мой дух небесною красою,
Пред коей я давно благоговею.

* * *

Сеньора, в чем причина Ваших чар?
Блеск этих кос, что сердце мне пленили,
Рожден в какой золотиносной жиле,
С какого прииска привезен в дар?

Зажечь во взгляде солнечный пожар,
Стать первой в знатности, уме и силе
Помог Вам промысел небесный или
Медеи заколдованный отвар?

Из раковин каких добыть смогли Вы
Сиянье этой россыпи жемчужной,
Чтобы улыбки рассветить свои?

Сеньора, знайте: раз Вы так красивы,
Вам помнить о судьбе Нарцисса нужно
И обходить озера и ручьи.

* * *

Природа, в колдовском смешав сосуде
Блеск золота, рубинов, снега, роз,
Ваш образ создала, что в мир привнес
Красоты, о каких не знали люди.

Рот из рубинов сложен в этом чуде,
Из роз румянец соткан, цвет волос
Был золотом подарен, и мороз
Слепил из снега пламенные груди.

А если в Ваши очи заглянуть,
В них — солнце, и светлее солнца это
Всех солнц, что видел мир когда-нибудь.

Так в дивных красках Вашего портрета
Воплощены природой смысл и суть
Роз, золота, рубинов, снега, света.

* * *

Когда богинь Природа создавала,
Одно для каждой выбрала она:
Оделась целомудрием Луна,
Рожденным из чистейшего кристалла.

Незрячим стал Амур — так ослепляла
Венера красотой — и лишь одна
Умом была Паллада Вам равна.
Юнона величавостью блистала.

Но небеса — их благодать я чту —
К Вам беспредельно были благосклонны
И, Вам даря Венеры красоту,

Добавили, презрев свои законы,
Паллады ум, Дианы чистоту
И величавость гордую Юноны.

* * *

Мы чтим Паллады ум, Дианы честь,
Венеры красоту, Юноны славу;
До Африки и Азии по праву
Дошла об этом из Европы весть.

Всевластным небом, чьих чудес не счесть,
Был вставлен дух в телесную оправу;
Воздвигнут мир по высшему уставу
Из четырех частей таким, как есть.

Но вас, сеньоры, балует природа
И дарит каждой сразу все подарки,
Их на четыре части не деля.

Вам отдают свой блеск живой и яркий
Лучи Луны и красота Восхода,
Огонь и Влага, Воздух и Земля.

* * *

Любовь — огонь, пылающий без дыма,
Кровавая, хотя без крови, рана,
Слепая вера в истинность обмана,
Недуг незримый, но губящий зримо;

Любовь — глухая ненависть к любимой
И гнев на то, что есть, но нежеланно,
И жажда, всем владея невозбранно,
Всего себя отдать невозвратимо;

И добровольный плен, и служба той,
Кто губит нас, и все-таки любима,
И все-таки в душе царит одна.

Так можно ль сердцу дать единый строй,
Когда любовь сама неотвратимо
Вся из противоречий сплетена!

* * *

Ждет смерть меня; дано бессмертье строкам,
С печалью повествующим о том,
Сколь радостно я жил; чтоб им потом
Из рук не выпасть в Лету ненароком,

Я их оставлю здесь, и пусть уроком
Послужит людям этот скорбный том,
Пусть тычут указующим перстом
В него с негодованьем и упреком;

И если горе счастьем счел глупец,
Амуру и Фортуне веря слепо,
То на моем примере наконец

Он сможет убедиться, сколь нелепо
Им доверять: Амур — тиран и лжец,
Фортуна — вероломна и свирепа.

* * *

Зной истомил зверей, жесток и жгуч,
И только Лизу не искал прохлады —
Он брел на поиски своей наяды,
Чтоб усмирить любви палящий луч.

Был горек стон его и столь могуч,
Что каменные вздрогнули громады,
Но нимфу манят новые услады —
Сердца красавиц тверже горных круч.

Ответа нет. И, плача беспрестанно,
Несчастный надпись вырезал на буке,
Оставив нам завет в лесной глуши:

«Жизнь в женские не отдавайте руки;
У женщин если что и постоянно,
Так это переменчивость души».

* * *

Когда на середину небосклона
Яснейший Пастырь поднял факел свой,
И манит коз, измученных жарой,
Прохладных вод живительное лоно,

И укрывает ласковая крона
Замолкших птиц, и в тишине лесной
Одни цикады, несмотря на зной,
Уньлого не прекращают звона...

И Лизу плачущий, не зная сна,
К Натерсии взывает — той из нимф,
Что бессердечней всех: «Меня погубит

Страданье — ты другому отдана,
А он тебя не любит», — эхо с ним
Вступает в спор: «... она... тебя не любит...»

* * *

Ты эту ленту мне дала в залог
Любви, и, ощущая боль утраты,
Я на нее смотрю, тоской объятый,
И думаю: о, если бы я смог

Увидеть косу — золотой песок,
Затмивший все рассветы и закаты, —
Которую нарочно расплела ты,
Чтобы душе моей сплести силок!

Ты ленту мне дала, чтоб облегчилась
Немыслимая тяжесть этой страсти;
Я принял дар, от долгих мук устав.

Пусть полностью болезнь не излечилась:
«Нет целого — достаточно и части», —
Гласит любви неписанный устав.

* * *

Прекрасная фиалка, что томится
В рассветный час среди зелени долины,
Тебе в красе неброской и безвинной,
О Виоланте, следовать стремится.

В твоём лице божественном томится
Источник чудных чар, для вас единый
Есть смысл в имен созвучии глубинном,
Моя судьба давно в нём коренится.

Не допусти, о солнце мирозданья,
Чтоб, милостью Амура обойденный,
Нашел я в страсти горькие страданья.

И умоли скупого Купидона,
Чтоб, как Энею в сладостном преданье,
Он дал бы мне любовь моей Дидоны.

* * *

В тот сад, где зелень пышно расцвела
И где цветы красуются надменно,
Любви богиня Анадиомена
С Дианою-охотницей вошла.

Венера тотчас лилию взяла,
Диана розу выбрала мгновенно,
Но все цветы, изящна и смиренна,
Фиалка красотою превзошла.

Богини спросили Купидона:
Какой цветок и чище и нежнее,
В каком из трех он ценит красоту?

И мальчик им ответил благосклонно:
Прекрасны все, но розе и лилее
Я все же Виоланте предпочту.

* * *

Владычица, подайте мне устав,
Чтоб за любовь я пребывал в ответе:
Поскольку Вас одну люблю на свете —
Я выполню его, не возроптав.

Лишь видеть Вас не отнимайте прав —
А все иное будет пусть в запрете.
О данном не посетую обете,
Не оскорблю Ваш несравненный нрав.

Когда для Вас такие просьбы тяжки —
Тогда подайте, рассудивши здраво,
Тому, чтоб умер я, устав любой.

Но коль и этой не найду поблажки —
То буду жить и доле без устава,
Одною счастлив горькою судьбой.

* * *

Любовь моя! Охваченный тоской,
Не чаял посетить твой храм могучий.
Пришел к тебе, поскольку злые тучи
Нависли над моею головой.

К подножию решительной рукой
Бросаю жизнь, как камень с горной кручи.
Не принуждай! Довольно сердце мучить!
Зачем зовешь, коль я навеки твой?

На откуп отдаю надежду, славу,
Ночей прошедших сладостную страсть
К возлюбленной с пленящими глазами;

Возьми себе все это на забаву!
А коли мало, упивайся властью
Моими неутешными слезами.

* * *

Когда б Вы испытали состраданье
К мученьям, что сношу я терпеливо,
От Ваших глаз не знал бы я отрыва,
Моя Любовь, мое воспоминанье!

Мы разлучились, но мое желанье
Хранит в душе, лелеет Вас, о дива!
Велит мне думать, что разлука лжива.
Увы, правдива! — молвит расстоянье.

Я ухожу, сеньора, но в разлуке
Глазам того, чьей жизнью Вы стали,
Мстить перестанут слезы лишь в могиле.

И дней остаток проведу я в муке,
И память здесь найдет меня в печали, —
Та, что в забвеньи Вы похоронили.

* * *

Ужели, Нимфа, ты пренебреженьем
Надеешься повергнуть сердце в грусть?
То сердце, что почтет за наслажденье
Нести переживаний пылких груз?

Признайся, о святое провиденье,
Что чужд тебе амурный нежный вкус;
Но тем сильнее страстное влечение,
Чем яростнее твой слепой искус.

Уж коли хочешь, чтобы страсть угасла,
Зачем ты мир презрением пугаешь?
Смени личину! Стань невинной вновь!

Жестокостью и гневом умерщвляешь,
Меня убьешь, но только ты напрасно
Предать огню пытаешься Любовь!

* * *

Сражений гром, кровавая вражда,
Пожары, дым, ползущий по просторам,
Смертельный свист ядра, перед которым
Не устоит и горная гряда, —

Мне никакая не страшна беда,
Я все опасности считаю вздором.
Благословенный Вашим чудным взором
Я стал неуязвимым навсегда.

В горнило схватки сбросившись с размаха,
Я гибну от железа и огня,
Но, словно феникс, встаю из праха.

В любом бою спокойствие храня,
Я лишь перед тобой дрожу от страха,
Амур, жестоко ранящий меня.

* * *

С бедой моей нет никакого сладу,
Как видно, помутился я умом:
Надеюсь на песке построить дом,
Прошу волков, чтоб не вредили стаду,

Тщусь, как Арахна, превзойти Палладу,
В пещеру к тигру лезу напролом,
Пытаюсь море вычерпать ковшом,
Грешу — и счастье требую в награду,

Спокойствия ищу, в аду горя,
Мечтаю о весне зимой ненастной,
Хочу, чтоб в полночи зажглась заря,

Жду, что Олимп затмится своевластный
И рухнет гнет — иначе говоря,
Что вспыхнет страсть в душе твоей бесстрастной.

* * *

Как разгадать судьбы моей секрет?
Чьей волею я стал рабом печали?
Оставь меня! Ужели за плечами
Не видишь ты страданий прошлых лет?

Однако плач — попутчик горьких бед,
И вздохи мне союзники едва ли...
Хочу, чтоб дни в печали пролетали,
Теперь она — сестра былых побед.

Невольник злой судьбы, печальный раб,
Не мне ль поют незримые оковы?
Я так несчастен, так безумен, слаб,

Что и они сочувствовать готовы!
Но чья вина? Кто истинный сатрап?
Любовь моя — вот чем я околдован!

* * *

Когда мое страданье — искупленье
За все ошибки, сделанные мною,
Как видно, мне назначена судьбою
Двойная мука за мое терпенье.

И если вздохи, бледность, униженье
Напрасны и пощады я не стою,
Сеньора, ляжет тяжкою виною
На совесть Вашу все мое мученье.

Но если вновь, вооруженный луком,
Слепец грозит меня подвергнуть мукам
За верность, не нарушенную мной,

Поскольку Вас никто ведь не накажет,
Пускай навек Амур меня обяжет
Страдать за то, в чем только Вы виной.

* * *

О, если бы надеяться я мог,
Что боль моя проникнет в Вашу душу!
Пусть не любовь спокойствие нарушит,
А только состраданья огонек.

Как счастлив был бы я у Ваших ног,
Коли узнал, что Вам отныне нужен;
Ведь холод Ваш страшнее зимней стужи
И тех мучений, что дарует Рок.

Но Вы глухи, жестоки, непреклонны,
И Вам, сеньора, право, все равно;
Мне остаются только слезы, стоны,

Другой судьбы, как видно, не дано.
И только жаль, что Вы, презрев законы,
Добру несете непременно зло.

* * *

Доколе будешь ты, жестокий Рок,
Искать в презренном мире добродетель?
Напрасно все! Оставь попытки эти —
Найти ее не сможет и Пророк.

Печаль — мой крест, предсмертный мой порог,
Страшнее нет мучения на свете!
Но все ж она, и Бог тому свидетель,
Невиннее, чем девственный порок.

И, словно тот, кто с самого рожденья
Себя дурманил зельем ядовитым,
С бокалом каждым прибавляя сил,

Я тож вкусил холодного презренья,
И сей напиток, полностью испитый,
Во мне бывшие страсти воскресил.

* * *

Коль искренности чистая слеза
Способна совладать с холодным взором,
Так отчего же Вы с таким укором
На влажные взираете глаза?

Не Вы ль виновны в том, что небеса
Мою свободу предали позору?
Молю Вас, сжальтесь! Ну к чему раздоры?
Меня и так лукавый наказал.

Прервите плач мой, жизнью заклинаю!
Сиянье красоты своей волшебной
Отдайте мне, страдальцу, наконец.

Блаженство чувств не подвергайте скверне
И станьте той, кого я обожаю...
Но нет! Все тщетно! Знать, любви конец!

* * *

Та женщина никак не насладится
Страданиями сердца моего,
И у нее во взоре — торжество,
Подобное огню в глазах орлицы.

Ее красой и небо возгордится:
Не женщина, а полубожество.
Так что же, ей не надо ничего,
Как только крови жертв своих напиться?

Ну что ж, сеньора, будь себе верна —
Триумф свой сделай достоянием света,
Победу ты отпраздновать вольна.

Но ты не в силах разгадать секрета:
Пускай душа тобою сожжена,
И все же лишь тобой она согрета.

* * *

Хоть время день за днем, за часом час
Свой суд вершит над славой и над властью,
Кладет конец уму, богатству, счастью,
Оплакивая жертвы всякий раз,

Хоть бег его поспешный многих спас,
Попавших в руки злу и безучастью,
Оно бессильно перед этой страстью —
Моя судьба зависит лишь от вас.

Мгновенья мчатся: день сменился ночью,
Веселый смех растаял в горьком плаче,
Гроза прошла — и вспыхнул небосклон.

Но каменному сердцу, средоточью
Моей надежды, скорби и удачи,
Неведом вечный времени закон.

* * *

Сияют негой юные черты,
А взор Ваш как цветок благоуханный,
Исполненный красою первозданной
И наделенный даром доброты.

Увижу Вас среди мира суеты
И вновь терзаюсь сердцем неустанно,
Мне чудятся в моих виденьях странных
Цветы ромашек, строги и просты.

О, если б шоры взгляд мой защищали,
Меня бы эти муки не томили,
Не возносился б я в своих мечтаньях.

Мольбам моим смиренным Вы не вняли,
И радость Вам беспечную дарили
Моей души извечные страданья.

* * *

В себе сплели Вы все цветы весны,
Ее фиалки, розы, маргаритки,
А косы Ваши — золотые свитки,
И снег стыдится Вашей белизны.

В Вас и земля и небо влюблены,
А разлюбить — напрасны все попытки,
Когда природой Вы в таком избытке
Всем, что к любви зовет, наделены.

Но если тот, кто Вас так нежно любит,
Не смеет брать нектар от Ваших роз,
Они умрут, они засохнут скоро.

Сердечный холод их в цветку погубит.
Вам эти розы Купидон принес,
Не обращайтесь в шипы, сеньора!

* * *

Дидона, вся в слезах, перебирала
Одежды, что оставил ей Эней, —
Наследье прошлых многославных дней,
Когда Судьба ей счастье разрешала.

И вдруг увидев блеск его кинжала —
Как человек, который стал сильнее
Самой души страдающей своей,
Его сжимая, так она сказала:

— Клинок бесценный! Если был ты мне
Оставлен, чтобы сталь мне отомстила
За ту ошибку, что свершил мой друг,

Так знай, и ты обманут: мне вполне
Одной моей печали бы хватило,
Чтоб я навек избавилась от мук.

* * *

Тщеславность ум Летеи помутила.
Как повествует миру быть одна,
Своею красотой ослеплена,
Она хвалилась, что богинь затмила.

Тогда богов судилище решило,
Что столь необычайная вина
Немедля быть наказанной должна,
Как дерзкая хвастунья заслужила.

Но кары той не мог перенести
Олен, к Летею страстью пламенея.
Погибнуть, но прекрасную спасти —

Вот какова была его затея.
И, чтоб любовь от смерти увести,
Он камнем стал, а с ним — его Летея.

* * *

Огнем ведомый против волн и шквала,
К возлюбленной Леандр отважно плыл.
Уж ни дыханья не было, ни сил,
Но каждый миг Любовь их обновляла.

И видел он: одной отваги — мало,
А боги не пошлют незримых крыл.
Сказать не в силах, мыслью он просил,
Чтоб море в эту ночь ему внимало.

О море! — так он мысленно взывал —
Пускай меня потопит лютый шквал,
Но Геро защити свою властью.

От этой башни труп мой унеси!
Мне отомсти, одну ее спаси,
Коль моему завидуешь ты счастью!

* * *

Мой страдный путь надежда вдохновляет,
Я ей живу, от бурь земных хранимый,
Сомнений череду невыносимых
Она порой от сердца отгоняет.

Но злая мука душу угнетает,
Я вижу, как признание любимой
Не я, высокой страстию томимый,
А дерзкий мой соперник обретает.

Опутан дух израненный сетями.
А сердце милой, как угрюмый камень,
Молчит пред робкой нежности словами.

О, если б мог любви могучий пламень
Согреть его упорными мольбами
И жарким оживить его дыханьем!

* * *

Кто знал меня, уверены, что вскоре,
Раздавлен скорбью, я с ума сойду:
Он болен, шепчут, ходит как в бреду,
Забыл друзей, рассеян в разговоре.

Вздор! Пусть я сник, пускай с тоской во взоре,
Согбен от мук, я по земле бреду,
Я выше тех, кто не познал беду:
Ничто не возвышает так, как горе.

Другие за сокровища и честь
Пусть бьются против ветра и огня,
Перевернув вверх дном моря и сушу.

Я нищ и слаб, но счастлив тем, что есть,
А есть одно богатство у меня —
Твой образ, согревающий мне душу.

* * *

Твоих сетей, Амур, я опасаясь,
Но луком ты клянешься позлащенным,
Что счастье дашь душе моей влюбленной,
И я тебе невольно доверяюсь.

И за тобою, как впотьмах, скитаюсь,
На грудь твою, любовью ослепленный,
Я руку возлагаю обреченно
И сам в твою ловушку устремляюсь.

Стал твой обман для сердца утешеньем,
И боле я любовь не проклиная,
А возношу тебе благодаренье.

Тебе я сердце робкое вручаю.
Спешу, слепящий лучник, в нетерпенье
Я грудь свою под стрелы подставляю.

* * *

Амур, никак тебя я не пойму:
Ведь прежде чем войти в твои чертоги,
Я долго шел по гибельной дороге,
Проклятья множа твоему ярму.

Я опыту вверялся и уму,
Считал, что знаю, сколь уловки многи
Коварные твои, — и вот, в итоге,
Служу теперь тебе лишь одному.

Тебе мое приютом сердце было,
Где ты незримо коротал года,
До времени твоя дремала сила —

И для меня открылся ты, когда
С особою тоскою наступило
Чередованье скорби и стыда.

* * *

Я понимал, сеньора, несомненно,
Что с каждым днем дорога к Вам длинней,
Что я себя теряю тем верней,
Чем медленнее гоните из плена.

Теряю все, что для меня бесценно:
Вы на другого смотрите нежней.
Хранил я в тайне дар любви моей,
Зато измена Ваша откровенна.

Я все Вам отдал — душу, сердце, ум.
Не знал я, что любовь моя — лишь бремя,
А сердце Ваше пылкое — гранит.

Теперь брожу во мраке горьких дум...
Вы вспомните меня — настанет время,
И Вас стрелой раскаянье пронзит!

* * *

Наяду — ту, чей образ сердцу люб, —
Я дремлющей застал в объятьях фавна;
Он сладостную дань взымал исправно,
На горе мне, с ее прекрасных губ;

И я спросил Венеру: почему б
Не запретить красотке своенравной
Беспутствовать столь дерзостно и явно,
Да с тем еще, кто так блудлив и груб;

Неужто впрямь забыта добродетель,
А стыд исчез, неужто, о богиня,
Так легок и изменчив норов твой,

Что нимф прелестных — я тому свидетель —
Во власть уродам отдают отныне
И нет любви, лишь случай есть слепой?

* * *

Я за обман Вас строго не сужу,
Хотя о нем давно имею вести,
И не прошу вознаградить по чести
Ту преданность, с которой Вам служу.

Но больно мне, когда вообразу,
Как на моем обосновался месте —
Выходит, стал я жертвой Вашей мести,
Виновны Вы, а я ответ держу.

Хотя, сеньора, справедливо, чтобы
Обидчик был обиженным наказан,
Когда к тому весомый повод есть,

Но все же я, решив в порыве злобы,
Что за коварство Ваше мстить обязан,
Столь низкую бы не назначил месть.

* * *

Ваш ясный, нежный, Ваш прекрасный взор
Недаром восхищает все живое,
И пред его сияньем остальное —
Ненужный, мелкий и ничтожный вздор.

А если яд любви до этих пор
Вас не смущал в девическом покое,
То знайте: крепнет пламя роковое,
Когда стремятся угасить костер.

Не думайте, что в искренне любимой
Нам недостаток будет неприятен,
Что наше чувство он убить готов.

Нет, мы во всем к возлюбленной терпимы,
Влюбленным сердцем мы не видим пятен.
Любовь лишь крепнет пред лицом врагов.

* * *

Любовь, меня питающая ядом,
Продли мне жизнь, чтоб я увидеть смог,
Как две звезды, чей свет мне сердце сжег,
Взирают на меня померкшим взглядом,

Как годы, проносясь над вешним садом,
Иссушат свежий розовый цветок,
Как в пышных косах золотой поток
Серебряным прольется водопадом.

Всему перемениться суждено,
И чувства переменятся, сеньора,
Но запоздавшая любовь смешна.

Рыдайте — Вас отвергнут все равно;
Так месть моя свершится — пусть не скоро,
Но все-таки достигнет Вас она.

* * *

Помыслить мог ли я, любовь моя,
Что к своему злосчастью в придачу
Я так необратимо Вас утрачу.
Увы, сеньора, Вам я не судья!

И я познал всю горечь бытия.
К своей удаче брел я наудачу,
Все потеряв, теперь в печали плачу.
О, если б он был предан Вам, как я!

Но Вы в своем надменном безучастье
Не замечали скрытого огня
Моей немой, неутоленной страсти.

А я без Вас не мог прожить и дня.
Так знайте, я — в оковах Вашей власти,
И даже смерть не вызволит меня.

* * *

Влюбленный в нимфу, сколько слез и мук
Принес Кефал отвергнутой Авроре,
Что лучшие ему дарила зори,
Бросая розы алые вокруг!

Спешит к Прокриде любящий супруг
И в дом родимый прибывает вскоре,
Но честь своей жены, себе на горе,
Он подвергает испытанью вдруг:

Вмиг изменив обличье и одежды,
Ей льстит и лжет, дает подарки в руки —
Прельщенная, Прокрида молвит «да».

Так, убивая сам свои надежды,
Пускается на хитрости и трюки
Ревнивец, не довольный никогда.

* * *

Прокрида, уличенная, в испуге
Укрылась от Кефала в дебри гор,
Хоть гнал ее, возможно, не позор,
А лишь лукавство ветреной супруги.

Но муж, в любовном мучаясь недуге,
Утратил разум и, забыв с тех пор
Обиду, породившую раздор,
Отправился на поиски подруги,

Нашел ее, припал к ее стопам
И стал молить о снисхожденье, словно
Она чиста, а изменил он сам.

Так, пораженный слепотой любовной,
Безвинный муж, заглаживая срам,
Прощенья просит у жены виновной.

* * *

Как лебедь умирающий поет
На зыбкой глади озера лесного,
Когда впервые, скорбно и сурово,
На жизнь глядит уже с иных высот, —

О, если б он часов замедлил ход,
О, если бы расправил крылья снова!
Но славит он конец пути земного,
Освобожденье от земных забот, —

Так я, сеньора, здесь, в пути далеком,
Уже смирясь пред неизбежным роком,
Не в силах жить, берусь за лиру вновь

И снова славлю горькими словами
Мою любовь, обманутую Вами,
И Вашу изменившую любовь.

* * *

Мондегу тихий, ясная вода,
Воспоминаний край, для сердца чудный,
Где, ослеплен надеждой безрассудной,
Я шел за ней, но шел я... в никуда.

Я ухожу от милого гнезда,
Но памятью в мой путь, глухой и трудный,
Я уношу твой берег изумрудный.
Чем дальше ты, тем ближе, — так всегда.

Орган души, о родине скорбящей,
Судьба в чужие земли унесет,
К чужим ветрам, в неведомые чащи.

И все ж душа направит свой полет
На крыльях мысли, в прошлое летящей, —
Вновь погрузиться в глубь прозрачных вод.

* * *

Итак, судьбы узнал я благодать!
Лежу в пыли, и мне уж не подняться.
Все изменилось, так чему ж меняться?
Все потерял я, что еще терять?

Расстался с лучшим — значит, с худшим ладь.
Жить прожитым я буду впредь пытаться.
Но в мире зла, где злу и не дивятся,
На что и жить, чего от жизни ждать?

Пускай же смерть приходит, торжествуя.
Надежды нет, желаний больше нет.
Так пусть умру, хоть сердцу легче будет.

Ведь от добра уже добра не жду я.
Но средство есть от этих зол и бед,
И за него пусть мир меня не судит.

* * *

Уже Аврора кудри распустила —
Нимб золотой над зеленью земли.
Кругом поля сверкали и цвели,
Роса ждала всходящего светила.

Но Лауренте с Силвиу уныло
Свои стада красивые пасли —
От той одной-единственной вдали,
Кого сама Любовь боготворила.

Зарю слезами Лауренте встретил:
«О нимфа, я не мил тебе, к чему ж?
Еще я жив, еще гляжу на свет?»

Жизнь без тебя, быть может, смерти хуже!»
«Кто жив, тот любит, — Силвиу ответил, —
Но и любви для тех, кто умер, нет».

* * *

Не верь обману, клятвопреступленью!
Но как забыть Надежду, свой оплот?
Увы, Любовь не разумом живет,
Она зовет к страданию, к терпенью.

Легла на жизнь измена черной тенью,
И сердце с жизнью кончило расчет.
А смерть? Хотящий смерти не умрет,
И смерть могу ли приравнять к спасенью?

Я беспокойством сердца обречен
Надеяться, листая жизни главы.
Так повелел Любви слепой закон.

Но для чего мне призрак зыбкой славы,
Когда живу истерзан, удручен,
В плену надежд, исполненных отравы?

* * *

О Жизнь моя! От света Ваших глаз
Ведет мой жребий в смерть, в уничтоженье.
Что счастье там, где есть предназначенье:
Я всем владел — и вот во всем отказ.

Но я клянусь и в этот грустный час,
Что, если и убьет меня мученье,
В страну, где смерть, где вечное забвенье,
Переплыву я с памятью о Вас.

Пускай без Вас терзаюсь болью всюду,
Чем радость обрету хоть в чем-нибудь.
Забытый Вами, Вас я не забуду.

Пусть лучше память омрачит мой путь,
Чем, Вас забыв, я недостоин буду
Блаженства боли, мне стеснившей грудь.

* * *

Когда судьба мне испытанье шлет
И, Вас — мое блаженство — покидая,
Я должен ехать, изгнанный из рая,
Моей вины терпя жестокий гнет,

Суровость Вашу, гневный Ваш уход,
Тот страшный миг опять переживая,
Черствею вдруг, и боль, еще живая,
Уже не с прежней силой сердце жжет.

Как мог судьбы принять я перемену,
Как я не умер, как мирскую сцену
Тогда не бросил и понес мой крест?

Поверьте, все приму я без укора.
Уехав, больше я б страдал, сеньора,
Когда бы мукой не был мой отъезд.

* * *

Ах, наш жестокий враг, что заставляет
Вас покидать отчизну в нетерпенье,
Вас, светлый ум и красоты цветенье,
Кто из гнезда родного вырывает?

И что Фортуна Вам уготовляет?
Ветров враждебных ярое гоненье,
Морской стихии злое возмущенье,
Потоп, что к небу волны воздымает?

Но коль разлука наша неизбежна,
Пусть небо столько счастья Вам дарует,
Что превзойдет все Ваши упования.

Пусть горькая кручина Вас минует.
Останусь я в печали безутешным,
И тяжек будет сердцу час прощанья.

* * *

Пускай враждебный Рок, моя сеньора,
Закрыл, мой смертный приближая час,
От глаз моих сиянье Ваших глаз,
В котором сердца скорбного опора, —

Моя душа не слышит приговора,
В огне сражений, в море — всякий раз
Она напоминает мне о Вас,
Дабы союз наш кончился не скоро.

Ей не прикажет и всеильный Рок!
Пусть голод, холод, бури, вражий ков —
В ней вечно Вы пребудете живая,

Чтоб мой дрожащий, хриплый голос мог
Все отогнать — и бури, и врагов,
Одно лишь имя Ваше называя.

* * *

Когда лучей искрящийся хрусталь
Пришла пора просыпать в мир Авроре,
Пастушка Низе уходила в горе
Из мест родных в неведомую даль.

Она взывала к небесам — ей жаль
Загубленного счастья, и во взоре,
Который блеском затмевает зори,
Ручьями слез расплескана печаль:

«Сияй, Аврора, вспыхни ярким светом,
Чтобы восхода алая струя
Несла покой сердцам, тобой согретым,

Но знай, что беспредельна скорбь моя,
И помни, что отныне в мире этом
Пастушки нет несчастнее, чем я».

* * *

Рассталась Низе навсегда с Монтану.
Она исчезла за грядою скал,
Но в памяти пастух воссоздавал
Черты своей подруги неустанно.

Он в Индии, пред хлябью океана,
На посох опершись, свой взор метал
В пучину волн, в их дышащий кристалл,
Но безответна пелена тумана.

«Любви нетленной к той, что, мне на горе, —
Стенал он, — путь свершает свой далекий,
В свидетели зову я небосвод!

И если жаль тебе меня, о море, —
Вдаль унеси и слез моих потоки,
Как их причину, с пеной темных вод!»

* * *

Те очи светлые, что в час прощанья
Все о разлуке плакали со мной,
О чем теперь грустят? И облик мой
Лелеют ли в своих воспоминаньях?

И помнят ли годину расставанья
И час моих страданий роковой?
И день свиданья нашего благой
Им грезится в заветных ли мечтаньях?

Считают ли мгновенья и часы?
Для них минуты тянутся, как годы?
Взывают ли к ветрам в ночной тиши?

Обман счастливый страждущей души!
Когда печальным думам нет исхода,
Хоть ты терзанья сердца приглуши.

* * *

Уж если я сумел перешагнуть
Через потоки слез — по воле Рока
Плывущий вдаль, я этого потока
И этой бездны не страшусь ничуть.

Был час прощанья, и томилась грудь
От тысяч уз, разорванных жестоко,
Когда, за миг до истечения срока,
Река любви мне преградила путь.

Но мной и эта пройдена граница.
Я шел, подобно тем, кто, прям и тверд,
Идет на плаху, зная: казнь свершится.

Пускай любые образы и лица
Приемлет смерть — страдальцу, что простерт
У ног ее, чего еще страшиться?

* * *

Душа моей души, ты на крылах
Отторглась преждевременно от тела!
Покойся там, куда ты отлетела,
А мой удел — грустить о небесах.

О, если память о земных делах
Живет в преддверье горного предела,
Не забывай любви той, что горела
Чистейшим пламенем в моих глазах!

И пусть любимой имя будет свято —
Вернуть ее не может человек
Своей тоской (оттуда нет возврата!).

Моли того, кто жизнь твою пресек,
Дабы опять, как на земле когда-то,
Нас в небе он соединил навек!

* * *

Печали полный радостный рассвет,
Смешавший краски нежности и боли,
Пусть будет людям памятен, доколе
Есть в мире скорбь, а состраданья нет.

Чертившее на небе ясный след,
Лишь солнце соболезовало доле
Двух душ, разъединенных против воли,
Чтобы погибнуть от невзгод и бед.

Лишь солнце видело: обильной данью
Наполнилась могучая река,
Взяв у влюбленных слезы и рыданья,

И слышало: мольба их столь горька,
Что может и огонь смирить, страданья
Уменьшив осужденным на века.

* * *

Земля, вода, фонарь на челноке,
Шуршанье гальки в ласковом прибое,
И ночь в ее торжественном покое,
И плеск дельфина где-то вдалеке.

Рыбак Анонью в горести, в тоске
Напрасно шепчет имя дорогое,
Кричит туда, в безмолвие морское,
И чертит это имя на песке.

Верните, волны (говорит несчастный),
Верните мне похищенное вами,
Иль сам я кинусь милой нимфе вслед.

Уносит ветер крик его напрасный,
Он море не разжалобит мольбами.
Шумит волна. Ему ответа нет.

* * *

Ах, Динамене! Твой растаял след,
И хоть любовь пылает с прежней силой,
Я больше не увижу нимфы милой,
Покинувшей так рано этот свет!

Какая пытка: до скончанья лет
Грустить вдали — из-за судьбы постылой,
Велевшей волнам стать твоей могилой,
На наше счастье наложив запрет!

Смерть не дала нам вымолвить ни слова
В тот миг последний, черным покрывалом
Твой светлый взор окутав навсегда.

О, море! Небо! Ярость Рока злого!
Чтоб это горе показалось малым,
Возможна ли еще страшней беда?

* * *

Как только ночь, сменяя день превратный,
Измученного погружает в сон,
Мне душу той показывает он,
Кто мне как сон явилась благодатный.

И я бегу пустыней необъятной
За нею вслед, виденьем ослеплен,
Но призрак, вставший из былых времен,
Уходит прочь дорогой невозвратной.

«Красавица, помедли!» — я кричу,
Но, улыбаясь нежно из тумана,
Она как будто молвит: невозможно.

Ей «Дина», — крикнуть, — «мене» я хочу
И просыпаюсь. Кровь стучит тревожно,
А я лишен и краткого обмана.

* * *

Противница и друг! В твоих руках
Вся жизнь моя и все блаженство было!
Нет, стала не земля твоей могилой,
Чтоб на земле от горя я исчах.

Волна морская твой скрывает прах,
Одна красою обладает милой,
Но, сколько бы ни длился век унылый,
Твой образ будет жить в моих мечтах.

И если мне дано в строках сонета
Любви кристально чистой посвятить
Рассказ пусть грубый, но правдоподобный,

Ты будешь мной в стихах всегда воспета,
И если память вечно может жить,
Да будет стих мой надписью надгробной!

* * *

Да сгинет день, в который я рожден!
Пусть не вернется в мир, а коль вернется,
Пусть даже Время в страхе содрогнется,
Пусть на небе потушит солнце он.

Пусть ночи тьма завесит небосклон,
Чудовищ сонм из ада изрыгнется,
Пусть кровь дождем из туч гремящих льется
И сын отца убьет, поправ закон.

Пусть люди плачут и вопят, не зная,
Крепка ль еще под ними грудь земная,
Не рушится ли мир в бездонной мгле.

Не плачьте, люди, мир не заблудился,
Но в этот день несчастнейший родился
Из всех, кто был несчастен на земле.

* * *

Быть запертым в позорную тюрьму —
Итог моих пороков и гордыни.
Смерть разрубила цепи, но поныне
Прикован я к несчастью моему.

Амур не примет агнца — потому
Я в жертву жизнь принес его святыне.
Судил мне Рок скитаться на чужбине
И нищенскую в руки дал суму.

С тех пор, не веря радости обманной,
Считая наслаждение зазорным,
Живу я, крохи малые ценя,

Наученный звездой моей туманной,
Безглазой Смертью, Случаем притворным
Страшиться счастья пуще, чем огня.

* * *

Без устали струится слез поток
Над неустанной стынущей тоскою.
Томит уста огонь, рожденный тою,
Чье сердце я воспламенить не смог.

Слепец Амур! О всемогущий бог!
Веди — низринусь в бездну за тобою.
Но песню болью напои живою,
Чтоб целый мир услышал мой упрек.

И если горы, реки и долины
Исполнены любви и пониманья,
О звери, птицы, камни и волна!

Услышьте мой рассказ как стон единый.
Излечит ваши раны и страданья
Святая боль, что в нем заключена.

* * *

Кто, счастья невозвратного лишая,
Обрек меня на горькие терзанья,
Кто обманул бывшие упованья,
Все радости печалью омрачая?

Томлюсь я, веру прежнюю теряя,
Суровый век свой проводя в страданьях,
Отринув светлой юности дерзанья
И тщетно к милосердию взывая.

Я ране жил, не опасаясь зла,
Но с плачем человек в сей мир пришел
И век с рыданьем будет неразлучен.

Ко мне судьба безжалостной была,
Взамен любви я горести обрел,
И тяжек мне мой жребий злополучный.

* * *

Как вспомнится минувших дней улада,
То зрю воображением своим
Снег, перлы, золото, розу рядом с ним...
И кажется, рукой касаюсь клада.

Но сон прошел, и наяву — преграда:
Вы далеко — тот путь неодолим;
И я страшусь, предчувствием тесним:
Уйдет мечта — последняя отрада.

Уже сокрылась в суতোлке дней
Та наша встреча — случая веленье...
Я верил Вам, сомненья прочь гоня.

Но вот теперь печали все сильней:
Бессилен ум, и Ваше отдаленье
Томит непостижимостью меня!

* * *

Любовь, ошибки и враждебный рок —
Все на меня обрушилось жестоко.
Но даже без ошибок и без рока
Любить и не погибнуть я б не мог.

Все минуло. Но в сердце гнев залег
И боль о том, что ныне так далеко.
И понял я, состарившись до срока,
Что создан лишь для горя и тревог.

Я заблуждался, вечной полон смуты,
И мне судьба за глупые мечты
Преподала тяжелые уроки.

Любовь, любовь — дурман и ложь минуты!
О, как развеять скуку пустоты,
Как ненасытен Мести дух жестокий!

* * *

Несчастья, как ваш заговор жесток!
Вы каждый день вершите злодеянье.
Ужель до гроба мой удел — страданье?
Я так измучен, сократите срок!

Но если вас назначивший мне Рок
Убить во мне задумал в наказанье
Любви высокой смелое дерзанье, —
Сильней, чем вы, тех помыслов исток.

Я жажду успокоиться в могиле,
Забыть любви отвергнутой борьбу,
И если бы вы пытку прекратили,

Вдвойне б могли обрадовать судьбу:
Тем, что, убив меня, вы победили,
И тем, что, побежденный, я — в гробу.

* * *

Душевная беседа с давних пор
Рождает дружбы чистое свеченье,
А то и страсти пылкое влечение,
Кто бы ни вел сердечный разговор.

А если вас поранит лживый взор,
Амур-спаситель сгладит огорченье:
Чарует вас обманное реченье,
Как тонкой шали ласковый узор.

И это все — не домыслы пустые,
Дарованные легкой суетой,
Чтобы украсить строки завитые.

Нет, сущность открывается порой,
Когда постигнешь истины простые.
Так опыт научил меня живой!

* * *

Семь лет Иаков пас овец Лавана,
Но не ему служил — его Рахили,
О чьей красе кругом ему твердили,
Чей образ он лелеял постоянно.

И хоть бедняк трудился неустанно
И лишь минуты встреч отрадой были,
Ему Лаван — так пишут в древней были —
Дал в жены Лию, став на путь обмана.

Но, верен лишь пастушке той прекрасной,
Ее отцу сказал пастух несчастный:
— Я прослужу еще семь лет сполна,

Твое всю жизнь готов пасти я стадо,
Но не одной, а многих жизней надо
Для той любви, что вечности равна.

* * *

О яблоня, блеск твоего плода —
Багрянец крови в белизне молочной —
Воссоздает в природе образ точный
Девичьих щек, горящих от стыда;

И пусть тебя не сокрушит вражда
Жестокой бури, гнущей ствол непрочный,
Пусть этот плод, искрящийся и сочный,
Не сгубят ни жара, ни холода,

Чтоб вечно душу грел твой кров зеленый
И восхищалось сердце, сколь чудесен
Твоих румяных яблок аромат...

Мне не сложить тебя достойных песен,
Я одного хочу — под тихой кроной
Забуть, в мечтах о прошлом, боль утрат.

* * *

Была такая на душе отрада,
Что я забылся и, отбросив страх,
Погрыз в запретной страсти, в дерзких снах,
И сам себя обрек мученьям ада.

Черты иного, памятного взгляда
Мне удалось прочесть в ее глазах,
И под напором чувств разбилась в прах
Рассудка ненадежная преграда.

Был мачехой загублен Ипполит —
Коварной Федрой, что в чаду порока
И вождельенья потеряла стыд.

За смерть его безвинную мне мстит
Теперь Амур, и до того жестоко,
Что сам своей жестокостью убит.

* * *

Хрустальный лик Дианы серебристой
В ночи над дольным миром воцарился.
Как в зеркале прозрачном, отразился
В нем ясный Феб в венце своем огнистом.

И в лунном свете, нежном и лучистом,
Мне образ Ваш пленительный явился,
Он добротой и радостью светился,
Дышал отрадой и любовью чистой.

И я благословил луны сиянье,
Восславил темень благодатной ночи,
Что Вашей лаской дух мой укрепили.

Ведь днем от Вас не знал я состраданья,
Днем от меня Вы отвращали очи
И сердце горькой мукой мне томили.

* * *

Так бабочка, в восторге замирая,
На свет свечи летит в полночный час
И опалает крылья каждый раз,
Пока не вспыхнет, заживо сгорая.

Аония, о прелесть неземная!
И я как эта бабочка подчас:
Летит в огонь твоих прекрасных глаз
Моя душа безумная, слепая!

Как высоко в мечтах я воспарил
И знаю, что погибну, без сомненья,
Самой судьбою обречен страдать.

Противиться Амуру нету сил,
Но для меня блаженные мученья
Великой славе гения под стать.

* * *

Как смерть в глаза выдавший мореход,
Добравшись вплавь до берега чужого, —
Пускай «забыть о море» дал он слово,
Пусть он и ветер, и волну клянет, —

Уже на завтра, с сердца сбросив гнет,
Он золота, он бури жаждет снова
И вот воспрял, и длань его готова
Направить парус в гибельный поход, —

Так я от бури сладостного взора
Хотел бежать, я изменил отчизне,
Я слал проклятья ветру и волне,

Но возвращаюсь к Вам, моя сеньора,
Чтоб снова там найти источник жизни,
Где лишь недавно смерть грозила мне.

* * *

Воспоминание! О, как ты мне постыло.
В тебе любви отравленной настой.
Не унижай моей души, постой!
Кто жил тобой, того ты оскорбило.

Чем горе ты мое вознаградило,
Зачем коснулось памяти святой?
Уйди, я не хочу разлуки с той,
С кем смерть уже давно нас разлучила.

О, чаша исцеленья — ты пуста!
Нет места обездоленной надежде,
И плещется на дне лишь боль обид.

А в сердце только горечь разлита.
Моя судьба печальна, как и прежде,
И счастья луч лица не озарит.

* * *

Луга, леса в вечерней тишине,
Ручей, едва журчащий на просторе,
Иль тот, что в разрушительном напоре
Шумит, катясь по горной крутизне;

Граниты скал в лазурной вышине,
Согласные в своем нестройном хоре, —
Пока меня в оковах держит горе,
Отрады вы не принесете мне.

Другим стою перед тобой, природа,
Не радуясь ни краскам небосвода,
Ни весело струящейся воде.

Мне чудится пора совсем иная,
Я слезы лью, о прошлом вспоминая,
И здесь печалюсь так же, как везде.

* * *

Как в юности все радовало взор.
И музыкой в моей душе звучали
Зеленая листва в лучистой дали,
Поющие ручьи и гладь озер.

Печальных птиц разноголосый хор
Беспечным сердцем я внимал едва ли,
Когда над головой моей сплетали
Немые ветви призрачный узор.

Но прошлому вовек не возвратиться,
И этих дней я сохранить не смог.
Утраты боль в груди моей теснится.

Меня Амур, коварен и жесток,
Увлек — и навсегда в своей темнице
На слезы и стенания обрек.

* * *

Лишь только струны Аполлон сотряс
И девять муз запели стройным хором,
Внимая лире золотой, с задором
Я взял перо и начал свой рассказ:

«Благословенны год, и день, и час,
Когда я ранен был прекрасным взором,
Благословенны страсть и пыл, с которым
Я покорился чарам этих глаз...»

Звучала песнь, но колесо удачи,
Раскрученное мстительным Амуром,
Свершило незаметный оборот.

Лучистый день застелен мраком хмурым.
Нелепо ждать, что будет все иначе.
Ведь это значит — худших ждать невзгод.

* * *

Любовь казалась сладкой мне когда-то;
В плену надежд несбыточных и грез,
Не видя притаившихся угроз,
Душа цвела, желаньями объята.

Все фальшь и ложь, чему я верил свято!
Надежды пролились ручьями слез!
К вершинам счастья Рок меня вознес,
Но тем скорей и горестней расплата.

Кто высших благ и радостей достиг,
Неисцелимой скорби предается,
Когда судьба ему изменит вмиг;

Но как бы ни был яростен и дик
Ее удар, спокойным остается,
Кто видел мир и ко всему привык.

* * *

Туманный очерк синеватых гор,
Зеленых роц каштановых прохлада,
Ручья журчанье, рокот водопада,
Закатных тучек розовый узор.

Морская ширь, чужой земли простор,
Бредущее в свою деревню стадо, —
Казалось бы, душа должна быть рада,
Все тешит слух, все восхищает взор.

Но нет тебя — и радость невозможна,
Хоть небеса невыразимо сини,
Природа бесконечно хороша.

Мне без тебя и пусто и тревожно,
Сержусь на все, блуждаю как в пустыне,
И грустью переполнена душа.

* * *

Блажен, чья жизнь лишь тем омрачена,
Что он гоним красавицей надменной.
Он все же мнит в надежде неизменной,
Что лучшие настанут времена.

Блажен, кому в разлуке суждена
Лишь боль о прошлом. Он в душе смиренной
Таит лишь страх пред новой переменой,
А боль уж в нем и уж не так страшна.

Блажен и тот, кого грызет досада,
В ком гнев кипит, бушует возмущенье,
И кто не знает, что такое смех.

Но жалок тот, чье сердце было б радо
Любой ценою вымолить прощенье
За те дела, которых имя — грех.

* * *

Зарею ли румянит мир весна,
Сияет ли полдневное светило,
Я над рекой, где все теперь немилло,
Былые вспоминаю времена.

Здесь убирала волосы она,
Здесь улыбнулась, тут заговорила,
Там отвернулась и лицо закрыла,
Моим вопросом дерзким смущена.

Там шла и тихо что-то напевала,
Тут села и ромашку обрывала
И уронила голову на грудь.

Так, весь в минувшем, день и ночь тоскуя,
Сплю и не сплю, живу и не живу я, —
Пройдет ли это все когда-нибудь?

* * *

Я встарь Любовью жил. А я в те года
Умел в Любви лишь то, что ново,
И в жажде необычного улова
Предмет Любви менял я без труда.

Сменялась увлечений череда,
И одному соблазну для другого
Я изменял, не сдерживая слова,
И новый пламень вспыхивал тогда.

А если я, бывало, бремя сброшу,
То лишь как тот, кто скидывает ношу,
Чтобы затем устать еще сильней.

Тебе, Любовь, за эти муки слава!
В них цель твоя, они твоя забава,
Страданья тех невозвратимых дней.

* * *

Когда брожу я по лугам зеленым,
Везде за мной летит пичужка вслед.
Она забыла счастье прежних лет
И наслажденье счастьем обретенным.

Я от людей бегу к речным затонам,
Она и здесь мой спутник, мой сосед.
Друг другу мы дарим забвенье бед,
Обоим легче в горе разделенном.

И все ж она счастливей! Пусть навек
Она бывшее благо утратила, —
Ей не мешают в чаще плакать сиро.

Куда несчастней создан человек!
Чтобы дышать — и воздуха мне мало,
А чтобы жить — мне мало даже мира.

* * *

Я воспевал минувшие года,
Теперь ловлю их отголоски жадно.
От старых песен — пусть я пел нескладно —
Вскипают слезы, новые всегда.

Я пел, — давно ли? — сам забыл когда,
И был судьбой обманут беспощадно.
Но в горестях бывает так отрадна
Воспоминаний беглая чреда.

Я пел, — и что ж? — обманут в том, что свято:
Не в жажде наслаждений, но в доверье.
Я пел и слышал звон цепей у ног.

Но не Надежда в этом виновата,
Ведь в мире всюду ложь и лицемерье,
А ошибаться может даже Рок.

* * *

Зачем Надежда лжет мне, как всегда,
Зачем Судьба скликает беды снова?
Не может быть возврата для бывшего,
И вспять не обращаются года.

Так пусть идут, проходят без следа
Свидетелями жребия людского,
Один всегда отличен от другого.
Но и с мечтой не сходен никогда.

Что так любил я, с чем душа сроднилась,
Все стало чуждым, все переменялось,
Я постарел, утратил к жизни вкус.

Меня Судьба замкнула в круг проклятый,
Но Время — счастья злобный соглядатай —
Надежд убитых множит тяжкий груз.

* * *

То случай иль судьба — не все ль равно, —
Однажды Вечность в мир Добро послала
И, видимо, сама же пожелала
На мне проверить, что несет оно.

Но я у жизни в пасынках давно,
Уже надежды на Надежду мало.
Во всем, во всем Фортуна отказала,
И мне владеть желанным не дано.

Сменив обычай, землю, кров и стены,
Я тайне ждал счастливой перемены,
С доверьем сел в неверную ладью,

Но увидел по знаменьям небесным,
Что, соблазненный счастьем неизвестным,
Злосчастью в жертву отдал жизнь свою.

* * *

Исчезни, память о былом, дозволю
Забуть счастливый миг, что мною прожит
И нынешние муки только множит,
На раны сердца просыпая соль!

Но если наперед известно, сколь
Печален жребий мой, тогда, быть может,
Удача мне в последний раз поможет,
Чтоб умер я и прекратилась боль?

Пусть жизнь, затмившись, сгинет без возврата,
И вместе с ней воспоминанья сгинут —
Тогда и скорбь отхлынет от груди.

Какая может быть страшна утрата
Тому, кто счастьем навсегда покинут
И ждет одних несчастий впереди?

* * *

Вспоминанья горькие, вы снова
Врываетесь в мой опустелый дом.
Я так придавлен, так опутан злом,
Что не надеюсь и не жду иного.

Мне видеть гибель всех надежд не ново,
И, сотни раз обманутый во всем,
Я с примиренным сердцем и умом
Терплю вторженье образов бывшего.

Терплю и цепи горестной судьбы,
Но пусть в несчастьях век мой горький прожит,
Я милосердья от нее не жду.

Нет больше сил для жизни и борьбы,
Так пусть паду — падением, быть может,
Я от себя страданье отведу.

* * *

Те радости, что знал я, — слишком рано
Решил пресечь властолюбивый Рок.
Как этот день был гибельно-жесток!
О нем воспоминанье — словно рана.

Как видно, счастье так непостоянно
И дан ему такой ничтожный срок
Лишь для того, чтоб мир назвать не мог
Вершиной счастья торжество обмана.

Но если так Фортуна поступила,
Чтоб радостями тех златых времен
Меня воспоминание томило, —

Что мог бы мне в вину вменить закон,
Когда мне муки Небо присудило
Лишь потому, что я для мук рожден?

* * *

Умолкни, память о счастливых днях,
Что по вине Фортуны вдаль умчались,
Пускай хоть час пробудет не печалься
Тот, чьи надежды потерпели крах!

Любовь и радость, блещущие в снах,
Мне лучше бы и вовсе не встречались,
А встретившись, вовеки не кончались,
Чтоб душу не сжигал остывший прах.

Я памятью живу, умру — забытым,
Хоть мог бы победить твое забвенье,
Когда бы о былом напомнить смел.

Начать бы снова счет годам прожитым,
Я бы сберег счастливые мгновенья,
Предвидя, сколь несчастен мой удел.

* * *

Я жил, земных не ведая страданий,
И зависти к сопернику не зная,
И в сладостном, слепом самообмане
Себя надеждой радужной питаю.

И, погружен в любовные мечтанья,
Храбрился я, все страхи отвергая,
Себе богатств и славы не желая
И грезя лишь о радости свиданья.

Но мрачная Фортуна прервала
Рассудка обольщенье роковое,
Развевала блаженную дремоту.

Взамен воспоминанья мне дала,
Я каждый день под их терзаюсь гнетом,
Навек лишившись счастья и покоя.

* * *

Когда порой твержу: ищу забвенья,
Чтоб исцелиться от сердечных ран —
Неволит разум вера в талисман,
Покой сулящий мне без промедленья.

Но понимаю вдруг, лишь луч прозренья
Рассеет этот призрачный туман:
Таят лукавство те слова, обман —
Искать напрасно в них успокоенья.

Ведь образ тот, что из благого сна
Мне простирает ласковую руку,
Со мной — когда душа истомлена.

И я свою благословляю муку:
Дарует ласку дивную она —
В ней ощущаю Вас, забыв разлуку...

* * *

Кто отнял радость у меня былую —
Единственное, чем я был богат, —
В непрочный наш союз внеся разлад
И Вам назначив путь в страну чужую?

По чьей вине я плачу и тоскую
О днях, которых не вернуть назад,
Когда я столько испытал услад,
За ветреной мечтой бредя вслепую?

Я знаю: сотворила это зло
И на меня накликала беду
Фортуна, от которой нет защиты.

Смиритесь те, кому не повезло:
Нельзя переменить свою звезду,
Для вас к спасенью все пути закрыты.

* * *

Надежды я лишен, но если вдруг
Амур, меня преследующий яро,
Мне даст, за день до нового удара,
Миг радости в оплату прежних мук,

Чего б он ни сулил, такой недуг
Мне душу истерзал, что от кошмара
Уже не пробудиться ей, и дара
Я не приму из вероломных рук.

Минуты счастья, пусть и скоротечной,
Не испытал в плену любовных уз,
Я прожил жизнь в печали бесконечной,

И до того был тяжек этот груз,
Что радость мной утрачена навечно
И к радости утрачен всякий вкус.

* * *

Любовь обычно Разум побеждала,
Но требовало мужество иного.
И мир не видел подвига такого:
Любовь главенство Разума признала.

Вот новой боли новое начало!
Воспеть не в силах этот подвиг слово.
Но не должно быть чувство вечно ново,
Ведь кара бы тогда ослабевала.

В любви нет места слабости, мы знаем.
И побежденный в споре с каждым разом
Еще сильнее становится стократ.

Но Разум, что Любовью побеждаем, —
Своя противосущность, а не Разум.
Его боюсь я, он мой супостат.

* * *

Ужасная Судьба! Жестокий Рок!
Зачем меня вы счастьем обольщали!
Мой каждый день вы розами венчали,
О, как я был от всех забот далек!

Но лишь затем узнать я счастье мог,
Чтоб горше мне казался вкус печали.
Все у меня вы сразу отобрали,
Двойное горе кинув мне в залог.

А лучше ль тем, кого ты невзлюбила,
О радость? Ты проносишься как сон.
И мы не знаем, вправду ли была ты.

Безрадостным один приют: могила!
Но беспощаден бытия закон,
И я не умер от такой утраты.

* * *

Над прожитыми днями размышляя,
Свою судьбу предвидел я давно:
Грядущее былым предрешено,
И, значит, горю нет конца и края.

Амур жестокий и Фортуна злая:
Вам сердце скорбное мое дано,
Чтобы, пока еще живет оно,
Его терзать и мучить, умерщвляя!

Но пусть любовь, насльщавшись молвы
Про бедствия мои, в преддверье казни
Мне шлет мечты, которые мертвы,

Пусть Рок свиреп и полон неприязни —
Пока в душе моей, сеньора, Вы,
Смотрю в глаза Фортуне без боязни.

* * *

Чего еще желать? Я с юных дней
Раздаривал любовь, но не всегда ли
Мне злобой и презреньем отвечали?
А вот и смерть — что требовать у ней?

Жизнь хочет жить — нет правила верней.
Страданья никого не убивали,
А там, превыше всей земной печали,
Прибежище нам есть от всех скорбей.

Но смерть не спросит о моем желанье:
Ни слез, ни горя нет в ее стране.
Все потерял я в горьком ожиданье,

Зато враждой пресытился вполне.
До смерти мне осталось лишь страданье.
Для этого ль пришлось родиться мне?

* * *

Блаженства прошлых дней, воспоминанья
О том, что Парки злобные умчали,
Я утопить хочу мои печали
В другой любви, — пускай в другом страданье.

Мой каждый день — беда иль ожиданье
Все новых бед, — и это не всегда ли?
Так для чего ж и вы меня обстали?
Мне горько и без вас существованье.

Все потеряв, чего достиг с трудом,
Прошу я память только об одном:
Того, что так прекрасно и далеко,

Не воскрешать. Я здесь, в глухой пустыне,
Не жизнь одну — сто жизней сброшу ныне.
О, как, воспоминанье, ты жестоко!

* * *

Амур, на мне истратив весь свой пыл,
Все мерзости испробовав и трюки,
Решил меня отдать Фортуне в руки,
Когда запас мучительств истощил,

А та, стараясь из последних сил
Затмить его в палаческой науке,
Наслала на меня такие муки,
Каких никто вовеки не сносил.

Преподавая горькие уроки
Всем, кто подвластен этим двум тиранам,
Я составляю свод моих мытарств

И боль мою переливаю в строки,
Поскольку не нашел иных лекарств,
Чтобы доставить облегченье ранам.

* * *

Фортуне ненавистна тишина,
Противен мир и чужд порядок божий,
Но если путь счастливый, непохожий
На пройденный, начертит мне она,

Душа воспрянет, Музой зажжена,
И лира станет звонче и моложе,
Чтоб Тежу там, вдали, на отчем ложе,
Внимая ей, застыл в объятьях сна.

Пока же эту немощную лиру
Преследует и гонит гнев Фортуны,
Не по заслугам Ваша похвала.

Пусть лучше восславляют Ваши струны
Иного — кто, как Вы, являет миру
Поистине великие дела.

* * *

Я мало жил. Был горек каждый час.
Нуждой унижен, я увял в расцвете.
Я и пяти не прожил пятилетий,
Когда мой день в безвременье погас.

Я воевал, скитался, я не раз
Искал лекарств от жизни, но на свете
Не созданы еще лекарства эти,
И ратный труд не осчастливит нас.

В прекрасной Португалии рожденный,
Я вырос на зеленых луговинах,
Но, вредоносным воздухом убит,

Вблизи утесов Африки пустынных
Я кинут рыбам в океан бездонный
И родиной возлюбленной забыт.

* * *

Таких созвучий, полных красоты,
Таких стихов в сладчайшем новом стиле
Мои труды еще не породили,
Мой стих явил лишь грубые черты.

А Ваш — родник, бегущий с высоты.
Вы Иппокрены ключ им посрамили.
Цветам, что Вы на Тежу возрастили,
Завидуют и Мантуи цветы.

Зато Вы небесами не забыты,
И Аполлон, пристрастья не тая,
Вручил Вам дар, какого я не стою.

Две наши музы равно знамениты,
Но только черной завистью моя,
А Ваша — несравненной чистотою.

* * *

«Что, Смерть, уносишь ты?» — «Улыбку мая».

«Когда ее взяла ты?» — «До рассвета».

«А кто она?» — «То ведает лишь Лета».

«Кто повелел тебе?» — «Судьба немая».

«Кто телом овладел?» — «Земля сырая».

«С душой что стало?» — «Тьмой она одета».

«Что молвит Лузитания?» — «Луч света —

Марии взор затмился, угасая».

«Не ты ль убила?» — «Я лишь труп застала».

«Что говорит о ней Любовь?» — «Ни слова».

«Молчит?» — «Таков закон мой непреклонный».

«Что при дворе?» — «Тоска всех обуяла».

«Что там осталось?» — «Ничего живого».

«Чего ж недостает?» — «Улыбки доны».

* * *

Гляжу: босой, без шляпы Аполлон.

В руках сияет лира золотая —

Сокровище, подруга дорогая —

И весело к ней обратился он:

«Моя отрада, музыка времен!

Я португалец, сын родного края.

Меня ж ты мавром делаешь, чудная, —

В какой наряд я ныне облачен!

Хоть мой народ одет весьма прилично,

Тепло, удобно — с головы до ног, —

Я вынужден одетым быть частично.

Дай мне хитон, и подари венок,

И вознеси на выси, как обычно.

А впрочем — вдруг подует ветерок?»

* * *

Чиста и целомудренна, она
Решила в искуплении жестоком
Невинность, оскверненную пороком,
Избавить от позорного пятна.

Пусть честью красота умерщвлена:
Угасла жизнь, но, не подвластны срокам,
Любовь и верность, вечным став уроком,
В грядущие простерты времена.

Превыше благ земных веленье долга;
Был стан ее нежнейший сталью твердой
Пронзен, чтоб власть тирана кровью смыть.

Пример самоотверженности гордой:
Оборвалась короткой жизни нить,
Осталась память, делящаяся долго.

* * *

— Кто, Порция, твою направил руку,
Случайность или пламенный порыв?
— Любовь решила, кровь мою пролив,
Узнать, стерплю ли я и эту муку.

— Зачем же, с жизнью торопя разлуку,
К страданьям смерти обращать призыв?
— Чтоб, страх перед кончиной победив,
Постичь терпенья горькую науку.

— Но, сталью из груди извергнув кровь,
Зачем огнем ты жжешь себя? — Велела
Мне умирать и мучиться любовь.

— Что ж, сталь слаба? — Она сильна, но тело
Привыкло к ней и жаждет смерти вновь
От высших мук, которым нет предела.

* * *

В отчаянье увидела Кибела,
Чем завершился ревности дурман,
И застонала, обнимая стан
Живой сосны — возлюбленного тело.

Но горе в радость обратить сумела,
Вновь зазвучал ликующий тимпан:
Нетленной славой Аттис осиян —
Сосна равняться с лавром может смело!

О, твой, сосна, стремителен полет
В глубь мирозданья, в тайный мир вселенной.
Был щедр Юпитер. Чуден твой удел.

Блаженна ты! Но как же счастлив тот,
Кто под твоей защитой священной
Величием стиха тебя воспел!

* * *

Меняются и время и мечты;
Меняются, как время, представленья.
Изменчивы под солнцем все явленья,
И мир всечасно видишь новым ты.

Во всем и всюду новые черты,
Но для надежды нет осуществленья.
От счастья остаются сожаленья,
От горя — только чувство пустоты.

Уйдет зима, уйдут снега и холод,
И мир весной, как прежде, станет молод,
Но есть закон: все обратится в тлен.

Само веселье слез не уничтожит,
И страшно то, что час пробьет, быть может,
Когда не станет в мире перемен.

* * *

Мучительно за годом год идет,
А дней уже осталось так немного.
Но чем их меньше, тем длинней дорога,
Тем больше в сердце горестных забот.

Мой дар слабеет, и который год
Не знает радость моего порога.
И только опыт, все измерив строго,
Порой обман грозящий узнает.

Гонюсь за счастьем — вот оно! попалось!
Увы! рванулось и опять умчалось.
Я падаю, встаю, пропал и след...

Бегу опять, зову, — оно далеко.
Вперяю в даль отчаянное око...
Оно исчезло, и надежды нет.

* * *

Надежда встарь питала песнь мою,
И боги на Олимпе мне внимали.
Я слезы лил, слагая песнь печали,
О тех слезах я ныне слезы лью,

Когда о прошлом мыслю иль пою.
Так тяжки мне воспоминанья стали,
Что боль от них — увы, не навсегда ли? —
Как злейшую, на дне души таю.

Ведь если правда, если непреложно,
Что боль одна предшествует другой,
То счастье для меня уж невозможно.

Иль нет закономерности такой?
Увы, недаром сердце так тревожно,
Не ведать счастья — горький жребий мой.

* * *

Воображенье! — средь пустых забот
Ужель тебе моих несчастий мало,
Ужель тому страданий не хватало,
Кто весь свой век дорогой бед идет?

Зачем измучен вымыслами тот,
Чей взор глядит так скорбно, так устало?
Ведь и мечтать о счастье не пристало
Тому, кто знал одних лишений гнет.

Хоть объясните, мысли, убегая,
Что гонит вас, какое колдовство
Вас путает, бесовщина какая?

Не отрекайтесь в гневе от того,
Кто сам себя готов убить в печали,
Когда и впрямь вы на него восстали.

* * *

В отчаянье глубоко пребывала
Уже давно терзаемая грудь.
И, увидав, что муку не стряхнуть,
Душа уж не страшилась, не желала.

И все же память сердце убеждала,
Что может счастье прежнее вернуть
Тот образ, чья божественная суть
Мой разум красотой околдовала.

Как сердце верит радостно тому,
Во что поверить хочется ему,
Не видя, что судьба над ним смеется!

Пускай хоть ложь — я радуюсь и ей.
Быть может, мука будет тяжелей,
Но хоть мечта для сердца остается.

* * *

Ни кознями, ни сотней разных бед,
Никак любовь меня убить не может,
Никак надежд моих не уничтожит, —
Ведь не отнимешь то, чего и нет.

Я шел за счастьем — потерял и след,
И жизнь удары гибельные множит.
Но страх мой челн остановить не может,
Я с бурями боролся много лет.

И сердце безнадежное гордится
Спокойствием. Но, враг непобежденный,
Любовь опять готовит месть ему.

И мне недуг, что здесь в груди гнездится,
Не знаю как, не знаю где рожденный,
Не знаю, чем грозит и почему.

* * *

Кто любит — побуждаемый мечтой,
В любимое свое преобразится.
Так мне — чего желать, к чему стремиться?
Оно во мне — желаемое мной.

Мой дух, как предначертано судьбой,
Сумел с любимым воедино слиться,
И тело не взыскует, не томится,
Когда душа — в гармонии с собой.

Но та, кто в красоте необычайной
Как атрибут с предметом, связью тайной
С моей душой навек сопряжена,

Во мне живет, как чистая идея.
Я стал любовью, божеством владея, —
Ей форма, как материи, нужна.

* * *

Смерть разрубает жизни узелок,
Завязанный Амуром, нежным богом.
Нас топит Время медленным потоком,
Разит Разлуки яростный клинок.

И, чтоб Амур в страданиях изнемог,
Смерть сталкивает, будто ненароком,
Уже в который раз в бою жестоком
Холодный Разум и коварный Рок.

Смерть властвует, по всей земле шагая.
Внезапно острым лезвием взмахнет,
От тела душу отторгая разом.

Но торжествует все ж Амур — и вот
Двоих стрела пронзает золотая, —
И что им Время, Рок, Разлука, Разум!

* * *

Здесь, в этом Вавилоне, где не счесть
Всех преступлений злата и порока,
Где правит ложь и у ее порога
Забита совесть и распята честь,

Где зло царит и торжествует лезть,
Добро глядит затравленно, убого,
А тиранию славят, словно бога,
К вершинам власти только бы пролезть.

И в этом хаосе, круговращенье,
Где благородство, мудрость и закон
У низости в нижайшем подчиненье,

Я завершить свой путь приговорен,
Собой оставшись в общем помраченье.
И мне ли позабыть тебя, Сион!

* * *

Я вспоминал на берегу Евфрата
О славе той, что пронеслась, как сон.
И ты, благословенный мой Сион,
Был осенен крылом ее когда-то...

«Не пой о том, к чему уж нет возврата, —
Мне говорили, — чем ты омрачен?
Звучит рассказ твой, словно тяжкий стон.
Не скорбью лишь одной душа богата!

О светлом пусть поет твоя струна.
Печали не приносят утешенья,
Чужое горе — в мире сирота».

Я отвечал: «Когда поражена
Душа тоской, то в песне исцеленья
Она не ищет. Смерть — ее мечта».

* * *

О вы, кто честным изменил дорогам,
Чья цель одна: довольство и покой,
Вы блага жадной ловите рукой,
И Беспорядок — ваш кумир во многом.

А мир меж тем идет в Порядке строгом.
Вы жертвуете совестью, собой,
Но божий суд карает грех любой,
И даже Случай тоже создан богом.

Наказан будет тот, кто лишь в судьбу
Да в случай верит разумом кичливым, —
Есть в опыте опасности зерно.

Бог не простит упрямому рабу,
Но то, что он считает справедливым,
Для нас несправедливо и темно.

* * *

Дожди с небес, потоки с гор мутят
Речную глубь. В волнах не стало брода,
В лесах не стало лиственного свода,
Лишь ветры оголтелые свистят.

Сменил весну и лето зимний хлад,
Все унеслось в круговращенье года.
Сама на грани хаоса природа,
И умертвил гармонию разлад.

Лишь время точно свой блюдет порядок,
А мир... а в мире столько неполадок,
Как будто нас отверг всевышний сам.

Все ясное, обычное, простое,
Все спуталось, и рухнули устои.
А жизни нет. Жизнь только снится нам.

* * *

Имея ум, любовь, заслуги, честь
Мы мним, что путь наш радостен и гладок,
Но Рок, случайность, время свой порядок
Наводит в мире, нам готова месть.

Загадок неразгаданных не счесть,
Хоть на догадки разум наш и падок,
И вот она, загадка из загадок:
Что выше жизни, выше смерти есть?

Ученый муж нередко лицемерит,
Тогда как опыт к знанию приводит:
Побольше наблюдать — важней всего.

Пусть происходит то, во что не верят,
И верят в то, чего не происходит, —
Вы лучше верьте в бога одного.

* * *

Пустые грезы, ничего не знача,
Наносят между тем немалый вред,
Лишь после понимаешь, сколько бед
Таилось там, где виделась удача.

Изменчива судьба, любовь незряча,
Слова, как ветер, улетят — и нет;
Взглянув в былое через много лет,
То, что смешным казалось, вспомнишь, плача.

Жизнь — драгоценность, взятая взаймы,
Чей внешний блеск доступен и невежде,
Но суть сокрыта под покровом тьмы.

Не верь химерам, верь лишь той надежде,
Что будет жить, покуда в сердце мы
Храним любовь, а не погаснет прежде.

КОММЕНТАРИИ

ЛУЗИАДЫ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стр. 45. ...*далее Тапробаны*... — Тапробаной во времена Камознса называли Цейлон.

...*дружины Луза*. — Средневековые португальские хронисты считали, что римское название Португалии — Лузитания — произошло от имени некоего Луза, которого они называли сыном или спутником Вакха. Первые три строфы поэмы — это обязательное для эпопей вступление.

Четвертая и пятая строфы — традиционное в эпopeях обращение (в данном случае — к нимфам Тежу).

Стр. 46. ...*мой государь*... — С шестой по восемнадцатую строфы разворачивается посвящение поэмы португальскому королю Себастиану (1554—1578). С девятнадцатой строфы Камознс приступает к повествованию.

...*господни раны путь нам озарили*... — Герб Португалии представляет план расположения португальских войск в битве при Орики (1139), где была одержана решительная победа над маврами: согласно легенде, расположение португальских войск в этой битве соответствует расположению стигматов Христа. (Иную версию о происхождении герба Португалии см. в 53—54 строфах III песни.)

Стр. 47. *Руджеро и Роланд* — герои поэмы Боярдо «Влюбленный Роланд» (1484).

Родомант — персонаж поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

Стр. 48. ...*бесстрашный Нуну*... — Нуну Алвареш Перейра (1360—1431) — герой битв при Атулейруше (1384), Алжубарроте (1385) и других, в которых решался вопрос о независимости Португалии от Кастилии (см. коммент. к с. 143).

...*Фуаш смелый*... — Фуаш Роупинью — полулегендарный флотоводец XII в. В 1179 г. взял в плен мусульманского

короля Гамира. Был создателем португальской армады, по преданию разбившей мавританский флот у мыса Эспишель. В 1180 г. эта же армада разбила мавританский флот близ Сеуты, а в 1182 г. опять же близ Сеуты потерпела поражение от вдвое ее превосходящих сил противника. В этом сражении Фуаш погиб.

Эгаш Мониж (ок. 1080—1146) — воспитатель и сподвижник первого португальского короля Афонсу Энрикеша (см. коммент. к с. 109).

О «двенадцати португальских кавалерах» см. коммент. к с. 204.

Афонсу I Энрикеш (1111—1185) — первый португальский король, чьи подвиги воспеваются в 27 — 84-й строфах III песни «Лузиады».

Жуан I (1357—1433) — король, отстаивший независимость Португалии от Кастилии в битве при Алжубарроте (1385).

Франсишку и *Лоуренсу де Алмейда*, *Жуан де Каштру*, *Афонсу де Албукерк* — видные деятели португальской колониальной политики в Индии (см. песнь X, 26—37; 40—45; 57).

Стр. 49. *Великих дедов славу принимая...* — Дедами Себастиана Желанного были португальский король Жуан III, прозванный Благочестивым, и император Священной Римской империи Карл V (испанский король Карлос I).

Протей — древнегреческое морское божество. Его детьми названы рыбы.

Стр. 50. *Седьмое Небо...* — У Камознса: орбита, занимаемая планетой Сатурн. О системе мироздания в поэме «Лузиады» — см. коммент. к с. 314.

Стр. 51. *Вириату*. — См. коммент. к с. 108.

Серторий (121 — 73 г. до н. э.) — римский полководец, самостоятельный правитель Лузитании.

Стр. 52. *Низа* (Ниса в древнегреческой мифологии) — место, где был воспитан Дионис (Вакх). Мифы не определяли точного местонахождения Низы. Камознс «помещает» ее в Индии.

Стр. 53. *Танжер* — город в Северной Африке, взятый португальцами в 1471 г.

Стр. 55. *Мыс Прассу* — старое название мыса Делгаду.

Цепь островов... — 1 марта 1498 г. армада Васко да Гамы подошла к островам архипелага Мозамбик.

Стр. 57. *Лизй* (греч.) — распускающий, освобождающий) — одно из прозвищ Диониса — Вакха.

Стр. 58. *Отпрыском Авраама* Камознс называет Магомета. В некоторых португальских источниках можно найти сведения о том, что отцом Магомета был араб Абдала, а матерью — еврейка Эксена.

Остров Мозамбик был открыт Васко да Гамой 28 февраля 1498 г.

Гидасп — греческое название Джелама, притока Инда.

Стр. 62. *Потомком Давида* считался Иисус Христос.

Стр. 63. *Филиппа сын* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Стр. 70. *Синон* — герой греческих послегомеровских мифов, родственник Одиссея. Когда греки оставили у стен Трои (Илиона) коня, а сами притворно отступили от города, Синон убедил троянцев втащить коня в город. Ночью из деревянного коня вышли греческие воины и разрушили Трою.

Килоа (Килва) — город, расположенный на одноименном острове близ побережья Юго-Восточной Африки, севернее острова Мозамбик.

Стр. 71. К острову *Момбасе* армада Васко да Гамы подошла 7 апреля 1498 г., но в гавань корабли не вошли, а с целью предосторожности остались на рейде.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Стр. 74. *...горстка бывших заключенных...* — Действительно, Васко да Гама взял с собой около десяти человек бывших заключенных, предполагая использовать их для особо опасных поручений.

Стр. 75. *...чудесное рождение...* — Согласно античной мифологии, Юпитер извлек ребенка Вакха из чрева матери и зашил себе в бедро, там Вакх окреп и вскоре родился вторично.

Стр. 76. *Жена Тифона* — Эос — Аврора, которой приписывали любовь к красивым юношам, которых она похищала.

Стр. 78. *Нерина, Низа, Дото* — имена nereид.

Тритон — морской демон, сын Посейдона и Амфитриты.

Дочь Дионы — Венера.

Стр. 79. *Лижийцы* — мифический малоазиатский народ, по преданию отказавшийся подать воду умирающей от жажды богине Латоне и за это превращенный ею в лягушек.

Стр. 83. *Шестое небо*, по представлениям Птолемея, соответствовало орбите планеты Юпитер.

Охотник Актеон увидел купающуюся Артемиду — Диану, за что был превращен ею в оленя, и его растерзали собственные собаки.

Стр. 84. *Антеон*, один из вождей троянцев, после взятия Трои побывал во Фракии, в Иллирии и в Истрии.

...*легко смиривший океан жестокий*... — Намек на землетрясение на море, случившееся у берегов Индии во время третьего плавания Васко да Гамы, в 1524 г.

Стр. 85. *Ормуз* (Ормузд) — город на острове Герум в Персидском заливе. В 1507 г. был захвачен войсками правителя Португальской Индии Афонсу де Албукерка. Албукерк обложил город данью. В 1514 г. Албукерк завершил завоевание города. В «Декадах» Жуана де Барруша рассказывается, что после этого сражения многие персы были найдены со стрелами в груди. Поскольку португальцы не пользовались луком и стрелами, то, по-видимому, ветер относил назад стрелы самих персов.

Диу — остров в Аравийском море, на котором португальцы воздвигли укрепленный город. В 1538 г. город осадил войско индийцев, которым помогала турецкая эскадра. Небольшой португальский гарнизон отразил это нападение. В 1546—1547 гг. состоялась вторая блокада Диу. Город осадил тринадцатитысячное войско индийцев, которым помогали монголы и турки. Блокада опять же завершилась победой португальцев.

Гоа — остров близ Малабарского побережья Индии, завоеванный Афонсу де Албукерком в 1510 г., потом отвоєванный местным населением, вновь захваченный Албукерком в 1512 г. и ставший столицей португальских владений в Индии.

Стр. 86. *Кананор* (Кананур) — город на Малабарском побережье Индии. В 1507 г. португальский гарнизон города отбил атаки индийцев.

Каликут (Кожикодэ) — город на Малабарском побережье Индии, завоеванный и разрушенный португальцами в 1509 г.

Перейра Дуарте Пашеку (1460—1533) — выдающийся португальский ученый, дипломат, писатель и мореплаватель. В 1494 г. участвовал в разработке Тордесильяского договора, разграничившего сферы влияния и владения Португалии и Испании в Атлантическом океане. В 1500 г. участвовал в экспедиции Кабрала, направленной в Индию, но отклонившейся от курса и открывшей Бразилию. В сентябре 1500 г. эта экспедиция наконец прибыла в Индию. В 1504 г.,

вице-король Индии Афонсу де Албукерк отправился в Португалию, оставив в Кочине Перейру с гарнизоном, состоявшим примерно из ста пятидесяти человек, тремя кораблями и баркасом с восемнадцатью артиллерийскими орудиями. С семьюдесятью португальцами Перейра отразил нападение пятидесятитысячного войска правителя Каликута. Битва при Кочине (в проливе Камбалон) воспета в X песни «Лузиад» (строфы 12—17).

Акциум — мыс, у которого в 31 г. состоялось морское сражение между войсками Октавиана Августа и Марка Антония, закончившееся поражением последнего.

Левкада — мыс, отстоящий недалеко от Акциума.

Страна Авроры — Восток, в данном случае Египет.

Херсонесом в данном случае назван полуостров Малакка, завоеванный в 1511 г. Афонсу де Албукерком.

Премудрый португал. — Фернан де Магеллан (1480—1521), открывший Магелланов пролив.

Стр. 87. *Сын Майи* — Меркурий, вестник богов.

Малинди (иначе Мелинда) — приморский город и порт в Восточной Африке к северу от Занзибара. В XVI—XVII вв. городом владели португальцы.

Стр. 88. *Диомед* — мифический царь фракийского племени бистонов, кормивший своих коней мясом попадавших в его руки путников. Геракл одолел Диомеда и бросил его самого на съедение коням.

Бузирис — мифический царь Египта, закалывавший у алтаря Юпитера всех чужеземцев. Геракл убил Бузириса.

Стр. 90. *...ладья... в плен попала...* — Васко да Гама, надеясь встретить кормчего, 14 апреля 1498 г. захватил в плен небольшое арабское судно.

Стр. 92. *...в те дни вступала Феба колесница...* — Португальские мореплаватели приблизились к Малинди 15 апреля 1498 г., в день пасхи, когда солнце находилось в созвездии Быка. Под видом быка Юпитер похитил финикийскую царевну Европу.

Флора — римская богиня цветов и юности.

Рог Амалфеи — рог изобилия (от имени мифической критской царевны, вскормившей Юпитера козьим молоком).

...король, осведомленный от придворных... — Правитель Малинди был соперником правителя Момбасы и поэтому радушно принял португальцев.

Стр. 97. *...король Малинди в путь пустился...* — В действительности, шейх Малинди был старым человеком, поэто-

му на армаду отправился его сын, исполнявший обязанности регента.

Стр. 98. ...*то трубы мавританские играли...* — Сопровождавшие регента музыканты играли на трубах из слоновой кости и дерева или меди.

Стр. 99. ...*в царстве Гесперид...* — По представлению древних греков, Геспериды, дочери бога вечерней звезды Геспера, жили в волшебном саду на крайнем западе земного круга. Под царством Гесперид в данном случае имеется в виду Марокко.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Стр. 103. *Каллиопа* — муза эпической поэзии, родившая от Аполлона Орфея.

...*создатель врачевания* — Аполлон, отец бога врачевания Эскулапа.

Аганиппа — беотийский источник, посвященный музам.

Пинд — горный хребет, считавшийся владением Аполлона.

Стр. 104. *Рак* — Северный тропик.

Рифейские горы... — Греческая мифология считала, что Рифейские горы находятся у северной оконечности земли. Позднее их отождествляли с Уральскими горами.

...*а с юга море...* — Имеется в виду Эгейское море.

Стр. 105. *Гиперборейские горы* — то есть горы, находящиеся на крайнем севере.

...*лишь поле, где Дамаск стоит богатый...* — По преданию, первый человек был создан на территории теперешнего Дамаска.

Сарматским океаном Камознс называет Балтийское море.

Танаис — древнее название Дона.

Геркиния — латинизированное название Гарца.

...*вместившую... поляков...* — Камознс ошибочно полагал, что поляки были подвластны Священной Римской империи.

Маркоманы — одно из германских племен.

Стр. 106. *Истр* — древнее название Дуная.

Гелла — мифическая героиня, упавшая во время бегства от мачехи со златорунного барана в воды пролива, получившего ее имя — Геллеспонт (ныне Дарданеллы).

Фракийские горы считались местопребыванием Марса.

Антенор считался основателем Падуи.

А полуостров весь грядой зубчатой... — Имеется в виду Апеннинский полуостров.

Стр. 107. *...гор Пиренейских острые вершины...* — Согласно легенде, Пиренеи получили свое имя в честь нимфы Пирены, которую там разорвали дикие звери.

...наполнив реки серебром и золотом... — По легенде, в древности в лесах Пиренейских гор случился пожар, и реки долго текли золотом и серебром.

...Геракловым свершеньем... — Древнегреческий миф гласит, что Геракл пробил в горах, отделявших Средиземное море от Атлантического океана, Гибралтарский пролив.

Таррагонцы — жители Таррагоны, одной из трех провинций, на которые Испания разделялась при римлянах.

Парфенопея — древнее название Неаполя (по имени погибшей там мифической сирены Парфенопы). В 1442 г. город был завоеван Альфонсо V Арагонским и во времена Камознса принадлежал Испании.

Стр. 108. *Пастух* — лузитанский герой Вириату, чье имя Камознс производит от латинского слова *vir* — муж. Вириату возглавлял партизанскую войну жителей Лузитании против римлян, в результате которой Рим в 141 г. до н. э. признал независимость Лузитании. В 139 г. до н. э. римляне нарушили мирный договор, нанесли поражение Вириату и подослали к нему наемных убийц.

Альфонсо VI Храбрый (1030—1109) — король Леона с 1065 г. и Кастилии с 1072 г. Отвоевал у мавров Толедо, Валенсию, Альмерию. Потерпев поражение в 1086 г. при Салаке, а в 1108 г. при Уклесе, утратил ряд отвоеванных ранее земель.

Стр. 109. *Тереза (1091—1130)* — побочная дочь Альфонсо VI, супруга графа Генриха Бургундского (ок. 1057 — ок. 1112), четвертого сына герцога Генриха Бургундского. Сведения о венгерском происхождении графа восходят к роману Барруша «Хроника императора Кларимунду» (1520) и не соответствуют действительности. Португалия была приданым Терезы, и Генрих фактически был независимым правителем Португалии.

...в путь пустился властелин державный... — Камознс полагал, что граф Генрих Бургундский был участником I крестового похода (1096—1099 гг.). Однако историки считают, что граф мог отправиться в Палестину только в 1102—1103 гг. и вернуться в Португалию не позднее 1105 г., причем, как пишет известный историк А. Иркулану, «деятельность графа на Востоке покрыта мраком неизвестности».

Сыны Агари — мусульмане; по Библии, их родоначальницей была наложница Авраама Агарь.

...такой наследник у него родился. — Сыном герцога Генриха Бургундского был Афонсу I (1111—1185), ставший в 1139 г. первым королем Португалии. Он успешно воевал с арабами, в 1147 г. освободил Лиссабон.

Готфрид Бульонский (1060—1100) — один из предводителей I крестового похода, первый правитель (с 1099 г.) Иерусалимского королевства.

Стр. 110. *...задумав с новым другом обвенчаться...* — С 1114 г. Тереза была правительницей Португальского графства. Ее вторым мужем стал галисийский граф Фернан Переш де Трава.

...и поле Гимарайнша заалело... — В 1128 г. в Сан-Мамеде близ Гимарайнша состоялась битва между войсками Афонсу I и Терезы; Афонсу одержал победу.

Стр. 111. *Прокна* — мифическая супруга фракийского царя Терей, от которого у нее был сын Итис. Узнав, что Терей подверг насилию ее сестру Филомелу, Прокна убила Итиса и дала съесть его мясо Терею.

Сцилла — дочь мегарского царя Ниса, влюбившаяся в Миноса, осаждавшего владения ее отца. По указанию Миноса Сцилла срезала пурпурные волосы Ниса, от которых зависела его жизнь.

...а мать его в оковах изнывала... — Существует предание о том, что после битвы при Сан-Мамеде Тереза содержалась в заточении в замке Ланьозу. Однако А. Иркулану не разделяет этой точки зрения и считает, что Тереза была выслана в Галисию, где и умерла в 1130 г.

...кастилец своенравный — Альфонсо VII (1104—1157), король Кастилии и Леона. Стал сюзереном Арагона, Наварры, Португалии и ряда французских территорий (Фуа, Коменжа, Монпелье). Успешно участвовал в Реконкисте.

...бой завязался страшный и неравный... — Имеется в виду битва при Аркуш-де-Валдевеж в 1140 г.

Эгаш Мониж (ок. 1080—1146) — воспитатель Афонсу I. Во время осады Гимарайнша выступил от имени Афонсу поручителем его вассальных обязательств перед Альфонсо VII, королем Леона и Кастилии. После того как Афонсу I не выполнил этих обязательств, Эгаш с женой и детьми отправился в Толедо и предложил отплатить за нарушение клятвы жизнью своей и своей семьи. Альфонсо VII простил Эгаша и разрешил ему вернуться в Португалию.

Стр. 112. ...*Перилову орудью*. — Перил — легендарный древнегреческий механик, изобретатель орудия казни, сделанного в виде бронзового быка, внутри которого помещались осужденные. Под быком разводился огонь, и казнь осуществлялась. По указанию тирана Фалариса Перил стал первой жертвой своего изобретения.

Стр. 113. *Зонир* — сатрап персидского царя Дария I. (550—486 гг. до н. э.); для того чтобы овладеть Вавилоном, который долго не могла взять персидская армия, отрезал себе нос и уши, явился в Вавилон и представил себя жертвой Дария. Вавилонцы доверили ему командование войском, и он сдался персам вместе с войском.

...в *Орики решено собраться*... — При Орики в 1139 г. Афонсу победил мавров; но точно неизвестно, там ли он впервые стал именовать королем; современные историки считают, что Афонсу объявил себя королем в 1140 г.

Стр. 114. ...*вождем Измара объявить решились*... — Установить точное имя и личность Измара историки не смогли.

Дама юная и прекрасная — мифическая царица амазонок Пентесилея, защищавшая Трои и убитая Ахиллом.

Афонсу королем провозгласили. — Как уже указывалось, неизвестно, когда именно Афонсу объявил себя королем (см. коммент. к с. 111.). В 1143 г. состоялась конференция в Загоре, на которой папский легат в присутствии королей Кастилии и Леона, а также самого Афонсу подтвердил этот титул.

Стр. 115. ...*лошади — Нептуново творенье*... — По древнегреческой легенде, Посейдон (Нептун) спорил с Афиной об обладании построенным богом земли Кекропсом городом. Посейдон ударил о землю трезубцем, и родился конь. Афина ударила о землю копьём и подарила жителям оливковое дерево, которое признали символом мира, и город стал называться Афины.

Стр. 116. ...*герб державы новой завершая*... — В гербе Португалии изображено двадцать пять монет, рассредоточенных в пяти щитах, расположенных по полю в виде креста. По одним толкованиям, пять щитов символизируют стигматы Христа, по другим — число королей, которым Афонсу нанес поражение при Орики. Если считать, что в середине креста накладываются друг на друга два щита, то можно полагать, что монет не 25, а 30, и символизируют они 30 серебряников. Но А. Иркулану ставил такое толкование под сомнение.

Скабеликастр (правильнее — Скалабикастр) — римское название г. Сантарена. Перечисляя города, отвоеванные Афонсу I у мавров, Камознс иногда нарушает хронологическую последовательность. В 1147 г. Афонсу отвоевал Лиссабон и Сантарен, в 1158 г. — Алкасер-ду-Сал, в 1162 г. — Бежу, в 1165 г. — Эвору. В 1184 г. Афонсу разбил у Сантарена войска Альмогада Юсуфа абу Якуба и расширил свои владения вплоть до Алгарве.

Стр. 117. *...градов царица... построенная мощною десницей...* — Согласно легенде, Лиссабон был основан Одиссеем (Улиссом), придумавшим троянского коня, с помощью которого удалось взять и разрушить Трою. Древнее название Лиссабона — Олиссипо.

...армада на подмогу подоспела... — Лиссабон был отвоеван Афонсу I у мавров с помощью проходивших через территорию Португалии участников II крестового похода (1147—1149 гг.).

...пятъ раз луна на небесах рождалась... — Осада Лиссабона продолжалась около пяти месяцев.

Стр. 118. *...чье имя Андалузия поныне...* — Слово «Андалузия» произошло от слова «Вандалусия» — так называлось королевство, основанное в V в. вандалами на этих землях.

Эштремадура — провинция на крайнем западе Португалии, между реками Мондегу и Тежу.

Церера — древнеримская богиня плодородия и сельского хозяйства.

Элваш — город на востоке Португалии (округ Портулегре), был освобожден Афонсу от мавров в 1166 г. *Мора* (Моура) — город в округе Бежа, освобожден в 1166 г.; *Алкасер-ду-Сал* — город на западе страны (округ Сетубал), освобожден в 1158 г.

...Сертория... *град любимый* — Эвора. Одной из достопримечательностей города является акведук, построенный в эпоху Возрождения.

Жералду Жералдеш, по прозвищу Бесстрашный, вел партизанскую войну с маврами. В 1166 г. он взял Эвору, о чем существует следующая легенда. Ночью, замаскировавшись ветками деревьев, он забрался на сторожевую башню, охранявшуюся маврами, отцом и дочерью. Отца Жералду обезглавил, а дочь сбросил с башни. Затем подал знак своим товарищам, что путь в город открыт.

Стр. 119. *Бежа* была освобождена войсками Афонсу в 1167 г.

Палмела — город на территории современного округа Сетубал.

Стр. 120. ...ведь был Бадахос короля Леона... — Король Леона Фернандо II в 1165 г. женился на Урраке, дочери Афонсу I. По-видимому, при этом было заключено соглашение о разделе сфер влияния между Португалией и Леоном, которое часто нарушалось королем Португалии, вторгшимся, в частности, в Галисию. В 1169 г. Афонсу попал в плен при Бадахосе и в обмен на свободу предлагал Фернандо II свои владения. Но тот повел себя великодушно, сказав: «Отдай мне то, что отобрал у меня, и будь королем в своем королевстве», после чего Афонсу был отпущен на свободу.

Помпей (107—48 гг. до н. э.) — проконсул Испании; вместе с Цезарем и Крассом входил в триумвират. Был женат на Юлии, дочери Цезаря. Цезарь победил Помпея в Фарсалии, он бежал в Египет, где и был убит.

Фазис — древнее название реки Рион (Колхида).

Сизна — древнее название Асуана.

Стр. 121. ...а берега и Тигра, и Евфрата... — По преданию, истоки Тигра и Евфрата находились в земном раю.

...перенесен... в чудесный град... — Мощи христианского мученика святого Висенте, погибшего в Валенсии в 304 г., были спрятаны от мавров на мысу Сан-Висенте. В 1176 г. Афонсу I распорядился перенести их в Лиссабон.

Саншу (1154—1212) — сын Афонсу I, с 1185 г. — король Португалии. В 1178 г. разбил мавров близ Севильи.

...те воды — реку Гвадалквивир.

Стр. 122. ...с горы, в которую Медуза... — Древнегреческий миф утверждал, что Персей показал голову убитой им Медузы титану Атланту, подпиравшему небесный свод, и тот окаменел, превратившись в гору, находящуюся на африканской стороне Гибралтара (см.: О в и д и й. Метаморфозы, IV, 626).

Мыс Ампелузы — мыс Эспартель; название «Ампелуза» восходит к греческому слову «ампела» — вино, ибо эта область славилась виноделием.

...миральмумини... а с ним еще тринадцать королей... — В 1184 г. тринадцать арабских королей под предводительством калифа Юсуфа абу Якуба переправились через Гибралтар и направились к Сантарену, который защищал наследный принц Саншу.

Миральмумини (эмир Аль-Мумин, «глава верующих») — титул калифа Марокко, также управлявшего Пиренейским полуостровом.

Стр. 123. *...миральмумини... остался...* — Юсуф абу Якуб умер от ран в 1184 г. в Португалии.

Либитина — древнеиталийская богиня; почиталась, в частности, как богиня смерти.

Стр. 124. *Бетис* — древнее название Гвадалквивира; в этой строфе Камознс вновь перечисляет деяния Саншу, о которых уже шла речь в 75—76 строфах III песни.

...с войсками Силвеш окружить решил... — В 1189—1190 гг. Саншу окружил и взял Силвеш, тогдашнюю столицу Алгарве. Весной и летом 1189 г. в Португалии останавливались участники III крестового похода (1189—1192 гг.), собиравшиеся восстановить на престоле последнего христианского короля Иерусалима Ги (Гидо) де Лузиньяна. Крестоносцы помогли Саншу взять Силвеш.

Барбаросса (ок. 1125—1190) — император Священной Римской империи Фридрих I, один из вождей II крестового похода.

Саладин (Салах-ад-Дин-Юсуф; 1138—1193) — египетский султан в 1171—1193 гг.; в 1187 г. разгромил отряд крестоносцев у Хиттина (район Тивериадского озера), взял в плен Лузиньяна и вошел в Иерусалим. В битве у Хиттина войско крестоносцев страдало от жажды.

Стр. 126. *...по воле ветра прихотливой...* — Крестоносцы попали в Португалию из-за внезапной перемены ветра, вызвавшей отклонение флота от курса.

...у Лиссабона. — См. коммент. к с. 117.

Туй — город в Галисии.

...принял знамя боевое. — Саншу I умер в 1212 г., и на престол вступил его сын Афонсу II (годы правления — 1212—1223).

Алкасер-ду-Сал первоначально был отвоеван у мавров Афонсу I в 1158 г., но затем маврам удалось вернуть себе этот город. В 1217 г. город отбит у мавров Афонсу II.

...юнец безвольный Саншу... — В 1223 г. после смерти Афонсу II на престол вступил его тринадцатилетний сын Саншу II. Его постоянные конфликты с церковью, неудачная женитьба, а также полный произвол его фаворитов привели в 1245 г. к народному возмущению. В 1245 г. Саншу был низложен папской буллой, а в 1248 г. умер.

Стр. 127. *Гелиогабал* — римский император (218—222 гг.), прославившийся своей жестокостью.

Сарданпал (668—625 гг. до н. э.) — последний царь Ниневии, просвещенный и рафинированный деспот.

...тираны, что некогда Сицилию терзали... — В Сицилии

было много жестоких тиранов, наиболее известными из которых являлись Дионисий Старший (430—367 гг. до н. э.) и Фаларис Агригентский (VI в. до н. э.), при котором Перил избрал страшное орудие пыток (см. коммент. 1 к с. 127).

Болонский граф — Афонсу, младший брат Саншу II, управлял страной после низложения последнего. Официально был провозглашен королем после смерти Саншу II в 1248 г. и правил до 1279 г. При вступлении на престол Афонсу обязался «возвратить каждому то, что ему принадлежит, вознаграждая великого так же, как и малого, бедного так же, как и богатого». Афонсу пользовался большой популярностью в народных массах. Камознс называет его Афонсу Храбрым, но в португальской истории это наименование закрепилось за внуком Афонсу III — Афонсу IV. Афонсу III был прозван Болонцем, так как был женат на графине Матильде Болонской. В 1249 г. Афонсу III освободил от мавров Алгарве, закончив Реконкисту на территории Португалии, но вступил в конфликт с Альфонсо X, королем Кастилии и Леона. Конфликт был улажен женитьбой Афонсу III на Беатрис де Гусман, побочной дочери Альфонсо X. Поскольку развод с Матильдой не был оформлен, то папа римский отлучил Афонсу III от церкви. Но в 1262 г. Рим признал новый брак Афонсу III и узаконил его старшего сына от Беатрис — Диниша.

Стр. 128. *Диниш* (1261—1325) — сын Афонсу III, король Португалии (годы правления — 1279—1325). Всячески способствовал развитию в стране земледелия, за что и был прозван Королем-Пахарем. Провел ряд реформ, в 1290 г. основал в Лиссабоне университет, который в 1306 г. был переведен в Коимбру. Диниш являлся одним из наиболее выдающихся галисийско-португальских поэтов своего времени.

Приют Минервы. — Минерва считалась покровительницей наук.

Геликон — гора в Греции, считавшаяся местом обитания муз.

...Афонсу несравненный... — В 1325 г. после смерти Диниша на престол вступил его сын, Афонсу IV (1290—1357), который при жизни отца дважды восставал против него с оружием в руках, подозревая, что тот хочет сделать наследником престола своего побочного сына Афонсу Саншеша. Кроме того, с 1300 г. Диниш перестал созывать кортесы и окружил себя непопулярными в народе фаворитами, поэтому выступления Афонсу против отца пользовались широкой народной поддержкой.

...Кастилию подвергло униженьям... — В 1340 г. Афонсу IV Португальский оказал помощь Альфонсо XI Кастильскому в битве при реке Саладо, где объединенные кастильско-португальские силы разбили войско марокканских и гранадских мавров.

Стр. 129. ...супругу он... послать решил... — Супругой Альфонсо XI Кастильского была Мария, дочь Афонсу IV Португальского.

Стр. 130. Мулуя — река в Марокко; исконное название ее — Мунзенар.

Стр. 131. ...что имя Сарры вечно оскверняли... — Камознс несправедливо связывает этимологию слова «сарацин» с именем Сарры, законной жены библейского патриарха Авраама, в то время как Библия считала арабов потомками его наложницы Агари.

Стр. 132. ...ударили кастильцы... — Между королями Кастилии и Португалии была достигнута договоренность о том, что кастильцы выступают против войск Марокко, а португальцы — против войск Гранады.

Стр. 133. Марий Кай (155—86 гг. до н. э.) — римский консул. В 101 г. до н. э. нанес поражение германским племенам в районе теперешнего Экса-ан-Прованса. По утверждению Плутарха, в этой битве погибло более ста тысяч человек. Воды ручья, из которого утоляли жажду римские воины, окрасились кровью.

Ганнибал (247 или 246—183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец. В 216 г. до н. э., разгромив римлян при Каннах, приказал снять с каждого убитого римского всадника его непременный атрибут — серебряное кольцо. Убитых оказалось так много, что колец набралось на три больших сосуда общей вместимостью около тринадцати литров.

Тит — римский император (годы правления — 79—81). В 70 г., будучи полководцем своего отца императора Веспасиана, взял и разрушил Иерусалим.

Коцит, в древнегреческой мифологии, — река в подземном царстве, приток Стикса.

...пророки предвещали... — В библейских книгах пророков Даниила и Захарии, а также в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки содержатся предсказания о разрушении Иерусалима.

...узнав о даме, что всю жизнь страдала... — В 1340 г. сын Афонсу IV, наследник престола Педру, женился на Констансе Мануэл, представительнице знатного кастильского рода. В свите Констансы в Португалию прибыла Инеш

де Каштру, которую Педру полюбил и с которой он вступил в тайный брак в 1354 г. после смерти Констансы. Завистники оговорили Инеш де Каштру в глазах короля Афонсу IV, убедили его в том, что связь ее с принцем компрометирует королевскую семью, и вынудили дать разрешение на убийство Инеш и ее детей от принца, пользуясь тем, что Афонсу опасался влияния родственников Инеш на своего сына. Кроме того, Инеш всячески поддерживала притязания Педру на кастильскую корону, а король Афонсу IV считал, что Португалия не должна вмешиваться во внутренние дела Кастилии. Правда, Афонсу был растроган видом Инеш и ее детей, которых он встретил в Коимбре, но в его отсутствие 7 января 1355 г. убийцы Алвару Гонсалвеш, Перу Куэлью и Диогу Лопеш Пашеку расправились с Инеш. В 1357 г. Педру вступил на престол, доказал законность своего брака с Инеш, объявил ее королевой и отомстил ее убийцам. В 1367 г. Педру умер и завещал себя похоронить рядом с Инеш. Существует неправдоподобная легенда о том, что по воцелествии на престол Педру приказал богато обрядить труп Инеш, усадил его на трон и заставил представителей знати целовать ему руки. На гробнице Педру в Алкубасе высечена его клятва верности Инеш: «До конца света».

Стр. 135. *...голубей питомицу — царицу...* — Существует легенда о том, что Семирамида была вскормлена голубями.

Стр. 137. *Атрей* — мифический микенский царь, убивший сыновей своего брата Фиеста и накормивший его их мясом.

...и боги из прозрачных слез создали источник... — «Источник любви» и поныне существует в Коимбре.

Стр. 138. *Педру I* правил Португалией с 1357 до 1367 года. Между ним и его племянником Педро I Кастильским было заключено соглашение о том, что каждый из них выдаст другому его врагов, если те попытаются найти прибежище на подвластной ему территории. В 43 г. до н. э. аналогичное соглашение действовало между Октавианом Августом, Марком Антонием и Марком Эмилием Лепидом.

...от Педру Справедливого... — Педру I был прозван в народе Справедливым за беспощадность, с которой карал преступников; он считался хорошим администратором.

...Фернанду, отпрыск вялый и безвольный... — С 1367 по 1383 г. Португалией правил король Фернанду I, сын Педру I и Констансы. Фернанду претендовал на кастильский престол, в результате чего между Португалией и Кастилией началась война. Фернанду I женился на Леонор Телеш, которая до этого официально была замужем за Жуаном Лоуренсу да

Куньей. Фернанду расторг этот брак, женился на Леонор, отказавшись от руки кастильской инфанты, и оскорбленный король Кастилии вторгся в Португалию и осадил Лиссабон. В 1373 г. был подписан унизительный для Португалии мирный договор с Кастилией. Но позднее под влиянием Леонор Телеш Фернанду начал новую войну с Кастилией, в которой вскоре потерпел поражение. Чтобы заключить мир, Фернанду выдал замуж свою единственную дочь и наследницу Беатриш за короля Кастилии Жуана I. При этом было подписано соглашение о том, что если у Фернанду не будет наследников мужского пола, то Беатриш получит право на португальскую корону. Уже в 1371 г. в Лиссабоне произошло народное восстание, направленное против политики Фернанду.

Стр. 139. *Тарквиний* — Секст Тарквиний, сын полугендарного царя Древнего Рима Тарквиния Гордого (534—533 — 510—509 гг. до н. э.). Секст Тарквиний подверг насилию Лукрецию, которая в отчаянии покончила с собою, что вызвало народное возмущение, уничтожение царской власти в Риме, изгнание Тарквиния Гордого и убийство Секста Тарквиния.

...потомки Веньямина... — Согласно библейскому преданию (Книга Судей, главы 19-я и 20-я), иудеи из колена Вениамина подвергли групповому насилию жену иудея из колена Левия. Другие израильские племена решили отомстить за нее, в результате чего погибло двадцать пять тысяч человек из колена Вениамина.

...святой Давид... — На библейского героя Давида, отнявшего у военачальника Урии его жену Вирсавию, бог обрушил ряд наказаний, в том числе смерть ребенка.

Аппий Клавдий — римский воин; хотел обесчестить римлянку Виргинию, но отец предпочел убить ее, чтобы избежать позора. За этим последовали народные волнения, Аппий был заключен в тюрьму, где и покончил с собою.

...царь Египта... — По библейской легенде, древнеиудейский патриарх Авраам спасался от голода в Египте. Фараон пленился красотой жены Авраама Сарры и приказал взять ее во дворец, за что бог подверг его многим бедствиям, после чего Сарра была возвращена мужу.

...словно Ганнибал... — Римские историки культивировали слухи о легкомыслии полководца Ганнибала (247—246—183 гг. до н. э.). В частности, утверждали, что после битвы при Каннах он проводил время в обществе девицы низкого происхождения и недостойного поведения. Камонс мог прочесть об этом в «Триумфе любви» Петрарки.

Стр. 140. *...когда король преставился злосчастный...* — Король Фернанду I, прозванный Прекрасным, умер 20 октября 1383 г. В течение 1383—1385 гг. в стране было междуцарствие; регентство осуществляла Леонор Телеш.

Жуан I (1357—1433) — побочный сын Педру I от Терезы Лоуренсу. Был магистром старейшего в Португалии Ависского ордена, основанного в 1162 г. Афонсу I для борьбы с маврами. Когда Леонор Телеш приняла регентство, она попыталась объявить королевой Португалии свою дочь Беатриш, жену кастильского короля. 6 декабря 1383 г. магистр Ависский отправился во дворец и убил фаворита Леонор графа Андейру. Народ поддержал магистра и объявил его «защитником королевства». В 1384 г. кастильцы вторглись в Португалию, окружили Лиссабон, но отступили, напуганные сопротивлением португальцев и чумой. В 1385 г. магистр нанес кастильцам поражения при Алжубарроте и Вальверде, также в 1385 г. в Коимбре были созваны кортесы, и магистр Ависский был провозглашен королем Португалии. Он стал основателем второй (Ависской) династии португальских королей. Провозглашение Жуана королем стало возможно благодаря поддержке его политики третьим сословием.

...да здравствует в веках король Жуан... — Согласно легенде, приведенной знаменитым португальским хронистом Фернаном Лопешем, в Эворе восьмимесячная девочка, дочь некоего Эштевана Дурреаду, сказала: «Да здравствует дон Жуан, король Португалии!»

Стр. 141. *...и с наглым графом страстью наслаждаться...* — Жуан Фернандеш Андейру, граф де Оурень, стал любовником Леонор Телеш еще при жизни Фернанду I.

...нагим по грязным улицам тащили... — Одну из сторонниц Леонор, аббатису монастыря Сан-Бенту в Эворе, разъяренная толпа таскала по улицам, пока не убила.

...низринув с башни в озлобленье... — Толпа сбросила с башни Лиссабонского собора дона Мартинью, лиссабонского епископа и приверженца Леонор; приора Гимарайнша и нотариуса Силвеша. Их тела протащили по улицам и бросили на съедение псам.

Марий (II в. до н. э.) — римский полководец и консул. В 82 г. до н. э. в результате гражданской войны его победил консул Сулла (138—78 гг. до н. э.), ставший диктатором. Марий и Сулла жестоко расправлялись со своими политическими противниками.

...к наследницы нежданной рождению... — Легкомысленная жизнь королевы Леонор давала основания для слухов о том, что Беатриш не была дочерью Фернанду I.

Сид Кампеадор (настоящее имя — Родриго Диас де Бивар; 1043—1099) — кастильский рыцарь, прославившийся подвигами в Реконкисте. Отвоевал у арабов Валенсию. Воспет, в частности, в «Песни о моем Сиде» и в трагедии П. Корнеля «Сид» (1636).

Фернандо I Великий — король Кастилии, Леона и Астурии (годы правления — 1035—1065). Начал активное наступление на арабские владения в Испании, в результате чего многие испанские города, в том числе Сарагоса и Толедо, были освобождены из-под власти мусульман.

Стр. 142. Вандалами Камознс часто называет жителей Андалузии.

...сыновья колоний Тира... — На месте древнего финикийского (Тирского) поселения был построен испанский город Кадикс.

...с вершин Куэнки спешает... — Считается, что истоки реки Тежу (Тахо) находятся в горах недалеко от Куэнки (Испания).

Стр. 143. ...словно Петр, за жизнь свою трясясь... — По евангелию, апостол Петр трижды отрекся от Иисуса Христа.

Нуну Алвареш Перейра (1360—1431) — великий португальский полководец; был пажом Леонор Телеш, потом всячески поддерживал магистра Ависского, хотя братья Нуну — Диогу и Педру — перешли на сторону кастильцев. Был главнокомандующим португальскими войсками и победил кастильцев при Атулейруше (1384), Алжубарроте (1385) и Вальверде (1385). Участвовал в экспедиции в Сеуту. Затем удалился от мира и окончил жизнь в монастыре.

Стр. 144. ...семь графов... взял в плен король Афонсу... — Имеется в виду битва при Аркуш-де-Валдевеш (1140), в которой Афонсу I Португальский разгромил войска Альфонсо VI Леонского и Альфонсо II Кастильского.

...при доблестном Афонсу создавалась... — Речь идет о совместной победе кастильцев и португальцев над маврами при Саладо в царствование Афонсу IV Португальского.

Стр. 145. ...когда-то после Каннского сраженья... — В 216 г. до н. э. при Каннах римские войска потерпели поражение от карфагенского полководца Ганнибала и вступили

в Каноссу, где вначале решено было прекратить сопротивление. Но, как пишет Тит Ливий, на совете выступил Сципион Африканский Старший (235—183 гг. до н. э.) и убедил соотечественников не сдаваться. Впоследствии Сципион разгромил Ганнибала при Заме (202 г. до н. э.).

...*Ксерксовой державы*. — Ксеркс I (? — 465 гг. до н. э.) — царь государства Ахеменидов. В 480—479 гг. до н. э. возглавлял поход персов в Грецию; по преданию, при переходе Ксеркса через Геллеспонт в его армии было более пяти миллионов человек.

Стр. 146. ...*а левым флангом Вашкеш де Алмада командовал*... — Камознс допустил фактическую ошибку; левым флангом командовал не Вашкеш де Алмада, а Алвару Важ де Алмада, позднее служивший английским королям Генриху V и Генриху VI и получивший в награду графство Авранш, находившееся в Нормандии, тогда принадлежавшей Англии. Погиб в 1449 г. в битве при Алфаррубейре, сражаясь на стороне инфанта дона Педру против его племянника, короля Афонсу V.

В созвездье Девы солнце поспешало. — Сражение при Алжубарроте произошло 14 августа 1385 г.

Стр. 148. *Тетуан* — укрепленный город, расположенный к югу от Сеуты.

Стр. 150. ...*магистры Калатравы и Сантьяго*... — Калатрава — военный орден, основанный в XII в. Великим магистром этого ордена был Педру Алвареш Перейра, брат Нуну. Великим магистром испанского военного ордена Сантьяго (святого Иакова Компостельского) был Педро Монис; погиб он не при Алжубарроте, а в сражении при Вальверде (1385).

...*трехглавый пес* — Цербер, охранявший, по представлениям древних греков, вход в подземное царство.

Стр. 151. ...*Жуан провел три дня на поле боя*. — По обычаю, победитель оставался три дня на поле боя.

...*затаял новое сражение*... — В 1385 г. Нуну Алвареш Перейра разбил севильцев при Вальверде, не сообщив предварительно королю о своем вторжении в Кастилию.

...*короли судьбу свою связали... скрасавицами Англии*... — 2 февраля 1387 г. Жуан I женился на Филиппе, дочери Джона Гентского, сына Эдуарда III Английского. На ее сводной сестре Катарине женился король Кастилии Энрике III.

Стр. 152. ...*к брегам морским герои устремились*... — Камознс считает, что взятие Сеуты (1415 г.) при короле Жуане I положило начало эпохе географических открытий.

Алкидовы столбы. — Алкид — Геркулес; Сеута считалась одним из Геркулесовых столбов; в 1415 г. была завоевана португальцами.

Граф *Хулиан* был вестготским правителем Сеуты, находившейся под юрисдикцией Испании. Желая отомстить королю Родриго, обесчестившему дочь графа, Хулиан в 711 г. призвал в Испанию мавров, положив начало завоеванию ее арабами.

...*великие инфанты* — дети Жуана I: Дуарте, Жуан, Педру, Энрике (Генрих Мореплаватель), Фернанду («святой инфант»), Изабел. Дуарте и Педру были видными португальскими писателями. Первый написал книги «Верный советник» и «Искусство верховой езды»; был автором многих переводов с латинского языка; считается одним из основоположников португальской прозы. Педру написал книгу «Добродетельное благоденствие», впоследствии был регентом при малолетнем короле Афонсу V; погиб в междоусобной битве при Алфаррубейре. Жуан был главнокомандующим и магистром ордена Сантьяго. Энрике (1394—1460) выступил инициатором португальских экспедиций вдоль побережья Африки. Благодаря его инициативе были открыты Порту-Санту (1419), Мадейра (1420), Азорские острова (1432—1447), мыс Белый (1441), острова Зеленого Мыса (1456). Энрике основал на мысе Сагреше знаменитое мореходное училище. В 1436—1437 гг. окончилась неудачей португальская экспедиция в Танжер. По условиям перемирия, португальцы должны были возратить маврам Сеуту и уплатить выкуп, в залог чего в мавританском плену остался инфант Фернанду (1402—1443). Город так и не был возвращен маврам, а «святой инфант» после многих издевательств погиб в плену, Кальдерон воспел его в драме «Стойкий принц». Изабел была супругой графа Фландрского и герцога Бургундского Филиппа Доброго.

Дуарте, по прозвищу Красноречивый, — сын Жуана I и Филиппы, был португальским королем в 1433—1438 гг. Его царствование изобиловало несчастьями. Страна страдала от неурожая, эпидемий. В его правление Португалия потеряла Танжер, и инфант Фернанду остался заложником в мавританском плену. Король Дуарте умер от чумы.

Стр. 153. *Кодр*, по преданию, — последний царь Аттики (XII—XI вв. до н. э.), добровольно отправившийся в лагерь неприятелей-дорийцев, чтобы погибнуть и спасти в соответствии с предсказанием Дельфийского оракула Аттику от дорийского завоевания.

Регул — римский консул и полководец III в. до н. э. В 255 г. до н. э. попал в плен к карфагенянам, где томился пять лет, затем был отправлен с посольством в Рим вести мирные переговоры. Уговаривал соотечественников не соглашаться на невыгодные для Рима условия карфагенян и был умерщвлен.

Курций — легендарный римский юноша, бросившийся в пропасть, открывшуюся на Римском форуме, потому что оракул предсказал, что пропасть закроется, только если Рим бросит в нее самое ценное свое богатство.

Деции — семья римских патриотов. Публий Деций Нус пожертвовал собой в 340 г. до н. э. при Везерисе в битве против латинов, так как ему предсказали, что победит то войско, чей предводитель пожертвует собой. В 295 г. до н. э. его подвиг повторит его сын в битве с галлами, а в 279 г. до н. э. — внук в битве с Пирром, царем Эпира.

Афонсу V, прозванный Африканцем, сын короля Дуарте, был португальским королем в 1438—1481 гг. В его царствование португальцы завоевали Эль-Ксар-эс-Сегир (1458), Танжер и Арзилу (1471), укрепленные города в Марокко.

...мог бы яблоч золотых отведать... — Древнегреческая легенда повествует о чудесных золотых яблоках, которые росли на крайнем западе земного круга, в саду Гесперид. Геракл (Геркулес) убил дракона, охранявшего сад, и унес золотые яблоки. Поскольку в поэме земля Гесперид часто отождествляется с Марокко, Камознс хотел сказать, что Афонсу V добился значительных военных успехов на этой территории.

Стр. 154. *Афонсу... мечту лелея о кастильском троне...* — Для того чтобы приобрести права на кастильский престол, Афонсу V обручился по доверенности со своей племянницей Хуаной, дочерью умершего короля Кастилии Энрике IV. Но папа римский не утвердил брак между столь близкими родственниками. На кастильский престол вступила сестра Энрике IV Изабелла, вышедшая замуж за Фернандо Арагонского. В 1476 г. Фернандо нанес поражение войскам Афонсу в битве при Торо. Афонсу отказался от притязаний на кастильский престол, а Хуана стала монахиней.

Жуан, прозванный Примерным принцем (1455—1495), — сын Афонсу V, пришедший на помощь отцу в битве при Торо. Хотя Афонсу отступил под натиском кастильцев, тот фланг, которым командовал Жуан, одержал победу над противником, поэтому Камознс говорит, что победу Фернандо нельзя считать бесспорной.

...при Филиппах Август... разбит был в битве Брутом... — В 42 г. до н. э. при Филиппах в Македонии состоялись два сражения между Октавианом Августом и его союзником Марком Антонием с одной стороны и Брутом и Кассием — с другой. В первом сражении Брут разгромил войска Октавиана, но Кассий потерпел поражение от Антония; во втором сражении были разгромлены как Брут, так и Кассий.

Стр. 155. *Жуан II* вступил на португальский престол в 1481 г. и правил страной до своей смерти, то есть до 1495 г. Заботился об укреплении королевской власти, ограничивал крупных феодалов. В его царствование было раскрыто два заговора крупной знати против короля: глава первого, герцог де Браганса, был казнен в 1483 г.; второй возглавлял двоюродный брат Жуана II и родной брат его жены герцог де Визеу; король самолично убил его в 1484 г. Жуан II отличался религиозной терпимостью, он разрешил обосноваться в Португалии евреям, изгнанным из Испании Фернандо и Изабеллой. В годы правления Жуана II были сделаны важные географические открытия: Диогу Кан открыл реку Заир (иначе — Конго) в 1485 г. и обследовал побережье Анголы; Бартоломеу Диаш обогнул южную оконечность Африки в 1487 г.

...его посланцы дружною четюю... — В средние века в Европе была распространена легенда о «восточных христианах», обитающих в «стране пресвитера Иоанна», расположенной не то в Абиссинии, не то в Индии. В 1487 г. Жуан II отправил на поиски «пресвитера Иоанна» экспедицию в составе Перу де Кувильяна и Афонсу де Пайвы, которые отплыли из Барселоны, побывали в Неаполе, потом на острове Родос и, наконец, в Александрии. Оттуда путешественники проследовали в Каир, Суэц, Тур и Аден. В Адене экспедиция разделилась. Афонсу де Пайва отправился в Абиссинию, а Перу де Кувильян — в Индию; местом встречи на обратном пути был назначен Каир. Когда Кувильян прибыл в Каир, побывав в Кананоре, Каликуте, Гоа, Софале, Ормузе, то узнал о кончине Пайвы. В Каире Кувильяна дожидались два португальских еврея, Жозе и Авраам, с письмами от короля. Жозе Кувильян отправил в Лиссабон с донесением королю, а сам вместе с Авраамом отъехал в Ормуз. Потом Авраам вернулся в Лиссабон, а Кувильян побывал в Джидде, Мекке, Медине и на Синае. В конце концов Кувильян осел в Абиссинии, где служил королю Александру и его преемнику Давиду и умер в 1524 г.

...в Неаполе... где испанцы правили в те годы... — Неа-

полем действительно в разные периоды истории управляли различные народы — норманны, немцы, французы. Во времена Васко да Гамы Неаполь был владением Фернандо, короля Арагона и Кастилии.

Помпей Великий (107—48 гг. до н. э.) — римский полководец; вместе с Цезарем и Крассом входил в состав триумвирата; затем выступил против Цезаря, был побежден им в битве при Фарсале и бежал в Египет, где и был убит по приказанию Цезаря.

...Эфиопия.. где христианство свято сохранилось... — Христианство проникло в Эфиопию еще в IV в., но это было, в основном, христианство монофизитского толка, при этом оно было популярно прежде всего среди местной знати. Среди народа были весьма распространены языческие обряды, а также ритуалы иудейского происхождения.

Эритрейские волны — волны Красного моря, которые, по библейскому преданию (Исход, гл. 14), расступились перед возглавляемыми Моисеем древними иудеями, бежавшими из Египта.

Набатейские холмы — так, по имени Навайофа, старшего сына библейского Измаила, мифического родоначальника арабов, называли горные цепи, расположенные на северо-западе Аравии (примерно от Евфрата до Красного моря).

...к Аравии приблизились Счастливой... — Во времена Камознса Аравию, по традиции, разделяли на три части: Аравию Каменистую (Синайский полуостров), Пустынную (район Сирийской пустыни) и Счастливую (восток Аравийского полуострова).

Стр. 156. *Траян* (53—117) — римский император из династии Антонинов. Правил Римом с 98 г. до своей смерти. В результате завоевательных войн покорил Дакию, Аравию, Великую Армению, Месопотамию, но до Индии не дошел.

Керман — город на юго-востоке Ирана.

Гедрозия — область на берегу Ормузского пролива.

...Мануэл Счастливый воцарился... — В 1495 г. после смерти Жуана I на португальский престол вступил его двоюродный брат Мануэл, прозванный Счастливым, и правил до 1521 г. Его царствование считается одним из самых блистательных периодов в истории страны. Мануэл вдохновился идеей географических открытий. В его правление Васко да Гама открыл морской путь в Индию (1497), а Педру Алвареш Кабрал открыл Бразилию. Португальские колонизаторы Франсишку де Алмейда, Дуарте Пашеку Перейра

и Афонсу де Албукерк подчинили Португалии обширные территории в Индии. Правление Мануэла связано и с расцветом португальской культуры.

Стр. 157. *...дланью прикоснулся к первой сфере... — По воззрениям Птолемея, первая сфера — это орбита Луны. ...славные истоки двух дивных рек — истоки Инда и Ганга.*

Стр. 158. *Аретуза — древнегреческая речная нимфа; греческие колонисты перенесли легенду об Аретузе в Сицилию, сделав ее нимфой одноименной реки. В Аретузу влюбился речной бог Алфей и стал ее преследовать. Чтобы спастись, Аретуза превратилась в источник, но Алфей стал рекою, и его воды соединились с водами Аретузы.*

...мое рожденье приветствуют небесные чертоги... — По древним легендам, Ганг протекал через рай. На самом деле его истоки находятся в Гималаях.

...его течение среди этих гор берет свои истоки... — Истоки Инда находятся в Тибете, к северу от Гималаев.

Стр. 160. *...велите мне, как Эврисфей Алкиду... — По древнегреческому мифу, герой Геракл должен был повиноваться своему родственнику Эврисфею, заставившему его совершить двенадцать подвигов, в том числе убить Немейского льва, спуститься в Аид и вывести оттуда трехглавого пса Цербера, умертвить Лернейскую гидру.*

Паулу да Гама (?—1499) — старший брат Васко да Гамы. Вначале был приглашен королем Мануэлом возглавить экспедицию, но отказался от этой миссии, ссылаясь на плохое здоровье. Тогда командование армадой было возложено на его младшего брата Васко. Паулу да Гама командовал в этой экспедиции кораблем «Святой Рафаил» и выполнял важные поручения: близ Мозамбика потопил неприятельские лодки, в Каликуте был командиром эскадры, пока его брат находился в городе. Умер Паулу да Гама, когда экспедиция возвращалась в Португалию, на Азорских островах.

Николай Кузлюю — известный португальский мореплаватель. В экспедиции Васко да Гамы командовал каравеллой «Берриу». В 1498 г. разоблачил заговор моряков, желавших заставить Гаму вернуться в Португалию, вместо того чтобы продолжать путь в Индию. Позднее участвовал в экспедициях Афонсу де Албукерка в Индию и Педру Алвареша Кабрала в Бразилию. В 1504 г. погиб в результате кораблекрушения.

«Арго» — название корабля аргонавтов.

...и первой славных миниев дружина... — Племя миниев некоторые древнегреческие мифографы отождествляли с аргонавтами.

Эвксин (Понт Эвксинский) — древнегреческое название Черного моря.

Стр. 161. *Улиссея* — древнее название Лиссабона, по преданию основанного Улиссом; порт находился в гавани Рештелу в Вифлееме, предместье Лиссабона, при впадении Тежу в Атлантический океан.

...уж корабли в содружестве согласном... — Португальская армада состояла из кораблей «Святой Гавриил» (под командованием Васко да Гамы) и «Святой Рафаил» (капитан — Паулу да Гама), каравеллы «Берриу» (капитан — Николай Куэлью) и старого корабля «Святой Михаил», нагруженного продовольственными запасами и сожженного по пути в Индию. Капитаном этого корабля был Гонсалу Нунеш.

...как «Арго»... способны к небу мчатся... — Согласно древнегреческому мифу, Афина поместила корабль «Арго» среди созвездий.

Мы в Вифлееме, близ святого храма... — Пристань Рештелу находится в пригороде Лиссабона Вифлееме. В этом же пригороде находилась часовня богородицы, откуда в субботу 8 июля 1497 г. вышла торжественная процессия мореплавателей, отправляющихся в Индию. Позднее на месте этой часовни, построенной по указанию инфанта Генриха (Энрике) Мореплавателя, по приказу короля Мануэла был построен Монастырь иеронимитов, где в настоящее время покоится прах Васко да Гамы и Луиса де Камонса.

Стр. 164. Строфа 94 начинается знаменитый эпизод «старца из Рештелу», обрушившего критику на участников экспедиции Васко да Гамы.

Стр. 165. *...и в век железный навсегда попал...* — Камонс имеет в виду легенду о существовании четырех веков: Золотого, когда царила невинность; Серебряного, Бронзового и, наконец, Железного, века войн и зла.

Стр. 166. *Япет*, в древнегреческой мифологии, — отец Прометея.

Стр. 167. *...зодчий искушенный* — Дедал, сделавший для себя и своего сына Икара крылья, чтобы выбраться из Критского лабиринта. В полете Икар залетел очень высоко, солнце растопило воск, скреплявший крылья, и Икар упал в море.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Стр. 168. ...светило к Немейскому пределу приближалось... — Солнце должно было войти в знак Льва 12 июля 1497 г.; армада вышла в путь 8 июля; Немейским пределом этот знак назван потому, что Немейский лев был убит Гераклом.

...век шестой... которым дряхлость мира измерялась... — По традиции, считалось, что мир имеет шесть возрастов, или веков: (1) от Адама до потопа; (2) от потопа до Авраама; (3) от Авраама до Давида; (4) от Давида до Вавилонского столпотворения; (5) от Вавилонского столпотворения до рождения Христа; (6) после рождения Христа.

Стр. 169. ...Генрих наш, старатель неустанный... — Инфант Генрих (Энрике) Мореплавателем руководил португальскими исследованиями Западного побережья Африки, охватывавшими территорию вплоть до Сьерра-Леоне.

...Антея легендарного владыкья... — Владением героя древнегреческих мифов Антея считалась Ливийская пустыня, где он убивал всех путешественников, так как дал обет воздвигнуть Посейдону памятник из человеческих черепов.

...Мадейры шумные дубравы... — Остров Мадейра был открыт португальским капитаном Жуаном Гонсалвешем Зарку в 1420 г. Мадейра по-португальски значит «дерево», «древесина». Армада Гамы проплыла мимо Мадейры, но на острове не останавливалась.

Пафос и Цитера — места в Древней Греции, где находились известные святилища Венеры.

Массилия — древнее название Нумидии.

...птицы... железом испокон веков кормились... — По средневековым представлениям, страусы проглатывали железо.

Незримые границы — тропик Рака (Северный).

Несчастный возница — Фазтон.

Мыс Арсинои — древнее название Зеленого Мыса.

Стр. 170. Острова Блаженных о которых писали Плиний и Птолемей, позднее отождествляли с Канарскими островами, которые армада Васко да Гамы прошла еще до Зеленого Мыса.

...туда, где Геспериды обитают... — Точное местонахождение так называемых островов Гесперид не установлено. Камознс считает, что это острова Зеленого Мыса.

...остров... что принял имя славного Сантьяго... — Флот бросил якорь у острова Святого Иакова. Камознс ошибочно полагал, что остров был назван в честь святого Иакова Старшего, сына Зеведея и Саломеи, погибшего в 44 г. в Иерусалиме. Потом возникла легенда о перенесении мощей святого Иакова (Сантьяго) в испанский город Компостелу. Сантьяго считался покровителем Испании. Но остров был назван в честь святого Иакова Младшего, сына Алфея и Марии Клеоповой, сестры богородицы, так как был открыт 1 мая — в день этого святого.

Мандинга — королевство в Западной Африке, очень богатое золотом.

Доркадскими Камознс называет острова архипелага Бижагош. Согласно древнегреческой мифологии, на Доркадских островах обитали три чудовища — Горгоны, дочери Форкия, у которых на всех был один глаз. Когда Персей убил самую старшую из Горгон — Медузу, то из капель ее крови родились змеи.

Стр. 171. ...затем река мелькнула перед нами... — Под рекой имеется в виду Нигер.

...владения Неверного Фомы... — Армада миновала остров Сан-Томе, названный так в честь святого Фомы, прозванного Неверным (неверующим). О Фоме см. коммент. к с. 322.

Королевство Конго занимало часть теперешней Анголы и Конго и было открыто в 1484 г. Диогу Кау.

Рубеж раскаленный — экватор.

Новое созвездье — Южный Крест. Камознс считал, что небо южного полушария менее богато звездами, чем небо северного.

Два лета в год и две зимы сухие... — Два лета и два лета бывают на территории, располагающейся между северным и южным тропиками.

...медведицы купались и ярости Юноны не боялись... — Древнегреческий миф повествует о нимфе Каллисто, родившей от Зевса сына Аркада. Ревнивая Гера (Юнона) превратила Каллисто в медведицу, а Зевс перенес ее на небо, сделав нимфу созвездием Большой Медведицы, а ее сына — Малой. Гера якобы запретила медведицам купаться в море. Возможно, что так пытались объяснить то, что в Европе невозможно увидеть, как эти созвездия скрываются в океане.

Стр. 172. ...живой огонь я наблюдал воочию... — Камознс описывает так называемые огни святого Эльма — свечение мачт и рей кораблей во время шторма после прохождения

по ним электрического разряда. Моряки времен Камознса считали эти блуждающие огоньки душами погибших.

В настоящее время огни святого Эльма (ОСЭ) считают особой формой атмосферного электрического разряда, родственной линейной и шаровой молниям. Появляются эти огни в разных условиях: во время пыльных и снежных бурь, во время гроз и при извержениях вулканов. Их наблюдали на верхушках деревьев, штыках винтовок, громоотводах, гребнях волн.

...облака... тянули к небу океана волны. — Здесь и далее Камознс рассказывает о морском смерче.

Стр. 174. *Светлая планета* — Луна.

Астролябия — прибор, предназначенный для замеров высоты солнца и определения широты, на которой находится та или иная местность. Этот инструмент был известен еще древним грекам.

...мы на брег неведомый ступили... — Армада сделала остановку в бухте Сент-Хелина 8 ноября 1497 г.

Стр. 175. *Полифем*, в древнегреческой мифологии, — одноглазый циклоп, ослепленный Одиссеем.

Фернан Велозу — моряк, историческое лицо, участник экспедиции Васко да Гамы. В дальнейшем упоминается в VI (строфы 41—46) и IX (строфа 59) песнях.

Стр. 178. *Колосс Родосский* — бронзовая статуя Аполлона, установленная в III в. до н. э. на острове Родос. Высота статуи была 32 метра, и она считалась одним из семи чудес света.

...и первый флот, что выйдет в путь-дорогу... — Адамастор «предсказывает» судьбу флота Педру Алвареша Кабрала, отправившегося в 1500 г. в Индию. Но у Мыса Доброй Надежды флот попал в страшный шторм и был отброшен далеко на запад. Некоторые историки полагают, что именно поэтому флот оказался у берегов Южной Америки и Кабрал открыл Бразилию, другие же считают, что Кабрал с самого начала намеревался плыть к берегам Южной Америки.

Стр. 179. *...я на главу того обрушу мценье...* — Первым достиг Мыса Доброй Надежды в 1488 г. Бартоломеу Диаш. В 1500 г. он командовал одним из кораблей флота Кабрала. Этот корабль погиб во время шторма близ Мыса Доброй Надежды.

И здесь найдет могилу тот несчастный. — Имеется в виду Франсишку де Алмейда, первый португальский вице-король Индии. Сын его Лоуренсу погиб в морском сражении с

кораблями египетского султана в 1508 г. В 1509 г. отец отомстил за смерть сына, разбив близ Диу турецкую армаду, состоящую на службе египетского султана. В этой битве Алмейда получил богатые трофеи, но когда он возвращался в Европу, то погиб в стычке с кафрами севернее Мыса Доброй Надежды (залив Салданья).

...затем другой, умом, отвагой, славой... — В 46-й и 48-й октавах Камознс рассказывает о трагической судьбе Манузла де Соузы э Сепулведы, португальского чиновника в Индии, который, возвращаясь в Португалию с женой, детьми и сподвижниками, потерпел в 1552 г. кораблекрушение у Мыса Доброй Надежды. Жена и дети де Соузы э Сепулведы спаслись, но умерли с голода, сам Сепулведа сошел с ума и скрылся в джунглях. С уцелевшими в кораблекрушении спутниками Сепулведы бесчеловечно обошлись кафры; в итоге в живых осталось двадцать шесть человек, с кем-то из которых, возможно, встречался Камознс. В XVI в. о кораблекрушении Сепулведы рассказал историк Диогу ду Коуту в книге «Декады». Известный поэт Жерониму Корте Реал написал поэму в семнадцати песнях «Кораблекрушение Сепулведы». Камознс дает свою версию гибели Сепулведы и его семьи, несколько отличающуюся от общепринятой.

Стр. 182. *Мыс Бурь* был так назван своим первооткрывателем Бартоломеу Диашем, но король Жуан II переименовал его в Мыс Доброй Надежды.

Плиний Старший (23 или 24—79) — римский писатель и историк, погибший при извержении Везувия, автор 37-томного труда «Естественная история».

Страбон Марк (64 /63 г. до н. э. — 23 /24 г. н. э.) — древнегреческий географ и историк. Его 17-томная «География» являлась итогом географических знаний античности. Кроме того, Страбон был автором не дошедших до нас «Исторических записок».

Помпоний Мела — древнегреческий географ I в. н. э.

Птолемей Клавдий (ок. 90 — ок. 160) — древнегреческий астроном, математик и географ, создатель геоцентрической системы мира, которая была изложена в трактате «Альмагест». Кроме того, Птолемей написал трактат «География».

...Адамастор я, сын Земли могучей... — В действительности, античная мифология не знает такого гиганта, как Адамастор. Гомер упоминает Дамастора, Вергилий — Адамастуса. По представлениям древних греков, гиганты — родственные богам и циклопам буйный народ великанов,

обитавший на далеком Западе. Гиганты—сыновья Геи (Земли) и Урана (Неба). В число мифических гигантов входили Бриарей и Энкелад. Сохранились предания о гигантомахии — войне гигантов с олимпийцами. Древние считали, что побежденные гиганты были погребены под вулканами.

Стр. 181. *...любовь к жене божественной Пелея...* — Супругой Пелея и матерью Ахилла была Фетида, старшая из пятидесяти дочерей Нерея и Дориды.

Стр. 183. *Эфиопами* Камознс в данном случае называет чернокожих.

Титир — главный герой первой эклоги «Буколик» Вергилия, выразитель авторской позиции. В данном случае Камознс называет Титиром Вергилия.

Стр. 184. *...скалистый остров вскоре мы минули...* — Имеется в виду остров Креста в бухте Алагоа, явившийся конечным пунктом открывшей Мыс Бурь экспедиции Бартоломеу Диаша. В 1488 г. по приказу Диаша на этом острове был сооружен монумент, увенчанный крестом.

...теченье замедлило вдруг наше продвижение... — Армада Васко да Гамы в Мозамбикском проливе столкнулась с сильным течением, проходящим с севера на юг пролива.

Нот — древнегреческий бог южного ветра.

Стр. 185. *...лучи дня незабвенного светились...* — Имеется в виду 6 января, день Епифании, то есть поклонения царей младенцу Христу.

...реку, что средь чужой земли открыли... — Не удалось в точности выявить, какую именно реку Васко да Гама и его спутники называли рекой Царей. Одни исследователи полагают, что Лимпопо, другие — что Завалу.

Стр. 186. *...святой Николай* считается покровителем мореплавателей.

Стр. 187. *Мартинш Фернан* — участник экспедиции Васко да Гамы, ранее побывавший в плену у мавров и знавший арабский язык.

...река Добрых знаков — Килимана... и столп в земле далекой водрузили. — В знак своего владычества португальцы водружали в открытых ими земляхobelisks.

...архангел... был Товии... провожатым... — Камознс ссылается на легенду из апокрифической книги Товита, в которой рассказывается о том, как архангел Рафаил сопровождал юношу Товию в чужую землю, куда тот был послан отцом. Обелиск, воздвигнутый португальцами, был посвящен святому Рафаилу.

Стр. 188. *Рамнузией* в данном случае названа древнегреческая богиня мести Немезида, так как наиболее почитаемый ее храм находится в Рамнунте (Аттика).

...от гибельной, неведомой болезни... — Участник экспедиции Васко да Гамы Алвару Велью так описывал обрушившуюся на путешественников цингу: «Весь экипаж наш заболел тяжко: десны распухли так сильно, что покрыли все зубы и мы не могли есть; распухли также и ноги, а на теле появились большие нарывы, настолько истощавшие здоровенных мужчин, что они умирали, хотя никакой другой болезни не было у них. Так умерло за это время тридцать человек» (История средних веков. XV—XVII века. Хрестоматия. Ч. II. Сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. М., Просвещение, 1981, с. 130—131).

Стр. 189. *...к влаге Аонийской.* — Аония — часть Беотии у горы Геликона и источника Аганиппы, посвященного музам. Камознс считает, что из этого источника черпал вдохновение Гомер.

...семь городов и весей ионийских... — Семь греческих городов и островов — Смирна, Хиос, Колофон, Родос, Саламин, Аргос и Афины — отстаивали право считаться родиной Гомера.

Авзония — область в Италии; *кудесник Авзонийский* — Вергилий.

Стр. 190. *...вещали, как скитались полубоги...* — В «Одиссее» рассказывается о встрече героя и его спутников с циклопом Полифемом, волшебницей Цирцеей и сиренами, о пребывании греков в земле мифических киклонов и о сражении с ними, о мифическом народе лотофагов — «пожирателей лотоса», даровавшего всем, кто его ел, забвение.

...и лощманов любимых их лишали... — В поэме Вергилия «Энеида» враждебная Энею Юнона насыляет сон на его любимого лощмана Палинура во время плавания троянцев из Сицилии в Италию; тот падает в воду и в конце концов гибнет.

...то их в Аид зловещий отправляли... — В «Одиссее» Гомера и «Энеиде» Вергилия герои спускались в царство мертвых (Аид), чтобы узнать о своем будущем.

...то к Калипсо бросали их в объятья... — В «Одиссее» повествуется о том, как герой провел семь лет на острове Огигия у прекрасной нимфы Калипсо.

Гарпии, в античной мифологии, — богини вихря, крылатые чудовища с телом грифа, ушами медведя и головой

женщины. В «Энеиде» рассказывается, как гарпии осквернили пищу Энея и его спутников.

...но вот уж над волнами появились те кони... — Имеется в виду, что наступил вечер и на небе появилась колесница бога Солнца, спешившая в час вечерней зари скрыться в море.

Стр. 191. *Александр Македонский* был известен как поклонник Гомера. Он говорил, что больше восхищается стихами Гомера, чем подвигами Ахилла.

Фемистокл — великий древнегреческий полководец, разбивший 28 сентября 480 г. до н. э. при острове Саламин персидский флот. Он повторял, что ему не давали покоя лавры Мильтиада.

Мильтиад — афинский полководец, нанесший поражение персам в 490 г. до н. э. при Марафоне.

...Мантуанского рапсода... — Мантуя считается родиной Вергилия.

...Август... слагал стихи... — Светоний утверждал, что когда Марк Антоний оставил свою жену Фульвию ради Клеопатры, то Октавиан Август сопроводил это событие шуточными стихами.

Стр. 192. *Сципион Африканский Младший* (ок. 185—129 гг. до н. э.) — выдающийся римский полководец, в 146 г. до н. э. захвативший и разрушивший Карфаген и закончивший III Пуническую войну. Среди римской аристократии ходили ложные слухи, что он помогал драматургу Теренцию в сочинении комедий.

А Александр Гомером упивался... — Плутарх утверждает, что у изголовья Александра Македонского всегда находились поэмы Гомера.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Стр. 194. *...как с Клеопатрой некогда Антоний...* — Плутарх рассказывает о том, как Антоний и Клеопатра отправились на рыбалку. Ничего не поймав, Антоний распорядился, чтоб на его крючок насадили рыбу, пойманную другим. Клеопатра сделала вид, что ничего не замечает, и на следующий день по ее приказанию на крючок Антония насадили уже приготовленную рыбу. После того как Антоний вытащил из воды свой «трофей», Клеопатра подвергла его насмешкам.

Стр. 195. *...кормщик честный* — Ахмад ибн Маджид, автор «Книги пользы в рассуждении основ и правил морской науки».

Позднее он писал о португальцах: «О, если бы я знал, что от них будет! Они прибыли в Каликут. Там они покупали и продавали, властвовали, притесняли, опираясь на местных князьков... Люди предались страху и озабоченности» (Г л у х о в А. Г. Приключения книг. — М., Сов. Россия, 1985, с. 165).

Тионей — прозвище Вакха по имени его матери Тионы (Семелы).

Стр. 196. ...*четыре всемогущие стихии*... — По воззрениям древних, четыре природные стихии — огонь, воздух, земля и вода.

Стр. 197. *Тифей* (Тифон), в древнегреческой мифологии, — младший сын Геи и Тартара, боровшийся с Зевсом за власть над миром. Зевс победил Тифея, сковал его и заключил под Этну.

...*с оливою Минервы состязался*. — См. коммент. к с. 115.

Стр. 198. *Салация* — римская богиня морской воды и открытого моря, жена Нептуна и мать Тритона.

Тритон, ранее упоминаемый Камознсом во второй песни (строфа 21), — морской демон, служивший Нептуну вестником. Тритон обычно изображался с раковиной в руках; с помощью этого инструмента он по приказу Нептуна издает звуки, успокаивающие или волнующие море.

...*Диана их всегда рождает вдоволь*... — По поверию португальских моряков, крабы и моллюски рождаются в полнолуние.

...*того, кто стены Трои обреченной построил*... — По древнегреческому мифу, стены Трои построили Посейдон (Нептун) и Аполлон (Феб).

Стр. 199. *Океан* — древнегреческий бог мифической реки, окружающей землю; отец трех тысяч сыновей и трех тысяч дочерей.

Нерей — древнегреческое морское божество; *Дорида* — дочь Океана и супруга Нерея; Нерей и Дорида считались родителями многочисленных нимф моря — nereид.

Протей — древнегреческое морское божество, старец, способный принимать любой облик и наделенный даром предвидения.

...*Нептуна нежная супруга*... — Камознс имеет в виду Фетиду, чаще всего считавшуюся дочерью Нерея и Дориды, хотя некоторые древнегреческие мифы называют родителями богини Урана и Гею. Весту матерью Фетиды считал Боккаччо. У Камознса в качестве жен Нептуна выступают одновременно Фетида и Амфитрита. Но в древнегреческих ми-

фах женой Посейдона — Нептуна обычно считается Амфитрита. Что касается Фетиды, то ее любви Нептун добивался, но после того, как было предсказано, что сын Фетиды будет сильнее отца, она была выдана за смертного Пелея.

Амфитрита — дочь Нерея и Дориды и супруга Посейдона — Нептуна. Согласно древнегреческому мифу, она вначале отказывалась от брака с Нептуном, но посланный Нептуном дельфин убедил ее согласиться на этот союз.

Ино, в древнегреческой мифологии, — жена Атаманта, царя миниев, родившая ему двух сыновей — Леарха и Миликерта. В припадке безумия Атамант убил Леарха и хотел убить Ино с Миликертом, но они бросились в море, где были превращены в морских божеств.

Панопея — одна из nereид.

Стр. 200. *Главк*, по одному из мифов, — беотийский рыбак, отведавший морской травы, превратившийся в рыбу и бросившийся в море, где Океан и Тетия сделали его морским божеством. Главк полюбил нимфу Сциллу и обратился за помощью к волшебнице Цирцее, но она, будучи сама влюблена в Главка, превратила Сциллу в морское чудовище.

Стр. 201. *...сыны земли свод неба покоряли... в скорлупках утлых в море отплывали...* — Под покорением неба Камознс, по-видимому, подразумевает мифический полет Дедала и Икара, а под плаванием — поход аргонавтов.

Борей — древнегреческий бог северного ветра, а *Аквилон* — бог северо-восточного ветра.

Стр. 202. *Эол*, в античной мифологии, — повелитель ветров и правитель острова Эолия. Считалось, что он держит ветры взаперти в пещере и выпускает их оттуда, когда считает нужным.

Стр. 203. *...вторая стража на борту сменилась...* — В средние века суточное время делилось на шесть периодов по четыре часа каждый, три периода приходились на день и три — на ночь. Вторая стража сменялась во второй период ночного времени, то есть около полуночи.

Стр. 204. *Леонарду* — один из участников экспедиции Васко да Гамы Леонарду Рибейру.

Велозу. — См. коммент. к с. 175.

...двенадцать португальских кавалеров... — Первые упоминания о двенадцати кавалерах содержатся в Краткой хронике о двенадцати кавалерах, составленной в монастыре Святого Креста, и в 46-й главе «Воспоминаний о подвигах

рыцарей Второго Круглого Стола» Жорже Феррейры де Вашкунселуша. Ни английские, ни португальские историки не упоминают о том, что двенадцать португальских рыцарей отправились в Англию защищать честь двенадцати английских дам. Имена двенадцати кавалеров являются подлинными, но разница в возрасте этих исторических лиц показывает, что они не могли участвовать в каком-либо совместном предприятии и весь эпизод двенадцати кавалеров — плод фантазии португальских писателей. Обычно в числе двенадцати называются следующие кавалеры: (1) Алвару Гонсалвеш; (2) Жуан Фернандеш Пашеку; (3) Алвару Мендеш Сервейра; (4) Алвару Важ де Алмада (граф д'Авранш); (5) Жуан Перейра Агуштин; (6) Лопу Фернандеш Пашеку; (7) Луиш Гонсалвеш Малафайя; (8) Мартин Лопеш де Азеведу; (9) Педру Омень да Кошта; (10) Руй Гомеш да Силва; (11) Руй Мендеш Сервейра; (12) Суейру да Кошта.

Жуан — Жуан I, прозванный защитником королевства. См. коммент. к с. 140.

Стр. 205. *Ланкастер* — Джон Гентский, герцог Ланкастерский, сын английского короля Эдуарда III, тесть и союзник Жуана I Португальского (см. коммент. к с. 151).

...союзник Португалии далекой... — Джон Гентский был женат на Констансе, дочери кастильского короля Педро Жестокого. Претендуя на кастильский престол, Джон Гентский вступил с войсками в Кастилию. На помощь ему с войсками в Кастилию поспешил Жуан I Португальский. В 1387 г. Жуан женился на Филиппе Ланкастерской, дочери Джона Гентского. Позднее Джон Гентский отказался от притязаний на кастильский престол и выдал свою другую дочь — Катарину — замуж за будущего короля Кастилии Генриха (Энрике) II.

Стр. 207. *...в городе, который дал название... Португалии...* — Слово «Португалия» произошло от соединения латинских наименований города Порту и находящегося неподалеку от него поселения Гайи — Портос-Кале.

...тот рыцарь прозывался Худощавым... — Алвару Гонсалвеш Коутинью, прозванный Худощавым, был сыном первого португальского маршала Гонсалу Вашкеша Коутинью.

Стр. 208. *...где Марс прославил Луза род высокий...* — Имеются в виду совместные победы Жуана I и Джона Гентского над кастильцами.

Стр. 211. *Марк Валерий Корвин и Тит Манлий Торкат* — римские военачальники, победившие в единоборстве

галльских воинов соответственно в 349 г. до н. э. и в 361 г. до н. э.

...он защитил фламандскую графиню... — Действительно, Алвару Коутинью выступал от имени дочери Жуана I Португальского, фламандской графини Изабел, супруги Филиппа Доброго, герцога Бургундского и графа Фландрского, вступившего в конфликт с французским королем Карлом VII. Спор между королем и герцогом должен был решиться «божьем судом», то есть поединком в Орлеане. На поединке Коутинью, защищавший интересы фламандцев, убил французского рыцаря Лансэ.

...друг его — Алвару Важ де Алмада, граф д'Авранш (см. коммент. к с. 146). Победил на поединке в городе Базеле немецкого рыцаря, который потребовал, чтобы в сражении оба противника оставили незащищенным правый фланг. Алвару принял условие, но потом обнаружил, что его противник — левша, и убил его. Важ де Алмада погиб в сражении при Алфаррубейре (1449), где он воевал на стороне инфанта дона Педру против его племянника, короля Афонсу V.

На марсы!.. — Описание бури, предшествующей прибытию Васко да Гамы в Каликут, является вымыслом поэта. Марс — дощатая или решетчатая площадка у вершины мачты, на первом колене рангоута, при соединении мачты со стеной. Команда «на марсы» означает приказ лезть по вантам (веревкам) на марсы.

...парус зарифляйте!.. — Зарифливать парус означает его убавить.

Стр. 212. *Тали* — веревки, пропущенные через блоки для подъема тяжестей.

Стр. 214. *Альциона*, в древнегреческой мифологии, — дочь бога Эола, повелителя ветров. Когда супруг Альционы погиб в море, она в горе утопилась. Боги превратили Альциону и ее мужа в птиц зимородков.

...тот кузнец — Вулкан, римский бог огня и кузнечного ремесла, супруг Венеры, выковавший доспех Энею, сыну Венеры от Анхиза.

Стр. 215. ...ты Павла от оков освободила... — В Новом завете (Деяния святых апостолов, XVI, 23—30) рассказывает, как апостол Павел был заключен в темницу, но ночью случилось землетрясение, тюрьма разрушилась, и узники вышли на свободу.

Стр. 216. *Орион*, в древнегреческой мифологии, — охотник, взятый богами на небо и превращенный ими в созвездие.

дие. Считалось, что появление этого созвездия на небе было связано с бурей и дождем.

Стр. 217. *Оригия* (Орейтия), в древнегреческой мифологии, — дочь царя Афин Эрехтея и супруга северного ветра Борея.

Галатея, в древнегреческой мифологии, — nereida, олицетворяющая спокойное и блестящее море.

Стр. 218. *...то Каликут, коль я не ошибаюсь...* — Васко да Гама со своим флотом прибыл в Каликут 20 мая 1498 г.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Стр. 220. *...покинув рай... струится Ганг...* — Относительно истоков Ганга см. коммент. к с. 157.

Стр. 221. *Потомками Петра* названы римские папы, так как апостола Петра священное предание считает первым епископом Рима.

...пастырь мятежный — Лютер.

...мощную державу ослабляя... — Под «ослаблением мощной державы» Камознс, по-видимому, имеет в виду войну немецких княжеств против императора Карла V.

...англичанином назван английский король Генрих VIII (1491—1547); по традиции, английские короли именовали себя королями Иерусалима, хотя городом владели мусульмане. Генрих VIII провел Реформацию и в 1534 г. объявил себя главой английской церкви.

Галл — французский король Франциск I (1494—1547). Французские короли именовались «христианнейшими». Камознс осуждает Франциска I за его войны с Карлом V, императором Священной Римской империи и испанским королем, пытавшимся создать «мировую христианскую державу», потому что в этих войнах он вступил в союз с турецким султаном Сулейманом II.

Людвик IX (1215—1270), прозванный Святым, погиб во время VIII крестового похода.

Карл — Карл Великий (742—814).

Стр. 222. *Кадм* — герой древнегреческих мифов, победивший в Беотии дракона, вырвавший у него зубы и засеявший ими землю. Из этих зубов выросли воины, которые стали сражаться друг с другом и все, кроме пяти, погибли. Уцелевшие стали родоначальниками знатных фиванских родов.

Фурии — римские демоны подземного царства, боже-ства мести и угрызений совести.

Стр. 224. ...*чтут Магомета, идолов, животных...* — В описании Индии Камознс, помимо личных впечатлений, опирается на труды Жуана де Барруша «Декады» и Фернана Лопеша де Каштаньеды «История открытия и завоевания Индии португальцами».

...*мншь запахом цветов себя питает...* — Плиний Старший в «Естественной истории» (VII, 2) рассказывает, что близ истоков Ганга обитает племя, питающееся запахом цветов.

Стр. 225. *Пор* — царь одного из древнеиндийских государств, оказавший сопротивление войскам Александра Македонского в 326 г. до н. э. на реке Джелам (Гидасп).

Камбейцы — обитатели одной из областей теперешнего Гуджарата.

Нарсингой Камознс называет Виджаянагар по имени одного из его правителей.

Саморин («Самудра-раджа» — правитель моря) — титул правителя Каликута.

...*посланца португальцы отрядили...* — В качестве посланца к правителю Каликута был отправлен Мартинш.

Стр. 226. ...*с отчизною Антея...* — Родиной мифического великана Антея, сына Посейдона и Геи, Камознс считает город Танжер.

Монсаид — мавр из Туниса, писец каликутской фактории, имевший контакты с португальцами еще во времена короля Жуана II. Впоследствии вместе с экспедицией Васко да Гамы отбыл из Индии в Лиссабон. В «Указателе пути» А. Велью так рассказывается о встрече португальцев с маврами; «Послал наш командор одного человека в город, а там его привели к двум маврам из Туниса, которые говорили по-кастильски и по-генуэзски. И первым их приветом было: «Кой черт вас занес сюда?» Но затем они спросили, что мы ищем в такой дали. А он ответил: «Христиан и пряности». «Странно, — сказали те, — почему же король кастильский не послал сюда людей, или король французский, или синьория венецианская?» А он ответил: «Потому что король португальский этого не стерпел бы», — на что они заметили: «Он не так-то не прав». Затем они его угостили пшеничными лепешками с медом, а потом проводили на корабль. Как только один из этих мавров взошел на корабль, он воскликнул: «Добро пожаловать! Добро пожаловать! Много рубинов, много смарагдов! Благодарите бога на коленях, что он привел вас в страну столь великих богатств!»

Стр. 227. *Родопы* — горы на востоке Балканского полуострова, по преданию — родина Орфея, мифического фракийского певца; его музыка заставляла растения склонять ветви, камни — двигаться, укрощала диких зверей.

Стр. 228. *...а раньше под эгидой Перимала...* — Сарам Перимал — легендарный царь Малабара, обращенный в мусульманство. Задумав паломничество в Мекку, разделил свое царство на мелкие княжества; при этом племяннику Перимала достались города Кананор и Каликут и титул Саморина — императора, верховного правителя. Сам Перимал погиб в кораблекрушении по пути в Мекку. Перимал упоминается в сочинениях Жуана де Барруша и Фернана Лопеша де Каштаньеды. Считается, что он жил примерно за шесть веков до плавания Васко да Гамы.

Стр. 229. *Обычай всех на касты разделяет...* — Камознс рассказывает только о двух индийских кастах, в то время как их насчитывалось намного больше. Слово «*наир*» португальцы, по-видимому, производили от санскритского «*наянас*» — вожди, знать. Этим словом Камознс обозначает кшатриев — представителей военной касты. Парии — лица, принадлежащие к «неприкасаемым» кастам Южной Индии.

Самаритяне — этническая группа и религиозная секта в Палестине. В VI в. до н. э. самаритяне отошли от ортодоксального иудаизма, признавая священным только пятикнижие, в связи с чем иудеи считали их еретиками и избегали контакта с ними.

Стр. 230. *...завет того, кто имя дал науке...* — Имеется в виду древнегреческий мыслитель, политический деятель и математик Пифагор, живший в VI в. до н. э. и явившийся автором термина «философия» (любовь к мудрости). Пифагор отстаивал доктрину метемпсихоза (перевоплощения души после смерти тела) и требовал от своих последователей вегетарианства. Существовала легенда о путешествии Пифагора на Восток и изучении им индийских религиозно-философских взглядов.

...общими здесь жены пребывают... — Сведения об индийских нравах почерпнуты Камознсом у Жуана де Барруша, который пишет в «Декадах»: «После того как женщине из рода наиров исполнится десять лет, она может разрешить жить у себя любому количеству наиров и брахманов» (Декада I, IV).

Стр. 231. *Химера*, в древнегреческой мифологии, — чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом

дракона. По Гесиоду, Химера — порождение Тифона и Ехидны, имевшее три головы: льва, козы и дракона.

Стр. 232. *Аммон* — древнегреческий бог солнца, в Риме отождествляемый с Юпитером и прозывавшийся Юпитером — Аммоном. В Египте Аммон изображался человеком с бараньей головой, а в Греции и Риме — с человеческим лицом, но с бараньими рогами.

Бриарей (греч. могучий, волнующий) — прозвище мифического сторукого и пятидесятиголового великана Эгеона.

Анубис — древнеегипетский бог смерти. В древнейшую эпоху почитался в виде шакала, позднее изображался человеком с шакальей или собачьей головой.

Янус — древнеиталийское божество света, солнца и времени. В римской традиции изображался человеком с двумя лицами (одно считалось обращенным в прошлое, другое — в будущее); на некоторых этрусских изображениях у Януса было четыре лица.

Стр. 233. *Тирс* — жезл, увитый плющом и виноградными листьями и увенчанный еловой шишкой. Постоянный атрибут Диониса — Вакха, сына Семелы.

...сама Семирамида в связь вступила... — Некоторые легенды рассказывают о связи Семирамиды с конем и о кровосмесительной ее связи с собственным сыном.

Вождь фаланг — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), завоевавший земли по реке Инд, создатель крупнейшей мировой монархии древности. Александр был сыном царя Филиппа II, но объявил себя сыном бога Юпитера и требовал, чтобы ему оказывали соответствующие почести.

...он Третьей был Монархии главою. — Камознс называет империю Александра Третьей монархией, придерживаясь библейской традиции. В библейской Книге пророка Даниила (гл. II, 32—45) рассказывается о сне вавилонского царя Навуходоносора. Царь увидел во сне статую, голова которой была из золота, грудь и руки — из серебра, живот — из меди, ноги — из железа, а ступни — из глины. Пророк Даниил сказал царю, что металлы и глина символизируют различные монархии. Золото — ассирийскую, серебро — персидскую, медь — греческую, железо и глина — римскую.

Стр. 234. *Жгучее растение* — бетель.

Стр. 238. *...бог, на Делосе рожденный* — Аполлон — Феб, бог солнечного света, покровитель искусств.

Стр. 239. ...*пророка эти люди почитают...* — Ислам считает Иисуса Христа, рожденного согласно христианским представлениям девой Марией от Святого Духа, не богом, а одним из пророков.

Марцелл Марк Клавдий (ок. 268—208 г. до н. э.) — римский военачальник, которого пять раз избирали консулом. После битвы при Каннах сплотил римские легионы. Осаждал Сиракузы, которые защищал Архимед, и после взятия города устроил Архимеду пышные похороны. Нанес поражение Ганнибалу во II Пунической войне.

Стр. 240. ...*оружие... что в битвах не встречало поражения* — артиллерия.

...*знамена лужитанские стояли...* — В свое время король Мануэл заказал во Фландрии и во Франции гобелены с изображением сцен из португальской истории. Многие исследователи считают, что этот факт вдохновил Камознса на повествование о знаменах с аналогичными изображениями. Сохранились сведения о том, что при Мануэле было сделано двадцать шесть гобеленов, повествующих о плавании Васко да Гамы в Индию, и что в 1543 г. эти гобелены были выставлены во дворце Алмейрин, где Камознс мог их видеть.

Эпикур (341—270 г. до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, видевший цель жизни в отсутствии страданий и телесном здоровье и, следовательно, отдававший должное еде и питью.

Напитком... что Ной в дар преподнесла Натура... — В Библии говорится о том, что Ной после всемирного потопа посадил в землю виноградную лозу.

...*чтя с малолетства строгие запреты...* — Индуизм запрещает своим приверженцам питаться на море.

Стр. 241. ...*о немой поэзии картинах...* — Немой поэзией античная традиция называла живопись.

...*старец древний* — Луз. О Лузе см. коммент. к с. 45.

...*я, как в века былые Золина...* — Канака Золина — дочь древнегреческого бога ветров Зола, героиня книги Овидия «Послания героинь» («Героиды»). Не подозревая греха, Канака вступила в связь с собственным братом Макареем, и у них родился ребенок. Узнав об этом, Зол приказал дочери покончить с собой. Овидий изобразил Канаку пишущей предсмертное послание Макарею и держащей в правой руке перо, а в левой — меч.

Стр. 242. ...*что превзошел владыку иудеев...* — В Библии, во Второй Книге Царей (гл. XX), рассказывается о том, как пророк Исайя предрек иудейскому царю Езекии скорую

смерть. Но Езекия помолился богу, а тот повелел Исайе сказать, что царю будет даровано еще пятнадцать лет жизни.

Стр. 243. *...свои личины, как Протей, меняет...* — О Протее см. коммент. к с. 199.

Камены — римское название муз.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Стр. 244. *Луз.* — См. коммент. к с. 45.

Элизий (иначе — Елизейские поля), в древнегреческой мифологии, — поля блаженных, загробный мир, куда попадают праведники.

Стр. 245. *Тирс.* — См. коммент. к с. 233.

...воин закаленный — Одиссей (Улисс).

Храм Паллады. — Страбон говорит о том, что Улиссом был построен город Одиссея, в котором был храм Афины Паллады, но он считал, что этот город находился в Турдетании (в районе теперешней Гренады).

...украшенное гордыми орлами... — Изображением орлов были украшены знамена римских легионов.

Вириату. — См. коммент. к с. 108.

Пирр (319—273 гг. до н. э.) — царь Эпира, воевавший на стороне г. Тарента с Римом. Одержал победы над римлянами при Гераклее (280 г. до н. э.) и Аускулуме (279 г. до н. э.). Когда врач Пирра предложил римлянам отравить своего царя, те выдали его Пирру. Вириату был убит тремя предателями, вступившими в сделку с римлянами и по уговору с римским полководцем Квинтом Сервилием Сципионом, убившими его.

Серторий. — См коммент. к с. 108.

Стр. 246. *...а вот и лань, что мудрые советы...* — У Сертория была ручная лань, подарок одного из жителей Лузитании. Серторий говорил, что эта лань давала ему советы.

...птица Юпитера — орел, символ римских легионов.

Генрих просвещенный — Генрих Бургундский, отец первого португальского короля Афонсу. О Генрихе Бургундском и его поездке в Иерусалим см. коммент. к с. 109.

...король Афонсу Первый. — О короле Афонсу I см. коммент. к с. 109, 110, 111, 113, 120.

Старец, гневом распаленный — Эгаш Мониж (см. коммент. к с. 111). В 1128 г. Афонсо I дал при Гимарайнше сражение войскам своей матери Терезы, не посоветовавшись с Эгашем Монижем, что повлекло за собой сложную

ситуацию, закончившуюся явкой Эгаша в Толедо ко двору Альфонсо VII, короля Кастилии и Леона.

Постумий — римский консул Спирий Постумий Альбин, который вместе с консулом Вертурием Кальвином попал в 321 г. до н. э. в окружение при Каудинэ-Фауцес. Окружившие консулов самниты сделали импровизированное ярмо, положив горизонтально одно копьё на два других, воткнутых в землю. Под этим игом они заставили пройти консулов. Затем они вынудили тех подписать выгодный для самнитов договор, но позднее римский сенат отказался этот договор ратифицировать.

Стр. 248. *...герой выходит из засады...* — В этой и следующей строфах рассказывается о деяниях Фуаша Роупинью (см. коммент. к с. 48). В 1179 г. Фуаш Роупинью узнал о том, что мусульманский правитель Мериды Гамир осадил местечко Порту-де-Мош. Фуаш поспешил на помощь осажденным и из засады ударил по войскам Гамира. В результате мавры были разгромлены, а Гамира Фуаш взял в плен.

А видишь, как германские герои... — Речь идет об участниках II крестового похода, помогавших Афонсу I в 1147 г. во время осады Лиссабона.

...и там, где Генрих в бозе почивает... — Немецкий крестоносец Генрих Боннский погиб при осаде Лиссабона. Легенда гласит, что над его могилой в монастыре святого Висенте выросло чудотворное пальмовое дерево.

Теотониу блаженный — Теотониу (ок. 1080—1162), первый приор монастыря Санта Круж в Коимбре. Афонсу I поручил ему защищать от мавров город Лейрию. Но Лейрию мавры заняли в 1145 г., и тогда, как гласит легенда, Теотониу организовал партизанский отряд и изгнал мавров из города Арроншеша (Алентежу). Впоследствии Теотониу был канонизирован католической церковью.

Стр. 249. *...то Мень Мониж...* — Строки 4—8, так же как и следующая строфа, описывают деяния Мень Монижа. Историки установили, что это имя носил целый ряд феодалов XII в., отличившихся в битвах с маврами. Некоторые исследователи называют Мень сыном или братом Эгаша Монижа. Камознс считает его сыном Эгаша и рассказывает, как Мень Мониж отличился при осаде Сантарена в 1184 г. (об осаде Сантарена см. коммент. к с. 116). Легенда гласит, что Мониж первым водрузил португальское знамя над Сантареном, а ранее, в 1178 г., близ Севильи захватил мавританское знамя.

...то был Жералду... — О Жералду Жералдеше, взявшем в 1166 г. Эвору, см. коммент. к с. 118.

...кастилец разъяренный — кастильский феодал Педро Фернандес де Кастро, вступивший в конфликт с королем Кастилии Альфонсо IX из-за инфантов Лара (конец XII — начало XIII в.). Заключил союз с маврами, вторгся вместе с ними на территорию Португалии, где с успехом атаковал Томар и Абрантеш, но был взят в плен португальцем Мартином Лопешем.

...господа слугитель — епископ Лиссабонский, которого Камознс называет Матеушем и которого в действительности звали Суэйру Виегаш. В царствование Афонсу II (1212—1223 гг.) этот прелат принимал участие в государственных делах. Так, в 1213 г. он убедил проходивших через Португалию участников V крестового похода помочь португальцам отвоевать у мавров город Алкасер-ду-Сал. Легенда гласит, что в день битвы после молитвы епископ увидел в небесах фигуру человека с крестом на груди, окруженную лучами солнца. Видение вдохновило португальцев и крестоносцев на битву с намного их превосходящими силами мавров. В этой битве потерпели поражение мавританские короли Кордовы, Севильи, Бадахоса и Хаена, пришедшие на помощь маврам Алкасера.

Стр. 250. *...магистр — гроза неверных* — Пайу Переш Куррейя (? — 1267), крупный государственный деятель, португалец по национальности, ставший великим магистром испанского ордена Сантьяго. Но когда Афонсу III (1248—1279) стал отвоевывать у мавров земли Алгарве, Куррейя вернулся на португальскую службу и завоевал несколько городов в этой провинции. В 1242 г. между маврами и португальцами было заключено перемирие, и семь португальских рыцарей отправились на охоту в окрестностях Тавиры и были предательски убиты маврами. В отместку за это Куррейя отвоевал Тавиру у арабов.

...три рыцаря — португальские странствующие рыцари времен короля Афонсу IV, участники поединков и рыцарских турниров в Испании и Франции, Гонсалу Родригеш Рибейру, Вашку Эанеш и Фернан Мартин де Сантарен.

Беллона — италийская богиня войны.

Гонсалу Рибейру победил на турнирах в Кастилии рыцарей Мартина Хилья де Катена и Мартиныу де Лара.

Стр. 251. *...полководец рьяный* — Нуну Алвареш Перейра.

...с поля битвы отлучился вождь... Лузовой дружины... — Речь идет о битве при Вальверде (1386), во время которой Нуну Алвареш Перейра ненадолго удалился с поля битвы,

чтобы помолиться, и в это время кастильцы стали теснить португальцев.

Помпильий Нума, по древним легендам, — второй после Ромула римский царь, правивший в 714—671 гг. до н. э. Ему приписывали введение ряда религиозных обрядов, лунного календаря, учреждение важнейших жреческих коллегий.

Стр. 252. *...нам Сципионом звать его пристойно...* — О Сципионе Африканском Младшем см. коммент. к с. 192.

...два командора скот наш угоняли... — Речь идет о событиях португальско-кастильской войны 1384—1385 гг., когда командоры Калатравы и Алкантары явились с войском в Эвору и попытались угнать в Кастилию 5000 португальских овец и 1500 коз, но этот скот отбил у кастильцев Перу Родригеш, комендант крепости Ландроал. Затем Родригеш освободил Алвару Гонсалвеша, сторонника магистра Ависского. Гонсалвеш был взят в плен португальцами — сторонниками Кастилии.

...а здесь пред нами мерзостный предатель... — В этой строфе опять же рассказывается о войне 1384—1385 гг. «Мерзостный предатель» — Пайу Родригеш Маринью, сторонник кастильского короля, взявший в плен верного магистру Ависскому Жила Фернандеша и отпустивший его после того, как тот заплатил выкуп. В дальнейшем Жил Фернандеш взял в плен Пайу Родригеша Маринью и приказал своему оруженосцу его обезглавить.

...флотоводец незабвенный — Руй Перейра. Когда в 1384 г. кастильская армада участвовала в осаде Лиссабона, Руй Перейра атаковал один из неприятельских кораблей и, вызвав огонь на себя, дал возможность спастись португальским галерам, а сам погиб.

...а вот семнадцать воев дерзновенных... — Во время осады кастильцами в 1384 г. Алмады, городка, находящегося недалеко от Лиссабона, семнадцать португальцев совершили вылазку за водой, сумев благополучно вернуться в город, хотя их обстреливали четыреста кастильцев.

Стр. 253. *...и в Сеуту, под ярых мавров крики...* — О сыне Жуана I Энрике (Генрихе Мореплавателе) см. коммент. к с. 152. Кроме прочих заслуг перед Родиной, Энрике в 1415 г. принимал участие во взятии Сеуты и одним из первых вошел в город.

Педру (1393—1449) — португальский инфант, сын Жуана I, сражавшийся против турок на стороне Сигизмунда, императора Священной Римской империи. В дальнейшем погиб в междуусобной войне.

Граф Менезеш — Педру де Менезеш, граф де Виана (? — 1437), первый португальский губернатор Сеуты. Португальский гарнизон Сеуты выдержал две осады мавров.

Сын его — Дуарте де Менезеш (1414—1464), португальский комендант Эль-Ксар-эс-Сегира. В 1464 г. португальский король Афонсу V, сражаясь с маврами, попал в окружение. Дуарте де Менезеш пришел на помощь королю, прикрыл отступление его отряда, чем спас Афонсу жизнь, но сам погиб.

Стр. 255. ...по внутренностям жертвенным пророки... — Камознс описывает обряд гадания, известный еще древним римлянам, — толкование будущего по внутренностям специально убитых для этого животных.

Стр. 259. ...послать приятни веские залогии... — Участник экспедиции Васко да Гамы вспоминал, что действительно его подарки («12 кусков полосатой бумажной ткани, 4 накидки сукна, 6 шляп, 4 нити кораллов, ящик с 6 металлическими котлами, ящик сахара, 2 бочонка с оливковым маслом и 2 бочонка меда») не удовлетворили Саморина. «И спросил между прочим царь: как же он говорил, что прибыл из богатой страны, а сам ничего не привез в подарок? Командор ответил: царю-де он ничего не привез, так как на сей раз его послали только чтоб смотреть и открывать, а вот придут еще другие корабли, вот тогда и будут подарки, да еще какие» (см. Указатель пути. — В кн.: История средних веков. Хрестоматия. Часть II).

Стр. 260. ...Овна дыханью... — Камознс пишет о дыхании Овна, так как солнце входит в созвездие Овна 21 марта, а это время можно считать началом жары. Примерно в это же время небесный экватор пересекается с эклиптикой.

Стр. 261. ...Энрике... Арго и Жертвенник сияли... — Относительно инфанта Энрике (Генриха Мореплавателя) см. коммент. к с. 152. Арго, Жертвенник, Заяц, Гидра — созвездия, видимые на небе южного полушария.

Стр. 262. ...звезд Большой Медведицы не знают... — Звезд Большой Медведицы действительно нельзя увидеть на небосклоне южной части Африки.

Стр. 267. ...испанские товары... — В поэме «Лузиады» Камознс употребляет слово «Испания» в значении «Пиренейский полуостров», соответственно и португальские товары для него — составная часть «испанских».

Алвару с Диогу — участники экспедиции Васко да Гамы Алвару де Брага и Диогу Диаш.

Стр. 268. ...фракийский царь — мифический царь Поли-

нестор, зять царя Трои Приама. Предчувствуя гибель Трои, Приам направил к Полимнестору своего юного сына Полидора, а вместе с ним и сокровища. Желая овладеть богатством, Полимнестор убил Полидора.

...Юпитер... проник к Данае через все затворы... — Одна из древнегреческих легенд рассказывает, что Акризию, царю Аргоса, было предсказано, что у его дочери Данаи родится сын, который убьет деда. Чтобы избежать этого, Акризий заключил Данаю в башню, но влюбленный в девушку Юпитер проник к ней в виде золотого дождя, и от этого союза родился герой Персей.

...Тарпее, блеском злата развращенной... — Тит Ливий рассказывает легенду о Тарпее, дочери коменданта римской цитадели на Капитолии во времена Ромула. Тарпея, прельстившись золотыми кольцами и браслетами сабинян, осаждавших Рим, пообещала им открыть ворота цитадели, если они дадут ей то, что носят на левой руке. Когда сабиняне вошли в город, то забросали Тарпею не только своими украшениями, но и щитами, под тяжестью которых она и погибла.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Стр. 269. *Царь Птолемей.* — Египетский царь Птолемей II (285—247 гг. до н. э.) основал в честь своей сестры и жены город Арсиною. Позднее этот город стал называться Суэцем.

Мекка — город в Саудовской Аравии, родина основателя ислама Магомета, с VII в. — священный город и место паломничества мусульман.

Джидда — порт на берегу Красного моря.

Стр. 270. ...к ним на армаду Монсаид явился.... — Монсаид в дальнейшем выехал с флотом Васко да Гамы в Португалию и стал христианином.

...молнии зловещие Вулкана — в данном случае артиллерийские орудия.

Стр. 272. ...орех, бандийцами возвращенный — мускатный орех, произрастающий, в частности, на островах моря Банда.

Стр. 273. *Пенаты* — древнеримские боги, покровители семьи.

...уроженец Фив — Дионис — Вакх, сын Зевса — Юпитера и фиванской царевны Семелы.

Стр. 274. ...врата Алкида — то же самое, что и Геркулесовы столбы, то есть Гибралтар.

...давно на той несчастной испытала... — Речь идет о мифической царице Карфагена Дидоне, покончившей с собой из-за несчастной любви к Энею, сыну троянского царевича Анхиза и Венеры. История Дидоны воспета в «Энеиде» Вергилия.

Стр. 275. ...те птицы, что пред смертью песнь слагают — лебеди...

Перистера, в античной мифологии, — нимфа. Легенда рассказывает о том, как Венера и Купидон поспорили, кто из них быстрее наберет корзину цветов. Венера выиграла спор, так как ей помогала Перистера, но разгневанный Купидон превратил за это нимфу в голубя. В античной литературе Венера часто изображалась шествующей на колеснице, запряженной лебедями и голубями (см., напр.: О в и д и й. *Метаморфозы*, XIV, 430).

Идалийские горы — горы на острове Кипр, считавшемся родиной Венеры.

Актеон — мифический охотник, случайно увидевший купающуюся Диану. Разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, и его растерзали собственные собаки. В словах Камознса об Актеоне содержится намек на молодого португальского короля Себастиана (1554—1578), очень увлекавшегося охотой и не спешившего жениться и дать стране наследника, что явилось одной из причин потери Португалией государственной независимости.

...юные побеги — опять же намек на короля Себастиана.

Стр. 276. Звал Купидон всех слуг своих умелых... — В следующих строфах в соответствии с эллинистическими представлениями о существовании множества эротов Камознс изображает целое войско Купидона.

Стр. 277. ...были для смертных страсти горестным терзаньем... — Камознс приводит примеры кровосмесительных связей.

Библида — героиня поэмы Овидия «Метаморфозы», полюбившая собственного брата Кавна и отвергнутая им (О в и д и й. *Метаморфозы*, IX, 154 и далее). Библида так плакала о Кавне, что боги превратили ее в источник.

Мирра (или *Смирна*), в древнегреческой мифологии, — дочь царя Кипра Кинира, влюбившаяся в собственного отца, обманным путем проникшая в его покои и родившая от него Адониса. Узнав, кто был его возлюбленной, Кинир покончил с собой.

Антиох I Сотер (323 — 247 гг. до н. э.) — царь Сирии, сын македонского полководца Селевка. Антиох полюбил

свою молодую мачеху Стратонику, и отец отказался от жены в пользу сына.

...*юный иудей* — либо библейский Рувим, обольстивший Валу, наложницу своего отца Иакова (Книга Бытия, XXXV, 22), либо Амнон, старший сын Давида, подвергший насилию свою сестру Фамарь (Вторая Книга Самуила, XIII).

...*вулканова сеть* — сеть, в которую древнеримский бог кузнечного ремесла Вулкан поймал свою супругу Венеру и ее возлюбленного Марса, здесь — любовные чары вообще.

Стр. 278. *Титий*, в античной мифологии, — великан, сын Юпитера и Эллары, пытавшийся обесчестить Леду и за это сраженный молнией Юпитера и низвергнутый в Аид.

Стр. 279. ...*птицы, что любили Фазтона* — лебеди. Во второй книге «Метаморфоз» Овидия рассказывается о лигурийце Кикне, родственнике Фазтона. Кикн так оплакивал гибель Фазтона, что Аполлон превратил его в лебеда.

Стр. 280. ...*им великаншу взять с собой придется...* — В описании древнеримской богини молвы Фамы Камознс опирается на традиции Овидия (см.: О в и д и й, Метаморфозы, XI, 59).

Стр. 281. ...*мать Мемнона* — богиня утренней зари Аврора; Мемнон — один из героев Троянской войны, убитый Ахиллом и получивший по просьбе матери бессмертие.

Стр. 282. ...*носился чудный остров меж волнами...* — Некоторые комментаторы пытаются отождествить Остров Любви с каким-либо из реальных островов — Цейлоном, Занзибаром, Анджедивом (близ Гоа), островом Святой Елены, Терсейрой (одним из Азорских островов). Другие настаивают на том, что остров этот — плод воображенья Камознса. Третьи сопоставляют пейзаж острова с описаниями побережья Бразилии. Португальский исследователь Эмануэл Паулу Рамуш называет среди возможных источников описания Острова Любви картину И. Босха «Сад наслаждений», а также Библию, описание острова Огигия в «Одиссее», «Вторую Олимпику» Пиндара, «Сон Сципиона» Цицерона, «Энеиду» Вергилия, «Аргонавтику» Аполлония Родосского, XVIII песнь «Неистового Роланда» Ариосто, «Указатель пути из Гоа в Диу» Жуана де Каштру и рыцарские романы о Граале.

Делос — остров в Эгейском море, на котором, согласно античным преданиям, титанида Латона (Лето) родила Феба (Аполлона) и его сестру, богиню охоты Диану (Артемиду). По преданию, беременная Латона, преследуемая ревностью Юноны, долго скиталась и не могла найти себе приют.

Тогда Юпитер направил ей навстречу движущийся остров Делос. Как только богиня ступила на землю острова, он остановился.

Стр. 283. *Дафна* — нимфа, которую полюбил Феб—Аполлон. Спасаясь от его преследований, Дафна взмолилась о помощи к богам и была превращена ими в лавр. Используя то, что в португальском языке существительное «лавр» и прилагательное «белокурый, золотоволосый» являются омонимами — «lougo», поэт хочет сказать, что у Дафны были светлые волосы.

...тополя Алкида... — Тополь считался священным деревом Геракла; Алкид — одно из имен этого мифического героя.

Кибела — фригийская богиня, «великая мать» всего живущего на земле. Миф рассказывает о любви Кибелы к прекрасному юноше — пастуху Аттису, который вскоре изменил ей. Тогда богиня наслала на Аттиса безумие, в порыве которого он оскотил себя. Затем Кибела превратила Аттиса в сосну. История любви Аттиса и Кибелы рассказывает также в одном из сонетов Камюэнса.

Мирт считался священным деревом Венеры.

Кипарис, в древнегреческой мифологии, — прекрасный юноша, любимец Аполлона. Когда Кипарис нечаянно убил своего любимого оленя и не мог исцелиться от охватившей его тоски, Аполлон превратил его в дерево.

Помона — римская богиня плодов.

Персик, по-латыни, — *persicum tabum*, то есть персидское дерево. Старые легенды считали персики, возвращенные в Персии, ядовитыми, а в других странах — безвредными.

Стр. 284. *Ахемен* — основатель одной из династий древнеперсидских царей.

Кефис — древнегреческий речной бог, отец прекрасного юноши Нарцисса, влюбившегося в собственное отражение и превращенного богами в цветок.

Кинир — мифический царь Кипра; отец и одновременно дед Адониса (см. коммент. к с. 277). Прекрасный юноша Адонис был возлюбленным Венеры (Цитеры) и погиб на охоте от раны, нанесенной ему диким вепрем. Из капель крови Адониса выросли цветы; по одним мифам — анемоны, по другим — розы. История превращения Адониса в цветок рассказана в «Метаморфозах» Овидия (X, 708—739).

Гиацинт, в греческих мифах, — прекрасный юноша, любимец Аполлона. Бог западного ветра Зефир полюбил юношу и из ревности, когда Аполлон обучал Гиацинта ме-

танию диска, направил диск в голову юноше. В X книге «Метаморфоз» Овидия рассказывается о том, что из тела юноши Аполлон вырастил цветок гиацинт. Греки сравнивали узоры, которыми покрыт этот цветок, с буквами «а» и «i», которые, по их мысли, напоминали о крике боли, издаваемом умирающим юношей.

Хлорида — древнегреческая богиня цветов, обычно отождествляемая с римской Флорой.

Филомела (иносказат.) — соловей. В древнегреческой мифологии рассказывается о том, как дочь афинского царя Филомела подверглась насилию со стороны фракийского царя Терей, мужа своей сестры Прокны. Терей вырезал Филомеле язык, но она все равно сумела сообщить о случившемся сестре. Чтобы отомстить мужу, Прокна убила Итиса, своего сына от Терей, и накормила отца его мясом. В дальнейшем боги превратили Филомелу в соловья, Прокну — в ласточку, а Терей — в удода.

Актеон — здесь: олень (см. коммент. к с. 275).

Стр. 288. *Леонарду* Рибейру, один из участников экспедиции Васко да Гамы, уже упоминался Камознсом в 40-й строфе VI песни.

Стр. 289. *Эфира* — морская нимфа, которую упоминает Вергилий в «Георгиках» (книга IV; 343).

Tra la spica e la tan qual muro he messo. — Этот стих взят Камознсом из сонета Петрарки «*Si co cieco desir*», входящего в цикл «На жизнь мадонны Лауры».

Стр. 292. *Квири* — один из древнейших богов Италии, занимавший среди римского Пантеона третье место после Юпитера и Марса. Позднее культ Квирина слился с культом Ромула.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Стр. 294. *Коронида* — мифическая беотийская царевна, возлюбленная Аполлона.

Теночтитлан — ацтекское название города Мехико. Камознс метафорически объясняет, что солнце продвигалось на запад и день был в разгаре.

...ей и в Египте не пришлось увидеть... — Имеются в виду пиры, которые Клеопатра давала в честь Цезаря. Они описаны в поэме Лукана «*Фарсалия*» (кн. X, 104—171).

Стр. 295. *...вина из Фалерна* — фалернское вино из итальянской области Кампаньи; это вино часто упоминает Гораций.

...что пред Протеем дерзостным предстали... — О Протее см. коммент. к с. 199. Камознс связывает дар предвидения, которым наделяли Протея древнегреческие мифы, с тем, что он обладал подаренным Юпитером прозрачным глобусом, в котором и видел пророческие видения.

Стр. 296. *Демодок* — певец, появившийся на пиру у царя Алкиноя и упоминаемый в поэме Гомера «Одиссея» (песнь VIII, 266 и далее; песнь XIII, 27 и далее).

Ионад — упоминаемый в «Энеиде» Вергилия певец, участвовавший в пиршестве карфагенской царицы Дидоны (кн. I, 470 и далее).

Малабарец верный — Тримумпара, правитель Кочина, где Васко да Гама основал в 1502 г. торговый порт. Одновременно Тримумпара занимал высокий пост в брахманской иерархии. Саморин подверг разорению земли Тримумпары из-за его дружественных отношений с португальцами.

Стр. 297. ...но тут Пашеку, доблестный воитель... — Октавы 12—25 воспевают деяния Дуарте Пашеку Перейры (см. коммент. к с. 86). Пашеку Перейра отправился в Индию в 1503 г. вместе с армадой Афонсу де Албукерка. В 1504 г. Албукерк вернулся в Лиссабон, оставив Пашеку Перейру в Кочине с гарнизоном в 150 (по другим источникам — в 90) человек, одним большим кораблем, двумя каравеллами и шлюпкой. Между тем Саморин, надеясь нанести португальцам сокрушительный удар, обратился к соседним раджам и собрал пятьдесят кораблей и войско в пятьдесят тысяч человек. В марте 1504 г. состоялась битва в проливе Камбалон, который расположен между Кочином и островом Камбалон, и португальцы разгромили объединенные силы индийцев.

...язычников сразит Пашеку ярый... — Дуарте Пашеку Перейра по своем прибытии в Индию семь раз сражался с войсками Саморина в Каликуте, а затем произошла битва в проливе Камбалон, состоявшая из двух этапов.

Стр. 298. ...он в двух местах свои расставит силы... — Битва при Камбалоне началась у брода, который должна была перейти армия Саморина. Перейра укрепил этот брод, расположив вдоль него каравеллы и шлюпки, оснащенные артиллерийскими орудиями, и используя природные отмели. Брод защищало семьдесят португальцев и тысяча индийцев из войска раджи Кочина, но индийцы разбежались при первых залпах. У Перейры было восемнадцать артиллерийских орудий, с помощью которых он и отбил

атаку пятидесятитысячной армии Саморина. Тогда Саморин попытался использовать другой брод, куда из-за отлива не могли подойти португальские корабли. Но Пашеку Перейра разделил свои силы, направил ко второму броду шлюпки с артиллерийскими орудиями и вел битву одновременно в двух местах. Как только начался прилив, португальские корабли подошли ко второму броду и подвергли сокрушительному разгрому армию Саморина, в результате чего тот вынужден был отречься от престола и удалиться в монастырь.

...хлынет кровь рекою... — От артиллерийского залпа португальцев погибло много индийцев, и кровь убитых обгарила одежду Саморина, наблюдавшего за битвой из паланкина.

Брандер — специальное судно, нагруженное горючими веществами. Саморин направил против португальцев несколько брандеров, но они натолкнулись на плот, обитый железом, защищавший португальскую эскадру.

Стр. 299. *...тот, кто средь равнины марафонской* — Мильтиад (см. коммент. к с. 191).

...вождь дружин лакедемонских — царь Спарты Леонид, героически погибший, защищая с тремястами спартанцев Фермопильское ущелье в Фарсалии от семимиллионного войска персидского царя Ксеркса.

Колл Квинт Гораций в 507 г. до н. э. защищал от натиска этрусков Сублицийский мост и задержал их на мосту до прихода римской армии.

Авзонские племена — римляне, названные так по имени мифического Авзона, первого царя Италии, сына Одиссея и Кирки (по некоторым мифам — Калипсо).

Фабий Максим Кунктатор (275—203 гг. до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель, разработавший для римской армии стратегический план уклонения от решительного сражения с армией Ганнибала, предложив истощать ее, лишая продовольствия и фуража.

Велизарий (ок. 504—565) — византийский полководец, сподвижник императора Юстиниана. В 562 г. был несправедливо обвинен в заговоре против императора и подвергся опале. Некоторые легенды утверждают, что в конце жизни он ослеп и просил подаяние на улицах.

...о, сколько их, униженных, неправых... — Эта строфа посвящена судьбе Дуарте Пашеку Перейры. В 1505 г. он вернулся на родину, где был с почетом встречен самим королем Мануэлом. В 1509 г. Пашеку Перейра разбил у мыса Финистеррэ флот корсара Мондрагона. Король сделал его губер-

натором замка Сан-Жорже-да-Мина. Но в результате интриг Пашеку Перейру заковали в цепи и содержали в тюрьме.

Стр. 300. *...Улиссов хитроумных возвышают...* — Греческий миф рассказывает, что после смерти Ахилла Фетида предложила его доспехи храбрейшему из греческих героев. Аякс Теламонид отличился в схватке над телом Ахилла, но Одиссей (Улисс) подкупил пленных троянцев, и те заявили, что больше всех защитников Трои убил он. Разгневанный несправедливостью, Аякс покончил с собой.

...доблестный правитель — Франсишку де Алмейда (1450—1510), первый вице-король Португальской Индии (см. коммент. к с. 179). Он прибыл на Восток в 1505 г. во главе армады из двадцати кораблей, имевшей на борту около двух с половиной тысяч человек. С Алмейдой в плавание отправился и его сын Лоуренсу. Португальцы дали «сражение» в Килоа, сместили неудобного им правителя и построили в этом городе крепость святого Иакова. Вот как об этом вспоминает участник экспедиции Алмейды, немецкий купец Ганс Майер: «Город также был занят без всякого сопротивления... Весь экипаж принялся за разграбление товаров и припасов богатого этого города...

В Килоа немедленно устроен был форт из самого лучшего дома, причем все окрестные здания были уничтожены. Немедленно внесены туда были бомбарды и прочее оружие...

Ввиду бегства царя, адмирал сделал царем другого, местного мавра, любимого всеми; в торжественной процессии его провезли верхом по всему городу (см.: История средних веков. XII—XVII вв. Хрестоматия, с. 123—133).

...предает Алмейда мстительный сожжению... — Алмейда действительно сжег Момбасу, правитель которой был враждебно настроен в отношении португальцев, и приказал обстрелять португальскую армаду из пушек.

...а Лоуренсу... свой подвиг совершит... — По прибытии в Индию Лоуренсу де Алмейда разгромил в Куилоне флот правителя Каликута, состоявший из двадцати семи кораблей.

Стр. 301. *Чаул* — город на западном побережье Индии к югу от Бомбаина. В 1508 г. Лоуренсу де Алмейда погиб при Чауле в сражении с армадами Египта и Камбея.

Сцева — римский центурион времен Цезаря, героически сражавшийся с войсками Помпея. Гибель Сцевы описана в поэме Лукана «Фарсалия» (кн. VI, 144—262).

...бедро герою пулей раздробило... — Еще в начале битвы при Чауле Лоуренсу де Алмейда был ранен в ногу, но приказал подать себе стул и продолжал командовать флотом.

Стр. 302. ...сам отец... за сына своего готовит мщенье... — В 1509 г. близ Диу Франсишку де Алмейда отомстил за гибель сына, разбив армады индийцев и египтян.

Дабул — город близ Камбея, разрушенный Алмейдой перед битвой при Диу.

Мелик-Яс — правитель Диу, командующий индийской армадой. Погиб в битве при Диу.

Стр. 303. *Мир-Хусейн* — командующий турецкой армадой, состоявшей на службе египетского султана и разбитой Алмейдой при Диу.

...у Мыса Бурь приют найдет навечно... — Возвращаясь на родину в 1510 г., Франсишку де Алмейда вступил в схватку с кафрами у Мыса Доброй Надежды (Мыса Бурь) и погиб.

Тристан да Кунья (ок. 1460—1540) — видный португальский мореплаватель. В 1505 г. был назначен первым губернатором португальских владений в Индии, но внезапно ослеп, и эта должность была передана Франсишку де Алмейде. Но в 1506 г. к Кунье вернулось зрение, и он выехал на Восток с армадой Афонсу де Албукерка. Открыл острова, названные его именем (острова Тристан-да-Кунья), исследовал побережье Мадагаскара, вошел в город Ламу, дал битвы арабским гарнизонам в городах Оже и Браве, расположенных на восточном побережье Африки. В 1508 г. возвратился в Португалию.

Стр. 304. Афонсу де Албукерк (? — 1515) — видный португальский мореплаватель и государственный деятель, впервые выехавший в Индию в 1503 г. с тремя кораблями и победивший Саморина. В 1507 г. завоевал город Ормуз. В 1509 г. был назначен правителем португальских владений в Индии, придя на смену Франсишку де Алмейде.

...в час роковой их собственные стрелы... — Как уже указывалось в коммент. к с. 85, после битвы при Ормузе многие персы были найдены со стрелами в груди, хотя португальцы луками и стрелами не пользовались.

Горы соляные — соляные копи, находившиеся в Ормузе.

Калайат — город, отвоеванный Албукерком у короля Ормуза.

Бахрейн — архипелаг в Персидском заливе.

Виктория — древнеримская богиня победы.

Гоа — остров у Малабарского побережья Индии, завоеванный Албукерком в 1510 г. Поскольку португальцам не удалось установить дружественных отношений с правите-

лем Каликута, то Гоа стал столицей португальских владений в Индии.

...он остров вожделенный оставляет... — В 1510 г. Албукерк брал Гоа дважды; после первого успешного взятия острова он счел необходимым на время с него удалиться.

...и вот уже опять на стогнах града... — Второе взятие Гоа войсками Албукерка произошло 25 ноября 1510 г., то есть, по церковному календарю, в день святой Екатерины Александрийской.

Стр. 305. Малакка была взята войсками Албукерка в 1511 г.

...и врачевать обязан их недуги... — Здесь и далее идет речь о том, что Афонсу де Албукерк приказал повесить португальца Руя Диаша за его незаконную связь с рабыней-мусульманкой из Гоа. Несмотря на активный протест друзей Диаша, Албукерк не отменил своего приговора, за что его и осуждали многие из современников.

Стр. 306. Апеллес (2-я пол. IV в. до н. э.) — придворный живописец Александра Македонского, влюбившийся в наложницу царя Кампаспу (Панкаспу). Узнав об этом, Александр уступил Кампаспу Апеллесу.

...когда ж Арасп, потерянный, несчастный... — Когда Кир II Великий (?—530 г. до н. э.) победил ассирийцев, то в плен была взята Пантея, жена Абрадата, царя Суз, союзника ассирийцев. Стеречь пленницу было поручено военачальнику Араспу, поклявшемуся не влюбиться в Пантею и не сумевшему сдержать свою клятву. Узнав об этом, Кир простил Араспа и даже дал ему важное военное поручение. История Араспа и Пантеи рассказана в «Киропедии» Ксенофонта.

...увел Юдиту дерзостной рукою... — В 862 г. Болдуин Железная Рука похитил Юдиту, дочь французского короля Карла II Лысого (823—877). Карл простил Болдуина и дал в приданое за дочь графство Фландрию.

Лопу Суареш де Албергариа (годы жизни неизвестны) — третий губернатор португальских владений в Индии, личный враг Албукерка, назначенный в 1515 г. в результате придворных интриг его преемником. Узнав об этом, Албукерк оказал Суарешу де Албергарию вооруженное сопротивление и погиб в Гоа в 1515 г. Албергариа нанес ощутимый урон мусульманским силам. За три года своего правления он успел отбить натиск египетской армады, сжечь Зейлу — город на побережье Аденского залива — и построить крепость в городе Коломбо на Цейлоне.

Стр. 307. Волны *Эритреи* — волны Красного моря.

Диогу Лопеш де *Секейра* (1466—1530) — португальский мореплаватель и государственный деятель. В 1518 г. был назначен четвертым губернатором португальских владений в Индии. Укрепил города Каликут и Кананор, построил крепости в Куилоне, Чауле и Диу. В 1520 г. направился в Красное море и обследовал морской путь в Абиссинию. В 1522 г. вернулся в Лиссабон.

Массауа — город на берегу Красного моря. В этом городе Секейра запасался пресной водой.

...затем Менезеш, в африканском зное... — В 1521 г. новым губернатором Португальской Индии был назначен Дуарте де Менезеш, внук Дуарте де Менезеша, упоминаемого поэтом в 28-й строфе VIII песни. До своего назначения Дуарте де Менезеш был военным комендантом Танжера. Его правление в целом было неблагоприятным для португальцев. За исключением того, что он подавил восстание в Ормузе и увеличил дань, взимаемую португальцами с этого города, его правление ознаменовалось одними военными неудачами (в Гоа, на Суматре, в Малакке). В 1524 г. он сдал свои полномочия Васко да Гаме и выехал в Португалию, где в течение семи лет содержался в заключении.

...потом, великий Гама, пред тобою... — Помимо экспедиции 1497—1499 гг. Васко да Гама еще дважды был в Индии. В 1502 г. он направился на Восток с армадой из двадцати кораблей, обложил данью султана Килоа, обрушил репрессии на Каликут и установил дружественные отношения с правителями Кочина и Кананора. В 1504 г. Гама вернулся на родину. В 1524 г. Гама вновь появился в Индии. В это время он носил титул графа да Видигейры и имел звания вице-короля Индии и адмирала Индийских морей. В Индии Гама отстранил от должностей лиц, виновных в злоупотреблениях, и занялся наведением порядка среди португальского населения, но неожиданно умер в Кочине 24 декабря 1524 г. Прах его был перевезен в Португалию.

...другой Менезеш... — После смерти Васко да Гамы губернатором португальских владений в Индии был назначен Энрике де Менезеш (1496—1526), ранее бывший комендантом Гоа и славившийся честностью и справедливостью.

...он в битве близ Кулета одолеет... — Энрике де Менезеш объявил войну Саморину и в 1525 г. взял Кулет, порт, находящийся неподалеку от Каликута.

Стр. 308. *...когда же к звездам отойдет правитель...* —

В 1526 г. у Энрике де Менезеша неожиданно открылась рана в ноге, и он умер в Кананоре.

...коварный похититель твой сам захватит... — В 1527 г. новым губернатором Португальской Индии был назначен Перу Машкареньяш (?—1535), бывший ранее комендантом Малакки. Но Машкареньяш не сумел явиться в Гоа сразу же после получения назначения, и губернаторскую власть самовольно захватил в свои руки комендант Кочина Лопу Важ де Сампайу (?—1538). Машкареньяш вынужден был вернуться в Лиссабон и был позднее направлен в Тунис. Но в 1528 г. король объявил Сампайу узурпатором, и он был выслан из Индии в Португалию.

...Ты покоришь... Бинтон... — Перу Машкареньяш прибыл в Индию в 1524 г. с армадой Васко да Гамы. В 1525 г. покорила остров Бинтон, находящийся к югу от Малакки, сражаясь при этом с превосходящими во много раз португальский гарнизон силами противника.

Баканор — порт на Малабарском побережье Индии, где Лопу Важ де Сампайу разбил каликутскую армаду.

Стр. 309. *...а флот другой Сампайу незабвенный...* — Лопу Важ де Сампайу собирался также разбить флот Диу, вошедший в чаульскую гавань. Но, узнав о приближении Сампайу, флот направился назад в Диу.

...Гектор лузитанский — Гектор да Силвейра (?—1531), который в 1516 г. защищал Арзилу от войск короля Феса. В 1522 г. командовал одним из двух кораблей, направленных в Индию. Проезжая мимо Адена, заставил аденского шаха признать суверенитет Португалии. В Индии был назначен комендантом Кананора. По приказу Сампайу разбил камбейский флот, затем отправился в Красное море и снова подчинил Аден. Гектор да Силвейра погиб в 1531 г. в битве при Диу, нанеся поражение гуджаратскому и турецкому флотам.

Отважный Кунья — Нуну да Кунья (1487—1539), сын Тристана да Куньи (см. коммент. к с. 303). Сменив в 1528 г. Сампайу на посту губернатора Португальской Индии, Кунья вел победоносные войны с камбейцами и малабарцами. В 1531 г. основал крепость в Чале, близ Каликута.

Басаин — территория на берегу Камбейского залива. В 1534 г. правитель Гуджарата Бахадур уступил эту территорию португальцам, но им пришлось отвоевывать Басаин у его правителя, араба Мелика.

Во время правления Куньи произошло еще одно важное событие, которое Камознс ошибочно датирует более

поздним периодом (см. 64-ю строфу X песни). В 1535 г. Бахадур отдал португальцам Диу в обмен на помощь против захватившего Гуджарат могольского падишаха Хумаюна. Потом Бахадур пытался отобрать Диу у португальцев, но был убит ими.

...за ним грядет Норонья... — Гарсиа де Норонья (?—1540) был назначен вице-королем португальских владений в Индии в 1537 г. Он доводился племянником Албукерку и в 1511 г. был с дядей в Индии. В 1538 г. он прибыл в Индию с армадой, состоящей из одиннадцати кораблей и имеющей на борту семь тысяч человек. В это время как раз началась первая блокада Диу; остров осаждало войско индийцев, которым помогала турецкая эскадра. Норонья пришел на помощь осажденным, и блокада в конце концов была снята.

Румийцы, в данном случае, — турки.

...твой отпрыск... Норонью заменяет. — В 1540 г. Норонья умер в Кочине, и новым губернатором Португальской Индии был назначен Эштеван да Гама (1505—1575), второй сын Васко да Гамы. Он был с отцом в Индии еще в 1524 г. В 1534 г. был комендантом Малакки. В 1541 г. отправился в Индию, имея поручение зайти в Красное (Эритрейское) море и сжечь турецкий флот, находившийся в Суэце. Это поручение Эштеван да Гама не выполнил, уничтожить турецкий флот ему не удалось. Эштевана сопровождал брат Криштован (1516—1542), четвертый сын Васко да Гамы. Криштован в сопровождении четырехсот человек был направлен братом в Абиссинию в помощь дружественно настроенному в отношении Португалии негусу, воевавшему с сомалийцами. Криштован помог восстановить негуса на престоле, но попал в плен, перенес пытки и погиб. Эштеван да Гама вернулся в Португалию в 1542 г.

Могучий и славный герой — Мартин Афонсу де Соуза (ок. 1500—1564), бывший с 1542 по 1545 г. губернатором португальской Индии. Мартин Афонсу де Соуза был учеником знаменитого португальского математика и астронома Педру Нунеша. В 1530 г. был отправлен Жуаном III в Бразилию во главе армады из пяти кораблей и отряда, состоявшего из четырехсот человек, с целью выгнать из Бразилии французов, захвативших португальские колонии. Мартин Афонсу де Соуза успешно справился с этой задачей и в 1533 г. вернулся в Португалию. Затем был в Индии, участвовал во взятии Диу войсками Нуну да Куньи. С армадой Мартина Афонсу де Соузы в Индию выехал знаменитый иезу-

итский миссионер Франциск Ксаверий (1506—1552), впоследствии канонизированный католической церковью.

Даман — город, находящийся на противоположном от Диу берегу Камбейского залива. Португальцы постоянно стремились захватить Даман, что им и удалось сделать в 1558—1559 гг.

Стр. 310. *...король Камбея... отдаст свой Диу...* — См. коммент. к с. 85.

...те разобьют... армаду... — В этой строфе рассказывается о деятельности Мартина Афонсу де Соузы, предшествующей его назначению губернатором Индии. В Индию де Соуза прибыл еще в 1534 г., а в 1537 г. началась война между Саморином и раджей Кочина, давним союзником португальцев. Из соображений престижа Саморину понадобился священный камень, находившийся на острове Репелин. Войска де Соузы покорили остров и привезли камень в Кочин. Тогда Саморин направил против португальцев мощную армаду под командованием корсара Патеманара. У мыса Кумари португальский флот под командованием де Соузы разгромил эту армаду.

Батикала — город на Малабарском берегу Индии, преданный безжалостному разграблению и разорению войсками де Соузы уже в бытность его губернатором Португальской Индии.

...из рук его сам Каштру принимает — Жуан де Каштру (1500—1548) — видный португальский писатель, государственный деятель и полководец, ученик Педру Нунеша и родственник Гарсии де Нороньи (см. коммент. к с. 309). В 1538 г. направился с Нороньей в Индию и написал «Указатель пути из Лиссабона в Гоа». Посетил Диу и написал «Указатель пути вдоль берегов Индии»; также его перу принадлежит «Указатель пути португальцев в Красном море». В 1545 г. был назначен губернатором, а в 1548-м — вице-королем Португальской Индии.

...и в Диу... он примет бой... — В 1546 г. началась вторая блокада Диу, который осаждала турецкая эскадра, а также ливанцы, персы и объединенные силы индийцев.

В общей сложности Диу осаждало сорокатысячное войско.

Стр. 312. *...уже к твердыне Каштру спешают...* — На начальном этапе Диу защищал португальский гарнизон, состоящий из двухсот пятидесяти человек. Командовал им комендант острова Жуан де Машкареньяш. Вскоре Жуан де Каштру прислал на помощь осажденным еще двести че-

ловек. Но у португальцев подходил к концу порох. Тогда Каштру послал в Диу резервы под командованием своих сыновей.

Фернанду де Каштру (1528—1546) — сын Жуана де Каштру. Прибыл на помощь осажденному Диу с девятью парусными судами и отрядом из тринадцати тысяч человек. Погиб 10 августа 1546 г., когда осаждающим удалось взорвать один из бастионов крепости.

Алвару де Каштру прибыл в Диу после гибели брата с небольшим подкреплением. Прибыл он по морю, борясь с тяжелыми погодными условиями.

...отец готовит за сынов отмщенье... — 17 октября 1546 г. к Диу подошел флот под командованием Жуана де Каштру. Этому флоту удалось снять блокаду острова.

Стр. 313. *...Толпы устрашив четвероногих...* — Слово «четвероногие» (*quadripedantes*) восходит к Вергилию («Энеида», кн. VII, 596, и кн. XI, 614), называвшему так лошадей. По мнению комментаторов, Камознс называет четвероногими боевых слонов, которых было много в войсках правителя Камбея.

...и скоро Идальхана каре строгой... — Идальханами (от «Адиль-хан» — справедливый государь) португальские хронисты эпохи Возрождения называют представителей мусульманской династии князей Биджапура. Жуан де Каштру подверг разрушению принадлежащий Идальхану город Дабул, так как Идальхан вскоре после битвы при Диу атаковал португальскую крепость Салсете.

Стр. 314. *...прозрачный глобус средь небес явился...* — Некоторые португальские исследователи считают, что образ прозрачного глобуса возник у Камознса под влиянием картины Тициана «Аллегория в честь маркиза де Авалоса», изображающей рыцаря в доспехах и молодую даму, держащую на коленях прозрачный глобус, в окружении Купидона и нимф (см.: *M o u r a V a s c o G r a ç a*. Luis de Camões. *Alguns Desafios*. Lisboa, Editorial Vega, 1979, p. 123).

Здесь и далее Камознс дает картину устройства мира, восходящую к геоцентрическим представлениям Птолемея. Похожую модель мира дает и Данте в «Раю». Геоцентрические теории должны были быть знакомы Камознсу по «Трактату о сфере» английского астронома Джона Холливида, более известного по латинизированному варианту своего имени — Иоганнес Сакробоско. Этот трактат был опубликован в Португалии в 1537 г. в переводе придворного космографа Педру Нунеша.

...то вниз спешил, то в вышину взмывал он... — Мы приводим буквальный перевод слов Камознса, но современные исследователи считают, что он в соответствии с теорией Птолемея не допускал вращения Земли, а имел в виду движение сфер глобус вокруг мировой оси при сохранении неподвижности центра — то есть Земли. Глобус мыслится им как состоящий из концентрических окружностей (орбит, небес, или сфер). Вокруг Земли расположены одиннадцать сфер, первая — Луны, вторая — Меркурия, третья — Венеры, четвертая — Солнца, пятая — Марса, шестая — Юпитера, седьмая — Сатурна, восьмая — неподвижных звезд, девятая — кристалльная, десятая — Перводвигателя, одиннадцатая — неподвижного Эмпирея. В отличие от Камознса, Данте построил свое мироздание из девяти небес: кристалльное и Перводвигателя он объединил в одно, а Эмпирей особым «небом» не считал. «Девять духовных чинов, совершающих вращение со всевозрастающей быстротой, — писал И. Н. Голенищев-Кутузов, — являются по существу своему «идеями» неоплатоников, приспособленными к терминам христианской мифологии. Они приводят в движение соответственно восемь небес; девятое (Перводвигатель) сообщает движение всем остальным и обладает предельной скоростью, то есть скоростью света, стремясь достигнуть предельной неподвижности Эмпирея. Неподвижность и самое стремительное движение, таким образом, как бы сливаются, не сливаясь» (Г о л е н и щ е в - К у т у з о в И. Н. Данте. М., Молодая гвардия, 1967, с. 271). И. Н. Голенищев-Кутузов считал, что эта система мироздания восходит к неоплатонику Псевдо-Дионисию Ареопагиту и его сочинению «О небесной иерархии».

...как Архетип... — Термин «Архетип» восходит здесь к Платону и подразумевает идею о земном мире, существовавшую еще до его сотворения. Мир, видимый Гамой, является воплощением этой идеи.

Стр. 315. Вечные элементы, или стихии, по Эмпедоклу, — огонь, вода, воздух, земля, эфир, по Аристотелю, — пятый физический элемент, из которого состоят небесные тела.

Эмпирей (или чистое небо) у Камознса — сверкающая огненная река, обитель праведных душ, находящаяся над Перводвигателем и обладающая неподвижностью.

...только в Эмпирее... еще остались истинные боги... — Истинными богами Камознс здесь называет праведников.

Стр. 316. ...таится Перводвигатель... — О движении Пер-

водвигателя см. коммент. к с. 314. Перводвигатель получает толчок к движению, благодаря стремлению прочих небес соприкоснуться с Эмпиреем.

...за двести оборотов Аполлона один лишь шаг свершает принужденно... — По мысли Камознса, кристалльное небо вращается настолько медленно, что за двести лет (двести оборотов солнца) продвигается вперед на один градус (один шаг).

Двенадцать престолов — двенадцать знаков Зодиака; в каждом из созвездий Зодиака солнце пребывает около месяца, поэтому они сравниваются поэтом с престолами.

Стр. 317. *Каррета и Цинозура* — старые названия созвездий Большой и Малой Медведиц.

...Орион... *хмурый*... — Во времена Камознса считалось, что созвездие Орион является причиной дождя и бури.

...к Цефею Андромеда *припадает*... — Созвездие Цефей названо в честь мифического эфиопского царя, отца красавицы Андромеды, спасенной от чудовища легендарным героем Персеєм. По древнегреческим мифам, Андромеда тоже была перенесена на небо в качестве созвездия.

Дракон, Кассиопея, Большой и Малый Псы — названия созвездий.

...под сферой звезд *Сатурн*... за ним *Юпитер*... — О расположении небесных сфер у Камознса см. коммент. к с. 314.

...небесным глазом Камознс называет солнце.

...*трехликая Диана*... — В Древнем Риме Диана считалась богиней охоты и Луны. В культуре Дианы имелись черты, близкие к культу Гекаты, богини волшебства, ночных кошмаров, повелительницы теней, Геката в античном искусстве изображалась трехголовой, а иногда и шестирукой. Кроме того, Камознс может называть Диану трехликой, имея в виду три фазы луны.

Стр. 318. ...*враждебный мыс* — Мыс Доброй Надежды.

Беномотапа (Мономотапа) — царь государства, расположенного в Южной Африке; точные границы его неизвестны.

Гонсалу де Силвейра (20-е годы XVI в. — 1561) — португальский миссионер-иезуит. В 1556 г. отправился в Португальскую Индию, а оттуда направился к землям Монопоталпы. Прибыв туда в 1560 г., крестил короля и около пятисот его вассалов. Но вскоре, подстрекаемый арабами, Мономотапа приказал его убить как колдуна.

Куама — древнее название Замбези. Во времена Ка-

моэнса ошибочно считалось, что Замбези и Нил берут истоки в одном и том же озере.

Няя Перу де — испанец, находившийся на португальской службе. В 1505 г. защитил построенную им в Софале крепость от нападения пяти тысяч африканцев.

Стр. 319. ...*Криштован твой на турок ополчится*... — О судьбе Криштована да Гамы, сына Васко да Гамы, см. коммент. к с. 309.

Древнее название мыса *Гвардафуй*, находящегося на территории теперешнего государства Сомали, — *Аромата*.

...*близ вод, что пурпуром богаты*... — Во времена Камоэнса считалось, что воды Красного моря обязаны своим цветом находящимся на дне красным кораллам, теперь считается, что этот цвет происходит от обитающих в Красном море микроскопических животных.

О *Суэце* см. коммент. к с. 269.

...*гробницу святой Екатерины*... — Церковная легенда утверждает, что Екатерина Александрийская погибла в 307 г., отстаивая свои религиозные убеждения. В VIII в. ее мощи были перенесены в монастырь, расположенный на горе Синае.

...*пролив, что освежает жаркий Аден* — Баб-эль-Мандебский пролив.

Стр. 320. ...*просторы трех Аравий*... — Относительно трех Аравий см. коммент. к с. 155.

Мыс Эль-Хадд — самый восточный мыс Аравийского полуострова.

Кашителу Бранку Педру де — комендант португальского гарнизона в Ормузе, разбивший в 1541 г. объединенный флот турок, арабов и персов.

Мосандон — мыс, отделяющий Ормузский пролив от Персидского залива.

...с *Евфратом Тигр соединился*... — Тигр и Евфрат сливаются в реке Шат-эль-Араб, впадающей в Персидский залив.

Стр. 321. *Педро де Соуза* был военным комендантом Ормуза в 1563—1566 гг., а *Филипе де Менезеш* — в 1566 г., при этом им постоянно приходилось отбивать атаки персов.

Мыс Джаск находится близ Ормузского пролива; древнее название этого мыса — *Карпела*.

Кермания — область вокруг Кермана, города, находящегося на юго-востоке Ирана.

Об истоках *Инда* и *Ганга* см. коммент. к с. 158.

Кач — залив Гуджаратского побережья Аравийского моря.

...встает вода полуденного моря... — Камознс описывает явление природы, иногда называемое «поророка», когда речное течение сталкивается с морским приливом и громадная волна идет от устья вверх по реке.

О *Тапробане* см. коммент. к с. 45.

Стр. 322. О *Нарсинге* см. коммент. к с. 225.

Фома, прозванный Неверным (то есть неверующим), — согласно Библии, один из учеников Христа, не поверивший в его воскресение. Христос предлагал Фоме вложить пальцы в его раны, чтобы уверовать в подлинность его воскресения (см. Евангелие от Иоанна, XX, 24—29).

...в городе богатом *Малипуре*... — Город Малипур, иначе Сан-Томе, находится на Кромандельском берегу Индии, к югу от Мадраса. Раньше он отстоял относительно далеко от моря. Существует легенда о путешествии апостола Фомы в Индию. В районе Малабара есть так называемые христиане апостола Фомы, или фомисты, потомки христиан, переселившихся в Индию из Византии в VI—VII вв. Община фомистов была и на Малабарском берегу Индии. Григорий Назианзин и Григорий Великий говорили о проповеди Фомы в Индии. В Малипуре Фома пострадал за обращение в христианство жены правителя Тертианы и ее сестры Магдоны. Камознс излагает деяния апостола Фомы по книге Жуана де Барруша «Декады» и по «Часослову короля дона Мануэла».

Стр. 324. *Соль земли* — реминисценция из Евангелия от Матфея; Иисус Христос во время Нагорной проповеди сказал ее слушателям: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям» (Евангелие от Матфея, V, 13).

Стр. 325. ...*залив* — Бенгальский залив.

Орисса — древнее королевство, теперь штат в Индии, находящийся вблизи Бенгальского залива.

Читтагонг — город в устье Брахмапутры.

Пегу — древнее государство на территории теперешней Бирмы. Существует легенда, что когда-то у берегов Пегу потерпел крушение китайский корабль, при этом спаслись только женщина и собака, и их потомство заселило Пегу.

Тавой — город, находящийся на территории Бирмы.

Стр. 326. ...*Суматру от Малакки отделили*... — Действительно, возможно, что Суматра была когда-то частью материка.

Малакку мнили многие Офиром. — Древние называли Малакку Золотым Херсонесом (полуостровом). Офир — золотonosный район, упоминаемый в Библии; царь Соломон посылал в Офир своих людей за золотом, необходимым для строительства храма. Точное местоположение Офира неизвестно.

...на свет Цинозуры (Большой Медведицы) — на север, к Авроре — на восток.

Лаосцы, авы — сыновья природы... — На территории Лаоса проживают народы различных этнических групп — тайской, монокхмерской и мяо-яо. Авы — одно из бирманских племен.

Стр. 327. *...омоет это тихое течение...* — Весной 1560 г. (а по иным источникам — в 1558 г.) Камознс покинул Макао, где исполнял должность попечителя имущества умерших и отсутствующих, и направился в Гоа, куда был вызван по вопросу о своих долговых обязательствах. Но в устье Меконга корабль, на котором плыл поэт, потерпел крушение. При этом Камознс сумел спасти рукопись «Лузиада», но погибла его возлюбленная — китаянка Динамене, которой посвящены многие сонеты поэта. Когда поэт наконец прибыл в Гоа, то попал под следствие и находился в заключении по неустановленным причинам.

Кохингина — старое название Южного Вьетнама.

Хайнань — остров между заливом Бакбо (Тонкинским) и Южно-Китайским морем.

Полночный пояс — Северный полярный круг.

...взор обрати к стене... — Строительство Великой Китайской стены началось в III в. до н. э., когда при императоре Цинь Ши-хуанди (259—210 гг. до н. э.) были соединены стены северных царств, чтобы защитить Китай от набегов монгольских кочевников.

...тут сам народ владыку избирает... — Камознс ошибочно полагал, что в Китае императора выбирали.

...серебром... Япония известна... — Возможно, что в XVI в. в Японии еще были залежи серебра.

Стр. 328. *Тернат* — один из островов Молуккского архипелага. На этом острове расположен вулкан.

...и рая их небесного лишает... — Речь идет о так называемых райских птицах. Легенды гласили, что у них нет лапок, и поэтому они все время проводят в полете, пока не умрут.

...средь алого цветенья ореха... — Мускатный орех цветет красными цветами.

Борнео — старое название острова Калимантан, самого большого из Зондских островов.

Зонд — старое название острова Ява; при Камознсе европейские путешественники еще не обследовали южную часть острова.

Смола — бензойная смола.

Мирра. — См. коммент. к с. 277. По древнегреческой легенде, она была превращена богами в дерево, дающее благовонную смолу — мирру.

...вулкан огромный... — На острове Суматра действительно есть вулкан.

Стр. 329. *...возносится могучая вершина...* — Имеется в виду так называемый пик Адама, гора высотой 2262 м. Один из зубцов этой горы напоминает гигантский след ноги человека. Мусульмане считают его следом ноги Адама, шагнувшего якобы с этой горы на небо, индуисты — Шивы, а буддисты — Будды.

...чудесный плод взрастает средь пучины... — Имеется в виду так называемый морской кокосовый орех, которому раньше приписывали целебные свойства.

Ароматная масса — серая амбра, ароматическое вещество, получаемое из спермы китов, плавающей на поверхности воды или откладывающейся на берегу.

...земля Лаврентия благая... — Одно из названий Мадагаскара — остров Святого Лаврентия.

...Луза сын, обманутый жестоко... — Речь идет о Фернанде де Магеллане (1480—1521), португальском мореплавателе, участнике экспедиции Ф. де Алмейды, служившем в Софале, Индии и на Малакке. Поскольку его деятельность не встретила признания со стороны португальского короля Мануэла, то Магеллан предложил свои услуги испанскому королю Карлу V и принял испанское подданство. В 1519 г. начал первое кругосветное путешествие. В 1520 г., обогнув Южную Америку, открыл Магелланов пролив, вышел в Тихий океан и достиг Филиппинских островов, где был убит в схватке с туземцами.

Край великий и богатый — Америка.

Стр. 330. *...то Санта-Круж...* — Речь идет о Бразилии, открытой в 1500 г. флотом под командованием Педру Алвареша Кабрала. Первоначально Бразилии было дано название Санта-Круж (святой крест). Бразилия славится красным сандалом (фернамбуком).

...племя смуглых великанов... — Высоким ростом отличались обитатели Патагонии. *Пролив, что примет имя Ма-*

геллана. — Магелланов пролив соединяет Тихий и Атлантический океаны.

...подав... руки своим... супругам... — Возвращение мореплавателей в Португалию вместе с nereидами должно символизировать их союз с морем.

Стр. 331. *...ему немало титулов везли...* — До плавания Васко да Гамы португальский король именовался: «Король Португалии и Алгарве, расположенного по обоим берегам моря, и Господин Гвинеи в Африке». По возвращении Васко да Гамы король Мануэл прибавил к своему наименованию титулы: «Господин завоевания, мореплавания и торговли в Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

В этой строфе заканчивается повествование, начатое в 18-й строфе I песни, и Камознс переходит к заключению.

Стр. 333. *Когда-то Формион самовлюбленный...* — Цицерон упоминает о философе — перипатетике Формионе Эфесском, который в течение нескольких часов рассуждал перед Ганнибалом «об обязанностях полководца и вообще о военном деле. Прочие слушатели были в восторге от чтения и спрашивали Ганнибала, какого он мнения об этом философе. На это карфагенец не особенно изящным греческим языком, но зато вполне откровенно отвечал, что видывал он много сумасшедших стариков, но такого сумасшедшего, как Формион, не встречал ни разу» (Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II, 18. — В кн.: Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., Наука, 1972, с. 145).

...подобно... Медузе... на гордого Атланта. — Относительно Медузы и Атланта см. коммент. к с. 122.

Тарудант — город в Марокко. Камознс приводит столько географических названий, связанных с Марокко, потому что король Себастиан, к которому поэт обращается в заключении поэмы, в течение ряда лет обосновывал необходимость португальской колониальной экспансии в Марокко. В 1578 г. король Себастиан пропал без вести в битве при Алкасер-Кибире, на марокканской земле. Поскольку наследников он не оставил, то в 1580 г. Португалия потеряла государственную независимость, попав под власть Испании.

...раз Александр в вас новый воскресает... — Об отношении Александра Македонского к поэзии Гомера, воспевающей подвиги Ахилла, см. коммент. к с. 192.

СОНЕТЫ

Стр. 340. *Эвклея* — одно из имен Дианы — Артемиды.

Стр. 344. *Божок незрячий* — Амур, бог любви, которого представляли слепым.

Стр. 349. *Сеньора милосердная, молю...* — В сонете содержится намек на любовь поэта к некоей знатной даме, как полагают некоторые комментаторы — к инфанте доне Марии.

Стр. 350. *Геракла сын был грозен и силен...* — В этом сонете Камознс сравнивает состояние влюбленного с состоянием сына Геракла Телефа, одного из персонажей троянского эпического цикла. Телеф, раненный копьем Ахилла, получил от оракула предсказание, что его незаживающая рана может быть исцелена только тем, кто ее нанес, и оружием, которым она была нанесена...

...Фетида искупала // В бездонном Стиксе... — Мать Ахилла, богиня Фетида, после рождения сына искупала его в водах Стикса — реки подземного царства, что даровало Ахиллу неуязвимость.

Стр. 351. *...летит, сорвавшись к центру мирозданья...* — то есть к Земле по птолемеевской концепции строения вселенной.

Стр. 353—354. *Терциана* — анаграмма имени Катарина. Сонет, по-видимому, посвящен Катарине де Атаиде.

Стр. 355. *...чем в сети мужа угодить...* — Имеется в виду античный миф о том, как Вулкан поймал в сети свою супругу Венеру и ее любовника Марса.

Стр. 358. *...огонь, на восковом дремавший ложе...* — В сонете описывается тот же случай из придворной жизни, что и в редондильях, посвященных доне Гиомар де Бласфе.

...в удвоенном порыве... — Имеется в виду, что огонь соединился с жаром страсти.

...по прихоти природы, в грубой ткани... — Сонет, возможно, посвящен одной из пяти дочерей Франсишку де Нороньи и Виоланте де Андраде.

Стр. 364. *...любовь — огонь, пылающий без дыма...* — Один из самых петраркистских сонетов Камознса, целиком построенный на сопряжении контрастных образов.

Стр. 365. *...когда на середину небосклона...* — Здесь поэт хочет сказать, что солнце — «пастырь» — стояло в зените, то есть был полдень. *Натерсия* — Катарина де Атаиде, придворная дама, в которую якобы был влюблен поэт (Натерсия — анаграмма имени Катерины или Катарины).

Стр. 366—367. *Прекрасная фиалка, что томится...* — Сонет построен на созвучии имен Виоланте де Андраде, супруги Франсишку де Норонья, графа де Линьяреша, семью которого хорошо знал Камознс, и названия цветка фиалки (по-португальски *violeta*). Португальский литературовед Ж.-Э. Сарайва предполагает, что фиалкой поэт называет Жуану Норонья де Менезеш, дочь Виоланте.

Стр. 371. *Арахна*, согласно древнеримскому мифу, пыталась соревноваться с Афиной Палладой в ткаческом искусстве, за что была наказана: разгневанная богиня превратила ее в паука.

Стр. 376. *Дидона, вся в слезах, перебирала...* — Сонет на сюжет, заимствованный у Вергилия («Энеида», кн. I, гл. 4).

Тщеславность ум Летеи помutilа... — Летея, жена Олена, возомнила себя прекраснее всех олимпийских богинь, в наказание за что была обращена в скалу. Камознс, по-видимому, заимствовал этот сюжет из «Метаморфоз» Овидия.

Стр. 377. *...огнем ведомый против волн и шквала...* — Сонет на очень популярный у поэтов Возрождения и барокко мифологический сюжет о Геро и Леандре. Камознс в его трактовке следует, скорее всего, за испанским поэтом Хуаном Босканом (1487/92? — 1542), перу которого принадлежит поэма «Геро и Леандр».

Стр. 382. *...влюбленный в нимфу, сколько слез и мук...* — Сонет, составляющий со следующим за ним сонетом («Прокрида, уличенная в испуге...») своего рода диптих, воссоздающий обработанную Овидием в «Метаморфозах» античную легенду о Кефале и Прокриде. Кефал, прекрасный охотник, возлюбленный богини зари Эос — Авроры, желая испытать верность своей жены Прокриды, уехал из дома и, вернувшись до срока, под видом чужеземца подарками склонил Прокриду к измене. Уличенная Прокрида бежала на остров Крит, где стала спутницей богини охоты Артемиды. В конце концов супруги мирятся, но Кефал случайно убивает Прокриду во время охоты, когда та следила за ним, подозревая его самого в измене.

Стр. 384. *Мондегу* — река, на берегах которой расположен г. Коимбра, а также поместье Франсишко де Норонья.

Стр. 397. *Семь лет Иаков пас овец Лавана...* — Сюжет сонета подсказан историей из ветхозаветной Книги Бытия (гл. 29).

Стр. 398. *Ипполит* — герой античного мифа, отвергший любовь своей мачехи Федры; был изгнан в результате ее интриг из отчего дома и погиб.

...*Отразился в нем ясный Феб*. — По мысли Камозэнса, Луна, богиней которой в римской мифологии считалась Диана, не имеет собственного света, а только отражает свет солнца, богом которого римляне считали Феба — Аполлона.

Стр. 401. *...лишь только струны Аполлон сотряс...* — Сонет, содержащий элементы автопародии и, в более широком плане, пародии на петраркизм. Девять муз — Каллиопа, Эвтерпа, Эрата, Мельпомена, Талия, Терпсихора, Клио, Урания, Полигимния.

Стр. 414. *Фортуне ненавистна тишина...* — Сонет написан, по-видимому, в Индии и представляет собой ответ на хвалебное послание, полученное с Родины.

Стр. 415. *Я мало жил. Был горек каждый час...* — Сонет-эпитафия другу Камозэнса, погибшему в морском сражении на Красном море.

...таких созвучий, полных красоты... — Сонет — ответ на сонет неизвестного поэта (предположительно Жуана Лопеша Лейтана), в котором восхвалялись поэтический дар и творения Камозэнса.

Иппокрены ключ. — Здесь: источник вдохновения. Мантия — родина Вергилия.

Стр. 417. *Кто, Порция, твою направил руку...* — Воображаемый диалог между поэтом и Порцией, женой римского политического деятеля Марка Юлия Брута (86—42 гг. до н. э.), которая, узнав о смерти мужа, покончила с собой, проглотив раскаленные угли.

Стр. 423. *«Здесь, в этом Вавилоне, где не счесть...»* — Сонет написан в Индии. Поэт сравнивает свое пребывание на чужбине с вавилонским пленением иудеев.

«Я вспоминал на берегу Евфрата...» — Как и предыдущий, этот сонет написан в Индии под влиянием 136-го псалма.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ольга Овчаренко. Луис Ваз де Камознс — поэт португальского народа . . . . .</i>	<i>7</i>
--	----------

ЛУЗИАДЫ

Перевод Ольги Овчаренко

<i>Песнь первая . . . . .</i>	<i>45</i>
<i>Песнь вторая . . . . .</i>	<i>73</i>
<i>Песнь третья . . . . .</i>	<i>103</i>
<i>Песнь четвертая . . . . .</i>	<i>140</i>
<i>Песнь пятая . . . . .</i>	<i>168</i>
<i>Песнь шестая . . . . .</i>	<i>194</i>
<i>Песнь седьмая . . . . .</i>	<i>220</i>
<i>Песнь восьмая . . . . .</i>	<i>244</i>
<i>Песнь девятая . . . . .</i>	<i>269</i>
<i>Песнь десятая . . . . .</i>	<i>294</i>

СОНЕТЫ

<i>«Порой Судьба надежду мне дает...» Перевод В. Левика . . . . .</i>	<i>337</i>
<i>«Возьми, о лира, самый нежный лад...» Перевод В. Резниченко . . . . .</i>	<i>337</i>
<i>«Когда, дымясь, вода воспламенится...» Перевод В. Левика . . . . .</i>	<i>338</i>
<i>«Амур вписал мне в сердце женский лик...» Перевод В. Левика . . . . .</i>	<i>338</i>
<i>«Неужто я неровня Вам, и мне...» Перевод В. Резниченко . . . . .</i>	<i>339</i>
<i>«Заря во взгляде Вашем зажжена...» Перевод В. Резниченко . . . . .</i>	<i>339</i>
<i>«Верните все, в чем Ваше торжество...» Перевод В. Левика . . . . .</i>	<i>340</i>
<i>«Неужто в Вас влюбиться — тяжкий грех?...» Перевод В. Резниченко . . . . .</i>	<i>340</i>
<i>«Амур судил сурово — нету спора...» Перевод В. Игельницкой . . . . .</i>	<i>342</i>

«Кто хочет жить любовью совершенной...» Перевод В. Левика .	342
«Простого счастья видеть Вас не боле...» Перевод В. Игель- ницкой	343
«Сиянье Ваших глаз, моя сеньора...» Перевод В. Левика . . .	343
«Сеньора, Вы пленили всех, иначе...» Перевод В. Резниченко .	344
«Очей небесных чистое свеченье...» Перевод В. Игельницкой . .	344
«Сеньора, вся душа моя больна...» Перевод В. Игельницкой .	345
«Вознесешюся зрю любовь мою...» Перевод Е. Витковского . .	345
«Ликуй, моя мечта, и воспари!...» Перевод В. Игельницкой . . .	346
«Когда, улыбкой, звуком нежных слов...» Перевод В. Левика .	346
«Кто чужд любви — о ней превратно судит...» Перевод В. Рез- ниченко	347
«Я был дитя, когда пустила всходы...» Перевод В. Резниченко .	347
«Я до безумия дошел такого...» Перевод В. Резниченко	348
«Сверкающие золотые нити...» Перевод В. Резниченко	348
«Сеньора милосердная, молю...» Перевод Ольги Овчаренко . .	349
«Сеньора, если за печаль и страсть...» Перевод В. Резниченко .	349
«Геракла сын был грозен и силен...» Перевод В. Левика	350
«Стоически, в тревогах тяжких дней...» Перевод В. Левика . .	350
«Мечтает Страсть о встрече, дона, с Вами...» Перевод В. Леви- ка	351
«Я бросил щит, едва был начат спор...» Перевод В. Левика . . .	351
«Колокола сзывали в божий храм...» Перевод В. Левика	352
«Однажды нимфа Силвия по чаще...» Перевод В. Резниченко .	352
«Младому пастуху в часы заката...» Перевод Ольги Овчаренко	354
«О, как, томясь в страданиях бесконечных...» Перевод Ольги Овчаренко	354
«Латоны вещей сын, чьим светом мгла...» Перевод В. Рез- ниченко	355
«Едва лишь Феб уснувшие вершины...» Перевод Ольги Овча- ренко	355
«Когда любимый изменил, солгал...» Перевод В. Резниченко . .	356
«Вновь Далиана, взяв веретено...» Перевод В. Резниченко . . .	356
«Она прекрасней херувимов рая...» Перевод В. Левика	357
«Когда я пел в своем отдохновенье...» Перевод Инны Тыняновой	357
«Огонь, на восковом дремавший ложе...» Перевод В. Резниченко	358
«По прихоти природы, в грубой ткани...» Перевод В. Резни- ченко	358
«Так поражает облик Ваш, Кибела...» Перевод В. Левика	359
«Наяды, обитательницы вод...» Перевод В. Левика	359
«Щегол влюбленный, нежный и беспечный...» Перевод М. Та- лова	360
«О Низе, в горы не спеши со стадом...» Перевод Ольги Овча- ренко	360

«В очах, в осанке — сладостный покой...» Перевод В. Левика .	361
«Печальный взгляд, исполненный участия...» Перевод Ольги Овчаренко	361
«Сеньора, в чем причина Ваших чар...» Перевод В. Резниченко 362	
«Природа, в колдовском смешав сосуде...» Перевод В. Резниченко	362
«Когда богинь Природа создавала...» Перевод В. Левика	363
«Мы чтим Паллады ум, Дианы честь...» Перевод В. Резниченко 363	
«Любовь — огонь, пылающий без дыма...» Перевод В. Левика .	364
«Ждет смерть меня; дано бессмертье строкам...» Перевод В. Резниченко	364
«Зной истомил зверей, жесток и жгуч...» Перевод В. Резниченко	365
«Когда на середину небосклона...» Перевод В. Резниченко . . .	365
«Ты эту ленту мне дала в залог...» Перевод В. Резниченко . . .	366
«Прекрасная фиалка, что томится...» Перевод Ольги Овчаренко	366
«В тот сад, где зелень пышно расцвела...» Перевод В. Левика .	368
«Владычица, подайте мне устав...» Перевод Е. Витковского . .	368
«Любовь моя! Охваченный тоской...» Перевод Н. Белова	369
«Когда б Вы испытали состраданье...» Перевод В. Левика . . .	369
«Ужели, нимфа, ты пренебреженьем...» Перевод Н. Белова . .	370
«Сражений гром, кровавая вражда...» Перевод В. Резниченко .	370
«С бедой моей нет никакого сладу...» Перевод В. Резниченко .	371
«Как разгадать судьбы моей секрет...» Перевод Н. Белова . . .	371
«Когда мое страданье — искупленье...» Перевод В. Левика .	372
«О, если бы надеяться я мог...» Перевод Н. Белова	372
«Доколе будешь ты, жестокий Рок...» Перевод Н. Белова	373
«Коль искренности чистая слеза...» Перевод Н. Белова	373
«Та женщина никак не насладится...» Перевод В. Игельницкой 374	
«Хоть время день за днем, за часом час...» Перевод В. Резниченко	374
«Сияют негой юные черты...» Перевод Ольги Овчаренко	375
«В себе сплели Вы все цветы весны...» Перевод В. Левика . .	375
«Дидона, вся в слезах, перебирала...» Перевод В. Левика	376
«Тщеславность ум Летеи помутила...» Перевод В. Левика	376
«Огнем ведомый против волн и шквала...» Перевод В. Левика .	377
«Мой страдный путь надежда вдохновляет...» Перевод Ольги Овчаренко	377
«Кто знал меня, уверены, что вскоре...» Перевод В. Резниченко 378	
«Твоих сетей, Амур, я опасуюсь...» Перевод Ольги Овчаренко .	378
«Амур, никак тебя я не пойму...» Перевод Е. Витковского . . .	379
«Я понимал, сеньора, несомненно...» Перевод В. Игельницкой .	379
«Наяду — ту, чей образ сердцу люб...» Перевод В. Резниченко .	380

«Я за обман Вас строго не сужу...»	Перевод В. Резниченко . . .	380
«Ваш ясный, нежный, Ваш прекрасный взор...»	Перевод В. Левика	381
«Любовь, меня питающая ядом...»	Перевод В. Резниченко . .	381
«Помыслить мог ли я, любовь моя...»	Перевод В. Игельницкой	382
«Влюбленный в нимфу, сколько слез и мук...»	Перевод В. Резниченко	382
«Прокрида, уличенная, в испуге...»	Перевод В. Резниченко . .	383
«Как лебедь умирающий поет...»	Перевод В. Левика	383
«Мондего тихий, ясная вода...»	Перевод В. Левика	384
«Итак, судьбы узнал я благодать!..»	Перевод В. Левика	384
«Уже Аврора кудри распустила...»	Перевод В. Резниченко . . .	385
«Не верь обману, клятвопреступленью!..»	Перевод В. Левика .	385
«О Жизнь моя! От света Ваших глаз...»	Перевод В. Левика . . .	386
«Когда судьба мне испытанье шлет...»	Перевод В. Левика . .	386
«Ах, наш жестокий враг, что заставляет...»	Перевод Ольги Овчаренко	387
«Пускай враждебный Рок, моя сеньора...»	Перевод В. Левика .	387
«Когда лучей искрящийся хрусталь...»	Перевод В. Резниченко	388
«Рассталась Низе навсегда с Монтано...»	Перевод М. Талова	388
«Те очи светлые, что в час прощанья...»	Перевод Ольги Овчаренко	389
«Уж если я сумел перешагнуть...»	Перевод В. Резниченко . . .	389
«Душа моей души, ты на крылах...»	Перевод М. Талова	390
«Печали полный радостный рассвет...»	Перевод В. Резниченко	390
«Земля, вода, фонарь на челноке...»	Перевод В. Левика	391
«Ах, Динамене! Твой растаял след...»	Перевод В. Резниченко	391
«Как только ночь, сменяя день превратный...»	Перевод В. Левика	392
«Противница и друг! В твоих руках...»	Перевод М. Талова . . .	392
«Да сгинет день, в который я рожден!..»	Перевод В. Левика . .	393
«Быть запертым в позорную тюрьму...»	Перевод В. Резниченко	393
«Без усталости струится слез поток...»	Перевод В. Игельницкой .	394
«Кто, счастья невозвратного лишая...»	Перевод Ольги Овчаренко	394
«Как вспоминаю дней былых усладу...»	Перевод А. Бондаря . .	395
«Любовь, ошибки и враждебный рок...»	Перевод В. Левика . . .	395
«Несчастья, как ваш заговор жесток!..»	Перевод В. Левика . . .	396
«Душевная беседа с давних пор...»	Перевод В. Игельницкой . .	396
«Семь лет Иаков пас овец Лавана...»	Перевод В. Левика	397
«О яблоня, блеск твоего плода...»	Перевод В. Резниченко	397
«Была такая на душе отрада...»	Перевод В. Резниченко	398
«Хрустальный лик Дианы серебристой...»	Перевод Ольги Овчаренко	398

«Так бабочка, в восторге замирая...» Перевод В. Игельницкой . . .	399
«Как смерть в глаза выдавший мореход...» Перевод В. Левика . . .	399
«Воспоминание! О, как ты мне постыло...» Перевод В. Игель- ницкой	400
«Луга, леса в вечерней тишине...» Перевод В. Левика	400
«Как в юности все радовало взор!..» Перевод В. Игельницкой . . .	401
«Лишь только струны Аполлон сотряс...» Перевод В. Резни- ченко	401
«Любовь казалась сладкой мне когда-то...» Перевод В. Резни- ченко	402
«Туманный очерк синеватых гор...» Перевод В. Левика	402
«Блажен, чья жизнь лишь тем омрачена...» Перевод В. Левика . . .	403
«Зарею ли румянит мир весна...» Перевод В. Левика	403
«Я встарь Любовью жил. Я в те года...» Перевод В. Левика . . .	404
«Когда брожу я по лугам зеленым...» Перевод В. Левика	404
«Я воспевал минувшие года...» Перевод В. Левика	405
«Зачем Надежда лжет мне, как всегда...» Перевод В. Левика . . .	405
«То случай иль судьба — не все ль равно...» Перевод В. Ле- вика	406
«Исчезни, память о былом, дозвожь...» Перевод В. Резниченко . . .	406
«Воспоминанья горькие, вы снова...» Перевод В. Левика	408
«Те радости, что знал я, — слишком рано...» Перевод В. Левика . . .	408
«Умолкни, память о счастливых днях...» Перевод В. Резниченко . . .	409
«Я жил, земных не ведая страданий...» Перевод Ольги Овча- ренко	409
«Когда порой твержу: ищу забвенья...» Перевод А. Бондаря	410
«Кто отнял радость у меня былую...» Перевод В. Резниченко	410
«Надежды я лишен, но если вдруг...» Перевод В. Резниченко	411
«Любовь обычно Разум побеждала...» Перевод В. Левика	411
«Ужасная судьба! Жестокий рок...» Перевод В. Левика	412
«Над прожитыми днями размышляя...» Перевод В. Резниченко	412
«Чего еще желать? Я с юных дней...» Перевод В. Левика	413
«Блаженства прошлых дней, воспоминанья...» Перевод В. Ле- вика	413
«Амур, на мне истратив весь свой пыл...» Перевод В. Резни- ченко	414
«Фортуне ненавистна тишина...» Перевод В. Резниченко	414
«Я мало жил. Был горек каждый час...» Перевод В. Левика	415
«Таких созвучий, полных красоты...» Перевод В. Левика	415
«Что, Смерть, уносишь ты?» — «Улыбку мая...» Перевод М. Та- лова	416
«Гляжу: босой, без шляпы Аполлон...» Перевод В. Игель- ницкой	416
«Чиста и целомудренна, она...» Перевод В. Резниченко	417

«— Кто, Порция, твою направил руку...» Перевод В. Резни- ченко	417
«В отчаянье увидела Кибела...» Перевод В. Игельницкой	418
«Меняются и время и мечты...» Перевод В. Левика	418
«Мучительно за годом год идет...» Перевод В. Левика	419
«Надежда встарь питала песнь мою...» Перевод В. Левика . .	419
«Воображенье! — средь пустых забот...» Перевод В. Левика . .	420
«В отчаянье глубоко пребывала...» Перевод В. Левика	420
«Ни кознями, ни сотней разных бед...» Перевод В. Левика . . .	422
«Кто любит — побуждаемый мечтой...» Перевод В. Левика . . .	422
«Смерть разрубает жизни узелок...» Перевод В. Игельницкой .	423
«Здесь, в этом Вавилоне, где не счесть...» Перевод В. Игель- ницкой	423
«Я вспоминал на берегу Евфрата...» Перевод В. Игельницкой	424
«О вы, кто честным изменил дорогам...» Перевод В. Левика . .	424
«Дожди с небес, потоки с гор мутят...» Перевод В. Левика . .	425
«Имея ум, любовь, заслуги, честь...» Перевод В. Резниченко .	425
«Пустые грезы, ничего не знача...» Перевод В. Резниченко . . .	426
Комментарии	427

- Камознс Л. де**
К18 Лузиады; Сонеты. Пер. с португ./Редкол.:
Н. Балашов, Ю. Випшер, К. Долгов и др.; Вступ.
статья и коммент. О. Овчаренко; Сост. раздела
«Сонеты» Е. Голубевой, И. Хохловой; Худож.
Л. Ильина. — М.: Худож. лит., 1988. — 503 с.
(Библиотека литературы эпохи Возрождения).
ISBN 5-280-00845-1

Поэма Луиса де Камознса «Лузиады» — национальная эпопея Португалии, великий вклад в мировую культуру, высоко оцененный лучшими умами человечества: Пушкиным, Вольтером, Монтеस्कье, Гюго, Байроном, Сервантесом, Гумбольдтом.

Неповторимый певец своей страны, Камознс обрел мировую славу и как автор сонетов, представленных в этом томе.

К 4703000000-369 196-87
028(01)-88

ББК 84. 4Пр

ЛУИС ДЕ КАМОЭНС

Лузиады

Сонеты

Составители
раздела «Сонеты»:
Елена Георгиевна Голубева,
Ирина Александровна Хохлова

Редактор *А. Минин*
Художественный редактор *Л. Калитовская*
Технический редактор *Л. Платонова*
Корректор *Г. Асланянц*

ИБ № 4150

Слано в набор 05.01.87. Подписано в печать 29.01.88. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Эксельсиор».
Усл. печ. л. 26,46. Усл. кр.-отт. 53,45. Уч.-изд. л. 25,83. Заказ № 785.
Изд. № VII-1795. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.